Северо-Кавказский научный центр высшей школы
Актуальные проблемы современной науки

А.В. Сидоренков

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПОДГРУППЫ В МАЛОЙ ГРУППЕ

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Ростов-на-Дону
Издательство АПСН СКНЦ ВШ
2003

Рецензенты:

В.А. Лабунская – доктор психологических наук, профессор
О.Ю. Михайлова – доктор психологических наук, профессор
А.К. Белоусова – доктор психологических наук, профессор
В.А. Терехин – кандидат психологических наук, доцент

Сидоренков А.В.
С-34 Неформальные подгруппы в малой группе: социально-психологический анализ.– Ростов н/Д: АПСН СКНЦ ВШ, 2003. – 436 с.

ISBN 5-17872-167-1

Рассматриваются неформальные подгруппы как предмет исследования и единица анализа малой группы, представлена разработанная автором социально-психологическая концепция малой группы – микрогрупповая концепция. Ее раскрытие встроено в последовательный анализ существующих подходов к описанию группы и к изучению ее социально-психологических феноменов, имеющихся теорий малой группы, конкретных исследований неформальных подгрупп. Представлены результаты эмпирического исследования, проведенного с целью проверки некоторых положений концепции.

Для научных и практических работников в области социальной психологии и микросоциологии, а также студентов и аспирантов психологических, социологических факультетов высших учебных заведений.

ISBN 5-17872-167-1 ББК 88.5

© Сидоренков А.В., 2003
© АПСН СКНЦ ВШ, 2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ МАЛОЙ ГРУППЫ

ГЛАВА 1. ЗАРУБЕЖНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ГЛАВА 2. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. МАЛЫЕ ГРУППЫ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПОДГРУППЫ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

ГЛАВА 3. НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПОДГРУППЫ В МАЛОЙ ГРУППЕ
- 3.1. Причины слабого внимания к неформальным подгруппам
- 3.2. Существующие исследования неформальных подгрупп

ГЛАВА 4. АСПЕКТЫ АНАЛИЗА МАЛОЙ ГРУППЫ И НЕФОРМАЛЬНЫХ ПОДГРУПП
- 4.1. Параметрическое описание
- 4.2. Структурное и функциональное описание
- 4.3. Системный подход

ГЛАВА 5. ДВИЖУЩИЕ ПРИЧИНЫ И МЕХАНИЗМ ДИНАМИКИ МАЛОЙ ГРУППЫ И НЕФОРМАЛЬНЫХ ПОДГРУПП

ГЛАВА 6. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МАЛОЙ ГРУППЫ И НЕФОРМАЛЬНЫХ ПОДГРУПП
- 6.1. Интегративные характеристики
- 6.2. Конфликтные отношения
- 6.3. Высокий психологический статус личности, руководство
- 6.4. Социальное влияние
- 6.5. Адаптирующий потенциал

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ МАЛОЙ ГРУППЫ В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

ГЛАВА 7. ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕОРИИ И МИКРОГРУППОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ МАЛОЙ ГРУППЫ
- 7.1. Социометрическая теория
- 7.2. Теория социального сравнения
- 7.3. Теории социальной идентичности и самокатегоризации
- 7.4. Теория взаимозависимости

ГЛАВА 8. ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ТЕОРИИ И МИКРОГРУППОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ МАЛОЙ ГРУППЫ
- 8.1. Теория деятельностного опосредствования межличностных отношений

8.2. Параметрическая теория

ГЛАВА 9. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ МИКРОГРУППОВОЙ КОНЦЕПЦИИ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МАЛОЙ ГРУППЫ И НЕФОРМАЛЬНЫХ ПОДГРУПП

ГЛАВА 10. ОБЪЕКТ И ПРОЦЕДУРА ИССЛЕДОВАНИЯ

ГЛАВА 11. МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ
11.1. Определение неформальных подгрупп в малой группе
11.2. Изучение адаптирующего свойства малой группы и неформальных подгрупп
11.3. Исследование интегративных и дезинтегративных психологических характеристик малой группы и неформальных подгрупп
11.4. Диагностика психологического статуса и вклада личности, стиля межличностных отношений

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МАЛЫХ ГРУПП И НЕФОРМАЛЬНЫХ ПОДГРУПП В КОНТЕКСТЕ МИКРОГРУППОВОЙ КОНЦЕПЦИИ

ГЛАВА 12. НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПОДГРУППЫ В МАЛОЙ ГРУППЕ
12.1. Представленность неформальных подгрупп в малой группе
12.2. Параметры группы и неформальные подгруппы

ГЛАВА 13. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МАЛОЙ ГРУППЫ И ЕЕ СТРУКТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ
13.1. Мотивы объединения членов группы в неформальные подгруппы
13.2. Интегративные характеристики малой группы и неформальных подгрупп
13.2.1. Сплоченность
13.2.2. Идентификация
13.2.3. Согласованность действий
13.2.4. Референтность
13.3. Межличностные противоречия в социально-психологической структуре группы
13.4. Адаптирующее свойство малой группы и неформальных подгрупп

ГЛАВА 14. МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В МАЛОЙ ГРУППЕ И НЕФОРМАЛЬНЫХ ПОДГРУППАХ
14.1. Стиль межличностных отношений
14.2. Психологический статус и вклад личности

ГЛАВА 15. ИНТЕГРАЦИЯ И ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ В ДИНАМИКЕ
НЕФОРМАЛЬНЫХ ПОДГРУПП

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
ЛИТЕРАТУРА
ПРИЛОЖЕНИЕ

Посвящается памяти А.С. Горбатенко

ПРЕДИСЛОВИЕ

В социальной психологии область малых групп занимает одну из ключевых позиций по интересу к ним и количеству публикуемых работ, что обусловлено важной ролью групп в жизнедеятельности общества и конкретного человека. Понять и объяснить социальные процессы в обществе и поведение человека в группе, социальное влияние и эффективность совместной деятельности и др. не возможно не обратившись к самой малой группе.

В то же время интерес к данной области не является устойчивым. В зарубежной социальной психологии отмечен циклический подъем и спад интереса к малым группам. Выдвигаются различные точки зрения по поводу причин неустойчивой активности в изучении групп, среди которых: уровень социальной напряженности в обществе, разрозненность-интеграция накопленных знаний о малой группе в рамках социальной психологии и других научных дисциплин, устойчивость-трансформация основ социальной психологии, отсутствие-развитие новых теорий в социальной психологии. Среди причин чаще указывается на отсутствие новых теорий, позволяющих с иных позиций взглянуть на актуальные проблемы, как на ключевой фактор, тормозящий развитие социальной психологии малой группы. К примеру, разработка теории социальной идентичности дала новый мощный импульс для исследования групп в зарубежной психологии, вывела область малых групп из состояния застоя на новый виток их анализа и практического применения знаний в практике.

В отечественной социальной психологии за последние пятнадцать лет произошел существенный спад интереса к изучению малых групп, что выражается в резком снижении публикаций и отсутствии новых продуктивных идей. Причина этой ситуации, имеющей аналоги в зарубежной социальной психологии, должна изыскиваться прежде всего в теоретическом пространстве науки.

Теория деятельностного опосредствования межличностных отношений и параметрическая концепция, разработанные в 1970-х гг., в свое время инициировали большое количество исследований и явились значительным шагом вперед в понимании малой группы. Они предопределяли основную линию движения всей отечественной психологии малой группы. Однако в дальнейшем указанные теории не получили своего развития, в значительной мере исчерпали свой потенциал и оказались по своему содержанию не соответствующими в полной мере новой эпохе развития российского общества. Выход из сложившейся ситуации должен прокладываться на основе переосмысления всего накопленного опыта в изучении малых групп и разработки новых концепций.

В данной книге представлена новая социально-психологическая концепции малой группы – микрогрупповая концепция.

Идея создания подобной концепции была задумана А.С. Горбатенко, который умер в 2000 г., не успев вплотную приступить к ее реализации и даже дать название концепции. С его кончиной и сама эта идея могла умереть, даже не получив очертаний. Надо сказать, что она находилась в совершенно зачаточном состоянии и по ней была лишь одна публикация А.С. Горбатенко – тезисы объемом в две страницы по материалам конференции [53]. Мне была знакома эта идея, так как совместно с ним ее обсуждали, совместно готовили исследовательский метод и планировали эмпирическую часть работы. Кроме того, общий замысел концепции был близок мне по духу: я занимался рядом вопросов, связанных с неформальными подгруппами в малой группе, которые были созвучны этому замыслу.

Суть предлагаемой микрогрупповой концепции заключается в том, чтобы осмысливать групповые социально-психологические процессы и явления сквозь призму неформальных подгрупп и не включенных в них членов, из которых состоит малая группа. Кроме того, концепция в ряде случаев позволяет понять внешнюю активность uруппы и поведение конкретного человека за пределами группы, если использовать неформальную подгруппу как единицу анализа.

Микрогрупповая концепция включает ряд положений, которые могут быть условно объединены в пять блоков: 1) понятие о малой группе, неформальной подгруппе и ее разновидностях, социально-психологической структуре группы; 2) образование неформальных подгрупп, их функции по отношению к индивидам и малой группе в целом; 3) активность неформальных подгрупп и их взаимодействие в малой группе с учетом взаимодействия группы с внешней средой; 4) социально-психологические феномены малой группы и неформальных подгрупп: сплоченность, совместимость и сработанность, идентификация, референтность, стиль межличностных отношений, межличностная конфликтность, психологический статус личности, социальное влияние, адаптация личности; 5) причины (типы противоречий) и механизм (процессы интеграции и дезинтеграции) динамики малой группы и ее структурных компонентов, уровни их развития.

На первый взгляд общая идея может показаться очевидной, само собой разумеющейся, однако тщательный анализ работ в области малых групп показал, что ей не уделялось должного внимания и, тем более, она не была оформлена как выстроенный концептуальный каркас для теоретических и прикладных исследований.

В большинстве существующих теорий малой группы во внимание вообще не принимаются неформальные подгруппы, а предметом анализа являются либо отдельные индивиды (например, теория социального сравнения, теория взаимозависимости), либо восприятие принадлежности индивидов к группе в целом (например, теория социальной идентичности, теория самокатегоризации), либо функция какой-то характеристики активности группы по отношению к тем или иным аспектам ее жизнедеятельности (например, теория деятельностного опосредствования межличностных отношений, параметрическая теория). Пожалуй, только в социометрической теории (Я.Л. Море-

но) предметом исследования, наряду с социальным атомом, теле, психологической сетью, являлись и неформальные подгруппы. Однако подгруппы не представляли для этой теории первостепенного интереса, так как основной единицей анализа выступал социальный атом, внимание было направлено на структуру связей между индивидами и в меньшей степени на неформальные группировки как относительно автономные образования. В ней не были осмыслены психологические характеристики неформальных группировок и их функций в малой группе и др. Вопрос о неформальных подгруппах отчасти поднимался в организационно-параметрической теории, хотя он не был прямо встроен в ее стержневое содержание. В целом же надо отметить, что исключение из поля внимания неформальных подгрупп, их активности, взаимодействия значительно сужает, а нередко даже искажает представление о малой группе или об отдельных ее параметрах, приводит к теоретическим ошибкам.

В прикладных исследованиях неформальные подгруппы не так уж часто являлись предметом изучения, и к тому же эти исследования имели разрозненный характер. Но, пожалуй, главное состоит в том, что в них недоставало той модели, которая позволила бы более направлено проникнуть в различные аспекты проявления микрогрупп, корректно решать ряд практических задач, а в целом же по-иному взглянуть на старые проблемы в области малых групп.

Надо сказать, что мысль о неформальных подгруппах, когда они не являлись непосредственным предметом изучения, подспудно содержалась в исследованиях, направленных на анализ таких феноменов малой группы, как идентификация, референтность, совместимость, ценностно-ориентационное единство и др. К примеру, идентификацию было бы более правильно рассматривать не только с точки зрения всей группы, что обычно и делалось, но и с позиции принадлежности людей к неформальным подгруппам. Действительно, идентификация предполагает относительно глубокое и избирательное отношение, объектом которого не могут быть все члены группы. Логично было бы предположить, что люди идентифицируют себя в большей степени с представителями своей подгруппы, чем с остальными членами группы, со своей подгруппой, чем с другими подгруппами или группой в целом. К сожалению, не хватало всего лишь одного шага, чтобы вычленить это направление анализа хорошо известных групповых феноменов.

Мысль о неформальных подгруппах латентно содержалась и при обращении к процессам дифференциации внутри малой группе. Однако эти процессы усматривались прежде всего в таких явлениях как роли и статусы, лидерство и руководство, но значительно реже – в образовании и активности неформальных подгрупп. В свою очередь, эти явления могли быть более точно осмыслены через анализ самих неформальных подгрупп и принадлежности к ним членов группы.

Сказать, что обращение к неформальным подгруппам и разработка соответствующей концепции были продиктованы кардинальными изменениями в нашем обществе определенно невозможно, так как микрогруппы в малой

группе представляют такое же реальное явление, как и сама группа, они существовали на протяжении всей истории человечества и будут существовать вне зависимости от типа общества и особенностей его развития. Причины в другом: с одной стороны, раньше в нашей стране по ряду обстоятельств сдерживалось всестороннее и объективное изучение микрогрупп в малой группе и лишь перестроечные процессы в конце 1980-х гг. явились предпосылкой для преодоления существовавших ограничений. С другой стороны, в совершенно разных общественных условиях могут усиливаться или несколько ослабевать процессы группирования людей в малой группе, может смещаться акцент в функциях неформальных подгрупп по отношению к группе в целом и отдельным членам, трансформироваться их смысл для личности. Возможно, в стабильный период включенность людей в микрогруппы обеспечивает им более эффективное неформальное общение и реализацию тех или иных индивидуальных социальных потребностей. При наличии и действенности в обществе четкой установки на формирование единой цели, общности любой институализированной малой группы, микрогруппы имеют не столь выраженные границы. В нестабильный период, когда усиливается неопределенность настоящего и будущего, более размытыми, нечеткими становятся условия функционирования малых групп и, соответственно, сама ситуация принадлежности к ним, смысл включения в неформальные подгруппы смещается для людей в сторону преодоления неопределенности собственной позиции в группе и внутренней неуверенности. Подгруппы имеют более выраженные границы, отношения между ними потенциально несут в себе более активно негативный характер, усиливается избирательность в процессе группирования и, следовательно, увеличивается количество людей, не включенных ни в одну подгруппу. Надо сказать, что на самом деле в реальной жизни картина оказывается намного более сложной, так как микрогруппы могут выполнять разные функции, а конкретные люди могут иметь различные мотивы включения в подгруппы.

Построение микрогрупповой концепции, что отражено в структуре изложения материала данной книги, осуществлялось в несколько этапов.

Первоначально необходимо было осмыслить актуальность разработки новой концепции в области малых групп. Для этого потребовалось проанализировать тенденции развития и актуальные проблемы зарубежной и отечественной психологии малых групп, обрисовав их состояние на данный момент времени.

Следующий этап исследования заключался в том, чтобы, обратившись к массиву накопленных представлений теоретического свойства и эмпирических фактов по неформальным подгруппам в малой группе, попытаться, с одной стороны, определить уровень проработанности данной проблематики, тот предел и те аспекты изучения микрогрупп, которые уже реализованы, по крайней мере в отечественной социальной психологии, а с другой, – найти дополнительные теоретические основания для дальнейшего построения концепции. В этом отношении существенную помощь оказали работы Р.Б. Гительмахера, О.А. Ильина, Я.Л. Коломинского, Н.Н. Обозова, В.И. Паниотто,

К.К. Платонова, В.И. Селиванова, Л.И. Уманского, А.С. Чернышева, С.И. Шапиро, Г.Г. Шиханцова и др.

Далее важно было обратиться к разным уровням описания и анализа объекта, которые выделены в общенаучной методологии. Необходимо было рассмотреть основные достижения социальной психологии и обозначить возможности микрогрупповой концепции в описании группы на параметрическом, морфологическом, функциональном уровнях. В этом отношении важное значение имели работы отечественных (А.И. Донцов, Я.Л. Коломинский, Л.И. Уманский) и зарубежных (Д. Аназье, В. Бион, Я. Морено, Г. Пюль, Д. Хоманс и др.) авторов. Особая роль придавалась системному подходу, реализации его принципов применительно к анализу малой группы. Это определило необходимость использования наработок специалистов в области философии (Л. Берталанфи, И.В. Блауберг, В.Н. Садовский, Г.А. Смирнов, Г.П. Щедровицкий, Э.Г. Юдин и др.) и собственно психологии малых групп (А.И. Донцов, А.Л. Журавлев, А.В. Петровский, Э. Брунер, Ш. Кэхн, К. Левин, В. Скул и др.). В анализе вопросов, связанных с динамикой малой группы, было решено опираться не только на системный подход, но и диалектику (Г.С. Батищев, В.С. Библер, Б.М. Кедров, В.Н. Садовский и др.), а также синергетику (В.И. Аршинов, В.Г. Буданов, Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов, Г. Хакен и др.).

Дальнейшее движение в разработке концепции потребовало определить в основных чертах новизну и место микрогрупповой концепции среди существующих концептуальных моделей малой группы, показав, что есть между ними общего и в чем их различие. На этом этапе были рассмотрены зарубежные и отечественные теории малой группы – социометрическая теория (Я.Л. Морено), теория взаимозависимости (Г. Келли и Д. Тибо), теория социального сравнения (Л. Фестингер), теория социальной идентичности (Г. Тэджфел и Д. Тернер) и теория самокатегоризации (Д. Тернер), теория деятельностного опосредствования межличностных отношений (А.В. Петровский), параметрическая теория (модели Л.И. Уманского и А.С. Чернышева). Ключевые идеи этих теорий способствовали формулированию некоторых позиций концепции. Важную роль для более глубокого осмысления зарубежных теорий и контекста их создания сыграли работы В.С. Агеева, Г.М. Андреевой, П.Н. Шихирева.

Идя от общего к частному, важно было рассмотреть конкретные, хотя и не все, социально-психологические феномены малой группы (сплоченность, совместимость и сработанность, идентификация, конфликты и др.), обозначив наиболее распространенные теоретические представления о них, существующие на данный момент времени, и то, как они могут быть осмыслены с позиции микрогрупповой концепции.

Определенную помощь в поисковой активности по некоторым вопросам оказало учебное пособие Р.Л. Кричевского и Е.М. Дубовской.

Проведение исследования предполагало не только теоретическую, но и эмпирическую часть, что позволило бы выйти за пределы области построения лишь одних конструкций. Поэтому в книгу были включены крупные раз-

делы, посвященные описанию методов и результатов исследования в соответствии с некоторыми положениями концепции.

Вследствие такого многоступенчатого анализа книга может восприниматься как несколько информационно «перегруженная», а сама концепция – как «распыленная» по всей книге, однако избежать этого было невозможно. Поэтому в завершении трех теоретических частей книги были специально выделены в качестве главы основные положения концепции, которые аккумулируют ключевые идеи всего предыдущего хода ее раскрытия.

Думается, что потенциал микрогрупповой концепции по своим возможностям шире, чем это изложено в данной книге, – из-за объективной необходимости ограничить ее объем некоторые вопросы вообще не затрагивались или же лишь кратко обозначались. Например, неполно обозначена сложная проблема, связанная с динамикой малой группы и подгрупп. Этой проблеме планировалось посвятить отдельную книгу. Надо также отметить и то, что данная концепция, как и любая другая, имеет определенные ограничения, что требуется приложить еще немало усилий для дальнейшего ее развития. Насколько она представительна – об этом судить читателю.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ МАЛОЙ ГРУППЫ

Периодическое обобщение результатов теоретических и экспериментальных исследований, накопленных за определенный период времени, является необходимым этапом для осмысления опыта и на основе этого поиска направлений дальнейшего развития научной дисциплины. Поэтому для определения актуальности разработки новой концепции в области психологии малой группы необходимо обратиться к анализу динамики исследовательской активности, причин снижения интереса к изучению малой группы, застоя в развитии этой психологической дисциплины, тех насущных проблем, которые стоят перед зарубежной и отечественной психологией малой группы. Такой анализ параллельно позволит оценить уровень состояния проблематики неформальных подгрупп в малой группе.

ГЛАВА 1

ЗАРУБЕЖНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Проблематика малых групп обладает в зарубежной социальной психологии большой устойчивостью. Об этом свидетельствует прогрессирующий рост количества публикаций по данной проблематике.

Ссылаясь на зарубежные источники, П.Н. Шихирев констатирует, что «число публикаций в мировой литературе (где на долю США приходится более 90%) за период с 1897-го по 1959 г., т.е. за 62 года, составило 2112 наименований, однако за одно только последующее десятилетие (1959-1969 гг.) оно выросло на 2000, а с 1967-го по 1972 г., т.е. всего за пять лет, было зарегистрировано около 3400 исследований» [234;137]. По данным некоторых зарубежных авторов, с 1974-го по 1986 г. в среднем ей посвящалось примерно 2000 работ в год [249].

Однако такой рост количества работ в целом сопровождался периодическим спадом и усилением интереса к изучению групп.

Так Р. Фиш, Х. Даниэль и Д. Бэк, проведя библиометрический анализ и анализ тем в соответствии с библиографическим банком данных PsycLit, выявили тенденцию динамики исследовательских областей и конкретных их тематик с 1974-го по 1988 г. [249]. Среди выделенных и рассмотренных ими нескольких крупных областей в качестве примера приведем количество публикаций по годам в области «групповых процессов и структур»: 1974 г. – 1029, 1975 г. – 1045, 1976 г. – 1191, 1977 г. – 1196, 1978 г. – 1243, 1979 г. – 886, 1980 г. – 860, 1981 г. – 877, 1982 г. – 1087, 1983 г. – 1209, 1984 г. – 1206, 1985 г. – 1348, 1986 г. – 1552, 1987 г. – 1321, 1988 г. – 1195. Как видно, количество публикаций резко упало в 1979-81 гг., затем так же резко стало воз-

растать, достигнув пика в 1986 г. Однако здесь есть очень важное «но», а именно, данная тенденция совпадает с характером динамики количества публикаций по психологии вообще. Например, в 1978 г. было опубликовано 22632 работы, а в 1979 г. – 18039. В 1986 г. количество публикаций составило 40461. Поэтому снижение численности публикаций по малым группам в указанный период может отражать общую динамику исследовательской активности в психологии в целом.

Менее обширный (по количеству охваченных материалов) анализ проведен Р. Морлендом, М. Хоггом и С. Хайнсом [253]. Рассматривая публикации в трех ключевых американских социально-психологических журналах, они установили, что с начала 1970-х до середины 1980-х гг. число публикаций по группам уменьшалось, но с тех пор снова возрастало. Этот позитивный факт, наблюдавшийся в 1990-х гг., тем не менее связывается ими с некоторой негативной тенденцией, которую еще в 1986 г. отметил И. Стейнер. Суть ее видится в том, что социально-психологическое исследование группы проводится в лаборатории, едва ли с учетом естественного контекста, причины ищутся скорее в ближайших, когнитивных факторах, вместо отдаленных, социальных факторов, как единица анализа рассматривается индивид, а не группа. При этих условиях на исследование группы часто навешивается дезориентирующий ярлык, так как речь идет в конечном счете вообще не о группах [253].

Некоторые зарубежные авторы пытались разобраться в причинах циклического подъема и спада интереса к малым группам. В середине 1970-х гг. было выдвинуто предположение о том, что на динамику научного интереса к группам влияние оказывают различные факторы, среди которых доминирует уровень социальной напряженности в обществе [263]. Это конкретно проявляется в том, что возрастание уровня конфликтности в обществе делает чрезвычайно острой проблему отношений между социальными группами. Отсюда, возрастание интереса к группам. Наоборот, социальная стабильность общества сглаживает эту проблему, что, безусловно, отражается на снижении к ней интереса в социальных науках, в том числе в социальной психологии. В середине 1980-х гг. тот же автор вновь вернулся к этому вопросу и был уже не столь категоричен, так как характер развития общества и динамика исследования групп за прошедшее десятилетие четко не подтверждали первоначально выдвинутое предположение [265].

Другие предположения о факторах динамики интереса к малым группам, во многом сходные по существу, связаны с разрозненностью-интеграцией накопленных знаний о малой группе в рамках социальной психологии и различных научных дисциплин [249; 252; 260], с устойчивостью-трансформацией основ социальной психологии [265], с отсутствием-развитием новых направлений, теорий в социальной психологии [253]. Так, в зарубежной литературе отмечается, что слабая интеграция теорий в 1960-х гг. была причиной снижения интереса к исследованию групповых процессов в 1970-х гг. [252]. П.Н. Шихирев указывает на бурный экстенсивный рост американской социальной психологии, на формирование основных теоретических направ-

лений, совершенствование лабораторного эксперимента до конца 1960-х гг., но в дальнейшем – застой в развитии теории, критическое переосмысление достигнутого и снижение оптимизма относительно вклада исследований в понимание групповой динамики ввиду их малой валидности и возможности практического применения [234]. Разработка теории социальной идентичности в конце 1970-х и теории самокатегоризации в середине 1980-х гг. послужила мощным стимулом к проведению исследований (особенно в Западной Европе) и в целом возрастанию интереса к проблеме малых групп с конца 1980-х гг.

Однако не все авторы настроены скептически по поводу состояния и перспективы изучения малых групп. Например, Р. Фиш, Х. Даниэль и Д. Бэк отмечают, что негативный имидж исследования малых групп (как ничего незначащее и малопродуктивное) не подтвержден в их исследовании, о котором уже упоминалось [249]. По их мнению, разочарование многих специалистов в своей основе имеет три причины: невысокий уровень профессионализма достаточно большого количества людей, занимающихся изучением малых групп; высокий уровень затрат при исследовании малых групп; большая привлекательность (по ряду обстоятельств) исследований социального взаимодействия и групповых процессов в других научных дисциплинах, чем работ, выполненных в рамках психологии.

По данным их исследования, проблематика малых групп на самом деле очень актуальна в практической плоскости, например, связанной с социальной работой или групповой психотерапией. Кроме того, исконно психологические проблемы малых групп активно изучаются в контексте других дисциплин (например, «групповое решение задачи» в экономике и политике) даже в большей степени, чем в психологически ориентированных исследованиях. Проблема заключается в том, что разные дисциплины, включая и социальную психологию, являются внутренне замкнутыми. Поэтому в перспективе необходимо преодолевать дальнейшее фрагментирование всей области малых групп и осуществлять переход от мультидисциплинарности к интердисциплинарности. Необходимо освобождаться от мысли, что одна дисциплина, например психология или социология, должна быть интересной сама по себе. Трудность заключается лишь в огромном разнообразии и большом количестве научных публикаций, рассеянности по всему миру ученых, работающих в области малых групп. Чтобы устранить ее, необходимо общими усилиями найти более адекватные способы фиксации публикаций, так чтобы можно было поддерживать обмен информацией.

Анализируя тенденции развития психологии малых групп, некоторые авторы не ограничиваются лишь выявлением общей картины, а пытаются раскрыть уровень интереса к областям и конкретным тематикам. Например, те же Р. Фиш, Х. Даниэль и Д. Бэк, используя библиометрический метод применительно к публикациям за период с 1974 г. по 1986 г., выделили четыре крупных блока и 66 конкретных исследовательских тем, относящихся к малым группам [249]. Причем они выделили их на основе широкого, а не узкого понимания исследования малых групп. Первая область – «личностные

переменные», которая включает восемь тем (социальные навыки, альтруизм и др.). В среднем за год было опубликована 21 работа. Наиболее активно прорабатывавшаяся тема – стиль руководства (шесть работ). Вторая область представлена «групповыми структурами и процессами», включающая 24 темы, а количество публикаций по ней в среднем за год составило 1113. Наиболее приоритетные темы (по количеству работ) – межличностное взаимодействие (256 работ), а также групповая динамика (132), социальное взаимодействие (121), руководство (112), а наименее – соперничество (1), рискованное поведение (4), взаимопонимание (6), межличностная уживчивость (9) и т.д. Кстати говоря, не выделены в качестве самостоятельной темы неформальные подгруппы, поэтому в отношении их исследований ничего сказать невозможно. Логично предположить, что они были отнесены либо к теме групповой структуры (24 работы), либо к образованию коалиций (девять работ). Третья область связана с «типами групп и задач» и поделена на несколько подобластей: «целевые группы» (решение групповых проблем, решение конфликтов, переговоры и др.), «естественные группы» (семейные, психотерапевтические, учебные, дружеские и другие группы), «тренинговые группы». Всего в эту область включено 27 тем и по ним опубликовано в среднем 1642 работы за год. Самое большое количество публикаций относится к семейным группам (306 работ) и групповой психотерапии (225). Четвертая область – «методы исследования» – включает всего три темы (социометрические тесты, социограмма, методы наблюдения), по которым было опубликовано 19 работ, из них 15 по социометрии.

Чуть позже другие авторы, используя библиометрический метод применительно к статьям, опубликованным в трех ведущих американских социально-психологических журналах, установили, что наиболее часто изучаемые темы связаны с межгрупповыми отношениями (стереотипы – 60%, межгрупповые конфликты – 26%), внутригрупповыми процессами (решение групповой задачи, лидерство, социальной влияние большинства и меньшинства), внутригрупповыми конфликтами. Динамика изучения этих тем имеет различный характер при абсолютном росте исследований межгрупповых отношений [9; 253]. Кроме того, было установлено, что в американской социальной психологии в два раза сильнее влияние (по количеству публикаций) традиционного когнитивизма (31% статей) по сравнению с европейским «когнитивизмом психосоциальным» (16% статей). Следует подчеркнуть, что выявленные тенденции относятся к американской психологии и не могут быть в полной мере экстраполированы на западноевропейскую психологию.

Принимая во внимание все различные публикации по состоянию исследования группы, некоторые авторы приходят к принципиально важному выводу, что количество исследований в области малых групп очень значительно, однако в ней наблюдается застой по качеству [259; 260; 262; 265].

Разные авторы выделят те или иные возможные, на их взгляд, причины такой ситуации. Например, М. Садер отмечает «безвременность», засилье старых теорий и исследований, что не позволяет адекватно ассимилировать новые дынные, эмпиризм исследований без связи с социально-психологиче-

скими теориями (прежде всего касается организационно-психологических исследований), ограничения лабораторного эксперимента и объекта исследования (как правило, студенты) [259].

Однако чаще отмечаются две основополагающие причины расхождения количества и качества: возрастание разрозненности исследования группы в разных дисциплинах и различное развитие социально-психологического (экспериментального) и организационно-психологического исследований малой группы, т.е. теории и практики.

Как пишет В. Скул [260], если взять область исследования под ключевым названием «Социальное взаимодействие и групповые процессы», встречающуюся в библиометрическом анализе, то психологи и социологи занимаются исследованием диадического взаимодействия, измерениями процессов группы, супружеского взаимодействия и семейного конфликта, причем к последним обеим областям также причастны медики и психиатры. Групповые процессы исследуются также лингвистами, специалистами по коммуникации и социальной работе. Педагоги занимаются групповым обучением, экономисты и политологи обращаются к теории игр, оптимальной кооперации, коллективным действиям и рациональным решениям. Так как большинство группоориентированных дисциплин занимается специальными подзадачами, то задачей социальной психологии должно было быть интегрирование этих различных исследований на концептуальной основе, тем самым обеспечивая повышение плодотворности общего исследования группы. Однако наблюдается иная тенденция, связанная с недостаточным вниманием социальной психологии к этой задаче [260], с обменом информации лишь на уровне взаимного цитирования [249].

Поэтому отмечается, что значительный прогресс в исследовании малых групп возможен при условии интеграции подходов различных дисциплин [249], а также в рамках самой социальной психологии, например, на основе применения метаанализа (анализ всех существующих исследований по определенной тематике, например, лидерство, с акцентом на самых существенных и спорных вопросах) [259]. Думается, что интеграция, синтез различных дисциплин, занятых изучением малой группы, возможен не на основе лишь одних призывов, а посредством хорошего, разумного теоретического замысла, которого, по всей видимости, пока нет в зарубежной социальной психологии.

Разрыв между теорией и практикой представляет собой старую проблему, которая вызревала долгие годы, стала активно осмысливаться на протяжении 1970-х гг., и четко была обозначена в начале 1980-х гг. с требованием обращения интереса академической науки к решению реальных социальных вопросов. Анализ состояния решения этой проблемы на начало 1980-х гг. представлен в отечественной литературе [234]. Мы же обратимся к более близкому нам временному периоду.

В 1990-х гг. эта проблема не была решена и, следовательно, не потеряла своей насущности, о чем свидетельствуют постоянное обращение к ней, разные предложения по ее решению.

Условно можно выделить два подхода в зарубежной психологии к кри-

тическому анализу данной проблемы. В первом подходе резко критикуются лабораторные социально-психологические исследования малых групп относительно их низкой внешней и экологической валидности, выбора независимых переменных, игнорирования взаимодействия эффектов, нетипичных для практики задач, ставящихся перед испытуемыми и др. С позиции такой критики предлагаются определенные решения. Так, А. Уиндел и Б. Зимолонг, критикуя практическую уместность лабораторного эксперимента, призывают повышать внешнюю валидность при экспериментальном исследовании малой группы, учитывать усиление взаимодействующих эффектов, обращать более пристальное внимание на значимость для практики независимых переменных величин. По мнению других авторов, эти инициативы учитывались в более поздних экспериментальных исследованиях, правда редко, насколько это позволяло существующее различие между обоими направлениями исследования [271].

Во втором подходе данная критика расценивается как беспредметная, так как существует независимость обоих направлений исследования в силу их различных исходных условий, путей и целей. А поэтому должны быть иные способы сближения экспериментальных и прикладных исследований.

Первый подход к анализу проблемы соотношения экспериментального и прикладного исследования рассмотрим более подробно на примере обстоятельной статьи В. Скула [260].

Различное развитие социально-психологического (экспериментального) и производственно-психологического исследований малой группы наиболее отчетливо проявляется относительно изучения эффективности деятельности групп. Это в значительной степени связано с тем, что в экспериментальных исследованиях группа рассматривается как относительно большое количество отдельных людей, а эффективность группы чаще рассматривалась с позиции действий отдельных ее членов. В прикладном же исследовании преимущество отдается общегрупповым эффектам. Особенно много исследований производственной и организационной психологией проводилось на частично автономных рабочих групп (саморегулирующихся рабочих группах), обзор которых сделан в работе Е. Улич [272]. Повышенный интерес к таким группам связан с возрастанием их роли в производстве. Так, в производстве японских автомобилей в 1991 г. было задействовано 70 % таких рабочих групп, в США внедрение таких групп временно замедляется, а в Европе они вводятся все больше. В немецкой металлургической и электронной индустрии на 2/3 предприятий квалифицированные рабочие регулярно работают в группах, и ожидается возрастание этой тенденции. Различными формами работы группы являются гибкие участки изготовления, группы изделия, группы проекта, целевые группы и т.д. Надо сказать, что в ряде публикаций, в том числе и указанной, не выделяются разновидности таких групп, хотя это важный вопрос, затрагивающий специфику их деятельности. В этом смысле К. Антони и В. Бунгард указывают на специфические особенности двух наиболее распространенных форм групповой работы в крупных организациях: саморегулирующиеся группы (характерны для Европы) и производственные

бригады (характерны для Японии) [12]. Кроме того, они отмечают достаточную распространенность в организациях неформальных микрогрупп работников («кружки качества», «группы предложений», «оперативные группы»), которые либо собираются на неформальной и добровольной основе, либо назначаются руководством (но не представляют собой институализированной группы) и обычно состоят из шести-восьми человек.

Более подробно ознакомиться с сутью автономных рабочих групп и их исследованиями, саморегулирующимися рабочими группами можно обратившись к некоторым русскоязычным источникам [12; 184].

Производственные и организационные психологи выявляют ряд важных факторов, которые содействуют или препятствуют успеху работы группы. Однако в данный момент большинство из них не видит, как могут способствовать общие теории группы решению этого вопроса. Причина такой ситуации кроется в том, что производственные и организационные психологи, как правило, обращают внимание на большое количество факторов и условий, по сравнению с социальными психологами, так как они считают, что пренебрежение к определенным факторам может приводить к полностью ошибочным выводам. Следующая причина заключается в том, что создание теории группы не относится к их исходной задаче. Для них более важно указывать на отдельные условия, которые сильно влияют на успех работы группы.

Вместе с тем, отмечает В. Скулл, открытые вопросы должны уточняться и необходимо находить на них ответы [260]. Он выделил содержательные и методические основания, по которым социально-психологическое экспериментальное исследование малой группы оказывает малое содействие решению проблем работы группы в организациях, и предложил возможные мероприятия по решению этой проблемы.

С содержательной точки зрения центральная причина разрыва между социально-психологической теорией и организационно-психологическим применением заключается в обособлении лабораторного исследования группы, при котором удобно и легко проводить испытание с группами, воспроизводить результаты и проблемы, которые охотно подхватываются и продолжаются последовательно другими экспериментаторами из-за удобства в обращении. Если такой подход не будет связан с решением практических проблем, то будет добываться ненужное знание при удостоверении прогресса знания.

Типичным примером этого являются эксперименты по изучению сети коммуникации, в которых во всей ситуации испытания не обнаруживается никакого отношения к практике коммуникации в повседневной жизни. Детальное их рассмотрение указывает, по мнению автора, что на основе полученных результатов невозможно понимать или объяснять влияния структур коммуникации в реальных группах.

Во-первых, испытуемые общаются друг с другом посредством того, что они пишут сообщения на бумаге и представляют ее через зазоры в перегородке, которые искусственно разделяют участников группы. Ни письмен-

ный режим коммуникации, ни такое разделение друг от друга не являются типичными для естественных групп. В каждом случае коммуникация отличается по средствам передачи информации.

Во-вторых, в экспериментах не представлена никакая группа, а только определенное количество разделенных друг от друга индивидов.

В-третьих, так называемое «простое» задание, такое как подача-символ-проблема, является чрезвычайно тривиальным.

Таким образом, в экспериментальном исследовании сети коммуникации воспроизводятся теоретически подразумеваемые структуры коммуникации, которые эмпирически не валидны и не надежны.

Другой типичный пример, с точки зрения значимости для практики, связан с традицией использования в эксперименте классификации заданий по И. Стейнеру: аддитивные, компенсаторные, дизъюнктивные и конъюктивные [264]. Большую часть заданий, встречаемых на практике, нельзя отнести ни к какому из перечисленных типов.

Распространенной формой групповой работы в организациях являются группы проектирования, в которых участники из различных отделов и с разными специальностями собираются, чтобы решать новую комплексную проблему организации. Так как от этих групп исходят инновации в организации, то качество работы приобретает особенное значение. Проблема может содержать аддитивные элементы, если речь идет об информационном поиске, компенсаторные, когда необходима оценка будущих процессов, дизъюнктивные, если требуется открытие новых альтернатив и конъюнктивные, если речь идет об интеграции различного знания в конкретной предметной области. В каждом случае неизвестен относительный вес этих различных элементов заданий и не имеется достаточного знания о таких смешанных заданиях. Кроме того, процесс решения таких комплексных задач намного сложнее, многограннее, чем в экспериментальном исследовании.

Стейнеровская классификация заданий не может быть использована и при изучении широко распространенных в организациях частично автономных рабочих групп, о которых говорилось выше.

В итоге, заключает В. Скулл, стейнеровская классификация заданий подходит для того, чтобы теоретически интегрировать разнообразные лабораторно-экспериментальные исследования с относительно простыми заданиями, но она почти бесполезна для понимания комплексного задания группы, которое преобладает в практике организаций. Такое ограничение не удается преодолеть и другим классификациям заданий [252; 261]. Для всех них характерно то, что они были сформированы не на основе анализа заданий групп, с которыми те сталкиваются на практике, а скорее в результате интуитивных представлений о работе группы. В соответствии с этим не создавались классификации, которые в процессе исследования группы ассимилировали бы задания из практики, что усиливало разрыв между социально-психологической теорией и организационно-психологическим применением в исследовании группы. Однако есть исключения, прежде всего относящиеся к экспериментальному изучению групп присяжных заседателей, но они не

влияют на общий результат в решении данного вопроса.

Методическое основание слабой роли социально-психологического экспериментального исследования в решении практических проблем работы малой группы в организациях видится В. Скуллом в недостаточной его внешней и экологической валидности. (Под внешней валидностью этот автор понимает возможность обобщения результатов лабораторного эксперимента на определенные феномены реальной жизни, а под экологической валидностью – решение вопроса о том, в какой мере лабораторные эксперименты над группами регистрируют положение вещей в практическом функционировании групп.) Помимо того, что в экспериментах используются нетипичные для практики задания, в них же преобладают и нетипичные условия. Эта тенденция отмечалась в 1980-х гг. [265]. Она сохранилась на протяжении 1990-х гг. [259; 260; 271] и не изменилась вопреки снова возрастающему интересу к исследованию группы.

В. Скулл считает, что основные причины низкой валидности лабораторных экспериментов заключаются в специфических особенностях экспериментальных групп и игнорировании изучения взаимодействия эффектов, которое постоянно проявляется в жизнедеятельности реальных малых групп [260].

Он проводит сравнение групп в практике и в типичном социально-психологическом лабораторном эксперименте, которое схематично представлено в табл. 1.

Таблица 1

Признаки группы в практике и в лаборатории

№	**Релевантные переменные величины**	**Группы в практике**	**Группы в лабораторном эксперименте**
1	Размер группы	3 до 20	3, редко 4 или больше
2	Участники группы	все слои	студенты
3	Развитие группы	все фазы	никакой или начальный период
4	Задача	скорее комплексная	скорее простая
5	Определение проблемы	часто неполно, не оформлено	полно, заявлено
6	Отношение к другим задачам	тесно, разнообразно	слабо, незначительно
7	Опыт с задачей	наличествующий или способствующий	никакой или малый
8	Значение для личности	скорее высокое	скорее незначительное
9	Сочетание индивидуальной и групповой форм работы	правило	абсолютное исключение
10	Социальное внедрение	социальный и наличный контроль	экспериментальный контроль: социальный вакуум

Надо сказать, что многие из перечисленных характеристик лабораторного исследования групп отмечались как его ограничительные особенности еще в конце 1960-х гг.: ограничение средой, популяционное ограничение,

ограничение длительностью контакта, ограничение характером групповых задач, ограничение уровнем поведения [234]. На принципиальный недостаток лабораторного эксперимента, проводящегося в «социальном вакууме», в начале 1970-х гг. обращал внимание Г. Тэджфел, когда выступал с критикой в адрес традиционной американской социальной психологии [195]. К настоящему времени, пожалуй, только количественное ограничение (ранее изучались диады) оказалось преодоленным, и то не полностью, так как изучаемые триады, по мнению некоторых специалистов, оказывается имеют специфические особенности по сравнению с более многочисленными группами.

Возвращаясь к сравнительному анализу лабораторных и естественных групп, нужно отметить, что в большинстве лабораторных экспериментов большое количество важных переменных величин группы не варьируется, постоянно рассматриваются нетипичные для практики переменные. Такое положение вещей ставит проблему экологической валидности: являются ли условия таких экспериментальных испытаний представительными для высказанных в гипотезе предположений? Это зависит естественно от гипотезы. Если хотят знать, например, как хорошо реальные группы по сравнению с номинальными группами разрешают простые проблемы, тогда соответствующие эксперименты в этом пункте являются экологически валидными. С другой стороны, перечисленные характеристики группы в практике являются упрощенным обобщением, так как в реальности существуют различные типы групп.

Другая причина низкой валидности лабораторных экспериментов [260] кроется в том, что в таких экспериментах не принимаются в расчет эффекты взаимодействия важных переменных величин группы. Об этом хорошо свидетельствуют, например, случаи, когда незначительные изменения в постоянно фиксируемых переменных величинах приводят к сильным эффектам взаимодействия, т.е. когда речь идет не о мешающих, а о систематических эффектах.

Поэтому вопрос о вероятности и способе проявления эффектов взаимодействия, в частности воздействие релевантных группе переменных величин на производительность группы, должен обсуждаться на принципиально ином уровне. Прежде всего, речь идет о том, что малая группа является системой и, следовательно, необходимо рассматривать взаимодействие переменных с позиции системного подхода. Высокая внутренняя связь системы дает возможность гибкой ее подгонки к различным условиям ситуации и достижения различных целей. Это значит, что в зависимости от наличного группового состояния, внешние условия с внутренними признаками в комплексном способе взаимодействия могут иметь совершенно различные эффекты. Выявленные же в лаборатории основные эффекты или эффекты взаимодействия первого порядка в действительности являются эффектами взаимодействия более высокого порядка.

Обобщая литературу критического содержания, М. Садер [259] выделяет ряд условий, выполнение которых позволяет говорить об идеальном экспериментальном исследовании: а) реальное существование группы, т.е. ее чле-

ны должны непосредственно общаться; б) взаимодействие между членами группы должно быть «естественным»; в) эксперимент должен предполагать достаточный временной интервал для формирования групповых структур; г) участники должны видеть развитие событий как реальность, в которой они ведут себя так, как привыкли в повседневной жизни; д) центральной зависимой переменной должно быть действие, которое не ограничивается действием одного человека независимо от другого; е) в качестве испытуемых не привлекать студентов-психологов; ж) воспроизведение структурно одинаковых экспериментов для нивелирования случайных факторов.

Опираясь на критическую оценку социально-психологического лабораторного исследования малой группы, В. Скулл предлагает ряд возможных мероприятий для повышения практической отдачи таких исследований.

1) Изучение положения дел проблемы группы в практике.

Экологическую валидность исследования группы можно повышать только тогда, когда больше знают о группах в практике. Исследование типичного положения дел проблемы группы в практике выигрышно и тем, что практика уже продолжительное время является экспериментально ориентированной областью со значительным багажом опыта. Обращение к практике позволит выявить те разновидности групп, которые в большей степени представлены в организациях. Это позволит определиться с тем, какие группы надо включать в эксперимент прежде всего.

В любом случае необходимо сближать обозначенные признаки групп (табл. 1), а также интегрировать типы заданий из различных классификаций, представленных в литературе.

2) Усиление экологической валидности экспериментальных парадигм. В типичном социально-психологическом лабораторном эксперименте положение дел проблемы группы таково, что очень немногие из них являются валидными. Однако время от времени в литературе встречаются эксперименты, которые можно позитивно оценивать с точки зрения экологической валидности.

Центральная исследовательская задача будущего – разработка реалистичных заданий группе, которые сочетают естественную сложность и доступность экспериментальному контролю.

3) Разработка и моделирование комплексных теорий.

Если имеются основания рассматривать группы в практике в качестве социальных систем, тогда должны быть эксперименты, комплексные теории и связанные друг с другом гипотезы, так как существующие множественные эффекты могут взаимоусиливать или взаимоослаблять друг друга или даже проявляться противоположным образом. В литературе обсуждаются многие из таких факторов, однако имеется немного работ, где полностью формулируются причинные модели, которые теоретически интегрируют, по крайней мере, пять или более переменных величин и соответствующих связей между ними. Во всех этих моделях неудачен, однако, временной эволюционный компонент. В теоретических моделях средней или более высокой сложности рационально также имитировать связи между переменными величинами в

математических имитационных моделях, чтобы суметь сделать более точные теоретические выкладки для определенных начальных условий.

4) Триангуляция методов исследования.

Для экологически валидного исследования группы желательно дифференцированное и более широкое использование различных методов исследования, чтобы уравнивать слабости одного метода преимуществами другого (триангуляция). Наряду с лабораторными экспериментами необходимо использовать также полевые эксперименты и исследования. Другими полезными эмпирическими дополнениями являются: анализ документов исторических событий, наблюдения принимавших в них участие людей и ретроспективное изучение событий, преимущество которых состоит в богатстве эмпирического материала. Для комплексной теории и комплексного составления испытания целесообразны также комплексные методы оценки. Это относится к системам описания процессов группы как когнитивного отображения, SYMLOG, TEMPO или кодирование совещания. Относительно статистических оценок желательны, с одной стороны, избыточная область анализа, признаки организационной среды, исходные переменные величины группы, а с другой – анализ индивидуальных признаков в отдельности и в их связи.

Следует отметить, что призыв В. Скулла к использованию иных методов, кроме лабораторного эксперимента, и к комбинации различных методов не является новым в зарубежной психологии. Он появился в 1970-х гг. в связи с необходимостью кардинальной перестройки социальной психологии, периодически поднимался в 1980-х гг. Впрочем, не особой новизной отличаются и остальные предлагаемые им мероприятия для сближения теории и практики.

В итоге В. Скулл резюмирует, что разрыв между социально-психологической теорией и организационно-психологической практикой очень большой. Так как организационно-психологические испытания более всего концентрируются на прикладных проблемах, то от них не может ожидаться основного вклада в создание теории. Это должно быть скорее задачей социальной психологии (в рамках различных исследований, зависимых от практики). Также необходима интеграция теоретической базы психологии с учетом знаний, накопленных в других специальностях. Сверх этого, необходимы эмпирические исследования типичного положения дел проблемы группы в практике, с помощью которых может определяться и улучшаться экологическая валидность экспериментов над группами. Необходимые инструменты для экологически валидных исследований группы, в принципе, имеются в наличии и могли бы быть целенаправленно использованы.

Теперь рассмотрим второй подход к анализу проблемы разрозненности экспериментального и прикладного исследований. Наиболее наглядно он представлен в работе Е. Уайта и С. Лечера [271]. Эти авторы считают резкую критику в адрес социально-психологического экспериментального исследования беспочвенной, так как существует независимость обоих направлений исследования в силу их различных исходных условий, путей и целей. Поэтому разделение между прикладными и фундаментальными исследованиями на

основе противоположных начальных позиций, методов и целей не только неминуемо, но и обязательно. Отсюда следует, что нецелесообразно осуществлять одностороннюю критику лабораторного эксперимента, который, наоборот, имеет некоторые преимущества перед полевым исследованием. Вместе с тем, ими признается необходимость кооперации этих направлений для взаимной стимуляции.

Авторы проводят сравнительный анализ организационно-психологического прикладного исследования и социально-психологического фундаментального исследования по трем обозначенным ключевым позициям. Специфика этих направлений исследования схематично представлена в табл. 2.

Таблица 2

Условия организационно-психологического прикладного исследования и социально-психологического фундаментального исследования малой группы

Параметры условий	**Организационно-психологическое прикладное исследование**	**Социально-психологическое фундаментальное исследование**
Исходные позиции	Заданная цель Заказчик Субъективная оценка процессов, т.к. экспериментальная вариация невозможна Концентрация на нормативных процессах в исследовании Конативная проблема	Теоретическая гипотеза Идиосинкратическая позиция теоретиков Экспериментальный контроль и изоляция личностных и внешне обусловленных переменных величин Концентрация на информационных процессах в исследовании Когнитивная проблема
Пути	Много методов достижения цели Комбинация теоретических преобразований, методов, программ и конкретных условий исследования	Исходящие из теории методы Изоляция отдельных переменных величин и спецификация экспериментальных условий
Цели	Эффективность Интеграция и комбинация Взаимодействующие эффекты	Прозрачность / Объяснение Дифференциация и анализ Основные эффекты

Исходные позиции обоих направлений исследования различаются по характеру инициирования исследования и исходной установке, критериям оценки, содержанию и методологическим составляющим.

В прикладном исследовании цель задается извне заказчиком, а в фундаментальном исследовании исходным моментом является теоретическая гипотеза исследователя.

В полевом и экспериментальном исследовании совершенно различные способы, критерии оценки работы группы. В производственных группах часто наблюдается возникновение позитивного настроения и возрастание субъективного удовлетворения работой группы. Следовательно, на основе

сообщений опыта из работы группы в среднем получается позитивный эффект, во всяком случае тогда, когда замер делается в короткий срок после начала работы группы. При более длительном сроке производственной работы группы получаются результаты не настолько однозначно позитивные. Все же некоторые позитивные эффекты несомненны: ликвидация монотонности, повышение индивидуальной ответственности и свободы действий, исчезновение иерархической структуры и приобретение права голоса. В экспериментальном же исследовании внимание сосредоточено на совершенно иной «базовой линии» – Модели. Сочленение индивидуальных возможностей в реальной группе сравнивается с моделью искусственной группы. В таком исследовании осуществляется четкий контроль над изучаемыми переменными, изоляция не интересующих исследователя переменных величин.

В полевых исследованиях перед рабочей группой стоят конативные задачи, связанные с координацией действий, а взаимодействия между людьми объясняются исследователями прежде всего нормативным влиянием. В экспериментальном исследовании перед искусственной группой экспериментатор ставит когнитивную задачу и привлекает для объяснения взаимодействия процессы информационного влияния.

В обоих исследовательских направлениях речь идет о различных методологических составляющих, которые несовместимы в истинности, т.е. проверка методов из одной методологии не приводит к результатам, которые имеют силу для другой методологической составляющей. Значит, для обоих направлений исследования требуется дополнение соответственно недостающих составляющих методологии, чтобы можно было получать соразмерное и обширное изображение, которое не искажено односторонностью метода проверки. По мнению авторов, для этого отсутствуют необходимые теоретические планы, которые позволяли бы осуществлять совместное рассмотрение из обеих перспектив.

Чтобы соединить исходные позиции этих двух направлений, Е. Уайт и С. Лечер предлагают создавать модели, которые с позиции как экспериментального, так и прикладного исследования будут релевантны проблемам производственной практики. При исследовании группы такие модели необходимо проверять исходя из всех четырех составляющих методологии: герменевтика – полевое исследование – критический анализ – лабораторное исследование. К сожалению, отмечают они, в социальных науках это еще недостаточно осознано.

Различие между прикладным и фундаментальным исследованием выражается и в пути (способах) достижения стоящих перед ними задач. В прикладном исследовании имеется много вариантов для реализации задачи. Часто будут выбираться те пути, которые понятны с точки зрения повседневности и убедительны для заказчика. Однако это знание повседневности может быть ошибочно и идеологизировано, а отсутствие теории, которая могла бы выступать как база, только усугубит ситуацию. Прикладное исследование строится на комбинации теоретических преобразований, методов, программ и конкретных условий исследования. В фундаментальном исследовании

трудно проецировать конкретную ситуацию на теоретические построения, которые могли бы в комбинации планов преобразовываться в производственной практике. К экспериментальному исследованию предъявляются определенные требования: отношение между методами и теорией должно быть отчетливым, а целенаправленная модернизация методов должна исходить из теорий; изоляция отдельных переменных величин и спецификация экспериментальных условий. Такое различие в способах решения задач, отмечают авторы, значительно затрудняет соприкосновение этих исследовательских направлений.

Цель прикладного исследования заключается в том, чтобы групповые процессы сделать более эффективными, опираясь на интеграцию и комбинацию взаимовлияющих эффектов, интересующих исследователя. В центре фундаментального исследования стоят элементы теории, которые пригодны для пользователя, только если они содержат воспроизводство наличных условий, подчиняющихся соответствующим законам причинной связи. В таком исследовании выражена прежде всего тенденция дифференциации и анализа, для того чтобы устанавливать влияние отдельных компонентов фонового режима и таким образом делать их более прозрачными и доступными для объяснения.

Из перечисленных различий следует принципиально непреодолимое противоречие между прикладным и фундаментальным исследованием. Однако противоречие принципиально неразрешимо, если постоянно идти по каждому пути в отдельности, как до сих пор делалось в исследованиях.

Е. Уайт и С. Лечер считают, что интеграцию прикладного и экспериментального исследования малой группы нельзя производить лишь практическим приложением или экспериментом, исключая теорию. Центральный вопрос заключается в том, являются ли теории релевантными практике. Однако надо ставить вопрос и о том, является ли практика теоретически релевантной. Центральная проблема, таким образом, связана с созданием теории, которая должна исходить из обоих направлений исследования.

По их мнению, сотрудничество обоих направлений исследования может осуществляться, по меньшей мере, на следующих основаниях:

- практические проблемы являются источниками для создания теории, но не в виде их непосредственного включения в теоретический конструкт, а как указания на новые теоретические построения;

- практические проблемы предоставляют возможность для проверки теории, так как имеются в наличии неконтролируемые влияния, и ставят вопрос о том, проявляются ли все же теоретически постулируемые эффекты;

- практические проблемы ставят задачу комплексной реализации теоретических условий и указывают на возможные взаимосвязанные обобщения;

- экспериментальные результаты и теоретические планы делают практические проблемы более прозрачными;

- экспериментальные результаты и теории помогают систематически реорганизовать практику;

- экспериментальные результаты и теории помогают преодолевать

идеологические установки и субъективные концепты.

Как утверждают авторы, это сочленение между практическими проблемами и экспериментальными результатами и теориями не является взаиморазрушительным переходом или только логической уловкой, но представляет собой активный процесс их связи, являющийся самостоятельной задачей. Оба направления исследования, соотносясь друг с другом, будут осуществлять взаимную стимуляцию.

В заключение данной главы подведем итог.

Во-первых, опыт развития зарубежной психологии малой группы показывает, что для нее характерен циклический подъем и спад исследовательской активности. Среди причин, влияющих на динамику научного интереса к малым группам, указывалось на уровень социальной напряженности в обществе, разрозненность-интеграцию накопленных знаний в социальной психологии и других научных дисциплинах, устойчивость-трансформацию основ социальной психологии, отсутствие-развитие новых направлений в социальной психологии. Среди них важное значение в условиях застоя и кризиса науки имеет разработка новых теорий, которые стимулируют дальнейшее движение в области малой группы.

Во-вторых, в зарубежной психологии основная проблема в 1990-х гг. была связана с расхождением количества (относительно большое) и качества (относительно не высокое) исследований. В основе этой общей проблемы находятся две более конкретные проблематики: возрастание разрозненности исследования группы в разных дисциплинах и различное развитие социально-психологического (экспериментального) и организационно-психологического (прикладного) исследований малой группы, т.е. теории и практики. Существуют разные точки зрения на понимание сути этих проблем, предлагаются разные способы их решения.

В-третьих, условия, малая группа, тип решаемых испытуемыми задач в лабораторном эксперименте далеки от естественных условий жизнедеятельности реальных групп. «Широкий социальный контекст», к учету которого активно призывал в начале 1970-х гг. Г. Теджфел и который явился своего рода девизом преобразования социальной психологии, оказался, в конечном счете, сведенным на нет в последующей лавине лабораторных экспериментов. В результате этого многие результаты исследований оказываются не востребованными практикой.

В-четвертых, существующие теории (в частности, теории социальной идентичности и самокатегоризации, широко распространенные в настоящее время) не учитывают ряд вопросов, широко распространенных и важных на практике. А именно, вопросы, относящиеся к повышению продуктивности трудовых групп в организациях различного типа, активности и ответственности работников, их удовлетворенности работой и др. Это выглядит достаточно странно, так как ведущей задачей западной психологии, наряду с обеспечением социальной стабильности в обществе, было повышение эффективности работы групп и отдельных людей. Даже первая экспериментальная проблема, выдвинутая Н. Триплеттом в 1898 г., была связана с изучением

влияния присутствия других людей на эффективность действий человека. Думается, дело здесь не в том, что приверженцы этих теорий не замечают актуальные производственные проблемы, а скорее в том, что рамки этих теорий не позволяют должным образом их изучать и решать.

В-пятых, неформальные подгруппы в малой группе не представлены в качестве самостоятельной тематики среди широкого перечня тем, изучающихся в зарубежной психологии.

ГЛАВА 2

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Подводя итог развитию отечественной социальной психологии, П.Н. Шихирев делает три основных вывода: а) к кону 1970-х гг. в социальной психологии сформировалось немало «стыковочных узлов» для международной кооперации; б) доминирующим исследуемым межсубъектным отношением является отношение «группа – индивид» при ведущей роли группы; в) группа рассматривается как реальная, а не экспериментальная, процессы внутри нее опосредствованы совместной деятельностью, и группа развивается как коллектив в системе общественных отношений. «Именно исследования коллектива – теоретические, эмпирические и прикладные составляют основной вклад парадигмы преобразования в современную социальную психологию, где ее достойно представляют. Можно без всякого преувеличения сказать, что эти исследования, взятые в совокупности, не имеют себе равных в современной социальной психологии. Они выполнены на единой теоретической платформе» [234, с. 320].

В то же время в литературе отмечается, что «исследование коллективов исчерпало к середине 1980-х гг. свой основной потенциал» [234], заключительный период столетия (1990-е гг.) «оказался для исследователей малых групп в целом малоплодотворным» [111]. Такая негативная тенденция связывается с экономическим кризисом 1990-х гг., повлекшим за собой резкое сокращение финансирования (централизованного и хоздоговорного) исследований, с возникновением новых типов групп и, соответственно, нового класса явлений, которые не могли изучаться с прежних теоретико-методологических позиций.

В зарубежной психологии малой группы, как было показано в предыдущей главе, проводятся обобщающие исследования для оценки тенденций развития и проблемных зон в этой дисциплине.

В отечественной психологии, к сожалению, такой детальный анализ представлен в меньшей степени. Это не означает, что в публикациях отсутствует какой-либо обзор и анализ исследований отечественных авторов. Однако в учебниках, монографиях и статьях внимание авторов прежде всего акцентировано на ключевых работах и подходах в истории отечественной психологии малых групп [39; 110; 146; 159], на некоторых обобщениях мате-

риалов изучения малой группы [5; 110; 150], отдельных ее параметров, явлений [34; 71; 112; 120; 200], того или иного ее типа [22], на подведении итогов собственных продолжительных исследований [82; 103; 120; 159; 200; 221]. Кроме того, в ретроспективных анализах чаще затрагивались отдаленные от настоящего времени периоды, тогда как последние двадцать лет оставались в тени. Поэтому было бы своевременным проведение относительно детального ретроспективного анализа исследований малых групп в отечественной психологии.

В зарубежной психологии отмечаются три способа сбора информации для решения подобной задачи: а) анализ уже ставших классическими учебников, монографий, собраний сочинений; б) анализ обзорных статей, в которых аккумулирован накопленный потенциал знаний; в) библиометрический анализ с целью систематизации всех публикаций по различным темам.

В нашем случае было решено ограничиться библиометрическим анализом публикаций в журналах «Вопросы психологии» и «Психологический журнал», изданных с 1985 по 2002 г.г. включительно.

Ограничение поля анализа только журналами, причем, двумя, связано с рядом обстоятельств. В отличие от зарубежной психологии мы пока не обладаем доступом к абсолютно всем опубликованным работам (учебники, монографии, статьи, тезисы). За рубежом же существуют разные банки данных, что существенно облегчает решение подобной задачи, например, PsycLit, Social Sciences Citation Index, Ежегодник American Psychological Association, мультидисциплинарный ISI-банк данных (Institute for Scientific Information). Причем в таких банках данных содержатся не только названия, но и краткое содержание публикаций, может даваться указание на их тип.

Выбор же указанных журналов не случаен, так как они издаются в течение продолжительного времени («Вопросы психологии» – с 1955 г., «Психологический журнал» – с 1980 г.), были ведущими в советский период нашего общества и остаются таковыми в настоящее время, являются реферативными. Данные журналы – одни из представительных с точки зрения отбора статей по их новизне, актуальности, уровню теоретической и экспериментальной проработки.

В последние годы в нашей стране основаны и выходят иные, не менее интересные и содержательные журналы – «Мир психологии», «Прикладная психология» и др. В журналы ряда государственных университетов включена специализированная серия по психологии («Вестник МГУ»), а при некоторых психологических факультетах основаны журналы по психологии. Например, при факультете психологии РГУ создан журнал «Северо-Кавказский психологический вестник». Однако физически сложно провести намеченный анализ по всем существующим журналам и, кроме того, большинство из них были основаны значительно позже 1985 г.

В качестве исходной точки анализа не случайно был выбран 1985 г. С одной стороны, это предопределялось тем, что с данного времени в нашей стране начали происходить, первоначально постепенно, а затем глобально, социально-экономические, политические, идеологические изменения, кото-

рые не могли не отразиться на содержании публикуемых материалов. С другой стороны, до середины 1980-х гг. были уже широко опубликованы в монографиях, статьях, тезисах, учебных пособиях две распространенные в отечественной психологии теоретические модели малой группы: теория деятельностного опосредствования межличностных отношений и параметрическая концепция. Именно они оказывали существенное влияние на исследования многих ученых и практиков. Кроме того, несмотря на значительный научный и прикладной задел, сформированный предшествующими десятилетиями, со второй половины 1980-х гг. стал просматриваться некоторый спад в развитии психологии малых групп. Период 1990-х гг., как отмечают Р.Л. Кричевский и Е.М. Дубовская, «оказался для отечественных исследователей малых групп в целом малоплодотворным» [111, с. 40]. Авторы объясняют такую тенденцию отсутствием монографий и незначительным количеством диссертаций, в которых представлены исследования, выполненные в данный период.

Анализ исследований малых групп в отечественной психологии по публикациям в журналах «Вопросы психологии» и «Психологический журнал» проводился в нескольких направлениях:

- количество и направленность публикаций;

- приоритетные темы исследования;

- тип исследуемой группы;

- динамика количества публикаций с 1985 г. по 2002 г.;

- динамика частоты исследования социально-психологических явлений и параметров малой группы;

- концептуально-методологическое состояние психологии малой группы.

Прежде чем перейти к непосредственному анализу публикаций по указанным направлениям, необходимо обозначить общую процедуру расчета количества публикаций и аспекты изучения малых групп, которые будут рассматриваться в качестве единиц анализа.

В каждом номере журнала подсчитывалось количество публикаций: по психологии малых групп (на основе заранее выделенных аспектов), по социальной психологии и в целом изданных в данном номере.

Важно отметить, что в процедуру подсчета количества публикаций в каждом номере журнала не включались материалы: по истории психологии; посвященные юбилярам, юбилейным и памятным датам (без научного содержания); о личности выдающихся психологов; бесед с ведущими психологами; переписки ученых; резолюций, постановлений, уставов; по научной жизни, критике и библиографии; по Международным и Всероссийским конгрессам, конференциям и др.; о встречах российских психологов с зарубежными; по обзору, анализу зарубежных исследований; зарубежных авторов; по тематике защищенных диссертаций; о вручении премий; по рубрике «из редакционной почты».

Кроме того, не учитывались публикации сугубо идеологического содержания (например, «Актуальные проблемы социальной психологии в свете

решений XXVII съезда КПСС»). Необходимо отметить, что во внимание принимались статьи авторов из различных республик бывшего СССР, опубликованные до 1992 г. (до распада СССР).

В целом это позволило вычленить статьи чисто научного или прикладного характера, представляющие собственно отечественные разработки по различным дисциплинам и проблемам. То есть во внимание принимались только те публикации, которые непосредственно были связаны с конкретными теоретическими, экспериментальными исследованиями или прикладными работами. На наш взгляд, такой «жесткий» отбор публикаций дает возможность повысить чистоту анализа.

За каждый год по каждому журналу в специальных матрицах фиксировались: количество статей по психологии малых групп и их направленность, количество и содержание исследуемых аспектов малой группы (в одном исследовании чаще затрагивалось два аспекта), количество представленных в исследовании типов групп, количество статей по социальной психологии (включая статьи по малым группам), общее количество статей (за исключением тех, которые подпадали под выше перечисленные ограничения). В дальнейшем все эти показатели рассматривались в абсолютных значениях и процентных соотношениях.

Для того чтобы провести детальный анализ исследования малых групп по материалам публикаций, были выделены различные темы, которые могут иметь отношение к области психологии малых групп. При выборе таких тем мы опирались не только на многочисленные теоретические и экспериментальные исследования (монографии и статьи), но и на ряд учебных пособий: Петровский А.В., Шпалинский В.В. Социальная психология коллектива, 1978; Донцов А.И. Психология коллектива, 1984; Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. Социальная психология малой группы, 2001; Андреева Г.М. Социальная психология, 2002.

Это позволило выделить 24 темы, условно разделенных на несколько категорий (методологическую, непосредственно процессуальную, параметрическую, специфическую): общая характеристика малой группы, методы исследования, методы воздействия, изменение малых групп (динамика совместной деятельности и отдельных параметров, этапы решения групповой задачи, уровни развития группы), совместная деятельность, взаимодействия и взаимоотношения и др.

Для выделения статей, относящихся к социальной психологии, мы опирались на структуру следующих учебных пособий: Шихирев П.Н. Современная социальная психология, 2000; Социальная психология / Под ред. А.Н. Сухова, А.А. Деркача, 2001; Андреева Г.М. Социальная психология, 2002. Следует отметить, что к публикациям по социальной психологии были отнесены и те статьи, которые выполнены на стыке с другими психологическими дисциплинами, например, с возрастной психологией. Кстати говоря, таких смежных публикаций было не так уж и мало. В частности, количество выделенных статей превышало количество публикаций, изданных в рубрике «Социальная психология» «Психологического журнала».

1. Количество и направленность публикаций

За период с 1985 по 2002 гг. было выделено следующее количество публикаций:

а) в «Вопросах психологии»: общее количество статей – 1386; статей по социальной психологии – 175 (включая по малым группам); статей по психологии малой группы – 63.

б) в «Психологическом журнале»: общее количество статей – 1498; статей по социальной психологии – 159 (включая по малым группам); статей по психологии малой группы – 41.

Сравнительные данные в процентном выражении представлены в табл.3.

Таблица 3

Количество публикаций по психологии малых групп в журнале «Вопросы психологии и «Психологическом журнале» (в %)

Форма сравнительного анализа	**Журналы**	
	«ВП»	**«ПЖ»**
В сравнении с количеством статей по социальной психологии	36	26
В сравнении с количеством всех статей	4.5	2.7

Как видно, в абсолютных и сравнительных значениях количество публикаций по малым группам за рассматриваемый период оказалось больше в журнале «Вопросы психологии» (36% и 4.5%), чем в «Психологическом журнале» (26% и 2.7%).

Следует отметить, что такое соотношение публикаций статей по малой группе в этих журналах не может однозначно свидетельствовать о разной степени их интереса к данной психологической области. Оно, скорее, определяется спецификой данных журналов. Например, «Психологический журнал» ориентирован на публикации по очень широкому спектру психологических дисциплин. Так, за три года (2000-02 гг.) в этом журнале были опубликованы работы по 24 традиционным психологическим отраслям, не считая теоретико-методологических и прикладных направлений, формирующихся дисциплин и др.

Направленность публикаций в данных журналах была разделена на три группы: чисто теоретические работы, теоретико-эмпирические (тщательная теоретическая проработка поставленной проблемы и одновременно ее эмпирическое исследование), эмпирические и прикладные. В последнюю группу были объединены две формы направленности публикаций, так как в ряде статей трудно было четко определить их направленность, наблюдалось смешение элементов эмпирического исследования с конкретными прикладными задачами.

Говоря о направленности публикаций, необходимо отметить два момента. В данной части анализа пока не будут затрагиваться работы концептуального содержания, работы (теоретические, эмпирические), выполненные в рамках определенной концепции малой группы. Второй момент состоит в том, что специально использовалось понятие «эмпирическое» исследование, которое шире понятия «экспериментальное». Кроме того, в проанализированных публикациях очень редко встречались работы с действительно экспериментальными исследованиями в собственном смысле слова, в узком значении.

Показатели направленности публикаций в данных журналах представлены в табл. 4.

Таблица 4
Направленность публикаций
журнала «Вопросы психологии и «Психологического журнала»
(в % к общему количеству анализируемых статей по малым группам)

Направленность публикации	**Журналы**	
	«ВП»	**«ПЖ»**
Теоретическая	13	10
Теоретико-эмпирическая	20	15
Эмпирическая, прикладная	67	75

По результатам видно (табл. 4), что в «Вопросах психологии» и «Психологическом журнале» примерно в одинаковой мере представлена каждая из трех обозначенных направленностей публикаций. Преобладающий объем опубликованных в них статей имеет эмпирическое, прикладное содержание, а значительно меньший – сугубо теоретическое.

2. Приоритетные темы исследования

Приоритетные темы (аспекты) исследования определялись на основе наибольшей частоты их встречаемости в публикациях и выражались в процентах к общей численности всех затрагивавшихся тем по всем выделенным 24 аспектам. В этом случае общая численность раскрывавшихся тем значительно превышала количество публикаций, так как во многих из них рассматривалась не одна, а две темы. В результате этого были выделены следующие наиболее часто исследованные темы в материалах журнала «Вопросы психологии» (первая цифра) и «Психологического журнал» (вторая цифра):

- *«Взаимодействия и взаимоотношения» (19% / 14.3%);*
- *«Совместная деятельность» (16.4% / 14.3%);*
- *«Психологические особенности личности в группе» (17.2% / 11.4%);*
- *«Методы исследования» (11.2% / 8.6%);*
- *«Лидерство и руководство» (5.2% / 11.4%).*

Тема «Подгруппы в группе» относится к разряду тех, которые наименее всего представлены в публикациях. В этом отношении можно выделить всего лишь три статьи. В статье Т.М. Горбатенко рассматриваются особенности связи между профессиональными намерениями старшеклассников и их включенностью в подгруппы учебной группы [63]. Статья Р.Б. Гительмахера посвящена изучению микрогрупп производственных коллективов с точки зрения отношения представителей микрогрупп к непосредственному руководству [51]. В работе А.В. Сидоренкова описываются результаты естественного эксперимента и апробированные на практике методы управления противоречиями в учебной группе с целью деструктурирования асоциальных подгрупп и, в конечном счете, их распада; усиления сплоченности просоциальных подгрупп, объединения вокруг них остальных членов группы [175]. Дополнительно следует отметить публикацию А.С. Чернышева и Т.И. Сурьяниновой, в которой упоминается подгруппа в связи с изучением становления организованности группы дошкольников [222].

Следует еще раз отметить, что во многих публикациях рассматривался не один, а два аспекта в их взаимообусловленности, причинно-следственной связи. Поэтому одновременно по двум журналам рассмотрим наиболее часто встречаемые, т.е. ключевые аспекты (в процентах к общему количеству статей по МГ) в их взаимосвязи с другими (в процентах к общему количеству встречаемости по ключевому аспекту) аспектами. Возможны случаи, когда взаимосвязанный аспект идентичен ключевому (например, «лидерство и руководство» - «лидерство и руководство»). Это означает, что имелись публикации, в которых рассматривался только один аспект, без его связи с другим.

Такой анализ позволил выделить следующие, рассматривавшиеся во взаимосвязи, аспекты:

- *«Совместная деятельность» (20.2%)* – «взаимодействия и взаимоотношения» (28.6%), «психологические особенности личности в группе» (28.6%), «совместная деятельность» (14.2%), «принятие решения» (9.4%), «интегративные процессы» (4.8%), «противоречия и конфликты» (4.8%), «внутригрупповое влияние» (4.8%), «изменение совместной деятельности (4.8%).

- *«Методы исследования» (17.3%)* – «взаимодействия и взаимоотношения» (44.5%), «изменение группы» (22.2%), «совместная деятельность» (11.1%), «противоречия и конфликты» (11.1%), «лидерство и руководство» (11.1%).

- *«Психологические особенности личности в группе» (16.3%)* – «совместная деятельность» (23.7%), «взаимодействия и взаимоотношения» (17.6%), «интегративные процессы» (17.6%), «противоречия и конфликты» (17.6%), «внутригрупповое влияние» (17.6%), «лидерство и руководство» (5.9%).

- *«Взаимодействия и взаимоотношения» (10.6%)* – «взаимодействия и взаимоотношения» (54.5%), «совместная деятельность» (9.1%), «структура межличностных отношений» (9.1%), «противоречия и конфликты» (9.1%), «роль и статус» (9.1%), «комплектование группы» (9.1%).

- *«Лидерство и руководство» (7.7%)* – «лидерство и руководство» (37.5%), «психологические особенности личности в группе» (25%), «взаимодействия и взаимоотношения» (12.5%), «противоречия и конфликты» (12.5%), «психологический климат» (12.5%).

3. Тип исследуемой группы

Определенный интерес для анализа публикаций могут представлять типы групп, которые являлись объектом теоретико-эмпирических и эмпирико-прикладных исследований. В подавляющем большинстве публикаций рассматривался какой-то один тип группы, хотя в некоторых случаях в качестве объекта одновременно были представлены два-три типа групп.

Показатели, представленные в табл. 5, свидетельствуют о том, что в «Вопросах психологии» значительно чаще публиковались статьи, в которых рассматривались дошкольные (28%) и учебные (43%) группы, тогда как в «Психологическом журнале» – статьи с исследованием групп лабораторного (20%) и трудового (57%) типа.

Таблица 5

Рассматриваемые типы групп в публикациях журнала «Вопросы психологии и «Психологического журнала» (в % к общему количеству групп)

Тип группы	**Журналы**	
	«ВП»	**«ПЖ»**
Лабораторная	7	20
Семейная	9	14
Дошкольная (детсад)	28	3
Учебная	43	3
Трудовая	11	57
Спортивная	2	3

В качестве примечания следует отметить, что под лабораторным типом группы имелась в виду искусственно составленная группа из ранее незнакомых людей или из части реальной группы, на которой проводился эксперимент. Остальные типы были представлены реальными группами.

Выявленная закономерность не случайна, так как она отображает традиционную направленность журналов, а следовательно и приоритеты в изучении групп. Например, хорошо известно, что журнал «Вопросы психологии» в первую очередь специализируется по возрастной и педагогической психологии, а следовательно в нем объективно должно быть больше статей, в которых объектом исследования выступали бы дошкольные и учебные группы.

4. Динамика количества публикаций с 1985 по 2002 гг.

Динамика количества публикаций по психологии малых групп за каждый год указанного периода рассматривалась в двух аспектах:

- в процентах к количеству статей по социальной психологии (рис.1);
- в процентах к общему количеству статей (рис.2.)

Рис. 1. Динамика количества публикаций по психологии малых групп с 1985 по 2002 г. (в % к количеству статей по социальной психологии)

В виде примечания необходимо указать, что на двух рисунках тонкой линией обозначена динамика публикаций в журнале «Вопросы психологии», а более жирной линией – динамика публикаций в «Психологическом журнале».

Динамика количества публикаций по малым группам, представленная в процентах к количеству статей по социальной психологии (рис.1), свидетельствует о некоторой характерной для обоих журналов тенденции уменьшения доли статей по тематике малых групп в общей численности публикаций по социальной психологии (от 1985 к 2002 гг.). Одна из возможных причин такой тенденции может заключаться в переориентации и изменении приоритетов социальной психологии в соответствии с ожиданиями и запросами изменяющегося российского общества. Однако эта версия может вызывать и некоторые сомнения, косвенным свидетельством чего является динамика количества публикаций по малым группам, выраженная в процентах к общему количеству статей (рис.2). Характер такой динамики фактически идентичен предыдущей динамике. Это значит, что изменение численности статей по малым группам жестко не связано с динамикой публикаций по социальной психологии в целом.

Следует отметить, что выделенная тенденция не является устойчивой, т.е. в отдельные годы происходил «всплеск» количества публикаций по малым группам как в одном, так и другом журнале, причем он имел выраженный характер и выпадал на разные годы в этих журналах.

Так, в «Вопросах психологии» заметное увеличение численности публикаций по малым группам приходится на 1992 г. (55%), 1996 г. (45%), 1997 г. (37%) и очень резкое повышение – на 1998 г. (63%) Наоборот, нулевой уровень публикаций выпадает на 1999 г. и 2002 г.

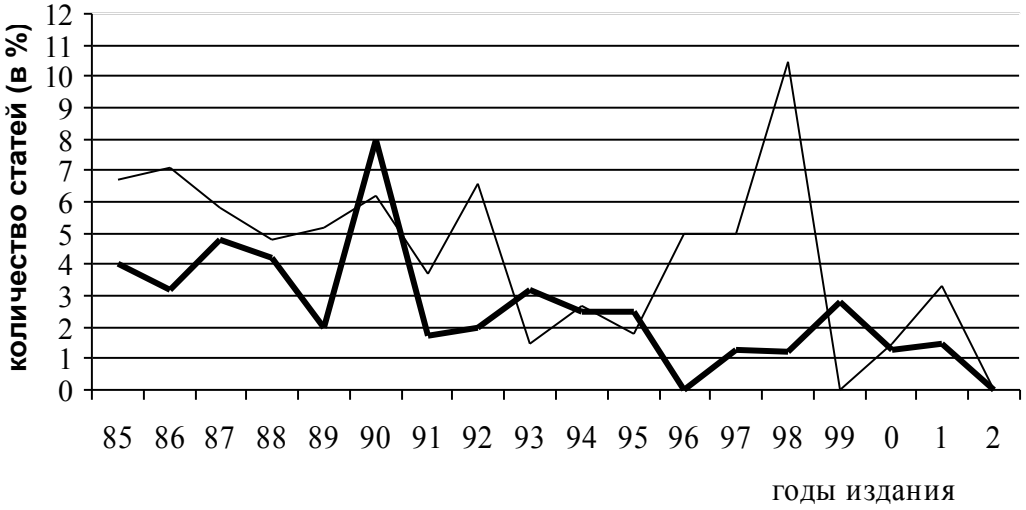

Рис. 2. Динамика количества публикаций по психологии малых групп с 1985 по 2002 г. (в % к общему количеству статей)

В «Психологическом журнале» можно выделить только 1990 г. (54%), когда произошло существенное увеличение количества статей по малым группам на фоне публикаций по социальной психологии и 1996 г., 2002 г., когда не было опубликовано ни одной статьи по малым группам.

Таким образом, общая тенденция динамики численности публикаций в двух журналах сопряжена с некоторыми вариациями в них по конкретным годам. Дополнительно можно сказать, что наиболее контрастная разница между динамикой публикаций по малым группам (рис. 1) в «Вопросах психологии» и «Психологическом журнале» наблюдается в 1996 г. (соответственно 40% и 0%) и 1998 г. (соответственно 63% и 12%).

Важным, но нераскрытым вопросом являются причины постепенного снижения количества публикаций по малым группам за последние 18 лет, а также эпизодического повышения интереса к данному направлению социальной психологии. Предположительно можно обозначить некоторые такие причины:

- изменение приоритетов социальной психологии (хотя было высказано некоторое сомнение по этому поводу);
- изменение в целом приоритетов научных и прикладных тематик журналов;
- отсутствие новых отечественных концепций малой группы, которые могли бы дать стимул к дальнейшему развитию этой психологической дисциплины;
- фактор случайности в периодическом усилении внимания к проблематике малых групп.

Говоря о таких возможных причинах, следует еще раз обратиться к зарубежным работам, в которых выделены различные факторы циклического подъема и спада интереса к малым группам в зарубежной психологии. Напомним, что в них отмечаются разные причины, среди которых важное значение имеет отсутствие или развитие новых направлений, теорий.

5. Динамика частоты исследования социально-психологических явлений и параметров малой группы с 1985 по 2002 гг.

В рамках данной работы сложно, с точки зрения объема изложения результатов, проследить динамику изучения по годам каждого из двадцати четырех выделенных аспектов (тем) малой группы. Кроме того, некоторые из них фактически не представлены в публикациях. Поэтому пришлось ограничиться анализом динамики исследований лишь тех аспектов, которые относятся к социально-психологическим явлениям и параметрам малой группы (7-19 аспекты). Причем для упрощения анализа и представления результатов весь рассматриваемый временной период был разделен на два равных этапа: 1985-92 гг. и 1993-02 гг.

Прежде чем приступить к такому анализу, необходимо напомнить, что во многих публикациях рассматривался не один, а два аспекта (редко – три) в их взаимообусловленности, причинно-следственной связи.

Такое положение вещей характерно и для социально-психологических явлений и параметров. Так, в журнале «Вопросы психологии» 78.5% статей по малым группам включали исследование двух явлений, параметров группы в их взаимосвязи, а в «Психологическом журнале» – 68% статей. Вследствие этого подсчет частоты встречаемости конкретных социально-психологических явлений и параметров включал в себя все затрагивавшиеся в статьях явления и параметры. Поэтому их общее количество будет превышать численность публикаций, в которых они рассматривались.

Частота встречаемости групповых явлений и параметров выражалась в абсолютных значениях, которые представлены в диагр.1 и диагр.2.

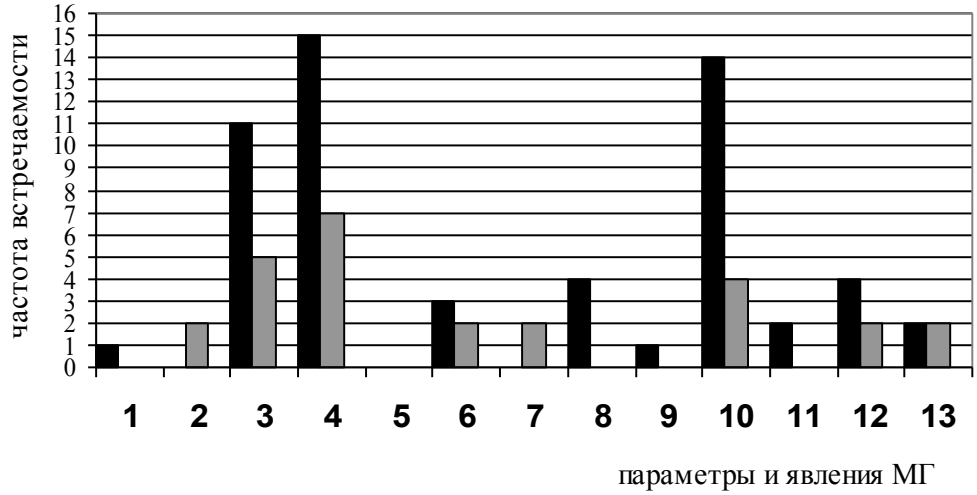

Диаграмма 1
Сравнительный анализ частоты исследования параметров и явлений МГ между периодами 1985-92 гг. (1-й столбец) и 1993-02 гг. (2-й столбец) по статьям журнала «Вопросы психологии»

Примечание: *1 - нормы и ценности МГ; 2 - формально-количественные характеристики МГ; 3 - совместная деятельность МГ; 4 - взаимодействия и взаимоотношения в МГ; 5 - межличностное восприятие и познание в МГ; 6 - структура межличностных отношений*

в МГ; 7 - интегративные внутригрупповые параметры; 8 - противоречия и конфликты в МГ; 9 - социально-психологический климат в МГ; 10 - активность и индивидуально-психологические особенности личности в МГ; 11 - взаимодействие личности с МГ; 12 - лидерство и руководство в МГ; 13 - роль и статус личности в МГ.

Во-первых, данные диаграмм показывают, что большая часть групповых явлений и параметров (69%) в одинаковой степени чаще исследовалась в «Вопросах психологии» и «Психологическом журнале» в первой половине рассматриваемого временного периода. Если говорить о частоте встречаемости одновременно всех рассматриваемых параметров, то в «Вопросах психологии» она составила в абсолютных значениях 57 случаев в первом временном периоде и 26 случаев – во втором. В «Психологическом журнале» наблюдается достаточно похожее общее соотношение, но с иными показателями: 34 случая исследования в исходном периоде и 20 случаев – во втором периоде. Сопоставление же приведенных показателей между двумя журналами отражает общую картину издания в них статей по малым группам, которая была обозначена выше.

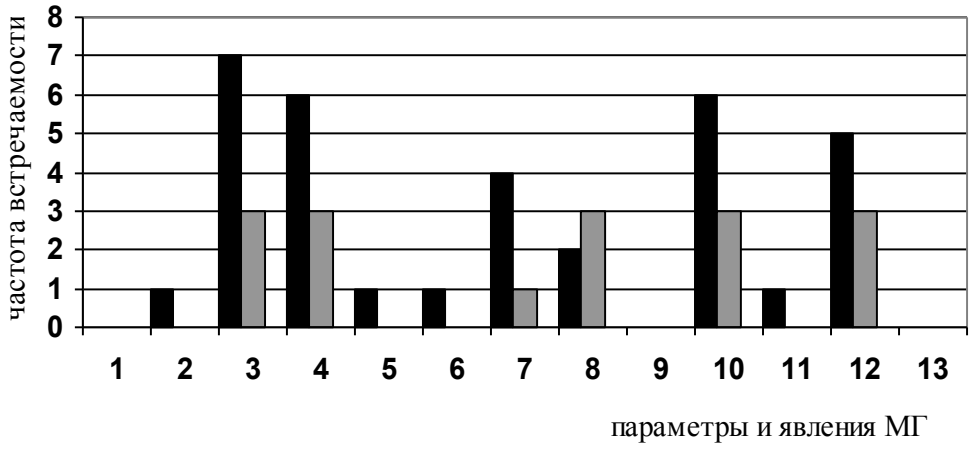

Диаграмма 2
Сравнительный анализ частоты исследования параметров и явлений МГ между периодами 1985-92 г. (1-й столбец) и 1993-02 г. (2-й столбец) по статьям «Психологического журнала»

Во-вторых, предметом изучения с 1985 по 1992 гг. в публикациях «Вопросов психологии» и «Психологического журнала» чаще всего являлись:

- взаимоотношения и взаимодействия в МГ (15 и 6 случаев);

- индивидуально-психологические особенности личности в МГ (14 и 6 случаев);

- совместная деятельность (11 и 7 случаев).

На фоне показателей изучаемости оставшихся параметров группы в «Психологическом журнале» можно еще отметить лидерство и руководство (5 случаев) и интегративные внутригрупповые процессы (4 случая).

Очень слабое внимание или вообще его отсутствие в двух журналах наблюдается по отношению к категориям: нормы и ценности МГ, формально-количественные характеристики МГ, межличностное восприятие и позна-

ние в МГ, социально-психологический климат МГ, роль и статус личности в МГ, интегративные внутригрупповые параметры - целостность, сплоченность, совместимость, сработанность (в «Вопросах психологии») и др.

С 1986 по 2002 гг. в публикациях двух журналов преобладают такие же темы, но с меньшей частотой встречаемости, как и в предыдущем временном отрезке: взаимоотношения и взаимодействия в МГ (7 и 4 случая), индивидуально-психологические особенности личности в МГ (4 и 3 случая), совместная деятельность (5 и 3 случая). Кроме того, в «Психологическом журнале» подобный уровень встречаемости (в сравнении с указанными темами) имеют такие категории, как противоречия и конфликты, лидерство и руководство. В этот же период ни в одном из журналов вообще не издавались работы по нормам и ценностям, межличностному восприятию и познанию, социально-психологическому климату, взаимодействию личности с группой (адаптация, идентификация, референтность). Кроме того, заметного повышения интереса к групповым параметрам и явлениям в данный период, по сравнению с предыдущим, ни в каком журнале не наблюдается. Если и есть какое-то повышение (например, по формально-количественным характеристикам группы, интегративным внутригрупповым параметрам, противоречиям и конфликтам), то оно крайне несущественно.

6. Концептуально-методологическое состояние психологии малой группы

1) Публикации концептуального содержания.

Интерес к концептуальным подходам в анализе малой группы, ее социально-психологических параметров и явлений связан с тем, что именно такие исследования задают векторы дальнейшего развития рассматриваемой психологической дисциплины – психологии малой группы. Застой в развитии имеющихся концепций, отсутствие новых концептуальных подходов может в определенной мере свидетельствовать о некотором теоретическом вакууме, не позволяющем с иных позиций переосмыслить и исследовать давно известные социально-психологические явления и параметры малой группы.

В журнале «Вопросы психологии» можно выделить небольшое количество статей концептуального содержания.

Во-первых, необходимо отметить статьи, содержание которых основывается на положениях теории деятельностного опосредствования межличностных отношений (ДОМО), занимавшей доминирующую позицию в отечественной социальной психологии с середины 1970-х гг.

Одна часть таких публикаций направлена на дальнейшее развитие данной теории. В этом случае можно сослаться на статью Ю.В. Синягина, в которой он предпринял попытку преодолеть одно из ограничений положения теории ДОМО об уровнях развития группы [177]. С теорией ДОМО связана и статья Н.С. Немова, где рассматривается зависимость проявления сверхнормативной активности группы от развитости специфических межличностных отношений, характеризующих уровень развития группы [134].

Другая часть работ направлена на модернизацию или разработку новых методов исследования на базе указанной теории. К ним относятся публикации А.В. Петровского [145], Ю.В. Синягина [178], Н.И. Шевандрина [227], Н.И. Шевандрина [228]. Следует отметить, что первая, третья и четвертая статьи очень близки по содержанию, включают общие черты принципа построения метода исследования взаимоотношений в группе и, посредством этого, уровня сформированности группы.

Во-вторых, можно выделить статьи, в которых авторы опирались на концепции, не имеющие отношения к области малых групп.

Так, три статьи были выполнены с опорой на теорию установки: Н.И. Сарджвеладзе [168], М.А. Цискаридзе [213], М.И. Харшиладзе [210]. В первых двух статьях излагаются процедура и результаты лабораторного эксперимента (с применением принципа «подставной группы»), направленного на изучение роли установки личности в процессах внутригруппового влияния (большинства / меньшинства). В третьей статье анализируется влияние определенной социальной установки на межличностные отношения, эффективность решения групповой задачи.

В одной публикации автор – И.Г. Дубов – использовал концепцию персонализации личности в изучении взаимодействия педагога с учащимися [76]. В другой статье рассматриваются межличностные отношения в группах дошкольного возраста с позиции концепции развития взаимоотношений в детском возрасте, разрабатывающейся Е.О. Смирновой. Несмотря на специфический характер данной тематики, все же необходимо отметить данную статью Е.О. Смирновой и В.Г. Утробиной [182].

В работе Н. Вересова и П. Хаккарайнена [44] анализируются понятия «коллективная деятельность» и «коллективный субъект» в связи с концепциями социальной ситуации развития и ведущей деятельности.

Таким образом, в «Вопросах психологии» за последние 18 лет было опубликовано двенадцать статей, связанных с определенными отечественными концепциями. Причем подавляющее большинство из них было издано до 1992 г. и, по большому счету, не способствовало дальнейшему развитию этих концепций. Половина из отмеченных работ выполнена в рамках теории ДОМО. Нет ни одной статьи, связанной с параметрической теорией.

В «Психологическом журнале» представлено ограниченное количество статей концептуального содержания.

Во-первых, следует выделить статьи, которые, как и в предыдущем случае, основываются на положениях теории деятельностного опосредствования межличностных отношений.

Работы такой направленности фактически отсутствуют. Можно лишь отметить публикацию Р.С. Немова и Ю.В. Синягина [135], в которой рассматривается однородность-неоднородность группы по композиции некоторых личностных качеств, влияние определенной композиции на эффективность совместной деятельности в зависимости от уровня развития группы.

Во-вторых, была опубликована одна статья, выполненная в русле параметрической теории, авторы которой А.С. Чернышев и Т.И. Сурьянинова

[222] с позиции организационно-параметрической модели группы рассматривают развитие организованности лабораторных групп (численность пять-семь человек) старших дошкольников с применением аппаратурной методики («Арка»). Особенное внимание уделяется лидерству как механизму становления групповой совместной деятельности.

В-третьих, можно выделить некоторые работы, авторы которых опирались на разные концепции, в том числе не имеющие непосредственного отношения к малой группе.

Например, в статье В.С. Агеева [1] на основе теоретического синтеза зарубежных концепций межгруппового взаимодействия и научных разработок автора, анализируется механизм социального сравнения в межгрупповом взаимодействии. В публикации В.А. Толочек [193], автор, опираясь на концепцию индивидуального стиля деятельности, раскрывает понятие стиля профессиональной деятельности и конкретно рассматривает его применительно к деятельности руководителя, взаимодействию членов группы.

Следовательно, в «Психологическом журнале» практически не представлены статьи, связанные с отечественными теориями малой группы, а те которые были опубликованы, не внесли существенных дополнений в соответствующие теории.

Обобщая рассмотренные материалы по двум журналам, можно констатировать, что за последние 18 лет в публикуемых в них статьях (особенно в «Психологическом журнале») не отражено развитие теории деятельностного опосредствования межличностных отношений и параметрической теории, а количество публикаций, выполненных в их рамках, было ограниченным. За указанный период не отмечено формирование новых концепций малой группы.

2) Публикации методологического содержания.

В журнале «Вопросы психологии» за период с 1985 г. по 2002 г. было опубликовано три статьи методологического содержания, причем, все они оказались сосредоточенными на анализе совместной деятельности: Цукерман Г.А. Предметность совместной учебной деятельности (1990, №1), Донцов А.И., Дубовская Е.М., Улановская И.М. Разработка критериев анализа совместной деятельности (1998, №2), Рубцов В.В. Совместная учебная деятельность в контексте проблемы соотношения социальных взаимодействий и обучения (1998, №5).

Из трех перечисленных статей вторая имеет не специфический характер, так как направлена на обобщение исследований совместной деятельности. В ней представлен анализ различных сложившихся подходов к пониманию совместной деятельности, ее структуры и процессуальных характеристик, критериев результативности совместной деятельности.

К сожалению, приходится отметить отсутствие методологических публикаций по малой группе.

В «Психологическом журнале» вышло две публикации методологического содержания: Шакуров Р.Х. Функционально-деятельностный подход к исследований руководства трудовым коллективом (1985, №6), Журавлев А.Л.

Роль системного подхода в исследовании психологии трудового коллектива (1988, №6).

В первой статье затрагивается одно из социально-психологических явлений малой группы – руководство. Автор выделяет и подробно описывает две группы функций руководства: содержательную (функции-цели) и поэтапную (функции-операции), указывает на их иерархические отношения. Подходя к проблеме с системных позиций, он обозначает многомерный функционально-деятельностный подход, который, с его точки зрения, дает теоретическое обоснование для многомерного анализа личности и деятельности руководителя.

Во второй публикации (на основе анализа работ по малым группам) дается обоснование необходимости применения системного подхода к изучению малой группы. В статье автор обозначает системообразующие факторы и системную детерминацию малой группы, ее развитие как системы, многоуровневый характер взаимодействий и взаимоотношений в группе как системы, указывает на социально-психологические процессы (целеобразование, мотивообразование и др.) как «единицы» анализа одновременно совместной деятельности и группы и т.д.

Можно сказать, что в двух журналах за рассматриваемый временной период было опубликовано очень мало работ методологического содержания. Очевидно, что дальнейшее развитие психологии малых групп нуждается в работах подобного рода, особенно базирующихся на системном подходе.

3) Публикации методического содержания.

Публикации такого содержания были разделены на две группы: методы исследования и психодиагностики малой группы, ее параметров и процессов, а также методы психологического воздействия на малую группу и личность в группе. В первом случае рассматривались только такие работы, в которых предметом изложения, анализа являлся метод.

Количество статей, непосредственно посвященных методам исследования (психодиагностики), составило в журнале «Вопросы психологии» 20.6% от общей численности публикаций по малым группам, а в «Психологическом журнале» – 12.2%.

Методы исследования (по данным двух журналов) были направлены на изучение следующих аспектов малой группы:

- *«Взаимодействия и взаимоотношения» (44.4%);*
- *«Процессы динамики, изменения, развития» (22.3%);*
- *«Совместная деятельность» (11.1%);*
- *«Противоречия и конфликты» (11.1%);*
- *«Лидерство и руководство» (11.1%).*

Среди методов исследования использовались: опросные методики (66.6%), проективные методики – тест Роршаха, ЦТО, проективный рисунок (16.7%) и аппаратурные (16.7%).

Численность публикаций по методам воздействия в журнале «Вопросы психологии» составила 6.3% от общей численности публикаций по малым группам, тогда как в «Психологическом журнале – 4.9%.

Методы воздействия использовались (по данным двух журналов) для изменения: взаимодействий и взаимоотношений, структуры межличностных отношений, индивидуально-психологических особенностей личности в группе, лидерства и руководства, роли и статуса.

Методы воздействия применялись: в естественных условиях (33.3%), в форме социально-психологического тренинга (50%) и консультирования (16.7%).

Подведем итог по этой главе. Во-первых, динамика количества публикаций за последние 18 лет по тематике малых групп в двух центральных журналах проявилась в существенном уменьшении численности статей. Однако выделенная тенденция не является абсолютно устойчивой, так как в отдельные годы происходил «всплеск» числа публикаций как в одном, так и другом журнале. Тем не менее, выделенная тенденция может свидетельствовать о застойных явлениях в области отечественной психологии малой группы.

Во-вторых, наиболее исследовавшиеся темы были связаны с взаимодействием и взаимоотношением, совместной деятельностью, психологическими особенностями личности в группе, методами исследования, лидерством и руководством. Фактически нет публикаций, за исключением трех статей, предметом изучения которых были бы неформальные подгруппы в малых группах.

В-третьих, за рассмотренный период в публикациях этих журналов не отражено существенное развитие двух отечественных теорий и не отмечено формирование новых концепций. Кроме того, было опубликовано очень мало работ методологического содержания.

В-четвертых, в зарубежной и отечественной психологии малых групп в настоящее время несколько различны актуальные проблемы и задачи.

В зарубежной психологии проблемы связаны с возрастанием разрозненности исследования группы в разных дисциплинах и с отсутствием связи между теорией и практикой. В отечественной психологии такие проблемы не столь актуальны на данный момент времени, так как малые группы не на столько активно изучаются в других дисциплинах, что остро не ставит задачу междисциплинарной интеграции, а имеющиеся теории в значительной мере исчерпали свой потенциал и оказались по своему содержанию не соответствующими в полной мере новой эпохе развития российского общества.

Таким образом, в настоящее время наиболее актуальной проблемой для отечественной психологии малой группы является разработка новых концепций, которые бы явились импульсом к проведению исследований и в целом возрождению интереса к малым группам.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МАЛЫЕ ГРУППЫ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПОДГРУППЫ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

ГЛАВА 3

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПОДГРУППЫ В МАЛОЙ ГРУППЕ

3.1. Причины слабого внимания к неформальным подгруппам

Неформальные подгруппы в малой группе представляют собой такое же реальное социально-психологическое явление, как и сама малая группа. Они существовали на протяжении всей истории человечествах. Несмотря на очевидность этого факта, наблюдаемого невооруженным глазом во всех сферах повседневной жизни и периодически отмечаемого в тех или иных исследованиях, социальная психология по большому счету оказалась как бы отстраненной от активного изучения подгрупп. Это становится тем более непонятным на фоне отмечающейся большой роли подгрупп в жизнедеятельности группы, и надо добавить – в жизнедеятельности отдельных людей, включенных в них.

Действительно, ни в одной из рассмотренных зарубежных теорий, за исключением социометрической, подгруппы абсолютно не принимались во внимание. Из двух отечественных теорий лишь в организационно-параметрической модели поднимается вопрос о подгруппах в группе, но проблематика подгрупп по большому счету не встроена в концептуальную схему, взаимодействие между ними рассматриваются лишь как следствие развития группы, уровня ее организованности.

Если обратиться к эмпирическим исследованиям в отечественной психологии, в которых затрагивалась проблематика подгрупп, то большая их часть, с одной стороны, не занималась ее глубокой проработкой, а ограничивалась констатацией фактов, с другой – была выполнена в русле возрастной и педагогической социальной психологии (дошкольные, школьные, студенческие группы). Думается, что и в зарубежной социальной психологии картина выглядит не намного лучше.

Такое положение дел само собой поднимает вопрос о причинах сложившейся ситуации. Попытаемся разобраться если не во всех, то в некоторых из них, одни из которых имеют специфический, а другие общий характер для зарубежной и отечественной социальной психологии.

Начнем с зарубежной психологии.

Традиционные американские социально-психологические теории построены на «методологическом принципе индивидуализма», согласно которому исходной единицей анализа является индивид, предметом изучения – влияние одного человека на другого, группа представляет собой совокуп-

ность отношений «индивид-индивид» и др. При таком подходе к анализу группы не предусмотрено место подгруппам.

В американской социальной психологи в 90% исследований (по данным на конец 1960-х гг.) закономерностей групповых процессов объектом выступала лабораторная группа, сформированная из ранее незнакомых друг с другом людей [234]. Время ее существования – одна – максимум две-три экспериментальные ситуации. Приоритет в изучении такой абсолютно диффузной группы был связан со стремлением соблюдения основного методологического принципа, базирующегося на позитивизме: изучать явления в условиях, максимально обеспечивающих контроль и регистрацию всех сопутствующих или случайных переменных. Понятно, что в таких экспериментальных группах объективно не может быть никаких подгрупп, а следовательно, отсутствие такого явления не могло актуализировать проблему его изучения.

Среди ограничений, характерных для лабораторных групп в экспериментальном исследовании, выделяются: ограничение средой, популяционным составом, длительностью контакта, характером ставящихся перед группами задач, регистрируемым аспектом активности, количественным составом групп и др. Ограничение численным составом означает, что в традиционной американской академической социальной психологии, особенно базирующейся на принципах бихевиоризма, в большинстве случаев изучалась диада. С одной стороны, спорен вопрос о том, что диада представляет собой малую группу, и даже в последнее время за рубежом отмечается специфика триад по сравнению с более многочисленными группами. С другой стороны, в диадах объективно не может быть никаких подгрупп, а значит, они принципиально не могли исследоваться.

В западноевропейских теориях социальной идентичности и самокатегоризации первостепенное значение отводится плоскости межгрупповых отношений, основной единицей анализа является группа, а точнее психологическая принадлежность к ней, в большей степени изучаются эффекты межгруппового взаимодействия. По предмету изучения, кругу исследуемых явлений и объяснительным принципам в этих теориях не предусмотрено места неформальным подгруппам в малых группах. Кроме того, специфика процедуры лабораторного эксперимента, проводящегося с позиции этих теорий, а также контингента испытуемых (абсолютно диффузные группы) исключает необходимость и возможность выделения и изучения подгрупп в группе.

Для выделения подгрупп используется фактически единственная процедура – социометрический тест. С одной стороны, данная процедура во многих случаях не позволяет с высокой степенью надежности выделять подгруппы в группе, так как связи между людьми, отражаемые в социограмме, могут иметь настолько сложный и запутанных характер, что делает невозможным выделение подгрупп. Поэтому некоторые авторы не случайно в качестве одного из основных недостатков социограмм отмечают субъективизм в их построении [142]. На отсутствие надежного метода выделения подгрупп указывается и другими авторами [19]. Возможно, что в настоящее время в зарубежной социальной психологии разработана какая-то более точная процедура

выделения подгрупп, о которой нам еще не известно. С другой стороны, социометрическая теория, в рамках которой был разработан указанный тест, не получила широкого распространения в зарубежной социальной психологии, а другие популярные теории построены на иных положениях, не связанных с социометрией. Поэтому социометрическая процедура редко применяется в академических экспериментальных исследованиях, но достаточно широко распространена в прикладных исследованиях. Однако в них чаще речь идет не о подгруппах, а о сплоченности всей группы, связях между отдельными людьми, статусе членов группы и др. Вопрос о подгруппах чаще же поднимается относительно специфического типа групп – психотерапевтических и тренинговых.

Перейдем к отечественной психологии.

В отечественной социальной психологии, как и в зарубежной, социометрический тест используется как единственный метод, если не считать наблюдение, для выделения подгрупп в малой группе. О его ограниченности для решения данной задачи только что было сказано. К этому следует добавить и часто используемые критерии, которые ориентируют испытуемых не столько на реальные, сколько на желаемые отношения, что, безусловно, не может отражать истинную картину существования подгрупп. В нашей стране ранее была предпринята попытка обозначения возможных направлений формализации процедуры выделения подгрупп [142], даже был разработан и опубликован в 1980-х годах А.С. Горбатенко формализованный алгоритм выделения подгрупп, апробированный в исследовании достаточно большого числа реальных учебных групп [54]. Однако создалось впечатление, что мало кто из исследователей, занимающихся малыми группами, применяет в своей работе этот или какой-то другой возможный алгоритм.

Положения социометрии Я. Морено, прежде всего те, которые касались решения социальных и экономических проблем общества психологическими средствами, подвергались в нашей стране жесткой критике с позиции коммунистической идеологии советского периода. Однако благодаря подвижнической работе ряда отечественных ученых в нашей стране все же получил широкое распространение социометрический тест, «очищенный» от концептуального содержания самого социометрического учения. Вместе с тем применение этого теста редко использовалось для специального изучения подгрупп (пусть и недостаточно надежно), а изучаемая посредством него неформальная структура группы рассматривалась только как система непосредственных эмоциональных связей, никак не связанная с социально значимой совместной деятельностью, что позволяло преодолевать идеологические ограничения. Подобная ситуация распространилась практически на социальную психологию всего «социалистического лагеря». Как писали в середине 1970-х гг. югославские коллеги, «в истории науки мало случаев, когда несоответствие между принятием самого метода и неприятием теоретической концепции, на основе которого он создан, было бы выражено более ярко»,

«социометрический метод принимают почти все, теорию же Морено не принимает почти никто» [143, с. 47].

Одно из этих ограничений, думается, связано с тем, что в 1950-60-х гг. в сознании руководства разного уровня и простого населения нашей страны еще живы и ярки были воспоминания о политических процессах, когда громились «фашистские клики», «троцкистско-зиновьевские блоки», «антинародные группировки», «антипартийные группировки». Поэтому используемые Я. Морено термины «клика», «группировка», фактически фиксирующие подгруппы в группе, могли ассоциироваться с этими страшными явлениями политической жизни 1930-х – начала 1950-х гг. Другое ограничение, возможно, было связано с теми фактами, которые отмечал А.С. Макаренко, говоря о том, что в группах могут возникать «вредные» подгруппы, оказывающие негативное влияние на весь коллектив, враждующие между собой. Однако такие негативные явления он наблюдал в специфических группах, функционирующих в условиях некоторой социальной изоляции, состоящих из подростков и юношей с отклоняющимся поведением (бывшие беспризорники, правонарушители). Тем не менее его незыблемый авторитет в области педагогики, поддерживаемый идеологией, мог играть не последнюю роль в блокировании объективного подхода к пониманию подгрупп в малой группе.

Более того, общая идеологическая установка того времени была такова, что любой первичный коллектив (учебный, трудовой, спортивный и т.д.) должен иметь единую цель, жить единой жизнью, представлять собой единую общность. Во главу угла ставилось единство, целостность и неделимость коллектива.

Понятно, что при таком понимании группы возникновение в ней подгрупп могло расцениваться только как негативное явление не только психологического, но и социального порядка, как симптом «не здорового» духа, климата в группе. Следовательно, в таких условиях подгруппы в группе не могли изучаться, а факт их существования замалчивался или подвергался критической оценке. Начиная с конца 1960-х гг. постепенно стали «просачиваться» работы, в которых говорилось о подгруппах и поднимался вопрос о том, имеет ли наличие подгрупп в группе лишь отрицательное для нее значение.

В педагогике было очевидно, что управлять достаточно многочисленной учебной группой сложно, поэтому ставка стала делаться на создание в группе «актива», который, впрочем, часто не то же самое, что подгруппа как психологическая общность. Тем не менее возможности для разработки концепции, которая бы объективно фиксировала место и роль подгрупп в функционировании группы и отдельных людей, реально не существовало до конца 1980-х гг.

А.Л. Журавлев отмечает, что во время перестройки (конец 1980-х гг.) роль таких микрогрупп постоянно усиливалась, что было связано с возрастанием их активности в условиях демократизации производства [80], [81]. Безусловно, в этом есть доля правды, но, по большому счету, микрогруппы всегда существовали и будут существовать вне зависимости от идеологии обще-

ства, а поэтому перестроечные процессы не столько активизировали активность подгрупп, сделав их более заметными, сколько позволили свободно и объективно обратить на них внимание.

3.2. Существующие исследования неформальных подгрупп

Неформальные подгруппы возникают в совершенно различных типах малых групп, будь то высшие эшелоны власти или группы заключенных, группы дошкольников или трудовые коллективы, семьи или воинские подразделения и т.д.

Прежде чем проводить обзор исследований, в которых прямо или косвенно затрагивались неформальные подгруппы, хотелось бы обратиться к данной проблематике в области политико-государственного управления. Относительно этой области вообще не попадались работы психологического содержания, в которых рассматривался бы вопрос о роли подгрупп в деятельности властных структур. В данной книге не ставится задача проведения какого-то специального исследования, а лишь будет проиллюстрирована на конкретных примерах чрезвычайная важность проблемы подгрупп, которые могут оказывать принципиальное влияние на ход самой истории, на судьбы страны и огромного количества людей. Эта проблема очень сложна и требует совмещения исторических, политических, социологических и психологических знаний. Нам придется ограничиться поверхностным экскурсом в отдельные промежутки недавнего прошлого в истории нашей страны.

В качестве ведущего фактора рекрутирования (выдвижения или закрепления «на плаву») в центральные и региональные элиты власти России выступают неформальные отношения («поддержание отношений с нужными людьми»). Например, об этом свидетельствует история продвижения В.В. Путина по иерархической лестнице высших эшелонов власти после того, как в 1996 г. Собчак и его команда, в которую входил и В.В. Путин, проиграли выборы в Санкт-Петербурге и потеряли все. В это сложное для него время ему помогли друзья среди влиятельных питерцев, перебравшихся в Москву, что явилось началом его стремительной карьеры [128]. Став президентом, В.В. Путин в долгу не остался и начал последовательно «подтягивать» на ключевые должности «питерцев», что хорошо видно из сообщений средств массовой информации.

По данным социологических исследований, на региональном уровне (по югу России) доля фактора неформальных отношений в построении карьеры составляет 53 – 70 % [86; 153]. Из приведенных данных следует, что стереотипы и механизмы корпоративности, сформировавшиеся еще в условиях советского государства, являются основным фактором и в современных условиях.

Однако эти и многие другие факты, с которыми приходится сталкиваться в повседневной жизни, еще прямо не указывают на группировки в эшелонах власти.

Обратимся к переломному моменту истории нашей страны, когда в верхушке партии большевиков в сентябре 1917 г. решался вопрос о ее приходе к власти. «В ЦК и верхах партии» произошел раскол на две группировки, одна из которых во главе с Лениным (большая по составу) выступала за вооруженный путь, а другая во главе с Каменевым и Зиновьевым (меньшая по численности) – за мирный путь. Спустя несколько недель ситуация повторилась, когда ВИКЖЕЛЬ, в котором преобладали эсеры и меньшевики, выдвинул большевикам ультиматум создания правительства из представителей всех «советских партий». В ЦК большевиков, состоящем из 15 человек, по этому вопросу произошел раскол фактически на те же самые две неравные по численности группировки (10 и 5 человек), что и в предыдущем случае [127].

На протяжении всей истории Политбюро (Президиума) ЦК КПСС (своего рода институализированная малая группа) постоянно выделялись наиболее влиятельные группировки (неформальные подгруппы): Зиновьев – Каменев – Сталин в 1924–25 гг., Сталин – Бухарин – Рыков или Сталин – Бухарин в 1925–28 гг., Маленков – Берия – Молотов в марте-июне 1953 г., Маленков – Хрущев в 1953–54 гг., Хрущев – Булганин – Микоян или Хрущев – Булганин в 1955–57 гг., Брежнев – Косыгин – Подгорный – Суслов в 1964–77 гг. Кроме того, создавались группы, оппозиционные руководству: Зиновьев – Каменев – Троцкий в 1925-26 гг., Бухарин – Рыков – Томский в 1928-29 гг., Маленков – Молотов – Каганович в 1955-57 гг. Создание таких группировок нарушало баланс сил в руководстве, раскалывало его единство [79].

Борьбу Бухарина и Сталина, развернувшуюся в 1928 г., некоторые авторы рассматривают не только как политическое соперничество, в котором со стороны Сталина происходила борьба за власть, стремление убрать неугодных и утвердить свой курс, а со стороны Бухарина – выступление против насаждаемого Сталиным единовластия, проведение в обществе иной политики. В эту борьбу были вовлечены большие группировки, поддерживавшие их и опиравшиеся на местнические и ведомственные интересы. В ходе борьбы к двум блокам присоединялись новые союзники, при этом причины их выбора объяснялись чаще всего ведомственными интересами. Тем не менее Ю.В. Емельянов отмечает, что втягивание в противоборствующие коалиции все более широких сил свидетельствовало о приобретении внутрипартийных дискуссий 1928– 29 гг. характера борьбы за власть группировок, причем не столько принципиальной борьбы, сколько беспринципного сражения [79]. Однако борьба внутри Политбюро, в ходе которой ведущий лидер Сталин опирался на поддержку шести других членов, введенных ранее благодаря его усилиям в состав этого органа, вероятно, предопределила поражение Бухарина и его союзников. Перевес сил в Политбюро в пользу Сталина повлиял и на исход в сражении «легионов».

Другой пример. Крушение, арест Берии произошли в результате договоренности и объединения усилий между Маленковым и Хрущевым. Вокруг них, также в качестве главных действующих лиц, объединились Булганин, Жуков, ряд членов Президиума ЦК. Устранение Берии из состава высшего политического руководства не остановило борьбы за власть, разгорающейся

между Хрущевым и Маленковым, которые, кстати, были ранее тесно связанными личными, дружескими отношениями. Внешней стороной этой борьбы были различные взгляды на проведение аграрной политики, на приоритет легкой или тяжелой промышленности, объединение Германии и др., а также различные обвинения в адрес друг друга (например, Маленкова в сотрудничестве с Берией и причастности к репрессиям). После XX съезда члены Президиума ЦК почувствовали на себе крепкую руку Хрущева (первый секретарь), возрождение «доброй старой» традиции полной зависимости от одного человека. Поэтому члены президиума стали активно обсуждать вопрос о путях «усмирения» Хрущева, вследствие чего возникла подгруппа, ядро заговора: Маленков, Молотов, Каганович, Булганин, Первухин. Большинство, инициатива и перевес вначале были на их стороне. Только определенное стечение обстоятельств и активные действия некоторых сторонников Хрущева, что описано в литературе, позволили ему и его группировке удержаться у власти в тот момент.

Со временем проводимая политика и вульгарное поведение по отношению к руководителям разного ранга привели к тому, что Хрущев становился все более неудобным, обременительным, даже опасным во всех отношениях. Изоляция вокруг него возрастала. Произошло объединение ряда ключевых фигур руководства страны, ядро которого составили Брежнев, Подгорный, Шелепин, Семичастный, Миронов. По одним источникам, организаторами смещения Хрущева выступали Брежнев и Подгорный, а по другим – Шелепин [149]. На октябрьском заседании Президиума ЦК в октябре 1964 г., где собственно и произошло это смещение, единственным человеком, который попытался защитить Хрущева и расшатать единство Президиума, был Микоян, но он не нашел поддержки, а Хрущева уже «добивали».

В 1999 г. в средствах массовой информации активно стала муссироваться тема о «семье» Б.Н. Ельцина, ее сильном влиянии на президента, бесцеремонном, прямом вмешательстве в деятельность правительства. Как пишет Л.М. Млечин, никто твердо не мог назвать состав семьи, но обычно в этот круг включали дочь президента Дьяченко, журналиста Юмашева, главу президентской администрации Волошина, предпринимателей Березовского и Абрамовича, управляющего делами президента Бородина [128].

В политической истории человечества были широко распространены случаи, когда приближенные монархов, президентов и т.п., не занимающие официальных постов, влияли на принятие политических решений и на общественное мнение не меньше, а может быть и больше, чем многие руководители высокого ранга.

В силу противоречивости и субъективности разных мнений трудно заключить, является ли эта «семья» собирательным образом и между ее членами нет тесных связей или же, наоборот, она внутренне спаянна, что позволяло бы рассматривать ее как единую неформальную группировку у руля власти.

В зарубежных странах ситуация во многом похожая. Например, в американских правящих кругах существуют различные группы со специфическими интересами, которые касаются частных вопросов, тогда как в основных, существенно важных для поддержания социально-политической системы, интересы элитных групп едины [18].

Во многих западных обществах важнейшие для страны решения по политическим, экономическим и иным вопросам сначала зреют и обсуждаются в кулуарах элитных клубов и лишь затем проводятся через соответствующие институты, становясь достоянием общественности [18].

В администрации сильных западных партий уже давно существует ядро – «кокус», в функции которого входит координация всей партийно-массовой работы, подбор и расстановка кадров партийных функционеров, осуществление пропаганды партийной идеологии [18]. В отличие от официальных лидеров партии, кокус не только не афишируется, но, наоборот, тщательно маскирует свое влияние в партии и обществе. То есть кокус представляет собой группировку из очень ограниченного числа людей с целью контролировать и направлять поведение масс. Кокус постепенно становится тем коллективным неформальным лидером, который предопределяет исход собраний, дискуссий, выборных кампаний.

Теперь перейдем к анализу работ в области психологии малых групп, в которых рассматривались неформальные подгруппы. Надо сказать, что изучение подгрупп как специальное направление исследования малой группы не получило должного развития в социальной психологии, несмотря на то, что многие авторы прямо или косвенно затрагивали данную проблематику, считали это направление практически важным. Можно сослаться на сравнительно небольшое количество публикаций, в которых микрогруппы являлись бы непосредственным предметом тщательного изучения. В подавляющем же большинстве работ они либо констатировались, либо рассматривались как побочное явление при анализе каких-то аспектов функционирования или параметров группы.

Для того чтобы выстроить, структурировать обзор имеющихся работ по неформальным подгруппам, разобьем его на ряд составляющих по общим вопросам и конкретным аспектам данной проблематики.

1) Общие вопросы по неформальным подгруппам

На неформальные подгруппы иногда обращается внимание при изучение разных типов малых групп: дошкольных [85; 120; 133; 188], школьных [26; 59; 103; 121; 124; 176; 221; 225], студенческих [52; 169; 221], интернатских [106], средне-профессиональных [172; 175], учебно-трудовых [123], исправительно-трудовых несовершеннолетних и взрослых [22; 147; 233], трудовых [51; 89; 81; 114; 144], спортивных [33; 108; 116; 143; 152], армейских [17], психотерапевтических [251].

На основе анализа ряда исследований Я.Л. Коломинский пришел к выводу, что группа с точки зрения отношения ее членов друг к другу представляет собой «тасующееся единство» [103]. Такой термин использован им по

аналогии с тем, который применяется при характеристике динамики сообществ животных (обезьян). Опираясь на результаты собственных исследований, он утверждает, что выбор партнеров внутри группы происходит вероятностно и для каждого члена группы существуют круги общения разного порядка. «Внутри группы существуют как более постоянные элементарные структурные единицы («группировки» по 3 – 5 человек), так и более вариабельные по составу группы (по 7 – 10 человек); персональный состав этих единиц «перемешивается» с закономерной интенсивностью, которая зависит от возраста членов группы, вида деятельности и стадии существования самой группы», – пишет он [103, с. 81].

Наибольшее количество работ, рассматривающих вопрос о микрогруппах, представлено областью возрастной и педагогической социальной психологии. Как отмечает тот же Я.Л. Коломинский, «признание факта объективности, мы бы даже сказали, неотвратимости возникновения группировок внутри целого коллектива само по себе – важный вклад педагогической социальной психологии в педагогику коллектива, где до недавнего времени это явление либо игнорировалось, либо трактовалось как досадный результат плохой воспитательной работы», и далее «перед педагогикой, и перед педагогической социальной психологией стоит задача разработки теории и практики педагогической работы с группировками» [102, с. 66]. По его замыслу, психолого-педагогическое воздействие на малую группу (воспитательного, учебного типа) должно строиться на индивидуальном подходе к каждой группе с учетом ее индивидуально неповторимых особенностей, среди которых он указывает на микрогрупповую дифференциацию.

Приведем несколько примеров. На наличие в группе «мелких группировок», «микроколлективов», оказывающих влияние на учебную группу в целом, отмечали давно, в частности С.Т. Шацкий [225] и А.С. Макаренко [123]. После некоторого периода «застоя» вновь обратились к данной теме. Так, В.И. Селиванов констатирует, что в учебной группе всегда бывают микрогруппы в два-три человека, которые складываются стихийно, по землячеству, соседству по общежитию, совместной подготовке и другим признакам [169]. Цементирующей их основой становится взаимная симпатия, дружба. Микрогруппы различны по направленности, роду деятельности и связям со всей группой. Одни из них способствуют достижению группой общей цели, тогда как другие, наоборот, мешают развитию группы.

Изучая спортивные группы, К.К. Платонов и О.А. Ильин приходят к выводу, что в относительно «молодых» группах возникает большое число микрогрупп, так что при высокой степени интеграции внутри них группа в целом остается дезинтегрированной в силу возникновения между подгруппами конфликтных отношений [152]. На образование в «молодой» спортивной команде относительно большого числа замкнутых группировок, охватывающих от двух до пяти членов группы, которые оказывают влияние на формирование личности спортсмена и становление всего спортивного коллектива, указывается в другой работе [33].

По мнению А.Л. Журавлева, микрогруппы в трудовом коллективе могут рассматриваться в качестве подсистем [80; 81]. Зарубежные коллеги также указывают на необходимость учета неформальных подгрупп в трудовых группах, предлагают рассматривать их как важные единицы структуры группы [89].

Наличие подгрупп отмечается и в преступных группах. Например, организованная преступная группировка, состоящая из десятков и даже сотен людей, включает несколько ярко выраженных лидеров (3-8 человек), не является монолитным образованием и состоит из нескольких групп различного уровня организованности численностью 10-15 человек [233]. Даже внутри небольших группировок (структурная организованная группа или бандитское формирование по типологии Г.Г. Шиханцова), состоящих из 5-10 человек и имеющих жесткое единоначалие, могут возникать подгруппы, например, с целью устранения лидера и занятия его позиции. Не случайно лидеры тщательно следят за тем, чтобы в их группировках между отдельными членами не возникали тесные отношения.

В структуре криминальных групп несовершеннолетних зарубежные авторы выделяют «внутренний круг» («ядро»), состоящее из лидера и его ближайших помощников, «внешнее кольцо», состоящее из активных рядовых членов, а также «попутчиков» («периферийных» членов), которые участвуют в банде от случая к случаю. Кроме того, банда может делиться по возрастному уровню на несколько группировок [22]. Такое же структурирование наблюдается и в криминальных подростковых группах в России.

В литературе указывается, что в каждой преступной организации действуют две противоположные тенденции. Первая способствует интеграции группы, сплочению ее членов, вторая же направлена на дезинтеграцию, разъединение, что проявляется в стремлении входящих в преступное сообщество группировок к автономному существованию. Кроме названной центробежной тенденции, создающей конфликтную ситуацию в организованном преступном формировании, конфликты возникают в нем из-за борьбы за лидерство, борьбы за близость к руководителю группы, методов и способов преступной деятельности и принципа дележа награбленного, личных неприязненных отношений между людьми [233]. Такие конфликты имеют не только межиндивидную форму, а часто осуществляются на уровне объединения в группировки и достижения посредством этого личных целей.

Надо сказать, что не было обнаружено в доступной нам литературе работ, в которых поднималась бы проблема подгрупп в семьях, и рассматривались те или иные аспекты взаимоотношений в семье с точки зрения этих подгрупп. Как правило, исследования проводятся отдельно в плоскости «супруг-супруга» или «родитель-ребенок». Думается, что интересные результаты и новый взгляд на старые проблемы можно было бы получить, придерживаясь несколько иной схемы: «подгруппа-член семьи». В больших семьях, включающих не одного, а более детей, не два, а более поколений, возникновение достаточно автономных подгрупп становится более вероятным. Практически в каждой семье постоянно возникает ситуативная подгруппа по различным

частным или принципиальным причинам и во многих семьях – относительно устойчивые подгруппы. В последнем случае отношения между позициями «подгруппа» и «член семьи» в разных семьях могут иметь разное содержание, в некоторых случаях доходя до уровня противопоставления или даже противостояния. Изучение этого вопроса позволит не только более точно разбираться в текущем состоянии внутрисемейных отношений, но и выделять возможную перспективу, например, развития ребенка в зависимости от того, принадлежит ли он к подгруппе или нет, а если принадлежит, то с кем он объединяется, какова сущность этой подгруппы и характер ее связей с другим членом семьи.

Кстати говоря, некоторый элемент такого подхода к анализу семьи с психоаналитической позиции представлен в теории семейных систем М. Боуена [23]. В частности, интерес в ней представляет положение об эмоциональном треугольнике как системе взаимоотношений, включающей трех эмоционально связанных между собой членов семьи. Такой треугольник понимается как «мельчайшая стабильная система взаимоотношений», так как диада по своей природе нестабильна, особенно в сложных, стрессовых ситуациях. В спокойные периоды треугольник обычно включает в себя двух членов семьи, которые находятся в тесной взаимосвязи, и еще одного, взаимоотношения с которым не столь тесные и который находится как бы снаружи треугольника. Когда усиливается напряженность в отношениях между двумя людьми, то в них вовлекается третий член семьи, так что внимание первых двух оказывается сосредоточенным на этом третьем. Это позволяет снять напряжение в диаде. Если напряженность не устраняется, а продолжает нарастать, в данную систему отношений могут быть вовлечены другие индивиды, вследствие чего образуются сложные пересекающиеся треугольники. Как видно, идея эмоционального треугольника строится на динамичном соотношении связей внутри диады как подгруппы, диады и третьего члена семьи. В этом случае речь фактически не идет о возможности существования относительно устойчивой подгруппы в семье. Следует добавить, что М. Боуен и его последователи считают возможным распространить данную теорию на группы с более сложными взаимоотношениями, включая трудовой коллектив, социальные организации и даже общество в целом. В целом же данная теория специфична, находится еще на стадии проверки и имеет как выигрышные моменты (иначе бы она не получила за рубежом широкого распространения в психотерапевтической практике), так и основания для ряда критических замечаний, как, впрочем, и любая теория.

2) Роль неформальных подгрупп в жизнедеятельности группы и личности

В психологии существует разные точки зрения по поводу роли неформальных подгрупп в малой группе, которые мы постараемся вычленить в нескольких ракурсах.

Первый ракурс. Одни авторы указывают на то, что наличие неформальных подгрупп представляет собой лишь отрицательный факт в жизнеде-

ятельности группы, другие констатируют это явление как естественное, а третьи конкретизируют предыдущую точку зрения, дифференцированно подходя к подгруппам и отмечая, что одни из них имеют позитивное, а другие – негативное значение для группы в целом.

Первой точки зрения придерживался А.С. Макаренко [123]. В наиболее близких нам по времени исследованиях такую точку зрения представляют К.К. Платонов и О.А. Ильин, изучавшие спортивные группы [152]. По их мнению, между подгруппами возникают конфликтные отношения, которые приводят к дезинтегрированности группы в целом. Выход из этой ситуации видится им в формировании функциональных связей, интеграции деловых отношений посредством «взламывания» границ микрогрупп и образования единого ядра лидеров (наиболее перспективных и авторитетных спортсменов). Такой процесс сопровождается построением «лестничной» иерархии статусов, закреплением за каждым членом группы соответствующих функций, работой всех «на результат». В то же время параллельно отмечается нарастание неудовлетворенности людей, выполняющих второстепенные роли. Преодоление этой ситуации неудовлетворенности должно осуществляться, по мнению авторов, в развитии системы эмоциональных отношений как сильного компенсатора, которая, однако, должна быть минимально структурированной, т.е. исключающей микрогруппы. Задача тренера (руководителя) спортивных групп, команд должна заключаться в том, чтобы постоянно воздействовать на две подструктуры, причем обеспечивая максимальную структурированность деловых отношений и минимальную – эмоциональных. Таким образом, данные авторы видят в существовании микрогрупп лишь отрицательное явление.

Относительно такого видения авторами проблемы микрогрупп и эффективности деятельности спортивных групп можно высказать несколько соображений.

Наблюдения и исследования указывают на «сосуществование» (даже на его выигрышность) микрогрупп, конфликтности между ними с высокой продуктивностью деятельности спортивных команд [108].

Образование единого ядра лидеров представляет собой не что иное, как образование микрогруппы из высокостатусных членов.

Разрушение микрогрупп, не способствующих продуктивной работе группы, является вполне оправданной целью воздействия. Однако повсеместное стремление предотвращать их возникновение оказывается непонятным и напоминающим борьбу с ветряными мельницами, во многих случаях мало реализуемым.

Кроме того, данные авторы, как и многие другие, рассматривают неформальные подгруппы как образования, основанные на чисто эмоциональных отношениях. Такая точка зрения не соответствует реальности. Действительно, одни подгруппы могут иметь явно выраженный эмоциональный характер, связанный с сильной симпатией, аттракцией, эмпатией, тогда как в других подгруппах отношения строятся по иным признакам, например, делового или прагматического свойства, т.е. по соображениям выгоды от член-

ства в подгруппе. В ряде случаев такие подгруппы не только не будут вредить продуктивности общегрупповой работы, но, наоборот, обеспечивать ее более высокие показатели.

В исследованиях А.В. Киричука, А.Н. Лутошкина и др. факт существования группировок рассматривается как закономерное явление. Н.А. Березовин и Я.Л. Коломинский рассматривают группировки как неизбежный элемент структуры межличностных отношений в классе, а пребывание ребенка в составе группировки – как существенный и постоянный фактор, который необходимо учитывать в педагогической работе [26].

В.И. Селиванов идет дальше и отмечает, что одни подгруппы способствуют сплочению всей группы, достижению ею общей цели, тогда как другие, корпоративные, автономные и не заинтересованные в делах всей группы, наоборот, мешают развитию группы [169]. По мнению другого автора, абсолютно ошибочно усматривать в существовании неформальных группировок дезинтегративное явление группы и поэтому следует правильно направлять этот процесс, прежде всего посредством сотрудничества с лидерами подгрупп [89].

Занимаясь вопросом организованности группы, А.С. Чернышев считает, что в рамках коллектива могут складываться отношения, выходящие за пределы организации, что может привести к возникновению группировок. Человек как личность организацией не исчерпывается. Он богаче требований коллектива. Поэтому для него важны и другие формы объединения. «Подобные явления становятся источником не только создания и функционирования организаций, но и возникновения конфликтных ситуаций, приводящих к дезорганизации всей системы», – отмечает он [221, с. 13].

Любопытна точка зрения представителей психоанализа по рассматриваемому вопросу. Возникновение подгрупп в малой группе представляется как разобщенность, а в некоторых случаях, раскол группы в противоположность ее сплоченности. Однако такая разобщенность в результате выделения подгрупп сама по себе не является отрицательным явлением [251]. Напротив, динамическое напряжение между сплоченностью и разобщенностью может быть востребовано для того, чтобы поднять важные групповые проблемы. Это аналогично симптому, представляющему напряжение подсознательного конфликта личности. Временная групповая разобщенность может содержать дополнительные, пока еще не интегрированные части целой группы. Часто в подгруппы вмещается много энергии, которая будет накапливаться и в определенный момент выплеснется и сыграет чрезвычайно положительную роль в развитии группы. Например, разделение на подгруппы в психотерапевтической группе будет продуктивным в том случае, если их энергия будет переадресовываться на интересы всей группы. Однако не следует игнорировать разобщенность, так как она может мешать вниманию и признанию групповых проблем.

Группа, в которой установлены внутренние связи и определены границы, отделяющие ее от внешнего мира, направляет свою агрессию на внешне-

го врага, который поглощает ее. Однако в этом состоянии группа уязвима, так как агрессия может быть перенаправлена внутрь ее самой, вызывая внутригрупповую враждебность, разделение на подгруппы, испытывающие по отношению друг к другу антипатию и противодействующие контролю (например, со стороны руководства). Такой поворот событий вызывает у членов группы взаимные подозрения и страх быть подавленным. Чтобы защититься от враждебности и конкуренции, образовавшиеся подгруппы становятся непроницаемыми и негибкими в своем поведении, а антагонизм между ними становится более выраженным. Жесткие границы подгрупп вызывают обессиливающую их борьбу между ними за сохранение и подпитку достаточной энергией из большей системы, т.е. группы.

Таким образом, с точки зрения некоторых представителей психоанализа в расколотой группе каждая подгруппа представляет собой часть целого, со своими собственными границами, структурой и правилами поведения [251]. Жесткость границ препятствует энергетическому обмену с другими подсистемами, который необходим для роста и переструктурирования. Наличие подгрупп оценивается как отрицательное явление в том случае, если они будут иметь жесткие, непроницаемые границы.

Второй ракурс. Признавая не только негативное, но и позитивное значение подгрупп в жизнедеятельности группы, некоторые авторы считали необходимым действовать на опережение, т.е. создавать общественно активное ядро (ядра) в группе. Более того, необходимость этого была продиктована объективной сложностью управления всей группой в целом. Такая позиция в свое время (советский период) получила широкое распространение в педагогике, когда в различных воспитательных, учебных, учебно-воспитательных группах разных возрастных срезов создавался актив.

В литературе указывается, что при соответствующей воспитательной работе группировки могут стать своего рода центрами для объединения вокруг них других членов группы и группировка (микроколлектив) может быть использована как актив для организации всего коллектива [124]. С точки зрения Я.Л. Коломинского большое значение уже на первых этапах формирования учебного детского коллектива имеет создание его жизнеспособной структуры: разбиение группы на более мелкие единицы и правильное распределение общественных поручений [104].

С одной стороны, следует отметить, что нельзя автоматически ставить знак равенства между такими целенаправленно создаваемыми педагогами извне подгруппами и стихийно возникающими изнутри группы неформальными подгруппами. Первая разновидность подгрупп является все же формализованной и в ней нередко отсутствует психологическая общность людей, тогда как вторая представляет из себя тесную психологическую общность.

С другой стороны, стихийно возникшие неформальные подгруппы могут выступить в качестве ядерных образований, которые так необходимы педагогам в их работе. В этом отношении можно привести пример лабораторного изучения становления групповой совместной деятельности

дошкольников, в котором образование внутри групп подгрупп (диад и триад) во главе с лидером отмечается как позитивное явление, так как выделившийся актив притягивает к себе остальных членов группы, что способствует организованной кооперации [222].

Третий ракурс. Наличие неформальных подгрупп рассматривается с точки зрения того или иного социально-психологического свойства малой группы или уровня ее развития. Здесь можно сослаться лишь на работы А.С. Чернышева и его коллег, посвященные организованности группы, ее развитию.

Согласно их представлениям об организованности как таком социально-психологическом параметре, который обеспечивает, с одной стороны, единство, стабильность, а с другой – обогащение неоднородности и гибкость взаимодействия, они теоретически предполагают возможность существования в единой организации первичного коллектива ряда отдельных группировок [221].

По его мнению, вопрос о роли группировок в организованности коллектива является проблематичным, так как одни авторы прямо указывают на организующую роль группировок, другие считают сам факт их наличия следствием низкой организованности [221]. Однако анализ организационно-параметрической модели малой группы, проведенный в третьей части книги, дает основания говорить о том, что сами эти авторы склонны рассматривать особенности активности подгрупп и взаимодействия между ними как следствие уровня развития группы, ее организованности. Там же была предложена иная точка зрения, а именно: активность подгрупп и характер их взаимодействия в группе определяют организованность группы, а не наоборот.

Четвертый ракурс. Роль подгруппы следует рассматривать не только с точки зрения ее позитивного или негативного влияния на реализацию формальной группой своей социальной функции, что характерно для выше рассмотренных работ, но и в смысле ее влияния на психологический климат группы и, что очень важно, на отдельных людей, включенных в эту подгруппу.

В работе [146] утверждается, что взаимопонимание, тесный контакт и сотрудничество, наличие эмоциональной идентификации и взаимной привязанности в неформальной подгруппе является исходным моментом, который порождает ценностные ориентации и мотивы поведения конкретных ее членов, в том числе, по отношению к группе в целом.

Следует сослаться на интересное и фактически единственное в нашей стране экспериментальное исследование по рассматриваемому вопросу, посвященное непосредственному изучению микрогрупп старших дошкольников в группах детского сада [140].

В разных относительно устойчивых микрогруппах детей детского сада, продолжительность существования которых определяется не одной игрой, а достаточно длительным периодом, может быть различный микроклимат. Авторы одного из исследований наблюдали, когда в одних микрогруппах имела место не только взаимная удовлетворенность детей личными качествами,

совместной деятельностью, но и взаимность симпатий, а в других микрогруппах – отсутствие взаимной удовлетворенности общением, личностными качествами при удовлетворенности совместной деятельностью [140]. На возможность наличия в подгруппах дошкольников далеко не гуманных отношений указывалось и в другом исследовании [104].

На основе таких результатов авторы приходят к выводу о нетождественности понятия устойчивости микрогруппы и психологического здоровья (здорового микроклимата). Практическое решении данной проблемы, по их мнению, кроется в следующем: «поскольку группировки с психологически здоровым климатом обладают наиболее высоким нравственным потенциалом, ибо отношения в них детей строятся не по принуждению, а по собственным побуждениям, задача педагогов – добиться их наиболее авторитетного главенствующего положения в группе» [140, с. 142]. Такие микрогруппы будут играть ведущую роль как в создании психологически здорового климата всей дошкольной группы, так и в полноценном формировании каждого ребенка, включенного в эти микрогруппы.

3) Мера включенности членов малой группы в неформальные подгруппы

Один из начальных этапов проработки проблемы неформальных подгрупп в малой группе должен заключаться в изучении характера включения членов группы в микрогруппы, т.е. количества включенных в подгруппы и «самостоятельных» членов группы, возможного количества микрогрупп в группе, представленности в группе микрогрупп разной численности и др. Если принимать в расчет отечественные публикации, которые опираются не на какие-то фрагментарные наблюдения или непонятно откуда взятые факты, а на корректные во всех отношениях исследования, то можно фактически сослаться на две работы, одна из которых была «нацелена» на старшие школьные классы, а другая – на трудовые коллективы.

В результате исследования 58 старших классов, проведенного в 1980-х гг. с помощью формализованной методики выделения подгрупп (не включающей изучения взаимооценок школьников), А.С. Горбатенко и Т.М. Горбатенко [59] получили данные, которые свидетельствуют о том, что все без исключения классы разделяются на подгруппы, в которые оказываются включенными большинство школьников – 88%.

Практический интерес представляет численный состав таких неофициальных подгрупп. Данные, полученные с помощью методики выделение подгрупп, позволили авторам выделить определенные тенденции в их численном составе (табл.6).

Таблица 6

Количество подгрупп с различным численным составом

численный состав подгрупп	2	3	4	5	6	7	8	9	10
% от общего числа подгрупп в классах	27	7	11	7	11	3	18	11	5

Полученные данные свидетельствуют о том, что в выпускных классах чаще всего (в 27% случаев от общего количества) возникают подгруппы, состоящие всего из двух учащихся, так называемые «диады». Подгруппы, включающие 8 учащихся, образуются в 18% случаев. Отличия в частоте возникновения подгрупп с другим численным составом оказались статистически недостоверны.

Р.Б. Гительмахер провел исследование на большом количестве трудовых коллективов (245 групп) с целью изучения типов микрогрупп в зависимости от отношения их членов к руководителю: положительного, отрицательного, нейтрального и ситуативного [51]. В исследовании данная проблема рассматривалась на трех уровнях руководства, среди которых отметим исходный уровень «рабочие-мастер». Количество людей, включенных в подгруппы, по данным этого исследования, составило 89% (точно такой же показатель получен А.С. Горбатенко и Т.М. Горбатенко в группах школьников), причем в микрогруппах разной численности совершенно по-разному была представлена доля членов группы: триада – 41% членов группы, из четырех человек – 19%, из пяти – 5.5%, из шести – 0.5%.

4) Факторы и мотивы объединения людей в подгруппы

Объединение людей в подгруппы представляет собой очень важный вопрос их изучения. В некоторых работах он прямо или косвенно затрагивался, хотя его решение, как и решение множества других вопросов, носит фрагментарный характер и оставляет желать лучшего.

Например, в исследовании дошкольников детского сада было установлено, что объединение детей в микрогруппы, образующиеся в совместной продуктивной деятельности, инициируется несколькими факторами: привлекательностью самой деятельности, интересом к самому процессу выполнения задания (ведущий фактор), устойчивыми взаимными привязанностями, стремлением к координации действий между участниками, а также сочетанием мотивов разных видов [140]. Так, состав микрогрупп в процессе работы детей над изготовлением красочного панно колебался за счет перехода детей от одной микрогруппы к другой. Количество детей в постоянном составе микрогрупп зависело от интереса к определенной части работы. Например, при работе с наиболее интересной частью число членов разных микрогрупп варьировало от 5 до 8 детей, а наименее интересной – от 2 до 6.

В исследовании Т.М. Горбатенко рассматривался вопрос о взаимовлиянии профессиональных намерений и объединения в неформальные подгруппы старшеклассников [63]. Было установлено, что в 9-х классах (в современных условиях обучения соответствует 10-м классам), когда перспектива окончания школы еще далека, профессиональные намерения школьников определяются их принадлежностью к определенной подгруппе, а точнее профессиональными намерениями некоторых представителей их подгруппы. В 10-х классах (в современных условиях обучения соответствует 11-м классам), когда перспектива окончания школы становится максимально приближен-

ной, наоборот, профессиональные намерения начинают определять характер включения школьников в подгруппы, их перегруппирование. То есть профессиональные намерения уже выступают в качестве ведущего мотива группирования школьников. В выпускных классах были выделены две категории подгрупп: подгруппы, включающие школьников, планирующих одинаковую профессиональную перспективу после окончания школы, и подгруппы с «неопределенным составом» – без четкого преобладания в их составе школьников, выбравших одинаковые профессии. Однако перед окончанием школы значительно увеличилось число подгрупп первой и сократилось число подгрупп второй категории [63].

Р.Б. Гительмахер установил, что каждый тип микрогрупп в зависимости от отношения к руководителю (положительное, отрицательное, нейтральное, ситуативное) в трудовом коллективе обладает определенными социально-демографическими характеристиками, среди которых ведущее значение имеют возраст и стаж работы с руководителем [51]. Неформальная структура трудовой первичной группы, характеризующая отношение подчиненных к руководителю, сложна и динамична, о чем свидетельствуют выявленные им переходы рабочих из одной микрогруппы в другую, а также трансформирование подгрупп одного типа в другой.

В исследовании Р. Липпитом демократической и автократической атмосфер (фактически стилей руководства) в группе детей установлено образование подгрупп [115]. При моделировании автократического стиля наблюдалось возникновения диад, каждая из которых включала одного ребенка и одного и того же взрослого, выполняющего роль руководителя. Когда взрослый удалялся, то исчезала опосредованная связь между детьми и их общность нарушалась. При создании взрослым демократической атмосферы разделение на подгруппы не было жестко привязано к взрослому, носило более динамичный подвижный характер.

Мотивами объединения осужденных в подгруппы, не считая ранее имевшегося или полученного в заключении статуса, являются: соучастие в прошлых преступлениях; общие интересы; употребление алкоголя, наркотических или токсических веществ (высокая сплоченность таких группировок, строгая корпоративность и конспиративность); национальная принадлежность [22; 147; 148].

Относительно воинских подразделений отмечают ряд оснований, детерминирующих образование «статусно-ролевых систем», т.е. подгрупп, многие из которых стремятся к утверждению своего доминирующего положения [17]. Среди базовых оснований указывается на «дедовщину» (доминирующим социальным признаком в неформальной социальной структуре подразделения выступает срок службы), «землячество» (группирование военнослужащих по региональной принадлежности), культ силы, криминогенность (объединение по принадлежности к различным группировкам криминогенной направленности до их призыва в армию), религиозность (объединение по принадлежности к различным религиозным конфессиям), обществен-

но-политическая направленность (объединение по принадлежности до призыва к различным политическим объединениям).

В качестве ведущего фактора объединения людей в подгруппу может быть высокий психологический статус какого-то члена группы, т.е. происходит объединение вокруг высокостатусного члена или он «под себя» организует подгруппу. Причем часто речь идет об «отрицательном» члене группы.

Например, по наблюдениям за туристскими группами, организуемыми чаще из совершенно незнакомых людей и действующими под руководством специалиста, указывается на объединение людей вокруг «дезорганизатора» – авторитетного человека, имеющего самостоятельную точку зрения и активно ее защищающего [116].

В другой работе отмечается, что в слаборазвитых учебных группах лица, претендующие на широкое лидерство, пытаются самоутвердиться и вступают в конфликт с руководством. Кроме того, такие люди создают атмосферу защиты для пассивных и недостаточно авторитетных лиц, образуя из них небольшую группу единомышленников в количестве 2–5 человек. Эта группировка периодически вносит дезорганизацию в коллектив, а главное – облегчает самоутверждение стремящихся выделиться индивидов [221]. Здесь скорее можно говорить об обоюдном прагматическом интересе лидера и членов подгруппы.

Если обратиться к психоанализу, то некоторые его представители рассматривают возникновение подгрупп по аналогии с разобщающим внутриличностным механизмом, когда происходит отделение каких-то накопленных комплексов переживаний от основной их совокупности [251]. В группах может быть «горизонтальный раскол», являющийся результатом вытеснения неприемлемых идей и чувств из области сознания в бессознательное и «вертикальный раскол», при котором сохраняется осознание противоречивости идей и чувств. В любом случае подгруппы становятся «вместилищем или симптомами разобщенности».

Кроме того, разделение группы на подгруппы видится некоторыми авторами как индивидуальные внутрипсихические конфликты на групповом уровне. Представленные таким образом конфликты могут быть преодолены, и с освобождением энергии вся группа может быть преобразована, изменена (по аналогии с отдельной личностью). Опасность как для группы, так и для индивидов состоит в том, что конфликтующие позиции могут стать настолько «встроенными» в подгруппы и личность соответственно, что общение между ними становится фактически невозможным.

Ш. Кэхн приводит некоторые типы образования подгрупп, выявленных в группах аналитического тренинга [251]. Например, подгруппа образуется из людей, у которых матери были склонны к нарцисцизму и депрессии, а отцы – «труженики», соблазненные или запуганные женами, воспринимавшиеся как немногим более заботливые, чем матери. Основываясь на симбиотических нуждах, оставшихся неудовлетворенными в раннем детстве из-за недостаточного внимания родителей, члены такой подгруппы являются очень сплоченными. Такая подгруппа очерчивает вокруг себя непроницае-

мые границы. Принимая различные роли, близкие им, члены этой подгруппы реализовывают либидозные и агрессивные функции, необходимые для жизнеобеспечения их исключительной подсистемы. Другой тип подгруппы образовывался из людей, склонных к мазохизму в силу того, что часто в детстве испытывали обиды, оскорбления от родителей. Подгруппа становится благоприятной средой для обсуждения продолжительных обид, жалоб, злости и страха, так как группа в целом рассматривается ее членами как недостаточно безопасная для выражения недовольства.

Г. Пюль обращает внимание на такой групповой феномен, выделенный его коллегами, как «обратная латенция» – обнаружение у другого человека собственных составляющих, приводящих к страху, которые должны быть защищены. Из-за этого нередко в группах поляризуются две подгруппы, которые борются друг с другом, не обнаруживая скрытого сходства. Напротив, чем раньше конфликт будет распознан как сходство, тем опаснее он может быть. Эта борьба часто ведет к расколу группы [255].

Как видно из рассмотренных работ, спектр возможных факторов, определяющих объединение людей в неформальные подгруппы, может быть очень широк: от социально-демографических характеристик людей до глубинных внутриличностных переживаний и конфликтов. Более того, могут использоваться и разные объяснительные принципы, например, как это было показано с точки зрения психоанализа. Думается, что и с позиции бихевиоризма или когнитивизма также, но в ином ключе, можно попытаться объяснить возникновение и функционирование подгрупп. На данном этапе разработки микрогрупповой концепции нет особой необходимости вникать во все возможные детали и перипетии решения данного вопроса под углом зрения тех или иных направлений психологии.

5) Отношения в неформальных подгруппах

По данному аспекту проблематики подгрупп в малой группе можно сослаться на две обнаруженных работы, в которых обозначаются взаимоотношения внутри подгрупп в зависимости от их численности.

В одной из них отмечается, что в диадах и триадах осуществляется интимное общение на основе глубоко личных отношений, полного взаимопонимания и готовности пойти на личные жертвы [103]. В подгруппах из четырехшести человек отношения строятся на основе широкого круга интересов, симпатии, общности. Однако проведенное нами исследование, результаты которого излагаются в последней части книги, показали, что многие диады не являются устойчивыми в процессе функционирования группы, т.е. в них сильно выражена тенденция к распаду. Если бы во всех них отношения действительно носили глубоко личный характер, то вряд ли можно было бы наблюдать распад такого большого их количества.

Близкой позиции придерживаются другие авторы, по мнению которых в диаде объединяющим фактором является взаимная симпатия как ее единственный потенциал, а начиная с триады существенную роль приобретает предметно-деятельностная направленность (экспертно-оценочная функция

третьего лица, ориентирующая на общегрупповую цель). Отсюда следует, что только тирады могут выполнять функцию повышения организованности, а диады могут стать дезорганизующим фактором [67]. Думается, что такая точка зрения не является вполне обоснованной, так как многие диады в своей объединительной основе имеют не только экспрессивные, но и инструментальные параметры.

За отсутствием иных исследований данного аспекта функционирования подгрупп можно обратиться к работам, в которых изучались парные отношения членов малой группы. В рамках таких исследований членов группы, имеющих взаимные позитивные отношения, с значительной долей условности можно рассматривать в качестве диад, так как реально многие из них могли быть включены в более многочисленные подгруппы.

Так, рассматривая парные отношения между людьми, Н.Н. Обозов выделяет четыре типа возможных отношений, формирующихся под влиянием усвоения членами группы совместной деятельности и уровня развития группы: приятельские (формируются в диффузных группах и основаны лишь на межличностной привлекательности), товарищеские (возникают на основе мотива сотрудничества, формирующегося под влиянием совместной деятельности), дружеские (возникают только в коллективе) [137]. Дружеские и супружеские отношения характеризуются переходом от межличностной привлекательности к взаимной привязанности. Нельзя не заметить непосредственного влияния на данную типологию взаимоотношений теории ДОМО (см. седьмая глава).

Достаточно развернутые представления о дружеских отношениях даются И.С. Коном. В этих представлениях можно выделить две крайние позиции в определении сущностных ценностей дружбы: утилитарную (инструментально-деловую или практически-действенную) и эмоционально-экспрессивную (эмоционально-исповедную) [105]. Этот и другие авторы отмечают, что дружба часто не имеет абсолютно бескорыстного начала, а может быть связана с эгоистическими соображениями, получением взаимопомощи, поддержки. Отсюда следует, что и взаимоотношения в подгруппах, даже имеющие налет дружбы, могут строиться на прагматических мотивах.

В зарубежной психологии существует несколько подходов к пониманию механизма, обеспечивающего притягивание-отталкивание двух людей: а) первичная значимость сходства между людьми и подобие установок для образования устойчивых симпатий (например, теория социального сравнения Л. Фестингера); б) взаимная дополняемость – ведущий фактор формирования межличностных отношений (Г. Мюррей, К. Роджерс, Д. Кейслер); в) в дружеских отношениях могут одновременно проявляться подобие и контраст между людьми (П. Секард и С. Бакман); г) аттракция в межличностных отношениях формируется в процессе обмена вознаграждениями, когда выигрыши обоих партнеров преобладают над их издержками (теория взаимозависимости Г. Келли и Д. Тибо).

Некоторые авторы отмечают, что различные концептуальные подходы ограничивают понимание дружбы восприятием и поведением внутри диад и

не принимают в расчет влияние окружающего социального контекста на развитие дружеских отношений. М. Паркс и Л. Эджерт показали, что развитие взаимоотношений в диаде связано не только со структурой коммуникации внутри нее, но и с восприятие поддержки от друзей и семьи, количеством и размахом коммуникации партнеров с другими структурами, привлекательностью партнеров для членов других коммуникативных структур [254]. Эта точка зрения является более правильной для понимания образования неформальных подгрупп в малой группе. Данный процесс определяется не только индивидуальными особенностями членов группы и непосредственным их взаимодействием, но и контекстом всей группы. Например, во многих случаях стремление к объединению с определенным членом группы будет тем сильнее, при прочих равных условиях, чем выше будет его психологический статус в группе от такого объединения.

Если говорить о сходстве или несходстве приятелей, друзей, то оно должно решаться не так просто, как предлагал в свое время Л. Фестингер. Например, И.С. Кон считает необходимым уточнять ряд вопросов: класс подразумеваемых сходств (социально-демографические характеристики, ценностные ориентации, особенности характера и темперамента или др.), степень предполагаемого сходства (полное совпадение качеств или какое-то более ограниченное сходство), значение и смысл данного сходства для личности, объем и широта диапазона сходств (сходство по ряду различных характеристик или в рамках какой-то одной сферы), реальное или субъективно воспринимаемое сходство [105]. Такой дифференцированный подход свидетельствует о том, что и образование неформальных подгрупп представляет собой сложный процесс, который может быть опосредован не просто различными параметрами сходства людей, но и разными их характеристиками.

В зарубежной психологии существует немало работ, посвященных близости взаимоотношений партнеров. Большая часть этих работ акцентирует внимание на процессе взаимного приспособления. В. Борден и Г. Левингер предлагают иную, более развернутую модель на основе предположения о существовании широкого континиума – от скоротечного, ситуационно-ориентированного приспособления до межличностной конвергенции [244]. Эта модель фиксирует два наиболее важных процесса: мотивационные и диспозиционные изменения. Концепция мотивационного изменения в свое время была предложена Г. Келли, тогда как указанные авторы пытаются создать концепцию диспозиционных изменений, а также показать, как эти два процесса совместно протекают. Континиум взаимной адаптации представлен тремя крупными категориями: а) ситуационно-ориентированное тактическое приспособление (связано с преодолением непосредственной ситуации, формирует открытую уступчивость, проявляется во временном приспособлении к желаниям других); б) ориентированное на взаимосвязь систематическое приспособление (основывается на заботе о другом, связано с устранением или изменением собственных предпочтений); в) межличностная конвергенция, выходящая за пределы взаимосвязи (отражает длительные изменения в аттитюдах, интересах, предпочтениях по отношению к партнеру, которые не за-

висят от присутствия или отсутствия других). (Как отмечают сами авторы, эти три категории в определенном смысле напоминают процессы социального влияния, выделенные Келманом: подчинение, идентификация, интернализация.) Таким образом, модель взаимной адаптации по В. Бордену и Г. Левингеру включает два основных процесса: 1) мотивационное изменение (представлено первой и второй категорией); 2) диспозиционное изменение (представлено третьей категорией). По мнению этих авторов, данная модель позволяет объяснить, как два обособленных индивида становятся «единой парой», как два «Я» становятся «Мы».

Если придерживаться этой модели в понимании процесса формирования подгрупп, то можно предположить, что начальное объединение, установление связи между людьми происходит на уровне мотивационных изменений, а наиболее прочные, устойчивые связи внутри подгруппы будут возникать в том случае, когда отношения между членами группы будут связаны с диспозиционными изменениями.

В целом же надо сказать, что вопрос об отношении людей внутри микрогрупп, и особенно, в контексте всей малой группы еще требует своего дальнейшего тщательного изучения.

6) Устойчивость неформальных подгрупп

По проблеме устойчивости неформальных подгрупп практически отсутствуют публикации. Чтобы хоть как-то рассмотреть этот вопрос придется обратиться к исследованиям по устойчивости парных отношений, члены которых, как говорилось выше, лишь условно могут рассматриваться в качестве диады как численной разновидности подгрупп.

И.М. Поспехов на основе изучения детских групп выделяет устойчивые отношения как особый вид отношений, отличающийся от ситуативных отношений – утилитарных и сугубо эмоциональных – по ряду признаков: а) устойчивые отношения связаны с переживаниями высшего порядка, основаны на потребности в духовном общении со сверстниками; б) устойчивые отношения характеризуются относительным постоянством, т.е. раз возникнув между людьми, они могут сохраняться на протяжении длительного времени; в) устойчивое отношение определяется личностными свойствами детей, между которыми оно возникает; в) устойчивые отношения выполняют функцию социальной ориентации в среде сверстников [156].

Устойчивые отношения определяются этим автором как «специфический вид личных отношений, имеющий в своей основе относительно постоянные переживания сближения (отчуждения) одного ребенка к другому и выполняющий функцию социальной ориентации в связи с потребностью ребенка в духовном общении со сверстниками» [156, с. 9]. В частности, в исследовании детей детского сада им было установлено, что 66% детей имеют устойчивое сближение.

В некоторых исследованиях указывается на связь между социально-демографическими, индивидуально-психологическими особенностями людей и динамикой устойчивости отношений между ними.

Например, в исследовании школьных классов с первого по десятый было показано, что устойчивость отношений повышается с возрастом, хотя такая зависимость не имеет линейного характера [132; 133]. С точки зрения половой принадлежности – девочки всех возрастных групп обнаруживают несколько большую устойчивость межличностных предпочтений по сравнению с мальчиками. В другом исследовании выявлена связь между эмоциональной экспансивностью и нейротизмом [232].

По мнению Я.Л. Коломинского, понятия устойчивого и неустойчивого выбора отражают различную степень эмоционального предпочтения и для каждого человека могут быть выражены в виде качественно неравноценных зон отношения к другим, которые обозначаются им как «круги желаемого общения» разного порядка [103]. Так, в первый, наиболее значимый для человека круг желаемого общения, входят люди, к которым он испытывает устойчивую симпатию, во второй круг – все люди, к которым субъект испытывает симпатию, а в третий – все члены данной группы. В частности, им было установлено, что с возрастом (от групп дошкольников к старшим классам школы) наблюдается тенденция к расширению первого круга желаемого общения, т.е. увеличивается число детей, к которым субъект испытывает устойчивую симпатию.

Исследование пар со взаимными позитивными выборами в студенческих группах с первого по пятый курсы показало, что на первом курсе сохраняется 43% пар [137]. Автор исследования объясняет неустойчивость диад тем, что в процессе обучения и общения студенты постоянно получают информацию о сокурсниках и, как бы корректируя субъективную оценку о другом, изменяют свои симпатии в течение времени. При образовании межперсональных связей на первом году обучения отношения определяются в большей мере взаимностью симпатий и антипатий. К концу обучения студенты больше и глубже узнают друг друга, сталкиваясь в самых различных обстоятельствах. Отношения становятся все более содержательными, прочными и долговечными либо распадаются.

Некоторые авторы пытались связать устойчивость парных отношений с теми или иными психологическими качествами индивидов. Например, Н.Н. Обозов изучал сходство по ценностным ориентациям, различным темпераментным и личностным характеристикам, интеллекту в студенческих парах, устойчиво испытывающих межличностное притяжение, и парах, включающих взаимоотвергающих людей [137]. Так, в дружеских парах им обнаружено большее сходство по центральным и второстепенным ценностям, интересам, а в парах взаимоотвергающих сходство больше по второстепенным интересам. Устойчивой межличностной привлекательностью скорее будут обладать лица, имеющие одинаково низкие показатели экстраверсии, нежели одинаково высокую экстарвертированность; нейротичность не имеет существенного значения в женских парах, а в мужских дружеских парах наблюдается наибольшее число контрастных сочетаний нейротичный-анейротичный, тогда как в парах отвергаемых – одинаково низкий уровень нейротичности.

Подобное направление исследования устойчивости подгруппы с точки зрения характера сочетания личностных особенностей ее членов может иметь предельно широкие рамки. Трудно сказать, насколько такое направление исследования будет эффективным, но можно с уверенностью говорить о том, что оно будет бесперспективным, если его осуществлять в отрыве от мотивов объединения людей в подгруппы.

7) Социальная изоляция группы и неформальные подгруппы

Образование и функционирование неформальных подгрупп наиболее интенсивно и ярко протекает в малых группах, жизнедеятельность которых ограничена определенными социальными рамками.

В условиях относительной социальной изоляции, связанной с автономным существованием и ограничением социальных контактов рамками узкого круга людей, приходится функционировать по объективным обстоятельствам ряду групп. Сюда относятся группы трудового типа, жизнедеятельность которых осуществляется в труднодоступных районах земного шара (например, антарктическая экспедиция), ограничена пространством технических средств (например, экипаж подводной лодки или корабля дальнего плавания). В таких условиях функционируют некоторые воспитательные (детские дома) и учебно-воспитательные (интернаты и специализированные интернаты, военные колледжи и институты) группы. Продолжительная социальная изоляция наиболее выражена в группах несовершеннолетних правонарушителей, несущих наказание (специализированные училища, колонии), взрослых осужденных (тюрьма, колония).

Так, с увеличением времени пребывания полярников на антарктических станциях усиливается напряженность во взаимоотношениях, которая перерастает в конфликты, а затем в открытую враждебность между отдельными членами экспедиции, увеличивается число изолированных и отвергаемых членов группы. Исследователи пришли к выводу, что групповая изоляция, а не холодный климат определяет напряженность во взаимоотношениях. Помимо несовместимости членов группы важную роль в таких условиях играют явления информационной истощаемости и постоянной публичности (своего рода «психический стриптиз»). В условиях социальной изоляции группы отмечается ярко проявляющийся процесс формирования микрогрупп по интересам, симпатиям, нередко противостоящих друг другу [32; 114].

Образование микрогрупп отмечается в экипажах морских судов дальнего плавания, которые также находятся в условиях относительной социальной изоляции [144]. Причем речь идет о подгруппах, объединенных на основе взаимной привлекательности и профессиональной деятельности (например, деление на «палубную» и «машинную» подгруппы).

Рассматривая взаимоотношения между учащимися специализированных интернатов для одаренных детей, которые характеризуются относительной социальной изоляцией, М.Ю. Кондратьев указывает на их особенности, свойственные любым организациям закрытого типа [106]. Основные из них заключаются в моноструктурированности группы, необходимости решать все

возникающие проблемы только своими силами, отсутствии возможности «сбросить» вовне накапливаемый негативный заряд взаимоотношений. Поэтому в таких группах существует повышенная насыщенность эмоциональных контактов, напряженность и конфликтность, статусная поляризация, бурное формирование обособленных, нередко противоборствующих подгрупп.

В исследовании, проводившемся нами в начале 1990-х гг. на группах курсантов мореходного училища, была выявлена дифференциация, в том числе микрогрупповая, курсантов по степени их активности в реализации ценностей и по содержательным характеристикам этих ценностей [172]. Одна часть курсантов, объединяясь в подгруппу, представляет собой «активное негативное ядро», которому свойственна высокая активность в сочетании с асоциальным содержанием ценностей. Такая подгруппа стремится утвердить в группе цели и ценности, которые связаны с нарушением дисциплинарных требований, частичным выполнением своих обязанностей, игнорированием общечеловеческих ценностей. Она оказывает существенное, если не решающее, влияние на формирование соответствующей ценностно-нормативной структуры группы, что сопровождается низкой успешностью группы в обучении, в соблюдении дисциплинарных требований, высокой неудовлетворенностью в межличностных отношениях.

Для другой, более многочисленной части курсантов характерны просоциальные ценности. Однако в силу индивидуальных особенностей или ситуации неопределенности первого времени пребывания в училище большинство из них не проявляют активности. Те немногие, кто начинает проявлять активность, связанную с просоциальными ценностями, но при этом сталкивается с «активным негативным ядром», занимают нейтральную позицию. Большая часть таких членов группы объединяется в различные подгруппы. Оставшаяся часть курсантов относится к категории «слабых» и выступает объектом дискриминации со стороны «активного негативного ядра». Когда в группе формируется «активное позитивное ядро» (неформальная подгруппа), то группа функционирует более благоприятно.

В процессе обучения (к третьему–четвертому курсу) в большинстве групп наблюдалось нивелирование указанной дифференциации, что связано с социальным созреванием курсантов и пересмотром групповых ценностей [172].

Такая же дифференциация членов группы наблюдается и в спецучреждениях для несовершеннолетних правонарушителей. В зависимости от ценностных ориентаций неформальных группировок различаются группировки: а) с положительной направленностью, отличающиеся различной степенью активности; б) с неопределенной (нейтральной) направленностью, неустоявшимися ценностями и несформировавшимся внутригрупповым «кодексом»; в) с отрицательной открытой или скрытой направленностью [147; 233].

Одной из особенностей социальной изоляции в колониях и тюрьмах является «принудительное общение», которое актуализирует психологическую,

физиологическую и даже криминальную несовместимость [148]. Другая отличительная особенность жизни осужденных в исправительном учреждении, вытекающая из предыдущей, – объединение в подгруппы, которые возникают стихийно [233].

Г.Г. Шиханцов отмечает следующие особенности подгрупп осужденных: «а) как правило, они создаются стихийно, а не по воли и желанию администрации; б) микрогруппы взаимодействуют друг с другом по-разному (от дружбы до прямой вражды); в) в них существует иерархическая структура отношений и зависимостей («система ролей»); г) члены группы обычно совместно питаются, делят между собой получаемые посылки, продукты, купленные в ларьке; д) в группах хорошо поставлена информация; е) для них характерно избирательное отношение к «своим» и «чужим»; ж) в каждой группе действуют свои ценности и ориентации, имеет место групповая убежденность» [233, с. 316]. Группировки осужденных имеют разную численность, устойчивость и направленность. Их деятельность может соответствовать требованиям коллектива и задачам исправительного учреждения, не соответствовать и даже противоречить им. Следовательно, нельзя считать, что группировка всегда является злом. Воспитателю в любом случае важно учитывать отношения, складывающиеся в этих группах и между группами, их отношения с коллективом.

Особое место в исправительном учреждении занимает группировка с таким названием как «семья», т.е. «стойкая группа, состоящая из двух и более осужденных, объединенная общей системой взглядов, интересов и традиций, определяющих их поведение и направленность действий» [233;317]. «Семья» представляет собой не что иное, как определенную форму подгруппы в группе заключенных. Члены такой подгруппы преследуют общие интересы (совместное питание, защита от посягательства и др.), но и каждый из них имеет свои корыстные интересы, которые маскирует. В «семьи» (два – семь человек) объединяется до 80% осужденных в колониях общего и усиленного режима и до 90% в колониях строгого режима.

Завершая обзор исследований неформальных подгрупп в социальной психологии, нельзя не удержаться от того, чтобы не провести аналогию между данным феноменом в группах людей и среди животных. Тем более, что подгруппа как социально-психологическое явление имеет место не только в группах людей, но и в сообществах различных животных, о чем свидетельствуют многочисленные наблюдения.

Среди важнейших проявлений организации биосоциальных систем отмечают: индивидуальную и эмоционально окрашенную реакцию одной особи данного сообщества на другую, иерархию и доминантность, социотомию, социальное партнерство, клубы [157]. Именно две последние характеристики непосредственно фиксируют образование подгрупп.

Более всего известны два типа микрогруппировок: «брачные союзы» самца и самки, «дружеские союзы». То, что касается брачных союзов животных, то биологическая целесообразность их очевидна (обеспечение условий спаривания, вынашивания или высиживания потомства, уход за ним), и с

этой точки зрения они не представляют для нас особого интереса. Однако исследователи отмечают и социальную их целесообразность, а именно то, что пара всегда сильнее и защищеннее животного-одиночки, особи брачного союза способны оказывать психологическую поддержку друг другу, вместе они более агрессивны и решительны, у них больше шансов совместными усилиями повысить свой статус в сообществе.

Дружеские союзы выполняют помимо перечисленных и другие социальные функции, чаще возникают между молодыми самцами. Нет большой необходимости углубляться в данную область зоопсихологии, поэтому для иллюстрации ограничимся лишь некоторыми фактами, свидетельствующими об особенностях возникновения и функционирования подгрупп животных (на примере приматов), которые, если провести параллели, очень похожи на микрогруппы в человеческих социальных группах.

Даже в относительно небольших сообществах животных между отдельными особями возникает эмоциональная связь, часто и привязанность, на основе которой образуются относительно устойчивые диады, триады. В малой группе людей в качестве одного из признаков объединения в микрогруппы также может выступать положительная эмоциональная взаимосвязь, которая именуется симпатией.

Одной из форм групповой организации, характерной для сообществ с выраженной системой иерархии, являются клубы. В них объединяются животные, обычно самцы, принадлежащие к одной и то же социальной страте в иерархической лестнице сообщества. В клубах нет цели, лидеров и иерархии, все животные равны и свободно проводят время (игры, груминг, отдых). В значительной степени клубы выполняют релаксационную функцию. В человеческом обществе можно часто наблюдать подобную форму группирования. Это и различные клубы, начиная от подростковых и заканчивая элитными – теми, которые в значительной мере предопределяют политику и экономику своей страны или даже мирового сообщества. Это и общение, группирование заключенных только лишь с теми, которые, как и они, принадлежат к одной и той же страте, хотя в рамках каждой страты все же существует иерархическая структура отношений и зависимостей.

Для того чтобы занять доминирующее положение в группе некоторые молодые самцы объединяются в одну подгруппу и «единым фронтом» выступают против сильного и агрессивного доминанта и низвергают его с пьедестала сообщества [69]. В данном случае их объединение не имеет в своей основе эмоциональных связей, дружеских отношений, но между ними нет и враждебности. Образовав союз, они коллективно борются за каждую иерархическую ступень в стаде, достигая главенствующего статуса, но со временем их становится все меньше из-за смерти, и главная забота на всю оставшуюся жизнь – сдерживать напор субдоминантов, более многочисленных, постепенно набирающих силу. Даже в старости они продолжают сохранять союз. Такая форма объединения на основе общности главного интереса и такой способ занятия не персональной, а микрогрупповой лидирующей позиции в группе достаточно широко распространен в социальных объединениях

людей, в частности в политике. Правда, в человеческих сообществах по достижении лидерской позиции подгруппы чаще начинается борьба внутри нее самой за личное первенство.

Другой способ завоевания доминирующего положения (например, у некоторых разновидностей шимпанзе) заключается в привлечении одним субдоминантным самцом другого – что фактически означает образование подгруппы – в качестве не столько равноправного партнера, сколько помощника для свержения доминанта. При этом первый самец для более успешного осуществления своего мероприятия может дополнительно предпринимать действия по изоляции доминанта, например, со стороны подчиненных доминанту самок (политика «кнута и пряника», «популизма» по отношению к ним). Эта форма группирования, уже замешанная на элементах интриги, распространена и среди людей.

Сообщество животных, где плотность особей достигает предела (у обезьян в среднем от 5 до 50) и периодически возникает его «расщепление» (социотомия), испытывает на себе воздействие так называемых «банд», дестабилизирующих групп [69; 157]. Они представляют собой подгруппы молодых не территориальных самцов, т.е. тех, которые были вытеснены из сообщества. Такие самцы, нерешительные или физически слабые поодиночке, объединяются в группировку, которая за счет установления иерархии доминирования и подчинения оказывается сплоченной. «Банды» очень агрессивны, так что приступы гнева могут превращаться в слепое разрушение. Они не могут физически и психологически противостоять доминанту и всему сообществу, но могут оказывать давление на отдельных его особей. Такие дестабилизирующие группировки распространены и в человеческом обществе: криминальные организованные группы, агрессивные молодежные группировки, активные с асоциальной направленностью подгруппы в группах, находящихся в условиях социальной изоляции.

В заключение этого раздела хочется отметить, что в социальной психологии неформальные подгруппы являлись предметом исследования. Однако эти исследования носили фрагментарный и разрозненный характер, были несравненно слабее представлены на фоне других изучающихся тематик в области малой группы. Но, пожалуй, главное состоит в том, что в них недоставало той модели, которая позволила бы более направлено проникнуть в различные аспекты проявления микрогрупп, корректно решать ряд практических задач, а в целом же по-иному взглянуть на старые проблемы в области малых групп. Анализ подгрупп как специальное направление в исследовании малой группы не получил должного развития в социальной психологии и смежных с ней дисциплинах ни на прикладном, ни тем более на теоретическом уровне.

ГЛАВА 4

АСПЕКТЫ АНАЛИЗА МАЛОЙ ГРУППЫ И НЕФОРМАЛЬНЫХ ПОДГРУПП

Чтобы разобраться во всем многообразии подходов к пониманию такого сложного социально-психологического явления, как малая группа, необходимо сгруппировать их определенным образом. В качестве критерия этой процедуры воспользуемся хорошо представленными в общенаучной методологии возможными формами описания объекта. С этой точки зрения все имеющиеся подходы можно отнести к параметрическому, морфологическому, функциональному и системному описанию малой группы [240]. Такое разделение является в некоторой степени условным, так как, с одной стороны, в конкретных работах переплетаются разные формы, а с другой стороны, с помощью первых трех форм можно с той или иной степенью точности описывать малую группу как систему. В ходе построения микрогрупповой концепции мы опирались на все указанные аналитические подходы, отдавая предпочтение системному подходу.

4.1. Параметрическое описание

Параметрическое описание является «простейшей формой научного описания и соответственно исходным уровнем исследования любого объекта…основанное на эмпирических наблюдениях описание свойств, признаков и отношений исследуемого объекта» [240, с. 101].

В социальной психологии параметрическое описание идет по линиям дефиниций, выделения признаков малой группы, отражающих ее специфику, и в то же время отличающих от иных социальных категорий, а также обозначения наиболее широкого перечня социально-психологических характеристик, с помощью которых можно было бы дать наиболее полное описание конкретной группы.

К середине 1980-х гг. в зарубежной социальной психологии насчитывалось около сотни определений малой группы [72]. Некоторые из них приводятся в качестве примера в хорошо известных работах отечественных авторов [72; 146; 159]. В этих же работах дается подробный их анализ и подчеркивается, что в большинстве зарубежных определений малой группы исходной точкой отсчета являются индивидуальные, чисто субъективные факторы формирования группы и не указывается на объективные предпосылки ее возникновения, ее собственно социальные характеристики (к которым отечественные авторы относят, прежде всего, совместную деятельность). Взаимозависимость на основе индивидуальных потребностей, непосредственные взаимоотношения и взаимодействия эмоционального содержания (симпатии или антипатии) – ведущая характеристика группы во множестве определений. Думается, что это излишне обобщенная формулировка, которая, впро-

чем, была необходима в свое время для более четкого определения позиции отечественных психологов и формировавшейся теории деятельностного опосредствования межличностных отношений (ДОМО).

В противопоставление западным коллегам отечественные авторы вводили в определение малой группы понятие совместной деятельности как ключевое. Приведем в качестве примера одно из наиболее распространенных: под группой понимается «общность людей, объединенных на основании некоторого или некоторых признаков, относящихся к осуществляемой ими совместной деятельности, в том числе общению» [146, с. 51]. В таком определении малая группа должна являться скорее объектом микросоциологического, чем социально-психологического исследования. Действительно, если принять во внимание весь контекст, в котором рассматривалась группа в таком ее понимании (теория ДОМО), то получается, что малая группа создается обществом для реализации некой социальной функции и сама социально значимая совместная деятельность задается извне обществом, а уже как следствие – формирование на ее основе отношений между людьми. Даже в некоторых определениях социологов группе дается более «психологическая» характеристика. Например, в трактовке известного социолога Г.С. Антипиной «малая группа – это малочисленная по составу социальная группа, члены которой объединены общей деятельностью и находятся в непосредственном устойчивом личном общении друг с другом, что является основой для возникновения как эмоциональных отношений в группе, так и особых групповых ценностей и норм поведения» [11, с. 8]. Кстати говоря, это определение, данное в конце 1960-х гг., являлось не менее распространенным и в социальной психологии. Если взять более позднее определение, то другой социолог, С.С. Фролов, характеризует социальную группу (без конкретизации численности) как «совокупность индивидов, взаимодействующих определенным образом на основе разделяемых ожиданий каждого члена группы в отношении других» [204, с. 194]. И далее он указывает, что под первичными группами в социологии понимаются такие группы, в которых каждый член видит других членов группы как личностей, индивидуальностей, что достигается через социальные контакты, в которых люди стремятся сделать социальные взаимоотношения неформальными и смягченными.

Справедливости ради следует сказать, что некоторые социальные психологи не включали в определение малой группы совместную деятельность. Например, «контактная (малая) группа – это универсальная, относительно постоянная система, в рамках которой осуществляется непосредственное межличностное взаимодействие, значимое для ее членов» [102, с. 63].

В целом же надо отметить, что в приводящихся определениях как зарубежных (по крайней мере, в доступных источниках), так и отечественных специалистов отсутствует упоминание о неформальных подгруппах. Относительно отечественной социальной психологии это является вполне понятным, так как неформальная подгруппа ассоциировалась с тесными непосредственными эмоциональными отношениями между отдельными людьми, а следовательно, не могла быть связанной с совместной деятельностью. Кроме

того, микрогруппы часто рассматривались как негативное явление с точки зрения эффективности совместной деятельности. Не учитывался, за редким исключением, тот важный факт, что неформальная подгруппа не обязательно имеет в основе своего возникновения лишь эмоциональный компонент и может образовываться по признаку той же самой совместной деятельности и некоторым психологическим, отнюдь не чисто эмоциональным по природе критериям. Что же касается определений зарубежных авторов, то здесь ответить на поставленный вопрос достаточно сложно. Возможны два предположения. Либо определение проецировалось на неформальные малые группы, в которых, по идее, не должны возникать подгруппы (хотя на самом деле это не так), либо, что, возможно, касается и отечественных специалистов, это было связано со стремлением дать предельно общее определение, под которое могла бы подпадать любая группа, даже та, в которой нет подгрупп. Действительно, сложно одним-двумя предложениями емко передать суть такого неоднозначного социального образования как, малая группа, хотя бы с учетом формальной и неформальной ее разновидностей.

Попытаемся дать, хотя может быть и преждевременно, определение малой группы с учетом неформальных подгрупп и не включенных в них членов (так называемых «самостоятельных»).

Малая контактная группа – общность людей по какому-то социальному или психологическому признаку, в которой возникают ситуативные или относительно устойчивые неформальные подгруппы, выполняющие определенные социально-психологические функции для их членов и группы в целом, а также выделяются отдельные члены («самостоятельные» члены), не имеющие общезначимых признаков с другими членами группы.

Данное определение правомерно для группы, состоящей более чем из двух человек (диада многими не признается как группа), фиксирует формальные и неформальные малые группы, отображает причину возникновения подгрупп и наличия «самостоятельных» членов, предполагает непосредственный контакт, взаимовосприятие и другие компоненты межличностных отношений и взаимодействий, так как иначе не возникли бы неформальные подгруппы как психологические образования. Например, социальный признак, лежащий в основе общности людей, может быть связан с заданностью группы обществом, с совместной деятельностью, которая также может быть задана обществом. В этом смысле подразумевается институализированная группа, и данная часть определения согласуется с традиционным. Данное определение также «схватывает» неформальную малую группу, причем предполагая наличие в ней неформальных подгрупп.

Вполне логично возразить, что в малой группе может и не быть подгрупп. Думается, что это маловероятно и хотя бы ситуативные подгруппы всегда имеют место. Взять, к примеру, сплоченную семью, состоящую из трех человек. Даже в ней постоянно возникает временная подгруппа – «супруг-супруга», «мать-ребенок», «отец-ребенок» в зависимости от возникшей задачи или контекста ситуации. Думается, что в основе тенденции возникновения подгрупп даже в сплоченной группе лежит определенное глубинное

явление, которое еще предстоит осмыслить. А может оказаться, что все гораздо проще.

Теперь было бы правильнее обозначить понимание неформальной подгруппы.

Например, В.И. Паниотто рассматривает подгруппу как «такое объединение членов группы, сплоченность которого выше, чем сплоченность людей из разных подгрупп» [142, с. 69]. Для каждой группы, в зависимости от ее специфики, может существовать определенный стандарт степени сплоченности. Например, для студенческой группы и группы из незнакомых людей, собравшихся на научный семинар, должны быть разные стандарты. Основной путь процедуры выделения подгрупп он видит в сопоставлении сплоченности выделенного множества со сплоченностью всей группы или с математическим ожиданием сплоченности при выборе подмножества случайным образом. Только после этого, по его мнению, можно говорить о том, является ли данное подмножество людей подгруппой или нет.

На основе анализа зарубежных источников В.И. Паниотто выделяет ряд подходов к определению подгруппы, которые даны с точки зрения теории граф или множеств: «1) подгруппы – это максимально полные графы, т.е. максимальные подмножества членов группы такие, что все друг друга выбирают; 2) максимальные сильные подграфы; 3) максимальные односторонние подграфы; 4) максимальные подмножества людей такие, что каждого выбирает по крайней мере половина членов подмножества; 5) классы эквивалентности вершин графа по отношению сплетаемости (две вершины эквивалентны, если они сплетаемы); 6) подмножества членов группы, число выборов внутри которых значительно превышает число выборов между членами разных подмножеств; 7) подмножества членов группы, сумма весов выборов внутри которых значительно превышает суммы весов выборов между членами разных подгрупп» [142, с. 70].

Если следовать пока что формализованному подходу к пониманию подгрупп, то в нашем исследовании они выделялись посредством процедуры кластерного анализа. Определенное количество конкретных членов рассматривалось как подгруппа, когда ее плотность (по смыслу близкая к понятию плотности, используемому в физике) была высокой и превышала плотность других возможных группирований всех членов в подгруппы. Плотность подгруппы зависит от двух переменных: а) от количества людей в подгруппе; б) от меры сходства между «центральным» и наиболее «удаленным», т.е. несходным с центральным членом подгруппы (другой вариант – меры «сходства» между центральным и остальными членами подгруппы) по межличностным выборам. Более подробно данная процедура выделения подгрупп изложена в четвертой части книги.

Если же говорить о неформальной подгруппе с содержательной точки зрения, то ее можно определить как совокупность членов группы, объединенных на основании одного или нескольких психологических (возможно, первоначально формальных) более общих и значимых для них признаков на данный момент времени по сравнению с другими членами группы.

Для социально-психологического осмысления малой группы А.И. Донцов подробно рассматривает этимологию слова «группа», историю его лексической эволюции, смысловое поле. В частности, он отмечает, что «на этапе своей предыстории значение термина «группа» восходит к двум корням: «узел» и «круг». Что касается первого, то именно таким был первичный смысл итальянского groppo…» [72, с. 12]. Этот термин использовался в сфере изящных искусств и обозначал несколько симметрично скомпонованных фигур, составляющих сюжет живописного, графического или скульптурного произведения. Чтобы называться «группой», совокупность этих фигур должна была производить целостное художественное впечатление. Второй корень («круг») первоначально означал «множество», «скопление», «масса». Очевидно, что такое сущностное понимание группы возможно лишь с внешней позиции, с позиции более широкого социального контекста. Несложно заметить, что оно в первом значении куда более подходит не для институализированной группы, а для неформальной подгруппы, которая более композиционна в связке своих деталей, чем вся группа.

В реальной жизни неформальные подгруппы представляют собой очень разнообразные социально-психологические категории, в силу чего возникает необходимость их классификации, которую можно проводить по нескольким основаниям.

Можно указать на ситуативные подгруппы, возникающие для решения конкретной задачи, предполагающей ограниченную во времени и пространстве активность, а также на относительно устойчивые подгруппы, которые образуются на основе осознанных перспективных, стратегических целей людей или в связи с их постоянной деятельностью и условиями пребывания в группе, или на основе тех или иных параметров сугубо психологической общности людей (как частное, о котором лишь говорится в литературе – симпатии, аттракция).

Далее, в зависимости от механизма, можно выделить два крайних случая объединения людей в подгруппу. Первый из них – «децентрализованное» объединение – связан с тем, что все члены, включающиеся в одну и ту же подгруппу, имеют сходство хотя бы по какому-то одному ключевому для них признаку. Такая подгруппа является более стабильной в том смысле, что выход какого-то члена из подгруппы не приводит автоматически к нарушению связей внутри нее, а следовательно, и к возможному распаду. Второй случай – «централизованное» объединение – предполагает образование подгруппы прежде всего на основе общности людей с каким-то одним (двумя) членом группы, а через него (них) и каждого со всеми остальными членами подгруппы. Данный тип подгрупп является стабильным, но до тех пор, пока сильна позиция, сильно влияние «центрального» члена подгруппы (лидера). Появление конкурента или выход «центрального» члена из подгруппы вызывает нарушение внутренних связей, а часто и распад подгруппы. По поводу данной типологии надо отметить некоторую ее условность, так как образование любой подгруппы всегда предполагает своего

рода «центрального» члена (даже в диаде), однако уровень его значимости в разных случаях различен.

Надо также различать неформальные подгруппы по уровню их развития. Думается, что понятие «уровень развития малой группы» имеет скорее условный характер, так как группы состоят из подгрупп (как подсистем группы), имеющих различный уровень психологического развития. С этой точки зрения стремление оценивать уровень развития всей группы часто будет приводить к получению усредненных результатов, особенно когда реально нет никакой психологической общности членов группы, что нередко встречается в практике, а есть лишь общность по социальной функции группы или пространственно-временным характеристикам. Уровень же развития неформальных подгрупп можно оценивать разными способами, в зависимости от задаваемых критериев, например, по таким хорошо известным параметрам, как сплоченность в разных ее аспектах, идентификация, референтность. В тех случаях, когда речь идет об институализированных малых группах и эффективности их деятельности, то, конечно, надо учитывать цели, нормы и активность подгрупп в соотнесении с социальной функцией группы. Применительно к этим случаям такие параметры также должны использоваться для оценки уровня развития подгруппы. Так, В.И. Паниотто призывает к тому, чтобы выделение подгрупп сопровождалось определением их различных характеристик, например, совпадение целей «ядра группы» с социально значимыми задачами, стоящими перед группой [142]. Под «ядром группы» он понимает подгруппу, имеющую или максимальное число членов, или максимальную сплоченность.

В определении малой группы с позиции микрогрупповой концепции указывалось на отдельных членов, не объединенных в подгруппы. Для обозначения такой категории людей в литературе используются термины «изолированные», «отверженные». Думается, что они не являются корректными, так как их смысл подразумевает, что подгруппы отводят таким членам определенный статус в группе (при игнорировании активности этих членов) и не контактируют с ними либо относятся к ним крайне негативно. К примеру, термин «отверженные», или, иначе, «опущенные», используется применительно к заключенным, занимающим самый низкий статус в среде заключенных, с которыми не должны общаться остальные под угрозой снижения своего статуса. Поэтому необходимо выбрать иной условный термин для обозначения людей, не включенных в подгруппы. В качестве такового, пусть не совсем удачного, предлагается использовать понятие «самостоятельные члены», которое является более нейтральным и предполагает активность данной категории членов группы. Следует иметь в виду, что такой член группы не является в полном смысле автономным, никак не связанным с другими членами группы. В ряде ситуаций он может быть ориентирован на позицию какой-то подгруппы по определенному вопросу. В рамках этой категории можно выделить два типа членов группы. Одни предпочитают держать дистанцию (по разным мотивам) с остальными членами группы и не вступать

ни в какие микрогруппы, тогда как другие испытывают желание быть включенными в какую-то из микрогрупп, которая оказывается для них закрытой.

Надо указать и на еще одну категорию людей внутри малой группы, которая не была обозначена в определении группы с позиции микрогрупповой концепции и которая встречается не в каждой группе. Речь идет о тех лицах, которых определенно не возможно отнести ни к членам относительно устойчивой подгруппы, ни к «самостоятельным» членам. Они стремятся быть включенными одновременно в несколько подгрупп, при этом не привязывая себя к ним, являясь своего рода периферийными их членами. Это составляет специфику их внутригруппового самоопределения, активности. Условно назовем такую категорию людей как «тасующиеся» члены. Правомерность введения такого термина можно обосновать тем, что в социобиологии он используется применительно к некоторым сообществам животных (обезьян) при изучении динамики их состава [103].

Пока что сложно говорить о том, какие индивидуальные параметры скрываются за такой формой поведения. Возможно, за этим стоит выраженная мотивация одобрения или установка на высокий контроль внутригрупповой активности, т.е. стремление быть в курсе событий, «держать руку на пульсе» групповой жизни или стремление, в конечном счете, заручиться поддержкой разных микрогрупп для достижения каких-то своих целей. В любом случае такая внешняя позиция кого-то из членов группы не может сохраняться в течение продолжительно времени. При возникновении конфликтов между подгруппами, к которым стремиться примыкать такой человек, неизбежно обостряет вопрос о том, с кем он будет тесно сотрудничать, кого будет последовательно поддерживать. Если этот вопрос не будет им решен в пользу какой-то подгруппы, то в дальнейшем она окажется для него закрытой.

Следует отметить, что зафиксировать таких людей с помощью социометрического теста практически невозможно, за исключением многократных замеров через относительно короткие интервалы времени. В нашем эмпирическом исследовании они также не принимались во внимание, так как их невозможно было выявить посредством применявшейся процедуры.

Кратко обозначив подгруппу, не включенных в нее, а также «тасующихся» членов, возвращаемся к пониманию сути малой группы. Так как дать объемлющее определение этому явлению социальной жизни достаточно сложно, то в социальной психологии прибегают к выделению перечня признаков, которые бы фиксировали суть и отличие малой контактной группы от других социальных общностей.

Приведем два примера из зарубежной социальной психологии, в которых выделены неформальные подгруппы как один из признаков малой группы.

Д. Аназье и Ж. Мартен предлагают следующие характерные признаки малой группы: ограниченное число членов, чтобы каждый был способен выработать индивидуальное представление обо всех остальных и аналогичным образом быть воспринятым каждым из них; совместное достижение относительно постоянной общей цели, которая оценивается как цель группы и отве-

чает различным персональным интересам; эмоциональные взаимоотношения между членами группы, возможность возникновения подгрупп на основе выраженной симпатии или антипатии; сильная взаимозависимость членов группы, связанных чувством солидарности и морального единства даже вне совместных действий; дифференциация ролей между членами группы; общие нормы и специфическая групповая культура [72].

Как видно, один из признаков указывает на возможность возникновения неформальных подгрупп, правда, в их жесткой связи лишь с эмоциональными взаимоотношениями. Такая позиция в понимании основ возникновения и активности подгрупп является несколько ограниченной, так как люди могут объединяться и взаимодействовать на основе параметров инструментального, прагматического свойства.

В. Бион перечисляет семь признаков «нормально функционирующей группы»: не менее трех человек; ценность каждого члена для всех остальных; способность принимать новых членов; наличие «гибкого группового характера»; способность управляться с недовольными членами; наличие четко воспринимаемых границ группы; отсутствие подгрупп, жестко связанных изнутри [243]. В этом подходе отображаются признаки не столько малой группы как таковой, которые бы очерчивали ее природу, сколько эффективной группы.

В данном случае наличие самих по себе подгрупп не относится автором к фактору, негативно влияющему на функционирование подгруппы, но подгруппы приобретает такое значение, когда оказываются внутренне сплоченными. Дополнительное разъяснение по этому вопросу дает Ш. Кэхн. Она, придерживаясь психоаналитической позиции, как и сам В. Бион, отмечает, что появление устойчивых подгрупп с жесткими границами представляет собой структурный раскол всей группы и нарушает несколько бионовских признаков нормально функционирующей группы: не все члены одинаково ценятся, нет свободы от жестких границ внутри всей группы, проявляется подозрительность, агрессия, проекция, сильно уменьшается способность группы справляться с недовольными [251]. Если же границы подгрупп оказываются гибкими, проницаемыми, а энергия остается в распоряжении группы в целом и информация циркулирует свободно, то это является более благоприятным условием на фоне временной разобщенности группы в целом. В таком случае динамическое взаимодействие между членами группы будет способствовать постоянному преобразованию структуры группы, так что она будет представлять собой «живую систему», «развивающееся целое».

В дальнейшем нам еще придется обратиться к психоаналитической трактовке группы и неформальных подгрупп.

В отечественной психологии можно сослаться лишь на А.И. Донцова [70], который, анализируя состояние проблемы малой группы в социальной психологии, выделяет следующие ее признаки: 1) относительно регулярный и продолжительный контакт лицом к лицу, без посредников; 2) наличие общих целей, реализация которых позволяет удовлетворять актуальные индивидуальные потребности, интересы; 3) участие всех членов группы в распре-

деление функций и ролей, что определяет их кооперативную взаимозависимость в процессе выполнения совместной деятельности; 4) разделение членами группы общих норм внутри- и межгруппового поведения, что способствует их консолидации; 5) восприятие преимущества от членства в группе и на основе этого переживание чувства солидарности и признательности группе; 6) наличие четкого и индивидуализированного представления друг о друге; 7) наличие стабильных эмоциональных отношений; 8) самовосприятие и восприятие со стороны как членов одной группы. Приходится констатировать, что в этом перечне отсутствует упоминание о неформальных подгруппах.

Последнее направление параметрического описания малой группы выходит на уровень выделения ее сущностных социально-психологических характеристик (феноменов, параметров).

Это направление впервые было заложено В.М. Бехтеревым, который рассматривал психологические характеристики коллектива («общее настроение», «соборный ум», «сосредоточение» и др.), обеспечивающие формирование общности группы, по аналогии с психическими функциями человека. Такая традиция сохранилась и до наших дней (например, изучение групповых эмоций, групповой воли).

Однако в более позднее время авторы стали выделять и изучать специфически групповые параметры. В одних работах тщательно анализируется какой-то один параметр (например, сплоченность), тогда как в других работах предпринимается попытка охватить ряд параметров, связав их в рамках определенной концептуальной схемы. В последнем случае необходимо сослаться на отечественную параметрическую теорию в двух ее моделях – Л.И. Уманского [200] и А.С. Чернышева [218; 221]. В дальнейшем мы еще будем рассматривать эти концептуальные модели.

4.2. Структурное и функциональное описание

Надо сказать, что понятие структуры очень часто используется в социальной психологии малой группы, хотя нередко используется слишком произвольно, когда разные авторы вкладывают в это понятие различный смысл.

Во-первых, термин «групповая структура» используется либо без обозначения того, что за ним стоит, либо в широком значении, предполагающем ряд тех или иных характеристик группы.

Так, в уже упоминавшейся работе Р. Фиша, Х. Даниэля и Д. Бэка выделено несколько крупных областей в сфере исследования малых групп, среди которых - «групповая структура и процессы», включающая 24 темы (межличностное взаимодействие, групповая динамика, социальное взаимодействие, руководство и др.) [249]. В этом широком спектре тем есть и собственно тема «групповая структура», которая занимает пятнадцатую позицию по количеству опубликованных работ. Однако неясным остается то, что имелось в виду под групповой структурой.

Другой пример. В одном из зарубежных учебных пособий по социальной психологии малой группы к структуре как важнейшей характеристике группы отнесены роли и статусы, сплоченность, коммуникативные сети, групповые нормы, клики и субгруппы [40]. Надо сказать, что в данной книге субгруппы рассматриваются применительно к достаточно большим по численности группам (неформальные молодежные объединения по территориальному признаку).

Во-вторых, наиболее ранняя и устойчивая точка зрения в социальной психологии и социологии связана с идей о двух взаимосвязанных, но не тождественных групповых структурах, которые называют формальной и неформальной, внешней и внутренней. Ее истоки берут начало в исследованиях Э. Мэйо и Я. Морено, а затем в работах Д. Хоманса. Например, последний считал, что внешняя структура выполняет инструментальную функцию, т.е. обеспечивает реализацию групповой задачи, тогда как внутренняя структура содержит эмоциональную функцию, т.е. предполагает обеспечение психологической целостности группы, разрешение межличностных конфликтов. Другой автор, Б. Коллинз, в групповом поведении выделяет два аспекта: проблемное поведение определяется стимуляцией, исходящей от задачи, а межличностное поведение обусловлено межличностными стимулами. А.И. Донцов отмечает, что во всех моделях присутствует общая идея: «существуют две внутригрупповые структуры, одна из которых связана с целью совместной деятельности, другая – с областью межличностных отношений», и «при этом непременно подчеркивается, что психологическое единство группы обеспечивается именно за счет внутренней, неформальной структуры» [72, с. 29].

Общая позиция выражается в том, что формальная структура включает социальные позиции и взаимосвязи между ними, которые четко специализированы и определены независимо от личностных характеристик членов группы, занимающих эти позиции, а неформальная структура состоит из межличностных позиций и взаимосвязей, формируемых на основе личностных характеристик [204]. Более конкретно, в качестве последней рассматривается просто совокупность или определенная композиция межличностных статусов и ролей, психологические связи между членами группы, устойчивые взаимоотношения, круги желаемого общения и др. Например, в социометрическом срезе анализируются межличностные предпочтения (выборы) по тем или иным критериям, т.е. основаниям, которые в социограмме фиксируются в виде разветвленной структуры связей между конкретными членами группы.

Следует обратить внимание на то, что некоторые авторы выделяют такие разновидности структур группы, которые можно было бы рассматривать в качестве «сквозных» и для формальной, и для неформальной структуры. Например, Г. Гибш и М. Форверг выделяют два аспекта структуры группы: коммуникативную структуру и структуру как шаблон оценок [50]. Коммуникативная структура представляет собой n-мерный порядок или упорядочение коммуникантов, а также содержания коммуникации. Другая структура касается закрепленных оценок определенных отношений между индивидами

(«шаблоны оценок»). Шаблоны оценок подразумевают прежде всего способ, которым члены группы оценивают друг друга как партнеров по кооперации (в формулировке отечественной психологии – по совместной деятельности), а во вторую очередь распространяются на области, не связанные с кооперативной деятельностью и на личности вообще. Группы вырабатывают шаблоны оценок лишь для немногих, но важных областей задач. В других ситуациях вступает в действие механизм переноса. Шаблоны оценок в какой-либо группе, т.е. ее структура, дифференцируются в процессе развития группы на три структурных параметра: ранговую структуру, структуру для решения задач, структуру ролей. Как можно заметить, обе разновидности структур могут проявляться в формальной и неформальной сферах активности группы.

Важный вопрос, который активно обсуждался с момента выделения рассматриваемых видов структур, относится к их соотношению как фактору эффективности групповой деятельности. В одних работах подчеркивается необходимость соответствия между собой формальной и неформальной структур, тогда как в других отмечается, что полное их совпадение представляет собой не только редкое, но и нежелательное явление, так как формирует замкнутый круг коммуникаций и связей, ведет к образованию единой жестко фиксированной иерархии статусов, а в целом – к ригидности группы. Замкнутый круг общения в свою очередь способствует возникновению такого психологического явления в межличностных отношениях, как «пресыщенность общением» [101].

Если конкретно говорить о структуре межличностных отношений в малой группе, то ее изучение преимущественно осуществляется посредством расчета разных показателей, часто с применением социометрической процедуры. Как справедливо отмечает В.И. Паниотто, изучение структуры взаимоотношений в малых группах не должно ограничиваться вычислением различного рода индексов и для более глубокого ее анализа целесообразно определять некоторые подструктуры, под которыми он имеет в виду неформальные подгруппы [142]. Действительно, в настоящее время насчитывается не менее 15 различных показателей, которые могут быть получены на основе социометрического опроса (статус, экспансивность, удовлетворенность, сплоченность и др.) [19]. В то же время неформальные подгруппы не так уж часто фигурируют в тех или иных работах, направленных на анализ межличностной структуры, или же не принимаются в расчет как предмет анализа. Приведем один наглядный пример.

Я.Л. Коломинский понимает неформальную подгруппу в учебной группе как структурную единицу личных взаимоотношений между учениками в классе [104]. Однако он не считает возможным рассматривать подгруппу в качестве основного понятия для характеристики структуры отношений в группе, так как есть люди, которые не включены ни в одну подгруппу. Поэтому в качестве основного понятия им выдвигается «круг желаемого общения». Например, понятие первого круга общения включает в себя как частный случай подгруппу. В нее входят ученики, которых объединяет взаимная связь, т.е. те, кто входит в первый круг общения друг

друга. Вряд ли можно согласиться с такой ролью и таким соотношением этих двух понятий в анализе малой группы, и можно высказать некоторые соображения.

Если, забегая вперед, анализировать малую группу с позиции системного подхода, то существующие в ней подгруппы следует рассматривать не просто как структурные единицы, поставленные в один ряд с «самостоятельными» членами группы, а как подсистемы, играющие иную роль в активности группы по сравнению с отдельными индивидами. Даже если предположить отсутствие в малой группе неформальных подгрупп, то это будет свидетельствовать либо о полной взаимосвязанности всех без исключения людей, либо о полной диффузности группы. В любом из этих случаев привлечение понятия «желаемый круг общения» ничего принципиально не решает. Например, при полной психологической разрозненности всех членов группы просто не будет пересекаться состав их первого круга желаемого общения.

Человек может иметь первый круг общения, но этот круг носит односторонний желаемый, т.е. вероятностный характер, который может быть не реализован с точки зрения взаимной тенденции. Когда речь идет о подгруппах, то мы уже оперируем данной реальностью, а не вероятностью. Кроме того, в достаточно многочисленной подгруппе отдельные ее представители могут не входить в круг желаемого общения друг друга, что не является каким-то исключением в повседневной жизни.

В целом же понятие «желаемый круг общения» Я.Л. Коломинского напоминает понятие «социальный атом» Д. Морено.

В рамках микрогрупповой концепции предполагается использовать понятие «социально-психологическая структура». Под такой структурой малой группы будем понимать неформальные подгруппы (подсистемы) и не включенных в них членов группы (элементы), которые обладают общими и специфическими социально-психологическими характеристиками и находятся в определенных отношениях друг к другу и к группе в целом, зависящих, с одной стороны, от их характеристик, а с другой стороны, от условий функционирования группы, ее взаимодействия с внешней средой.

Данное определение социально-психологической структуры малой группы подпадает под разные общеметодологические обозначения системы, которая понимается как «множество объектов вместе с отношениями между объектами и между их атрибутами» [211, с. 252], «множество объектов, на котором реализуется отношение с заранее заданным свойством» [196, с. 148], «совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность, единство» [167, с. 552].

В этом определении структуры малой группы фиксируются не только традиционно изучаемые связи «личность-личность», «личность-группа», но и связи «подгруппа-подгруппа», «подгруппа-группа».

Функциональное описание также часто, как и два предыдущих, используется при анализе малой группы. Например, при разработке концептуальной модели группы Л.И. Уманский пытался использовать функционально-пара-

метрический подход [200]. То есть, выделив параметры группы, автор стремился обозначить функции одних параметров (подструктур) по отношению к другим. К сожалению, он фактически ограничился констатацией функциональных зависимостей между подструктурами малой группы, но не завершил их тщательный анализ. В теории ДОМО в определенном смысле также используется функциональный подход к описанию внутригрупповой активности, к чему нам еще придется вернуться.

Функциональное описание широко используется при изучении таких социально-психологических феноменов как лидерство и руководство, межличностные конфликты и сплоченность и др. В настоящее время в литературе достаточно полно и содержательно описаны функции, которые выполняет лидер и руководитель по отношению к группе в целом. Хорошо изучены и функции конфликтов в динамике группы, функция сплоченности в эффективности групповой деятельности.

Однако, как отмечает М.И. Сетров применительно к различным научным дисциплинам, в литературе понятию функционального подхода или метода придается слишком широкий и неопределенный смысл, что связано с нечетким пониманием термина «функция» [170, с. 22]. Такое замечание, думается, может быть отнесено и к области изучения малых групп.

Что касается функционального описания малой группы с позиции микрогрупповой концепции, то этот вопрос мы рассмотрим в рамках системного описания объекта, когда речь будет идти о принципе иерархичности.

4.3. Системный подход

Системный подход выполняет методологические, эвристические функции в ориентации конкретных исследований.

Существуют несколько смыслов понятия «система» [3]. В онтологическом смысле система первоначально понималась как совокупность объектов или как совокупность свойств. Фактически происходит отождествление понятие «система» с объектом или с фрагментом действительности. В современном варианте онтологического понимания объект принято рассматривать во всей сложности, множественности свойств, качеств и взаимосвязей. Соответственно образуется ветвь определений системы, которые интерпретируют ее как объект реальности, наделенный определенными системными свойствами, как целостность, как «сложный объект». В гносеологическом смысле акцент делается на системности самого знания, что подразумевает не знания о свойствах и отношениях реальности, а определенную форму организации знания. Необходимость преодоления пласта вопросов, лежащий между взглядом на объект как «материальную систему» и правилами оперирования «системой на объекте», привело к переплетению онтологического и гносеологического понимания системы. В дальнейшем, конструируя микрогрупповую концепцию на основе системного подхода, мы будем придерживаться и онтологического, и гносеологического понимания системы.

В социальной психологии по убеждению многих зарубежных и отече-

ственных исследователей малые группы являются социальными системами.

Например, Ш. Кэхн определяет группы как развивающиеся, живые системы со структурой, энергией и функциями; группы обязаны своим существованием составляющим их индивидам, чьи энергии, структуры личности, динамические функционирования создают и поддерживают их; группы и их индивиды находятся в постоянно возобновляющемся взаимоотношении, включены в большие системы и содержат меньшие [251]. В этом определении ощущаются элементы психоаналитического подхода.

Другие авторы отдают предпочтение не формулированию определений, а выделению признаков, характеризующих малые группы как социальные системы. Так, В. Скулл, основываясь на обзоре литературных источников, указывает на наиболее общие из них.

1. Элементы группы как системы тесно связаны друг с другом и оказывают взаимовлияние. Релевантные группе признаки и действия участников принадлежат к элементам социальной системы группы. Этот взаимное влияние позволяет ожидать эффекты взаимодействия.

2. Открытые системы адаптируются на основе отрицательных обратных связей, т.е. на основе способности корректировать отклонения от курса цели, что обеспечивает социальной системе эффективность в изменяющейся окружающей среде, так что поддерживается динамическое равновесие.

3. Открытые системы должны обладать способностью создавать и реализовывать цель при различных изначальных состояниях [260].

Именно высокая внутренняя связь дает возможность гибкой подгонки к различным условиям ситуации и достижения различных целей. Это значит, что в зависимости от наличного группового состояния внешние условия с внутренними признаками в комплексном способе взаимодействия могут приводить к совершенно различным эффектам. Из перечисленных признаков не сложно заметить, что малая группа как система описывается с позиции кибернетического подхода.

Справедливости ради надо сказать, что во многих работах по малым группам говорится о понимании группы как системы, о применении системного подхода, используются системные термины. Однако в некоторых из них на самом деле наблюдается, используя выражение Э.Г. Юдина [240], чисто словесное «переодевание» проблемы, без всякого реального продвижения вперед. По мнению этого же автора, конструктивные функции понятие «система» выполняет только тогда, когда его употребление приводит не просто к определенному обозначению объекта, а к нетривиальной формулировке проблемы, к построению нового предмета исследования.

В последние годы все более широкое распространение в различных научных областях получает такое новое направление, связанное с системным подходом, как синергетика, возникшее в начале 1970-х гг. Основная задача этого направления состоит в познании общих закономерностей и принципов, лежащих в основе процессов самоорганизации в системах разной природы, т.е. «процессов возникновения макроскопически упорядоченных пространственно-временных структур в сложных нелинейных системах, находя-

щихся в далеких от равновесия состояниях, вблизи особых критических точек – точек бифуркации, в окрестности которых поведение системы становится неустойчивым» [13, с. 546].

Надо сказать, что в литературе не существует однозначного представления о возможностях применения синергетики к изучению объектов разной природы. Одни авторы признают синергетику в качестве междисциплинарной методологии, распространяющейся на анализ различного рода систем, включая и человекомерные, социокультурные [99; 122; 205; 207]. Некоторые даже отмечают то, что она может претендовать на философский [15], мировоззренческий [16] статус. Другие авторы отмечают специфичность антропосоцио-культурных систем, по сравнению с системами неживой природы, биологическими системами, а значит необходимость адаптации и развития методологического аппарата синергетики применительно к анализу таких систем [15; 68; 90], что представляет собой сложную задачу. Есть и еще более осторожные высказывания в адрес сфер приложимости синергетической методологии.

Следует отметить, что это методологическое направление не обошло стороной и психологию малых групп.

На взгляд некоторых авторов, существенное ограничение традиционного подхода к малой группе состоит в том, что она понимается как количество (скопление или агрегат индивидуумов без должного обозначения структуры, общих норм), масса (бесструктурное количество с общей целью) и категория (индивидуумы с одинаковыми свойствами).

Так, Э. Бруннер и В. Чахер определяют группу как самоорганизующуюся систему следующим образом: а) групповая динамика всегда нелинейна, то есть выражена рекурсивными причинными связями; они характеризуются кольцом обратной связи: каждый процесс формируется положительными, а также одновременно отрицательными обратными связями; б) группа отличается от своего окружения, ее поведение нелинейно и определяется в зависимости от параметров порядка, существуют фазовые переходы, бифуркации; в) группы (относительно коммуникации) – это открытые системы; г) групповая динамика вырастает из сложного микроуровня (когниции, эмоции и коммуникации); д) группы являются иерархическими в том смысле, что в них над микроуровнем образуются макроскопические сцепленные, связанные элементы [246].

В таком описании группы остается много неясностей, например, по вопросу о том, что следует понимать под макроскопическими сцеплениями. Здесь мы наблюдаем фактически то же самое словесное «переодевание» проблемы, но уже в общих идеях и терминах синергетики.

Эти же авторы делают осторожный вывод о том, что некоторые элементы синергетической концепции самоорганизации (например, нелинейность и циркулярная причинность) уже имеют место в некоторых существующих теориях малой группы (например, в теориях Д. Хоманса и Р. Бейлса).

Проводя параллели между ключевыми положениями теорий Д. Хоманса и Р. Бейлса и представлением Морленда об образовании группы, Э. Брун-

нер и В. Чахер считают, что с точки зрения синергетического подхода в качестве элементов группы как системы необходимо рассматривать когниции, эмоции и коммуникации [246].

Общая позиция их такова: в то время как психологи в области малых групп действуют скорее индуктивно и интегрируют наблюдаемые групповые феномены в ограниченные теории, социально-научная синергетика идет скорее дедуктивным путем, т.е. из всеобъемлющих теоретических предположений междисциплинарного плана относительно феноменов самоорганизации выводятся гипотезы, которые должны быть действительны для процесса образования и функционирования малых групп. Для социально-научной области пока еще не существует выработанной методологии, так что специалисты вступают здесь на «целину» для исследовательской деятельности.

Возвращаясь к традиционному системному подходу, необходимо обозначить контуры того, какие наработки с опорой на него имеются в существующих исследованиях малых групп и как микрогрупповая концепция может исходить из этого подхода (пока что в русле системной постановки проблемы). Для решения данной задачи следует выбрать определенные ориентиры, опорные пункты. Например, можно прибегнуть к выделенным трем уровням описания системы: а) с точки зрения присущих ей целостных свойств; б) с точки зрения ее внутреннего строения и вклада ее компонентов в формирование целостных свойств системы; в) с точки зрения понимания данной системы как подсистемы более широкой системы [166]. Можно воспользоваться и обозначенными в литературе принципами системного исследования [167], [240], которые все равно относятся к тому или иному из перечисленных уровней. Пойдем по второму варианту и обратимся не ко всем, а некоторым принципам. Сложность анализа заключается в том, что выделенные принципы тесно связаны между собой, а потому их использование по отдельности является очень условным. Сложность заключается еще и в том, что ряд понятий («структура», «элемент», «связь», «отношение», «управление» и др.), связанных с ключевым понятием «система», еще недостаточно определены, не прояснены их «системные» функции, не построена система этих системных понятий [240].

Прежде чем перейти к их рассмотрению, необходимо отметить, что в системном подходе утвердился принцип множественности описания объекта в силу его сложности [27; 166; 167; 236]. То есть могут существовать различные модели, каждая из которых описывает лишь определенный аспект системы, способна охватить какое-то одно проявление ее целостности. Эта идея подтверждает свою правомерность и в плане изучения малых групп, когда предлагаются разные точки зрения на те или иные аспекты группы как системного образования.

1) Принцип целостности

Как отмечает А.И. Донцов, идеи целостности и внутреннего единства пронизывают всю историю осмысления малой группы как социально-психологического феномена [72]. Приведем два наглядных примера.

В зарубежной социальной психологии принцип целостности впервые был использован К. Левиным, который применил свою теорию поля, отражающую данный принцип, к малым группам [115], хотя в то время еще не был сформирован системный подход как самостоятельное научное направление, а следовательно, не выделены его принципы научного познания. Он писал, что группа – это «естественная динамическая единица». В социальном поле структурные свойства динамического целого отличаются от структурных свойств частей. Нужно исследовать оба набора свойств, важность каждого из которых в том или ином случае зависит от конкретного вопроса. Социальные события зависят от социального поля в целом, а не от нескольких избранных элементов. То, что социальная группа определенного размера имеет свои собственные свойства, должно приниматься как простой эмпирический факт.

Для отечественной социальной психологии стало традиционным рассмотрение в качестве главного системообразующего и интегрирующего основания группы социально обусловленную совместную предметную деятельность [7; 72; 73; 80; 159]. Целостная система активности взаимодействующих индивидов выступает как способ реализации определенного вида совместной деятельности, а сама группа – как ее совокупный субъект. В свою очередь, социально обусловленные закономерности осуществления и воспроизводства совместной деятельности приводят к возникновению группы как реальной психологической общности.

По поводу совместной деятельности как фактора, образующего целостность группы, можно высказать некоторые соображения.

С одной стороны, сошлемся на Э.Г. Юдина, который, анализируя объяснительный принцип деятельности в психологии, отмечал: «из того факта, что деятельность образует важнейший фактор интеграции социальной действительности, еще не следует, что вся эта действительность непременно и во всех случаях должна сводиться к деятельности» [240, с. 299]. По его мнению, существует большое количество социальных явлений, которые сохраняют с деятельностью какую-то форму фундаментальной связи, но тем не менее по целому ряду своих характеристик не требуют обращения к деятельности и объяснения через это понятие. Отсюда следует проблема полноты деятельностного объяснения.

Следовательно, если группа развивается в совместной деятельности, то из этого еще не следует, что понятие деятельности непосредственно объясняет все проявления группы. Если же совместная деятельность исследуется как психологическая реальность, то ее целостность должна получить специальное объяснение и обоснование, т.е. сама совместная деятельность требует системного истолкования.

С другой стороны, обратимся к работам Б.Ф. Ломова, который отмечает, что с точки зрения системного подхода детерминацию необходимо понимать как систему детерминант разного типа, и делает следующие выводы: нужно иметь в виду разные типы детерминант, совокупность всех детерминант образует систему, попытки искать одну-единственную детерминанту – тупиковый путь [118].

Думается, что не случайно А.И. Донцов предлагал рассматривать не совместную деятельность, а кооперацию в качестве центрального фактора производства и воспроизводства целостности совокупного субъекта деятельности во всех сферах и пластах его активности [71]. Однако сама кооперация требует своего разъяснения. Этот же автор понимает целостность группы и как процессуальную непрерывность ее существования, обеспечиваемую относительно устойчивым воспроизводством основных структурных компонентов внутригрупповой активности.

Понимание целостности группы сквозь призму заданной обществом деятельности фактически выводит нас на уровень микросоциологического анализа группы. Это тем более очевидно, что цель совместной деятельности и индивидуальные цели нередко представляют собой разные реалии. К примеру, М. Дойч указывал на понимание целостности малой группы в социологическом (члены способствуют реализации общегрупповых целей) и психологическом (члены воспринимают себя взаимосвязанными, способствующими достижению целей друг друга) смыслах [72]. В этом случае, конечно же, всплывает старая проблема о разделительной границе между социально-психологическим и микросоциологическим исследованием группы, которая не может быть решена так просто.

Чтобы прояснить вопрос о понимании целостности малой группы, необходимо прояснить вообще принцип целостности, который является наиболее емким по сравнению с другими принципами, выступает в качестве методологической предпосылки построения всего предмета исследования [30], [240].

Первое. Методологическая функция принципа целостности заключается не в том, чтобы стремиться к всестороннему охвату объекта изучения, а в том, чтобы подходить к нему как к принципиально незамкнутому, допускающему расширение и восполнение за счет привлечения к анализу новых типов связей [240].

Второе. Еще имеет место «традиционно-онтологическое представление о целостности как о чем-то принципиально нерушимом и абсолютном в своей полноте» [240, с. 252]. Такое некорректное с точки зрения современного состояния системного подхода представление достаточно широко распространено при анализе малой группы.

Проблема целостности и устойчивости малой группы часто рассматривается с точки зрения отсутствия-возникновения в ней подгрупп. Одно из направлений ее решения видится в выявлении оптимального численного состава группы, при котором возникновение подгрупп было бы сведено к минимуму. Такой подход берет свое начало от работ А.С. Макаренко [123], который на основе личных наблюдений пришел к выводу, что первичный коллектив не должен быть меньше 7 и больше 15 человек. Если в коллективе меньше семи человек, то он превращается в замкнутую группу приятелей и друзей, а если более 15 человек, то это приводит к разделению его на микроколлективы, часто конфронтирующих между собой.

Эта общая посылка оказалась достаточно живучей на протяжении многих лет. Так, в работе [121] в качестве наиболее устойчивой, далее не подвергающейся распаду на подгруппы, рассматривает группу численностью шесть – семь человек.

По мнению С.И. Шапиро, наиболее устойчивой является группа из шести – семи человек, а максимальный ее объем должен быть менее 20 человек, так как в этом случае еще действуют внутренние силы сцепления («центростремительные силы»), хотя устойчивость такой многочисленной группы минимальна. Группы большего объема подвержены действию сил разрыва («центробежные силы») и могут существовать лишь за счет внешнего сплачивающего фактора [224]. Следовательно, увеличение численности группы ведет к усложнению внутригрупповых связей, в результате чего возрастает потенциал центробежных сил и возникает тенденция к образованию замкнутых в себе микрогрупп для ограничения возрастающей сложности внутригрупповых связей.

Л.И. Уманский ссылается на данные некоторых авторов, согласно которым оптимальный численный состав минимальной группы представляет собой 7±2 человека, а структурного коллектива – 24 человека. Он высказывает предположение, что такой оптимальный объем группы определяется способностью ее членов принимать и перерабатывать информацию с точки зрения внутригрупповой коммуникации и совместной деятельности [201].

К.К. Платонов, так же, как и Л.И. Уманский, не только указывает на оптимальный численный состав группы (7-12 человек) при котором не происходит деление на микрогруппы, но и предпринимает попытку дать этому обоснование. Такой объем группы связывается им со способностью человека к объективным и дифференцированным личностным отношениям с определенным числом членов группы [151].

Вернемся к вопросу о неделимости группы. Как справедливо отмечает Я.Л. Коломинский, «ряд современных исследований показывает, что едва ли общность, состоящую из 7-15 человек, реально можно представить себе как далее неделимую. Она может быть неделима в организационном отношении, но психологически она, как свидетельствуют экспериментальные данные, делится на более мелкие элементы» [103, с. 251].

Надо сказать, что некоторые авторы отмечают возникновение микрогрупп не только в формальных группах, но и в неформальных. Например, один из авторов указывает, что постоянный процесс разложения группы на подгруппы наблюдается в неформальных малых группах, особенно в тех, чей размер составляет 5-10 человек [238]. Более того, даже указывается на группирование людей внутри самих неформальных подгрупп малой группы и говорится о необходимости учитывать своеобразную миниатюризацию эмоциональных связей [103]. Кстати говоря, «круги желаемого общения» разного порядка, рассматриваемые Я.Л. Коломинским, можно в некоторых случаях соотнести с таким дроблением неформальных подгрупп: если второй круг общения лежит в основе возникновения подгруппы, тогда первый круг будет означать возникновение в ней более мелкой группировки [103].

Таким образом, поиск оптимального численного состава малой группы с точки зрения невозникновения в ней подгрупп предопределен традиционным и не достаточно корректным пониманием целостности группы, а именно как ее «неделимости» на подгруппы. В этом случае некорректность проявляется в нескольких фактах.

Во-первых, такое направление анализа групп и возникающих в них подгрупп в значительной мере связано с усмотрением в факте выделения подгрупп негативного явления, что не соответствует действительности.

Во-вторых, применительно к формальным группам происходит отождествление целостности группы как социальной (созданной для реализации определенной социальной функции) и как психологической общности. В этом отношении абсолютно прав Я.Л. Коломинский, говоря о том, что группа может быть неделима в организационном, т.е. социальном отношении, но делима в психологическом отношении. Хотя надо сказать, что в не многочисленных по составу группах часто наблюдается совмещение этих двух форм целостности.

В-третьих, психологическая целостность как формальной, так и неформальной группы представляет собой чрезвычайно хрупкое явление, которое сильно подвержено динамичной дифференциации в форме возникновения подгрупп в зависимости от огромного количества различных неконтролируемых факторов. С одной стороны, когда мы говорим о формально-организационной целостности, то здесь вполне уместен поиск оптимального численного состава, например, в целях комплектования группы, хотя оно нередко зависит от специфики совместной деятельности, а не от какой-то универсальной верхней границы численности группы. Но когда речь заходит о психологической целостности, то такой поиск оказывается бессмысленным. Тому наиболее яркий пример, когда во многих современных семьях, состоящих из трех человек (супруги и ребенок), возникает подгруппа, например, мать-ребенок или супруг-супруга в противопоставлении к третьему лицу. Что же можно тогда говорить о психологической целостности более многочисленной и формализованной группы! С другой стороны, явление психологического единства всех членов группы объективно невозможно уложить в какую-то одну плоскость, определить по какому-то одному признаку. Допустим, что в группе существует единство большинства членов на основе принятия совместной деятельности (теория ДОМО) или межгруппового сравнения (теория социальной идентичности). Однако это не будет означать, что членов группы это удовлетворяет с точки зрения реализации их актуальных индивидуальных потребностей и они не будут испытывать желания к более тесному объединению с отдельными членами по каким-то иным признакам.

В-четвертых, если уж рассматривать целостность малой группы сквозь призму существования в ней неформальных подгрупп, то психологическая целостность группы должна предполагать согласованную активность различных подгрупп и не включенных в них членов.

Третье. Некоторые философы понимают целостность объекта как единство многообразия, при котором его составляющие (части, элементы) не

могут быть выделены из него в качестве отдельных, самостоятельно существующих объектов [30; 179; 180; 181]. Часть вне целого – уже не часть, а иной объект. В сложном объекте выделяются составляющие, называющиеся собственными элементами (частями), которые не могут существовать вне объекта. Если предположить, что объект A состоит из несобственных элементов, то A будет не целостным, а составным объектом (совокупностью), образованным путем объединения элементов.

Вопрос здесь заключается в том, что следует рассматривать в качестве элементов малой группы. Если за элементы брать когниции, эмоции, коммуникации или социальное взаимодействие, то тогда мы подпадаем под данное понимание целостности, так как эти элементы не могут автономно существовать вне группы. То же самое касается психических процессов и функций в рамках психики человека как целостного образования. Если же под элементами подразумевать физические составляющие, т.е. членов группы, то данное понимание целостности не может быть использовано в силу того, что какой-то член группы может существовать вне группы и группа может успешно функционировать без какого-то члена.

Четвертое. Распространено мнение о том, что система проявляет свою целостность во взаимодействии с внешней средой [167], может быть понята как нечто целостное лишь в том случае, если в качестве системы противостоит своему окружению – среде [240], что ее целостные признаки задает пространственная граница множества [75], полагание внешней границы, отделяющей множество от всего остального [131], какое-то свойство, характеризующее выделяемую совокупность извне как одно целое – самостоятельное или являющееся элементом внутри еще более сложной системы [237]. К этому следует добавить, что одни авторы в основе противопоставленности рассматривают внутреннюю активность системы [240], а другие – акт объединения независимых элементарных объектов в одно множество ставят в зависимость от наличия особого объекта, выступающего в функции средства объединения [179].

В соответствии с такой составляющей понимания целостности объекта можно сказать, что малая группа проявляет свою целостность с позиции более широкой социальной среды, в которую она включена, а неформальная подгруппа – с позиции группы, одной из составляющих которой она является. Однако между ними есть некоторое отличие.

Институализированные малые группы, их границы задаются извне обществом. То есть общество является тем «особым объектом», выполняющим функцию объединения. К примеру, в теории деятельностного опосредствования межличностных отношений (ДОМО) предпосылки, конституирующие малую группу как целое, ищутся вне группы, априорно делаются попытки объяснить группу через нечто внешнее по отношению к ней. С самого начала образования группы ее члены еще не существуют в соотнесении друг с другом, а представляют собой отдельные, независимые друг от друга сущности, объединение и упорядочивание которых было достигнуто не за счет их характеристик, а посредством внешнего по отношению к ним средства [179].

То есть соотносительные психологические признаки членов группы являются не основой полагания единства, а следствием его наличия, внешне заданного. Не случайно в социальной психологии принято считать, что по мере функционирования группы (в теории ДОМО – овладения совместной деятельностью, заданной извне) происходит интеграция людей в целостное образование по своей внутренней, а не внешней сути. Однако факт существования подгрупп требует вносить коррективы в такое представление.

Таким образом, применительно к институализированным малым группам изначально можно говорить о социальной целостности группы, тогда как психологическая целостность является результатом их функционирования и представляет собой не столь распространенное явление. Еще раз сошлемся на мнение Я.Л. Коломинского, который точно подметил, что группа может быть неделима в организационном, т.е. социальном отношении, но делима в психологическом отношении.

Неформальные подгруппы не задаются извне, для их образования не требуется особого объекта. Возникновение подгруппы изначально определяется индивидуальными характеристиками членов группы, и в основе противопоставления подгруппы внешней среде, т.е. другим структурным компонентам группы, находится ее активность, а не просто внешние границы. В отношении неформальных подгрупп можно прямо говорить об их психологической целостности.

В этом смысле следует сослаться на краткое, но емкое понимание образования психологической целостности общности людей, данное Н.Н. Обозовым. Суть этого понимания состоит в том, что у людей есть стремление быть вместе с одними и в то же время нежелание быть вместе с другими, стремление дифференцироваться от них в пространстве и времени. «Через действие «быть вместе» или «избегать друг друга» выражается целостность общности людей» – пишет он [137, с. 98]. Понимание такого механизма, пусть и частного порядка, образования целостности может быть применено к подгруппе, но не столь часто ко всей группе.

Пятое. Утверждается, что целостность объекта не удается раскрыть во всей его специфике, если исходить лишь из чего-то внешнего по отношению к нему. Объяснение целостности некоторого объекта должно вскрыть те внутренние связи, которыми обусловлена его целостность и качественное своеобразие [30; 180; 215; 237; 240]. Например, Л. Берталанфи утверждал, что пространственные границы даже у того, что кажется очевидным объектом или «вещью», оказываются очень часто неуловимыми, поэтому являются скорее динамическими, в связи с чем «объект, в частности система, может быть охарактеризована только через свои связи в широком смысле слова, т.е. через взаимодействие составляющих элементов» [27, с. 34]. Так как системность объекта реально раскрывается прежде всего через его связи и их типологию, на понятие связи приходится наибольшая смысловая нагрузка в системных исследованиях [240].

Существуют значительные расхождения как в трактовке природы связей элементов системы, так и в характеристике необходимой и достаточной

для системы плотности сети связей ее элементов. Так, В.Н.Садовский обозначает условие минимально необходимой плотности сети прямых связей элементов некоторого множества для того, чтобы это множество образовывало систему – множество элементов *M* образует систему, если для каждого элемента из *M* справедливо по крайней мере одно из двух: а) он имеет отношение *R* по крайней мере с одним другим элементом из *M* или б) по крайней мере один другой элемент из *M* имеет с ним отношение *R*. Максимальной плотностью сети связей обладают системы, в которых каждый элемент связан с каждым другим прямой непосредственной связью [166]. Трудно сказать, как выделенное им минимальное условие сети связей может быть использовано для характеристики группы как системы. В свою очередь максимальную плотность сети связей редко можно обнаружить в реальных группах, но прежде всего она наблюдается в неформальных подгруппах.

Действительно, в большинстве определений малой группы прямо или косвенно указывается на связи между ее членами, хотя суть этой составляющей системы остается достаточно расплывчатой. Думается, что трудно дать однозначную и универсальную трактовку понятия «связь» в силу множественности ее значений, а потому в каждом конкретном случае надо исходить из того, какой критерий заложен в основу выделения и анализа связей.

Другой проблематичный вопрос заключается в том, что традиционно исследованию подлежали связи внутри группы между отдельными членами без учета, за небольшими исключениями, неформальных подгрупп. Очевидно, что плотность и глубина практически любой разновидности психологических соединяющих связей внутри неформальных подгрупп значительно выше, чем по группе в целом. Применительно же к формальной группе прежде всего надо иметь в виду связи, заданные социальной структурой и привязанные к такой же заданной извне социальной деятельности. Нам еще придется вернуться к вопросу о связях, когда будем рассматривать особый их вид – системообразующие связи.

Шестое. К понятию целостности обращаются и для того, чтобы указать на наличие у изучаемого объекта характеристик, радикально отличающихся от характеристик компонентов более низкого уровня [30; 181]. Указывается на принципиальную несводимость свойств системы к сумме свойств составляющих ее элементов и невыводимость из последних свойств целого [167]. В синергетике рассматриваются, в частности, микроструктуры и макроструктуры. Последнее родственно понятию целостности в том смысле, что оно фиксирует наличие у ансамбля частиц (элементов) свойств, которые отсутствуют у отдельной частицы [75].

Здесь можно выделить два взаимосвязанных аспекта анализа системы.

Первый аспект обращен к принципам соотношения части и целого, к которым относят: принцип аддитивности – целое равно сумме частей (в качестве единственно реального признаются части); принцип супераддитивности – целое больше суммы частей (единственной реальностью признается целое, а не части; целое доминирует над частями; исходный тезис включает также мысль об относительной независимости целого от частей); принцип субад-

дитивности – целое меньше суммы частей (невозможно выводить части из объемлющего их целого; исходный тезис включает также мысль об относительной независимости частей от целого) [30].

Пользуясь содержанием данных принципов, можно сказать, что разнообразие совокупности членов малой группы больше разнообразия группы как целостной системы. В этом смысле процесс объединения индивидов в группу есть ограничение разнообразия. Следовательно, исследование группы не должно в своих предпосылках ограничиваться принципом супераддитивности – наряду с ним необходимо иметь в виду и принцип «целое меньше суммы частей» (принцип субаддитивности). Принцип же аддитивности считается не способствующим адекватному пониманию любой системы, в том числе малой группы. Данная точка зрения, естественно, применима и к неформальным подгруппам, хотя содержание принципа субаддитивности в них не настолько выражено, как в группе в целом, так как в подгруппы включаются люди, которые более сходны между собой по каким-то значимым для них параметрам.

Вместе с тем хотелось бы внести некоторое уточнение по поводу утверждения, что характеристики объекта (малая группа) принципиально отличаются от характеристик его компонентов. Такая позиция правомерна тогда, когда во внимание принимаются лишь отдельные члены группы как ее элементы. Например, сплоченность, совместимость, психологический климат, структура конфликта являются такими характеристиками, которыми не обладает отдельный человек. Однако эта позиция не учитывает наличие в группе неформальных подгрупп как подсистем.

Подгруппы обладают всеми теми свойствами, которыми характеризуется группа в целом. Более того, интегративные характеристики подгрупп несравненно сильнее, а дезинтегративные – значительно слабее выражены, чем такие же характеристики малой группы в целом. (Это является дальнейшим уточнением того положения, что плотность и глубина психологических соединяющих связей внутри неформальных подгрупп выше, чем по группе в целом.) К примеру, та же самая сплоченность, совместимость, психологический климат подгрупп значительно выше, а внутренняя конфликтность значительно меньше, чем по группе в целом. Следовательно, подгруппа является более совершенной моделью социально-психологической общности, чем сама малая группа, в отношении которой исследователи на протяжении многих лет без явных положительных результатов пытались выделить, выработать эту модель.

Второй аспект анализа соотношения части и целого сводится к зависимости каждого элемента, свойства и отношения системы от его места, функций и т.д. внутри целого [167]. Свойства и функции элемента являются в известных пределах взаимоопределимыми со свойствами целого – свойства целого не могут быть поняты без учета хотя бы некоторых свойств элементов, и наоборот [240].

В социальной психологии такое понимание целого (группы) и части (индивид) берет свое начало от работ К. Левина и получило достаточно ши-

рокое распространение в исследованиях различных феноменов. Прежде всего это относится к анализу активности личности в зависимости от ее места в статусной, функционально-ролевой структурах группы.

Что касается взаимоопределимости свойств, функций малой группы и подгруппы как целого и части, то необходимо обозначить два важных момента.

Первый из них заключается в том, что подгруппы также обладают определенным психологическим статусом в малой группе, как и отдельные члены, хотя статусом иного порядка – такого же, каким характеризуется вся группа во внешней среде. Этот статус будет определять и меру влияния подгруппы на внутригрупповую активность. Подгруппы также выполняют определенные функции, с одной стороны, по отношению к своим членам, а с другой стороны, в отношении всей группы. Этот вопрос будет излагаться дальше.

Другой принципиально важный момент сводится к тому, что важные свойства малой группы, такие как цели, нормы и ценности, могут быть отражением целей, норм и ценностей конкретной подгруппы. Практика собственных исследований показывает, что такой факт имеет место [172]. То есть, если в группе есть лидирующая (доминирующая) подгруппа, то ее цели и нормы фактически предписывают поведение остальных членов группы, по крайней мере в значимых с точки зрения этой подгруппы ситуациях.

2) Принципы структурности

Принцип структурности связан с возможностью описания системы через установление ее структуры, т.е. сети связей и отношений, что предполагает разложение объекта на составляющие элементы [167].

Исследуемая система может расчленяться существенно различными способами, а потому понятие элемента не является однозначно определенным: говорить об элементе можно лишь по отношению к четко фиксированному одному из этих способов [30; 240]. В целом же существуют два способа расчленения системы – по элементам и по функциям. При изучении малых групп наибольшее распространение получил первый способ. В качестве элементов, как ранее говорилось, берутся либо коммуникативные, интерактивные акты, либо социальные действия, либо психические явления членов группы, возникающие в контексте социального взаимодействия – когниции, эмоции, либо члены группы. В качестве особого элемента, а точнее как подсистемы группы, рассматривают неформальные подгруппы [80; 251]. В методологии системного подхода в принципе допускается оперирование не только с «первоэлементами», но и с более крупными единицами анализа, которые в принципе сведены к первичным «атомам».

В социальной психологии малой группы широко применяется принцип структурности, о чем уже говорилось, когда рассматривался структурный подход к описанию группы. К этому следует добавить соображения К. Левина [115], которые можно спроецировать на неформальные подгруппы. Он придавал большое значение дифференциации жизненного пространства на

множество социальных связей и областей активности. В частности, он прорабатывал вопрос о естественных частях (ячейках) внутри целого, степени дифференциации и единства целого. Степень единства целого определяется двумя факторами: а) независимостью ячеек (степень единства тем меньше, чем больше независимость соседних ячеек); б) количеством и относительным положением ячеек (единство тем выше, чем меньше количество границ, пересекаемых путем от одной из ячеек к другой). Максимальная неоднородность целого есть функция его диаметра (как частное, количества группы) и прочности внутренних границ частей, т.е. фактически подгрупп. Конечно, не со всем можно здесь согласиться. Например, второй фактор целостности понимается как сугубо пространственно-механистический, что далеко от реальности. Тем не менее общая мысль вполне соответствует пониманию связи между границами микрогрупп как подсистем и единством группы как системы. Однако этот вопрос более сложен, чем может показаться на первый взгляд, и должен решаться с учетом взаимодействия группы с внешней средой.

Говоря о принципе структурности, надо затронуть вопрос о системообразующих (ведущих) связях [80; 167]. Этот общеметодологический вопрос получил широкое распространение в различных психологических дисциплинах, в том числе и в психологии малой группы.

В теории ДОМО указывается на коллективообразующие связи, которые прямо связаны с выполнением членами группы совместной деятельности. Очевидно, что эти связи исходно не являются психологическими. Однако в теории утверждается, что по мере овладения деятельностью происходит и формирование межличностных отношений (связей) по поводу деятельности. То есть получается, что именно такие связи являются вторичными, но уже психологическими по содержанию. Этот вопрос еще будет затрагиваться, когда будет анализироваться данная теория с позиции микрогрупповой концепции. К нему следует добавить, что на практике ситуация часто выглядит прямо противоположным образом по отношению к тому, как это описано в теории ДОМО. То есть совместная деятельность не образует, а, наоборот, ведет к разрыву связей между людьми. И чем выше уровень совместности, тем сильнее будет проявляться данная тенденция. Именно деятельность, ее условия часто являются тем ключевым фактором, который «запускает» противоречия и конфликты между людьми. Это может показаться парадоксальным, но это факт реальности.

Следует отметить, что в теории ДОМО не было сделано конкретизации по поводу возможных типов связей, обусловленных групповой социально значимой деятельностью. Этот пробел был восполнен в работах Л.И. Уманского [199] и А.Л. Журавлева [80; 81; 84]. Первый автор акцент делает на пространственно-операциональных связях и выделяет три формы организации совместной деятельности. Второй считает, что такие связи являются формальными, так как не учитывают важнейшие экономические и социальные связи членов трудовых коллектив. Поэтому он выделяет другие, с его точки зрения, содержательные типы связи – «технологический», «функциональный», «экономический», «формально-организационный», «социально-

психологический», хотя по его мнению, могут быть промежуточные, комбинированные и иные типы связей. Не сложно увидеть по их названиям, что они не являются психологическими (за исключением одного типа). Такие формы и типы связей, безусловно, лежат в основе образования целостности группы, но ее целостности как социальной системы. Не следует отрицать и влияния этих связей на формирование психологической целостности группы, хотя, как покажет в дальнейшем анализ интегративных феноменов, во многих группах, даже высокого уровня развития, полнота психологических связей всех членов является не столь высокой, как принято считать и как того хотелось бы. Однако в отношении некоторых выделенных типов связей может быть правомерна прямо противоположная тенденция, о которой только что говорилось применительно к совместной деятельности в целом. Например, «экономический» тип связей предполагает распределительные отношения между членами трудового коллектива. К нему, в частности, относится начисление зарплаты с учетом вклада работника в общегрупповую деятельность. Приходится вспоминать, как в «эпоху развитого социализма» в трудовых коллективах очень часто возникали конфликты по поводу КТУ (коэффициент трудового участия) при начислении зарплаты.

В основе же возникновения неформальных подгрупп находятся прежде всего психологические связи между членами группы, включая и связи по поводу основной деятельности. Здесь сложно однозначно выделить системообразующие связи подгруппы и в каждом конкретном случае надо исходить из специфики мотивов объединения людей в подгруппу, т.е. вычленение доминирующих мотивов позволит определиться и с ведущей связью (или одновременно с несколькими связями). Хотя потенциально возможно провести приблизительную типологию такого рода связей, но для этого требуется специальный анализ данного вопроса (например, самый простой и исходный способ, – разделение их на экспрессивные и инструментальные).

Другой вопрос касается связи между подгруппами, подгруппами и «самостоятельными» членами. Этот вопрос достаточно сложен, так как сам факт наличия подгрупп свидетельствует о конституирующей связи внутри подгрупп и о слабой (или вообще отсутствующей) интегрирующей связи между подгруппами. Пожалуй, единственная действительно системообразующая связь возникает в том случае, когда все члены вынуждены четко осознавать свою групповую принадлежность, необходимость объединения усилий. Это происходит тогда, когда возникает явное противопоставление, особенно противостояние, всей группы и внешней среды, противопоставление, несущее потенциальную угрозу для «Я-образа» каждого члена группы. В этом случае правомерна идея Г. Тэджфела о позитивной самооценке и позитивной социальной идентичности.

Что касается общего понимания структуры малой группы с позиции микрогрупповой концепции, то выше уже было дано определение этому явлению.

3) Принципы иерархичности

Переходя к принципу иерархичности, надо сразу сказать, что понятия «иерархия» и «уровень» достаточно неопределенны во многих дисциплинах [191], в том числе и в социальной психологии малых групп. Более того, могут существовать разные подходы к изучению уровней внутригрупповой активности в зависимости от предмета анализа – функций или структуры. Поэтому во внимание могут приниматься функциональные, структурные или структурно-функциональные уровни. При отсутствии однозначности в понимании структуры и функций, о чем уже говорилось, данный вопрос становится еще более запутанным. Эта ситуация усугубляется еще и тем, что одни авторы подчеркивают иерархическую соподчиненность рассматриваемых ими уровней, тогда как другие, анализируя иные уровни, не придают этому значения. Рассмотрим несколько конкретных примеров.

Одно из двух ключевых положений теории ДОМО касается иерархизации групповых процессов по отношению к целям и содержанию совместной деятельности [159]. В многоуровневой структуре последовательно, от «глубинных» к «поверхностным», выделяются несколько страт: А – содержание и социальная характеристика совместной деятельности; Б – отношение каждого члена группы к групповой деятельности, ее целям, мотивация деятельности; В – межличностные отношения, опосредованные содержанием совместной деятельности; Г – относительно непосредственные эмоциональные межличностные отношения (хотя возможно некоторое «прогревание» глубинными стратами). В этом положении фактически речь идет о функциональных уровнях внутригрупповой активности, хотя это в теории прямо не указывается. Попробуем выразить эти уровни посредством самой простой процедуры функционального описания объекта. Для общего обозначения функции используется выражение A φ R(S). То есть можно сказать, что совместная деятельность А имеет функциональное значение φ (вклад, который она вносит) для малой группы S в отношении R (системообразование группы). Если рассматривать уровни внутригрупповой активности, выделенные в теории ДОМО, то каждый более глубинный из них имеет функциональное значение для более поверхностного, а самый глубинный, ядерный – для всех остальных. Конкретно это можно выразить следующим образом: а) А φ R(Б); б) А φ R(В) и Б φ R(В). Единственно уровень Г – относительно непосредственные эмоциональные межличностные отношения – не вписывается в эту общую схему, хотя указывается, что эти отношения «прогреваются» совместной деятельностью.

Однако в разных исследованиях малой группы преимущество отдается выделению структурно-функциональных уровней, но в различных плоскостях. К примеру, К. Левин считал, что внутри целого выделяются определенные группы ячеек на основе их функционального сходства. Эти более обширные подчасти целого он называл «слоями», число которых определяет степень стратификации целого [115]. К сожалению, он не конкретизирует суть функциональных уровней и четко не обозначает характер связи между ними.

Предметом изучения часто являются структурно-иерархические уровни по вертикали, функции которых по отношению друг к другу связаны с потоком информации или властными полномочиями (например, проблема руководства и власти, коммуникативных структур).

Ш. Кэхн пытается на экзотическом примере пояснить уровнево-функциональную организацию группы [251]. Отдельные члены группы, подгруппы и вся группа могут быть рассмотрены как изоморфные системы, похожие на комплект сборных блоков русских матрешек. Каждая матрешка в комплекте имеет такую же форму, как и любая другая. Однако каждый компонент отличается от другого в размере, так что если они правильно будут сложены, то значит, и точно подогнаны один к другому. Так же и индивиды ищут место в подгруппе, которая умещается в целой группе. Хотя структурно матрешки почти тождественны, каждая из них может достигать различной индивидуальности посредством дизайна. Отдельно каждая из них (вне всего комплекта) может быть использована для различных целей (например, как украшение, для хранения драгоценностей, как тотем или талисман). Подобным образом и человек в группе получает некоторый статус, выполняет определенные функции. Также это относится и к подгруппе в группе.

С позиции микрогрупповой концепции за уровни внутригрупповой активности логично взять: «личность – подгруппа – группа». Эти уровни не следует рассматривать как находящиеся в жестком иерархическом соподчинении. Наоборот, они достаточно динамичны в своем взаимодействии в зависимости от внутренних и внешних условий жизнедеятельности группы. К этой динамичности мы будем неоднократно обращаться.

Соединяя воедино такое понимание уровней и обозначенное ранее содержание социально-психологической структуры малой группы, можно сказать, что микрогрупповая концепция обращается к структурно-функциональным уровням. Каждый из перечисленных уровней выполняет определенные функции по отношению ко всем остальным.

Прежде чем рассмотреть конкретные функции разных уровней группы, необходимо обозначить общее содержание понятия функции. Например, под функцией понимается «такое отношение части к целому, при котором само существование или какой-либо вид проявления части обеспечивает существование или какую-либо форму проявление целого» [170, с. 14]**.** В другой работе функция рассматривается как определенный вклад некоторого явления А для исследуемого объекта S, вклад, который может вести к разнообразным последствиям для объекта (например, благоприятно, неблагоприятно или безразлично) [239]. Эти два определения похожи по своей смысловой нагрузке, хотя второе является более формализованным.

Если обратиться к первому определению, то не сложно заметить, что в нем упускается из виду обратная сторона данного вопроса, а именно отношение целого к части, т.е. функция не только части, но и самого целого. Целостность объекта не возможна лишь на основе вклада отдельных его составляющих, если сам объект не будет делать вклад, строить определенное отношение к составляющим его компонентам. При такой постановке вопроса

можно уже говорить о функциях индивида, подгруппы и всей группы.

Начнем в обратном порядке, а именно с функций малой группы, которые следует разделить на два блока в зависимости от того, с какой позиции подходить к их рассмотрению.

С точки зрения общества группа представляет собой: а) исходный элемент социальной и экономической структуры общества, составляет ткань этой структуры; б) основной элемент сохранения, воспроизводства и развития общества; в) первичное звено включения человека в общество.

С точки зрения индивида, включенного в группу, она также выполняет ряд функций. Именно на эти функции прежде всего обращается внимание в зарубежной социальной психологии [40]. Кратко обозначим их.

Во-первых, членство в малой группе способствует формированию у людей социально-психологических знаний, навыков и умений.

Во-вторых, малая группа обеспечивает регламентацию поведения ее членов.

В-третьих, членство в малой группе во многих случаях помогает более эффективно реализовывать индивидуальные цели и потребности, вероятность достижения которых в одиночку значительно меньше или отсутствует вообще. Здесь уместно напомнить о широко распространенном за рубежом, особенно в рамках бихевиоризма, понимании группы. Например, А.И. Донцов, анализируя логику внедрения «принципа подкрепления» в социально-психологическое исследование малой группы, очерчивает общий портрет ее понимания: группа – «совокупность свободно объединившихся, равно полезных друг другу индивидов, в процессе кооперативного взаимодействия удовлетворяющих личные запросы и желания», «ассоциация скооперировавшихся прагматиков» [72, с. 25].

В-четвертых, малая группа выполняет функцию реализации индивидами своих социальных потребностей – в аффилиации, интимном общении, признании, самоутверждении. Сюда можно отнести и другие более специфические социальные потребности, выделенные в рамках конкретных теорий, например, в контроле, включении, любви (В. Шутц), в оценке своих суждений и способностей (Л. Фестингер), в позитивной самооценке (Г. Тэджфел), в самоориентации (Д. Тернер), в персонализации (А.В. Петровский).

В-пятых, малая группа обеспечивает индивидам чувство безопасности на основе защиты их от тех или иных внешних источников угрозы.

Переходя к неформальным подгруппам, надо сказать, что их возникновение связано не только с межличностными симпатиями, со сходством людей по каким-то значимым для них параметрам, с ограниченной способностью человека принимать и перерабатывать информацию от других членов группы [201], со способностью человека к объективным и дифференцированным личностным отношениям с ограниченным числом членов группы [151]. Объединение членов малой группы в неформальные подгруппы связано с обострением противоречий, когда группа в целом не способна реализовывать те или иные функции в отношении индивидуальных целей и потребностей собственных членов, которые ей приписываются. В литературе, к примеру, от-

мечается, что неформальные подгруппы формируются на базе общих интересов и проблем и, следовательно, в них полнее удовлетворяются специальные интересы и индивидуальные потребности, чем это возможно в группе в целом [89].

Действительно, в обычных условиях жизнедеятельности малая группа, особенно многочисленная, объективно не в состоянии реализовывать все перечисленные функции по отношению к каждому члену группы. Поэтому каждый предоставлен самому себе за исключением тех аспектов активности, которые регламентируются с позиции целей и норм группы. Отсюда вытекает необходимость включения в подгруппы, которые бы явились для людей своего рода точкой опоры во внутригрупповой жизнедеятельности. Следовательно, объединение в подгруппы связано с той более перспективной возможностью реализации индивидуальных потребностей, которую подгруппы предоставляют по сравнению с группой в целом.

Если сказанное очевидно применительно к третьей и четвертой функциям, то не совсем понятно в отношении последней, так как широко распространено мнение, что принадлежность к группе позволяет человеку чувствовать себя в безопасности и преодолевать страх. Чтобы прояснить этот вопрос, обратимся к работе Г. Пюля [255], в которой он рассматривает роль группы в развитии человечества и состояние человека в группе в современном западном обществе. Мы затронем лишь вторую часть этой работы.

Автор выдвигает принципиально важный тезис: сегодня приходится сталкиваться со страхом одиночки в группе, который блокирует изменение и перерастает в сопротивление.

Если принадлежность к группе является мнимой, то «страх съедает душу» человека. Мнимая принадлежность к группе устанавливается в товарном обществе на основании идентификации с продуктом. Необходимость определенного продукта внушает необходимость принадлежности определенной групповой культуре. Выбором тех или иных товаров человек бессознательно обеспечивает себе принадлежность и идентичность, которая часто оказывается хрупкой идентификационной оболочкой.

В то же время автор конкретизирует выдвинутый тезис, а именно: специфика структуры социального института или группы в современной жизни направляет страх в определенное русло. Он выделяет две формы института (группы): иерархично-структурную и коллективно-структурную. Иерархично-структурная организации (наличие руководства и ясность области деятельности для работников) содействует ее членам поддержкой и формальной ориентацией, благодаря чему канализируются страхи. Коллективно-структурная организация (например, коллективные рабочие команды) отличается отсутствием формального руководителя, в ней преобладают кооперативные тенденции и попытки ликвидировать отчужденные виды работ. Такая организация находится в постоянном движении, компетентность и ответственность часто прямо не востребуются. Страх здесь преобладает в большей части группы, так как взаимоотношения эмоциональнее, а техническая сторона работы должна постоянно совершенствоваться. Лозунги типа «Мы все рав-

ны» с точки зрения Г. Пюля являются своего рода мифами, которые необходимы для того, чтобы снизить страхи до терпимого уровня. Такие мифы бессознательны, бессознательны и страхи в них. Автор понимает такие мифы как невротический симптом. Как коллективное сверх-Я мифы способствуют ориентации и снижают чувство страха. Таким образом, автор считает, что иерархичность групп можно рассматривать как социальное средство преодоления страха у их членов.

Если абстрагироваться от психоаналитического контекста данной работы, то можно заключить, что в настоящее время человек, включающийся в группу, испытывает беспокойство, страхи, причины которых коренятся в самой группе, в принадлежности к группе. Следуя этому выводу, можно констатировать и то, что объединение людей в неформальные подгруппы позволяет им преодолевать «страх одиночки в группе».

Дополнительно можно сослаться и на работы К. Левина, который отмечал, что вхождение в новую социальную группу похоже на ситуацию, когда человек оказывается в когнитивно не структурированном поле, вынужден стоять на нетвердой почве и не знает, делает ли он то, что надо [115]. Нестабильность психологической среды ведет к большей нестабильности человека. Для того чтобы утвердиться, человеку необходимо иметь определенную позицию и определенные связи со многими регионами высоко дифференцированного жизненного пространства. Думается, что включение человека в подгруппу, которую в терминологии К. Левина можно понимать как «регион», «часть» или «ячейку», является тем путем, который позволяет ему занять более устойчивую позицию и постепенно осваивать жизненное пространство в группе.

Таким образом, неформальные подгруппы принимают на себя те функции, которые традиционно приписывались группе в целом и которые она, оказывается, не в состоянии выполнять. Можно добавить еще две функции подгрупп. Одна из них касается регламентации поведения членов подгруппы по отношению друг к другу и к другим членам группы. Другая связана с адаптирующим свойством подгруппы по отношению к новичкам. В дальнейшем будет рассматриваться вопрос об адаптирующем потенциале группы и подгрупп, а также обозначены положения микрогрупповой концепции по этому вопросу.

Мы рассмотрели функции подгрупп в отношении их членов. Однако не менее важный вопрос заключается в функциях подгрупп с точки зрения всей группы. Попытаемся их выделить с оговорками, что функции подгрупп могут варьировать в зависимости от ряда внешних и внутренних факторов и не всякая подгруппа выполняет все возможные функции.

1. Первая функция заключается в стабилизации функционирования всей группы.

Чтобы понять суть этой функции подгрупп необходимо обратиться к понятиям порядка и хаоса, которые отражают самую глубокую сущность природы (по сравнению с антиномиями стабильность-нестабильность, обратимость-необратимость и др.), характеризуют миропроявление в его исход-

ном, предельном значении [77]. Под порядком обычно подразумевается множество элементов любой природы, между которыми существуют устойчивые («регулярные») отношения, повторяющиеся в пространстве или во времени или в том и другом. Соответственно «хаосом» называют множество элементов, между которыми нет устойчивых (повторяющихся) отношений [36].

Сначала проиллюстрируем обозначенную полярную категорию в социокультурном срезе, охватывающем личность, группу, общество.

Так, В.В. Василькова [42] отмечает, что циклы многих обрядов (например, отмечание Нового года) обозначают символическое «хождение в глубины хаоса», дезорганизацию, переход к порядку и гармонии. В этих обрядах новый порядок зарождается путем локализации первичных зон порядка. Такими зонами выступают жилища, локальные миры семьи, которые специальными процедурами очищаются и отгораживаются от сил Хаоса. Локализация сакрального пространства обитания семьи обозначает границы «семейного» Космоса, зарождающегося первичного социального порядка. Этому соответствуют специальные обряды ограничения, самозамыкания таких пространств. В полном цикле многих обрядов существуют определенные вехи – от локального мира отдельной семьи к социальному миру селения, общины, государства, т.е. моделируется расширение зоны нового порядка. Как видно, на архетипическом уровне первичный порядок связывается с семьей, т.е. малой группой, а в более широком социальном контексте, когда речь идет о всем обществе, – с более крупными социальными образованиями.

Рассматривая процесс перехода от традиционных форм культуры с характерным для них растворением «Я» в «Мы» (традиционалисткая цивилизация) к культуре личностно-креативного типа (персоналистская цивилизация), выхода на историческую арену самосознательной и свободной личности, М.С. Каган отмечает, что такая личность становится «хаосогенной» силой в обществе [90]. Выходит, что когда личность интегрирована в социальную общность, то эта общность функционирует более стабильно, а когда же личность дистанцируется от связей с ней и переходит на уровень активного самоопределения, то уже несет собой дестабилизацию в эту общность.

Теперь обратимся к методологии системного подхода, с позиции которого, в частности, сформулирована гипотеза «закона периферийного развития» [91]. Суть ее заключается в том, что новое возникает на периферии систем, на границе устоявшейся системы, вдали от центров. Всякий процесс представляет собой некоторую узловую линию. Узлы – это сформировавшиеся состояния. Они относительно устойчивы и в этом смысле отрицают сам процесс как непрерывное изменение. Процесс же в силу присущей ему динамичности стремится отрицать собственные устойчивые состояния, взрывая их статускво, переводя их в иную стадию. В процессе развития возникают узлы промежуточного развития – некие устойчивые объекты, относительно развитые и, следовательно, обладающие средствами защиты от изменений. Это до известной степени стабильные и даже консервативные очаги. Они в тех или иных реальных пространствах определяются как центры. Исходя из

содержания данной гипотезы, можно предположить, что устойчивыми узлами малой группы являются неформальные подгруппы, а периферией – не включенные в подгруппы члены.

Таким образом, малые группы выполняют стабилизирующую функцию относительно более широкой социальной среды, а устойчивые неформальные подгруппы – относительно малой группы. В последнем случае это обеспечивается тем, что внутри подгрупп существуют устойчивые и повторяющиеся в пространстве и времени отношения. Представим же себе группу, полностью состоящую из несвязанных между собой людей, для которых не характерны устойчивые отношения. В ней уже потенциально будет предопределена нестабильность, неустойчивость. В этом контексте «самостоятельные» члены группы (не обязательно все) являются источниками нарушения внутригруппового равновесия. С этой точки зрения менее определенна роль так называемых «тасующихся» членов. То ли они являются связующим звеном между подгруппами, то ли вносят динамичность в сами подгруппы, к которым постоянно примыкают, трудно сказать.

Мера проявления данной функции подгрупп зависит от ряда факторов, в том числе от особенностей внешних условий жизнедеятельности группы. Например, в ситуации интенсивного взаимодействия группы с внешней средой (например, с другими группами) усиливается стабилизирующая функция подгрупп, в частности, за счет консолидации членов группы вокруг одной-двух подгрупп. Если группа относительно изолирована от внешней среды, то тогда будет усиливаться интенсивность внутригрупповых процессов, что с высокой вероятностью будет приводить к обострению противоречий между подгруппами, а следовательно, к элементам дестабилизации.

Говоря о дестабилизации (хаосе), мы не вкладываем в это явление лишь отрицательный для группы смысл, так как оно и близкие ему по содержанию явления (неустойчивость, неравновесность) является необходимым элементом развития, самоорганизации системы [15; 77; 98; 158; 206].

В целом же эта общая функция подгрупп не означает, что некоторые из них, а более того, противоречия, конфликты между подгруппами, не могут дестабилизировать внутригрупповую активность. Сейчас же мы говорим лишь о том, что сам факт существования неформальных подгрупп является внутренне необходимым условием стабильности малой группы.

2. Вторая функция предполагает рассмотрение неформальной подгруппы как ключевого звена групповой деятельности.

Идея такой функции, хотя несколько в ином смысле, раньше использовалась в нашей стране в сфере педагогической психологии, когда речь шла о воспитательной работе с целью формирования актива и объединения вокруг него остальных членов учебной группы. Актив, выделяемый извне, не обязательно мог быть внутренне спаян и равноценен по своей сути неформальной подгруппе. Однако эта функция не рассматривалась вообще применительно к трудовым коллективам, многие из которых имеют собственно совместную деятельность, в отличие от квазисовместной деятельности учебной группы. Справедливости ради надо сказать, что некоторые предпосылки для выделе-

ния этой идеи были. Они связаны со структурированием и переструктурированием группы для решения новых задач. Под этим процессом чаще подразумевается оформление позиции лидерства, изменение ролей и коммуникативных связей членов группы с точки зрения их большего соответствия требованиям задачи. С точки зрения структурирования группы любопытна позиция Г. Гибша и М. Форверга, отмечающих выделение в группе некоторого ядра, члены которого являются наиболее подходящими для решения определенной задачи [50].

Чтобы рассмотреть этот вопрос применительно к трудовым группам, необходимо сначала очертить как минимум три важных момента.

Первый момент. Люди объединяются в подгруппы чаще на основании не одного, а нескольких признаков, среди которых может быть и социальная функция группы, заданная извне обществом. Устойчивые подгруппы значительно сплоченнее, чем группа, в них сильнее выражена идентификация и совместимость.

Второй момент. Абстрагируемся от всех нюансов совместной деятельности и разделим ее на две разновидности, которые предполагают: а) жесткую функционально-ролевую структуру, например, «технологический» тип связи [84]; б) относительно динамичную связь между членами группы, например, «функциональный», «экономический», «социально-психологический» типы связей [84].

Третий момент. В зависимости от некоторых внутригрупповых факторов и от увеличения численности малой группы увеличиваются процессуальные потери, если совместная деятельность предполагает относительно подвижную взаимосвязь между людьми.

Исходя из этих трех посылок можно предположить, что совместная деятельность, основанная на относительно гибкой взаимосвязанности членов группы, будет более продуктивной, если какая-то устойчивая и активная микрогруппа, среди объединительных признаков которой обязательно есть цель совместной деятельности, будет являться ведущим, направляющим звеном реализации деятельности. При этом остальная часть группы должна стуктурироваться вокруг этой микрогруппы. В таком случае будут снижаться процессуальные потери. Если же совместная деятельность выполняется посредством совокупности усилий членов группы или параллельной активностью нескольких микрогрупп, то она должна быть менее продуктивной, так как в ней будет больше процессуальных потерь.

Даже в одном экспериментальном исследовании на группах дошкольников фактически было проверено это предположение, хотя его авторы преследовали совершенно иную цель. Изучая в лабораторном эксперименте становление групповой совместной деятельности дошкольников, А.С. Чернышев и Т.И. Сурьянинова в качестве хорошего прогноза этого процесса отмечают образование подгрупп (диад и триад) внутри групп во главе с лидером; в этом случае выделившийся актив притягивает к себе остальных членов группы, что способствует организованной кооперации [222].

Для детализации этого предположения придется обратиться к активно прорабатывающейся за рубежом теме, которую можно объединить общим названием: «Производительные ресурсы и потери группы». Обобщение исследований по данной теме представлено в коллективной работе [40].

Ресурсы членов группы включают в себя все релевантные знания, способности, навыки или орудия труда, которыми владеет индивид (или индивиды), пытающийся выполнить задание [264]. Релевантность каждого ресурса зависит от типа задания. В то же время практика и эксперименты показали, что группы не используют весь производительный потенциал, все свои ресурсы. То есть для активности группы характерны процессуальные потери, которые принято разделять на координационные и мотивационные. Эти разновидности потерь зависят от ряда факторов. Теперь перейдем к непосредственному рассмотрению нашей проблемы сквозь призму ресурсов и потерь группы.

Координационные потери зависят от характеристик членов группы, коммуникации и взаимодействия в ней, ее размеров. Характеристики члена группы связываются с его статусом и активностью: чем выше статус человека, тем группа будет более внимательно относиться к его мнению и, чем выше его активность, тем более вероятно, что его мнение будет вообще известно группе. Следовательно, такие характеристики потеницально уменьшают вероятность потерь в группе. В этом отношении сплоченная и активная микрогруппа способна в большей степени оказать поддержку ее представителям в предлагаемом ими решении задач, чем группа в целом отдельным ее членам.

Другая причина координационных потерь связана с нарушением коммуникации, взаимодействия в группе при решении новой задачи. В этом смысле стабильная микрогруппа, характеризующаяся более высокой совместимостью по сравнению с группой в целом, должна быть менее подвержена нарушению взаимодействия. Поэтому по крайней мере на первом этапе решения новой задачи ее активное включение в этот процесс даст значительный эффект.

В некоторых исследованиях было установлено, что при выполнении заданий, требующих высокой координации действий, увеличение численности группы будет сопровождаться более быстрыми координационными потерями, чем возрастанием потенциальной производительности. Такая закономерность может быть в некоторой степени нейтрализована, если группа будет работать не «скопом», а при ведущей организующей роли активной микрогруппы, составляющей костяк групповой деятельности.

Мотивационные потери связываются с такими феноменами, как «социальная леность» и «сниженная ответственность».

Эффект социальной лености – человек делает значительно меньший вклад в общегрупповую работу, чем мог бы на самом деле, – объясняется деиндивидуализацией человека в группе и отсутствием в ней четких критериев оценки работы каждого. Когда люди объединяют усилия для достижения общего результата, то сложно определить, какой именно вклад внес конкрет-

ный участник. Если социальная леность связана с возможностью «затеряться в толпе», то сниженная ответственность означает возможность «безбилетного проезда», «свободу от обязательности» своих усилий. То есть зачем прилагать большие усилия, коль скоро существует возможность получить пользу от активности других членов группы. Как и в предыдущем случае, данный феномен определяется наличием-отсутствием идентификации индивидуального вклада в общий результат. Если вероятность оценивания работы каждого высока, то проявление данных феноменов будет резко снижаться. Логично предположить, что в тех или иных микрогруппах, где люди достаточно хорошо знают друг друга, имеют больше возможностей для взаимного контроля и применения санкций, социальная леность и сниженная ответственность будут проявляться меньше, чем если бы речь шла о группе в целом.

Таким образом, важно отметить, что в качестве ключевого звена групповой деятельности может выступать неформальная подгруппа. Причем в одних случаях в качестве таковой выступает ранее существовавшая устойчивая подгруппа, а в других – только что образовавшаяся подгруппа в конкретной ситуации решения задачи.

3. Третья функция неформальных подгрупп – организация и координация активности малой группы.

В шестой главе будет рассматриваться вопрос о лидерстве и руководстве, будут обозначены и положения микрогрупповой концепции по нему. Одно из них предполагает рассмотрение в качестве субъекта лидерства не только индивида, но и неформальной подгруппы, которая будет более эффективна в данной позиции, чем один человек.

4. Четвертая функция неформальных подгрупп – нормативная.

Во многих определениях и среди отличительных признаков малой группы указывается на наличие в ней специфических групповых норм и ценностей. Это не случайно, так как они выполняют регулирующую роль активности каждого человека в отдельности и группы в целом.

В настоящее время вопрос о механизме формирования групповых норм остается открытым. В зарубежной социальной психологии акцент делается на исследовании влияния большинства на меньшинство, в котором мнение большинства членов группы по какому-то вопросу понимается как групповая норма. В этих исследованиях, с одной стороны, норма часто не относится к тем или иным значимым аспектам жизнедеятельности группы (например, мнение по поводу длины отрезка или отклонения стрелки на какое-то количество градусов), а с другой стороны, внутригрупповые нормы как бы уже заданы и автоматически отпадает вопрос об их формировании. В отечественной социальной психологии анализ процесса становления групповых норм при условии одновременного вступления в группу многих членов, т.е. с момента образования группы, предлагается свести к изучению формирования групповой сплоченности [7]. Однако такая постановка вопроса не проясняет ситуации.

Думается, что эту важную проблему сложно решить, не привлекая к анализу неформальные подгруппы, т.е. не обращаясь к нормам подгрупп.

С позиции микрогрупповой концепции можно сказать, что нормы группы – это часть норм более широкой социальной системы, в которую включена группа, нормы неформальных подгрупп, а также некоторые индивидуальные нормы, прежде всего «самостоятельных» членов группы.

В каждой подгруппе имеются свои нормы, которые могут иметь общие и специфические особенности по сравнению с нормами других подгрупп. Поведение человека как представителя подгруппы определяется ее нормами, а поведение в контексте сугубо межличностных отношений – индивидуальными нормативами и ценностями. То есть наиболее отчетливо роль норм подгрупп будет проявляться в контексте взаимодействия между подгруппами, между подгруппой и «самостоятельными» членами, особенно в ситуациях состязательства или противоборства.

Поведение «самостоятельных» членов определяется их индивидуальными нормативами и ценностями, а во взаимодействии с представителями подгрупп – и норами этих подгрупп, с которыми они вынуждены считаться.

Общую канву поведения людей в институализированной малой группе составляют нормы организации, в которую включена группа. Однако эти нормы не абсолютны с точки зрения постоянства своего действия, а актуализируются в тех случаях, когда активность членов групп непосредственно соотносится с социальной функцией группы.

В группах, в которых имеется лидирующая (доминирующая) подгруппа, общие нормы для всех членов группы фактически представлены нормами этой подгруппы. То есть в данном случае в основе формирования общегрупповых норм находятся нормы какой-то подгруппы. Например, в одном из наших исследований курсантских групп [172], о котором уже говорилось, было показано, что лидирующая неформальная подгруппа стремится утвердить в группе свои цели и ценности. Она оказывает существенное влияние на формирование соответствующей ценностно-нормативной структуры группы.

Если в группе есть несколько влиятельных или «сильных» подгрупп, то устанавливается норма, регламентирующая отношения между ними. Прежде всего это норма нейтралитета и невмешательства.

При взаимодействии группы с другими группами актуализируется норма на объединение общих усилий для получения позитивного исхода взаимодействия.

Подведем итог по функциям малой группы и неформальных подгрупп. В обычных условиях жизнедеятельности группы она не реализует в полной мере функции по отношению к своим членам, которые ей традиционно приписываются. Именно это обстоятельство является одной из причин образования неформальных подгрупп. Поэтому функции группы фактически принимают на себя неформальные подгруппы, более эффективно выполняющие их для своих членов, чем группа в целом. Неформальные подгруппы выполняют в малой группе две разновидности функций: по отношению к своим членам и по отношению к группе в целом. Когда же группа вступает в непосредственные межгрупповые отношения, особенно конкурентного характера, то резко

возрастает функция группы, связанная с обеспечением поддержки всем своим членам.

Интересный вопрос заключается в том, какова разница между диадами и более многочисленными подгруппами с точки зрения реализации ими функций. Не исключено, что его изучение может внести прояснение в давно ведущуюся в социальной психологии дискуссию по поводу того, следует ли считать диаду малой группой.

Члены группы также выполняют определенную функцию по отношению к своей подгруппе и группе в целом. Члены подгрупп должны делать вклад в свою подгруппу, чтобы она могла существовать и развиваться. Они, безусловно, должны вносить вклад и в группу, если та выполняет деятельность, предполагающую совместность, или если вступает во взаимодействие с внешними объектами (например, другой группой), которое требует объединения усилий всех членов группы. «Самостоятельные» члены группы также должны вносить вклад в общегрупповую активность. Если речь идет о групповой деятельности, то члены группы выполняют конкретные, специфические функции в зависимости от их статуса и роли.

4) Принцип связи объекта с внешней средой

Суть этого принципа в том, что «исследование системы оказывается, как правило, неотделимым от исследования условий ее существования» [240, с. 102].

Во многих зарубежных теориях (например, теория взаимозависимости или теория социального сравнения), построенных на принципах методологического индивидуализма, не принималась во внимание связь малой группы с внешней социальной средой. Эта ситуация явилась одним из ключевых факторов побудивших Г. Тэджфела к разработке теории [267; 268], которая позволяла бы учитывать при анализе группы широкий социальный контекст, в котором она оказывается. О теории социальной идентичности будем еще говорить достаточно подробно. Единственно, хотелось первоначально отметить, что в этой теории ключевое значение отводится межгрупповым отношениям, основной единицей анализа является группа, а точнее принадлежность к ней, в большей степени изучаются не внутригрупповые, а межгрупповые эффекты. Одно из ее ограничений заключается в том, что, рассматривая межгрупповое взаимодействие, не дается развернутого анализа происходящим в то же время внутригрупповым процессам (за исключением некоторых феноменов межличностного восприятия). Кроме того она не способна объяснить различные традиционно изучаемые внутригрупповые явления, если нет межгруппового взаимодействия.

Вне контекста какой-либо концепции многие зарубежные авторы призывают учитывать при анализе группы ее связь с внешней средой. Например, указывается на то, что отдельные члены группы, подгруппа и вся группа реагируют, испытывают взаимные воздействия, изменяются и изменяют других [251]. Этот процесс воздействует на все связанные системы: групповую организацию, отдельных членов и более широкий организационный контекст, в

котором функционирует группа. Так, семьи как системы, в которые включены члены данной группы, могут оказывать косвенное влияние через них на жизнедеятельность группы. Следовательно, гибкое динамическое взаимодействие с другими системами способствует созданию и развитию структур группы. В противоположность этому, жесткие границы препятствуют циркуляции информации и задерживают изменения в существующей группе, ее подгруппах и индивидуальных структурах [251].

В теории ДОМО связь группы (имеется в виду институализированной) с внешней социальной средой осуществляется через заданную этой средой совместную деятельность.

В целом же традиционной особенностью отечественной социальной психологии является признание необходимости рассматривать малую группу как подсистему более широкой социальной системы, в которую она включена, а следовательно, принимать во внимание ее связи. К сожалению, часто этот тезис остается лишь лозунгом и не имеет конкретного концептуального воплощения.

Принцип связи объекта с внешней средой может рассматриваться в разных аспектах. Для нас наибольший интерес представляет тот, который связан с изменением системы в результате ее взаимодействия с внешней средой. На методологическом уровне имеются обозначения основных контуров анализа этого аспекта.

В рамках традиционного системного подхода акцент делается на открытости и динамичности границ системы, обмена информацией, энергией и веществом, противодействии и направленности реакции системы, подвижности связей внутри системы. Например, согласно гипотезе «закона индуцированной реакции» внешние (или внутренние) причины, изменяющие систему, индуцируют такое противодействие системы, степень которого находится в прямой зависимости от скорости вносимых изменений и тех характеристик самой системы, которые определяют ее устойчивость [91]. При этом реакция системы может быть обращена как вовне, так и внутрь системы. При очень интенсивных возмущениях реакция системы может достичь очень высоких значений, на много порядков превосходящих силу первичных воздействий, что открывает путь для сильных и порой необратимых разрушений в самой системе. Этот общий абрис должен быть наполнен конкретным содержанием, определяющимся спецификой малой группы как системы, включающей не только элементы, но и подсистемы.

В синергетике воздействие внешней среды на систему является важным условием протекания пространственно-временной самоорганизации. Например, среди факторов, определяющих эволюцию системы, Г. Хакен рассматривает управляющие параметры (аналог внешним факторам) [206]. Когда управляющий параметр превышает критическое значение, система внезапно переходит в новое макроскопическое состояние, совершенно отличное от прежнего гомогенного состояния. Сам по себе управляющий параметр не предвосхищает появляющуюся макроскопическую структуру, так как однороден по своей природе. В таком подходе есть некоторые позиции, кото-

рые прямым образом не возможно перенести на человекомерные системы (например, изначальная гомогенность компонентов системы).

В рамках микрогрупповой концепции мы рассмотрим интересующий нас вопрос в двух плоскостях: изменение неформальной подгруппы как подсистемы в результате ее взаимодействия со своей группой (своего рода внешней для подгруппы средой) и изменение группы как системы в результате ее взаимодействия с внешней средой. Эти плоскости анализа затрагивают две реалии связей, которые часто смыкаются друг с другом, так что их изучение по отдельности оказывается не эффективным. Поэтому мы обязательно будем принимать во внимание этот факт сложной действительности.

Во-первых, обратимся к изменению подгруппы в результате ее взаимодействия с другими подгруппами, «самостоятельными» членами своей группы, причем абстрагируясь от внешнего контекста жизнедеятельности всей группы. Содержанием этого взаимодействия и изменения по своему существу является внешняя и внутренняя интеграция и дезинтеграция. Все выделенные в социальной психологии конкретные формы внутриличностных связей, межличностного и межгруппового взаимодействия в своем основании имеют именно эти два процесса.

В случае дезинтегративного взаимодействия подгруппы с какой-то частью своей группы (или всей группой или представителями другой группы) происходит усиление интеграции внутри подгруппы, что кратко можно объяснить следующим образом. Дезинтегративное взаимодействие (например, соперничество, конфликт) несет в себе угрозу для «Я-образа» и «Мы-образа» членов подгруппы, а следовательно актуализирует осознание своей микрогрупповой принадлежности и необходимости сближения, объединения усилий. Такое осознание определяет процессы конвергенции. Это одна сторона единого процесса изменения. Чтобы успешно противостоять внешнему объекту в дезинтегративном взаимодействии членам подгруппы так же необходимо усилить свою активность, которая оказывается направленной вовне, и сделать более жесткими, непроницаемыми микрогрупповые границы, что является другой стороной изменения подгруппы.

Здесь мы фактически сталкиваемся и с проявлением тех закономерностей и феноменов, которые были выделены при изучении межгруппового взаимодействия. Например, возникновение межгрупповой дискриминации и агрессивности в процессе соперничества между группами, описанные в рамках теории реалистического конфликта, проявление эффектов межгруппового восприятия и взаимодействия – межгрупповая дифференциация (ингрупповой фаворитизм и аутгрупповая дискриминация), аутгрупповая гомогенность, «черная овца», выделенные и изученные в рамках парадигмы минимальной группы, т.е. теории социальной идентичности [65; 267].

Если дальнейшее внешнее дезинтегративное взаимодействие подгруппы оказывается регулярно неэффективным, то активность подгруппы будет перенаправленной во внутрь себя. Это можно объяснить стремлением членов подгруппы установить внутренний источник неэффективности, что проявляется в процессах атрибуции ответственности и выяснении отношений вну-

три подгруппы. В результате усиления внутренней активности происходит снижение сопротивление подгруппы внешнему воздействию. Таким образом, развивающаяся непродуктивность внешнего дезинтегративного взаимодействия подгруппы приводит к усилению дезинтегративности внутри подгруппы и, в конечном счете, может привести к ее частичному или полному распаду.

Если с самого начала возникает интенсивное, протекающие в режиме ускорения дезинтегративное взаимодействие (или одностороннее внешнее воздействие), то не исключено нарушение внутренней интегративности подгруппы, не говоря об ее усилении, и даже распад подгруппы. Такая реакция обусловлена тем, что подгруппа не способна оказывать противодействие, так как не обладает требуемым уровнем внутренних интегративных ресурсов (лидерства, общности индивидуальных позиций, идентификации, согласованности действий). Следовательно, неожиданно возникшее и интенсивно протекающее внешнее дезинтегративное взаимодействие подгруппы может вызвать быстро развивающуюся дезинтеграцию самой подгруппы и ее распад – полный или частичный.

Во-вторых, рассмотрим изменение малой группы в результате ее взаимодействия с внешней средой. Содержанием этого взаимодействия и изменения также является внешняя и внутренняя интеграция и дезинтеграция. Решению этой задачи в значительной мере будет способствовать то, что мы уже определились с закономерностями изменения подгрупп.

При интенсификации взаимодействия дезинтегративного содержания малой группы с внешней средой активность группы усиливается и оказывается направленной вовне. Это естественная реакция группы. (Следует оговориться, что при очень сильном (хаосогенном) внешнем воздействии такой реакции может и не быть, а может даже наблюдаться быстротекущее нарушение ранее сложившейся структуры.) Чтобы эффективно противодействовать этой среде, с одной стороны, активность всех подгрупп (подсистем) и «самостоятельных» членов (элементов) должна быть однонаправленной, а с другой, – границы подгрупп должны быть более открытыми, прозрачными. Единый вектор активности может быть достигнут благодаря какому-то управляющему и координирующему звену. С традиционной точки зрения такая роль должна быть приписана одному лицу – руководителю или лидеру. Однако в реальности один человек часто не способен в сложных условиях мобильно сорганизовать группу, особенно, если не «завязан» на какое-то устойчивое «ядро», на которое мог бы положиться. Поэтому возможен другой вариант, когда объединение большинства членов группы происходит вокруг какой-то одной подгруппы, способной более эффективно действовать в данной ситуации. Открытость микрогрупповых границ достигается за счет размывания этих границ, нивелирования функций подгрупп по отношению к своим членам, а также усиления интегративных связей, выходящих за пределы своей подгруппы, т.е. связей с членами других подгрупп и «самостоятельными» членами. Следовательно, общая реакция малой группы на интенсификацию взаимодействия с внешней средой вызывает усиление общегрупповых гра-

ниц и одновременно открытость неформальных подгрупп, ослабление их границ. То есть происходит усиление интеграции группы в целом и ослабление интеграции внутри подгрупп.

Однако в случае регулярно неэффективного взаимодействия группы со средой, активность группы будет перенаправленной во внутрь себя. Эта активность, с одной стороны, снижает сопротивление группы внешнему воздействию, а с другой, – приводит к изменениям в самой группе: формированию конфронтации между существующими структурными компонентами (подгруппы и «самостоятельные» члены»), усилению их границ или изменению структурных компонентов (распад одних подгрупп и образование новых) одновременно с образованием противостояния между ними. Можно сослаться на исследование В.С. Агеева, в котором было установлено, что с ростом неуспеха группы в межгрупповом соревновании возникают дестабилизационные процессы внутри группы: «увеличение конфликтности в межличностных отношениях, ослабление внутригрупповых связей, девальвация внутригрупповых ценностей, общая неудовлетворенность группой, стремление желание перейти в другую группу» [2, с. 94]. Хотя в этом исследовании не рассматривались подгруппы, все же оно достаточно показательно в отношении общей тенденции.

Важно отметить, что переструктурирование группы может привести к ее качественно новой внешней активности и повышению противодействия внешней среде.

Институализированная малая группа, в отличие от неформальной группы, способна в большей степени противостоять интенсивному воздействию внешней среды. Это обеспечивается за счет наличия социальной целостности, заданной извне обществом, которая удерживает группу от распада. Социальная целостность как бы смягчает и поглощает (конечно, до определенных пределов) порой кардинальные изменения социально-психологической структуры группы.

Возьмем ситуацию относительной изолированности и ограничения контактов малой группы с внешней средой. Здесь мы не можем четко говорить о внешней дезинтеграции или, тем более, интеграции группы с этой средой, так как фактически изначально отсутствуют внешние связи и взаимодействия. Однако влияние такой ситуации на внутригрупповые процессы очевидно и имеет те же особенности, что и в предыдущем случае: вся активность группы будет направлена во внутрь себя, более выраженными станут границы подгрупп, возрастет их активность и активность «самостоятельных» членов, усилится негативность во взаимоотношениях между ними. Следовательно, общая реакция группы на независимое от нее ограничение взаимодействия с внешней средой (усиление общегрупповых границ) проявляется в закрытости неформальных подгрупп и интенсификации взаимодействия между всеми структурными компонентами. То есть происходит интенсификация внутригрупповой активности, дезинтеграция группы в целом и усиление интеграции внутри микрогрупп.

Ситуация интеграции малой группы с внешней средой, прежде всего с другими группами, будет приводить к размыванию границ группы и нарушению ее социально-психологической структуры. Для примера сошлемся на классический полевой эксперимент, проведенный под руководством М. Шерифа. В нем было показано, что объединение усилий соперничающих групп, т.е. их явная интеграция, приводит к растворению границ между группами и установлению дружеских связей между некоторыми представителями разных групп, т.е. фактически образованию новых микрогрупп, выходящих за рамки прежних групп. Думается, что продолжительный, усиливающийся и взаимный процесс интеграции между малыми группами приведет к тому, что в конечном счете вряд ли уже можно будет выделять эти группы как самостоятельные и автономные социально-психологические общности. Этот процесс тем более реален, что в каждой формальной группе, как уже было показано, не так часто встречается психологическая целостность, которая бы удерживала от взаимопроникновения. Единственно лишь социальная целостность институализированных групп сдерживает процесс их взаимопроникновения и слияния, а значит самоликвидации. В неформальных малых группах такой сдерживающей преграды нет, а следовательно этот процесс будет более неизбежен. Однако надо отметить, что ситуация устойчивой взаимной интеграции формальных малых групп на практике встречается не так уж часто.

Нам сейчас сложно сказать о том, как подобная ситуация влияет на ранее сложившиеся неформальные подгруппы в каждой группе. Возможно, что в одних подгруппах, не обладающих выраженными интегративными феноменами (прежде всего идентификацией и референтностью), будет происходить размывание границ и их перегруппирование или слияние с другими подгруппами, а в других подгруппах, наоборот, усилится их внутренняя интегративность, непроницаемость границ, что связанно со стремлением к самосохранению. Одно очевидно, что эти две противоположные закономерности будут явно выражены, по сравнению с обычными условиями жизнедеятельности мало группы.

Обозначенные закономерности групповых социально-психологических процессов в зависимости от особенностей взаимодействия группы с внешней средой распространяются на хорошо известные феномены: сплоченность, идентификацию, референтность, конфликтность, социальное влияние. Только каждый феномен будет наполнять своим специфическим содержанием эти закономерности. Об этом будет говориться в пятой главе.

Следует сказать, что эти закономерности отмечены по отношению к достаточно специфическим условиям взаимодействия группы с внешней средой. Поэтому в группах, в которых не проявляются в чистом виде такие взаимодействия, не будут столь наглядно проявляться указанные тенденции.

Необходимо также отметить, что в выделенных тенденциях не отражены отдаленные временные перспективы, а как бы «выхвачены» лишь исходные отрезки изменения группы. Этот вопрос затрагивает сложную проблему динамики группы.

Таким образом, применение принципа связи объекта с внешней средой к разработке микрогрупповой концепции позволил выделить и сделать предметом анализа такие связи, которые ранее не включались в изучение группы: «общество-группа-подгруппа».

Завершая анализ четырех принципов системного подхода применительно к малой группе, необходимо обозначить еще одну важную позицию микрогрупповой концепции: внутригрупповая активность имеет не только диффузный, более или менее равномерно распределенный по всей группе характер, но и локализована по неформальным подгруппам.

В основе этой позиции лежат следующие исходные положения: а) в группе есть неформальные подгруппы (подсистемы), выступающие как субъекты внутригрупповой жизнедеятельности; б) члены каждой подгруппы имеют более общие и значимые для них признаки (в том числе, интересы) по сравнению с представителями разных структурных компонентов группы и с группой в целом; в) плотность и глубина практически любой разновидности психологических соединяющих связей внутри неформальных подгрупп значительно выше, чем по группе в целом; г) неформальные подгруппы принимают на себя функции, которые обычно приписываются малой группе в целом; д) внутригрупповая активность выражается во взаимодействиях людей внутри подгрупп, между представителями разных подгрупп, представителями подгрупп и «самостоятельными» членами.

Внутригрупповая активность традиционно рассматривается как репрезентируемая активностью отдельных индивидов, являющихся элементами системы. Отсюда следует, что внутригрупповая активность более или менее равномерно «растекается» по всем членам группы. В таком подходе во внимание не принимаются неформальные подгруппы как подсистемы малой группы, как субъекты внутригрупповой жизнедеятельности. С одной стороны, именно в подгруппах наиболее интенсивно, по сравнению с группой в целом, протекает общение. С другой стороны, подгруппы играют важную роль в жизнедеятельности группы, являясь источником порождения групповых целей, норм и ценностей, взаимодействий и противоречий и др. Поэтому можно говорить о том, что внутригрупповая активность часто является не диффузной, а локализованной на подгруппах.

Доминирование в определенный период жизнедеятельности группы одной из этих двух общих форм активности определяется: а) характером представленности в группе неформальных подгрупп; б) направленностью активности (во вне или внутрь групп), зависимой от характера взаимодействия группы с внешней средой. Внутригрупповая активность будет локализована на подгруппах в случаях, когда в группе имеется значительное количество подгрупп и активность группы будет направлена во внутрь нее. Эта тенденция была описана в анализе четвертого принципа системного подхода. Диффузия активности группы проявляется, соответственно, тогда когда в группе не выражены неформальные подгруппы или когда происходит размывание границ подгрупп в силу направленности активности всей группы во внеш-

нюю среду. Эта тенденция также была описана, когда рассматривался системный принцип связи объекта с внешней средой.

Кстати говоря, эти две формы внутригрупповой активности в чем-то напоминают режимы развития системы, обозначенные Е.Н. Князевой и С.П. Курдюмовым [98; 99]. Авторы, на основе фундаментальных математических свойств нелинейных моделей определенного класса, выделили два взаимодополнительных режима эволюции сложных систем – LS-режим локализации и возрастания интенсивности процессов и HS-режим «расплывания структур». Эти режимы развития они пытаются обобщить на различные виды систем, в том числе, социокультурные, антропомерные.

5) Принцип развития системы

В традиционном системном подходе сформулированы принципы, которые позволяют понять, как устроен объект, как взаимодействуют его части на всех уровня структурной иерархии, как связаны сами уровни, как обеспечивается его целостность. Однако, как точно отмечает М.И. Сетров, «знание структурных (функциональных) и причинных связей объекта, которые составляют лишь скелет объекта, не отражает глубинных оснований его поведения» [171, с. 79]. Действительно, если обратиться к методологическим работам, выполненным в рамках традиционного системного подхода, то несложно заметить отсутствие проработанности сущностных вопросов развития систем.

Обычно исследования вращаются вокруг ограниченного числа проблем развития. Одна из них касается отличия между процессами функционирования и развития [237; 240].

Другая проблема затрагивает понятие сложной системы (понятия «низшее» и «высшее», «простое» и «сложное») [66; 241], которое является одним из центральных в системном подходе. В соответствии с этим понятием под развитием системы обычно подразумевается процесс возрастания сложности. Движение от низшего к высшему исходит из признания сложности как универсальной характеристики объектов. Так как не существует абсолютно простых предметов и явлений, то сложность и выступает в качестве универсальной характеристики предметов и явлений [66]. Помимо анализа общих вопросов этой проблемы, решались и более конкретные задачи, например, усложнение системы и ее надежность [241], степень сложности системы и степень ее упорядоченности и организованности [170], критерии усложнения системы [35], критерии сложной системы [4]. Так, к критериям сложноорганизованной живой системы относят: высокую дифференцированность и интегрированность структур и функций, определенный баланс соотношений между причинно-следственной и вероятностной детерминацией, высокий уровень обмена со средой материей, энергией и информацией, увеличение значения внутренних факторов, «спонтанности» развития и др. [4]. Несмотря на существующие исследования, многие ключевые вопросы, связанные с формированием сложного, еще требуют своего дальнейшего решения.

Кстати говоря, понятие «сложное» является ключевым и в синергетике. Однако в этом методологическом направлении данное понятие проработано не лучше, чем в традиционном системном подходе. Как отмечают некоторые авторы [98], специалисты в области теории самоорганизации не прошли и половины пути в понимании вопросов о возникновении сложного, до сих пор не найдено последовательное решение задачи морфогенеза, задачи перехода от простых форм к сложным. В то же время есть существенная разница между этими двумя методологическими подходами по данному вопросу. В синергетике во внимание принимают «не сложность как таковую, как характеристику структуры системы, а сложность процессов ее самоорганизации, т.е. тот эволюционный аспект сложности, который классические формы теории систем и методологии системных исследований не делали предметом непосредственного изучения» [90, с. 37].

Таким образом, сам по себе традиционный системный подход не может являться единственным методологическим основанием для решения актуальных вопросов развития малой группы. Требуется привлечь и другие методологические стратегии.

ГЛАВА 5

ДВИЖУЩИЕ ПРИЧИНЫ И МЕХАНИЗМ ДИНАМИКИ МАЛОЙ ГРУППЫ И НЕФОРМАЛЬНЫХ ПОДГРУПП

В качестве наиболее приемлемых методологических предпосылок исследования проблемы движущих причин и механизма динамики малой группы целесообразно использовать (помимо системного подхода) диалектику и синергетику. Обоснованность обращения к ним заключается в том, что с одной стороны, они акцентируются на развитии, а точнее саморазвитии объекта, а с другой стороны, между тремя методологиями – традиционным системным подходом, диалектикой, синергетикой – есть много общих черт. Очень кратко отметим некоторые из их общих особенностей.

По мнению некоторых отечественных авторов, диалектика является основой системной методологии, ее философским базисом [47; 240]. С позиции диалектики всякая система есть не просто определенным образом структурированная целостность, но целостность изменяющаяся и развивающаяся [47]. Влияние диалектики на системный подход выражается прежде всего в том, что источник преобразования системы или ее функций рассматривается обычно в самой системе; существенная черта целого ряда системных объектов состоит в том, что они являются не просто системами, а самоорганизующимися системами [240].

Другие авторы отмечают, что синергетика является современным этапом развития идей кибернетики и системных исследований, существует логико-понятийная и методологическая преемственность между этими областями знания [98], синергетический подход представляет собой развитие си-

стемного подхода, вызванное необходимостью изучения саморазвивающихся систем [90]. Синергетика является развитием теории систем потому, что от изучения объектов как способа их организации, обеспечивающих их целостность, и от изучения функционирования систем, поднялась к изучению того, как строение и функционирование сложных систем проявляется в их развитии [90].

Третьи авторы указывают на связь между диалектикой и синергетикой [164; 216]. Например, говорится о том, что «Гегелю удалось сформулировать основные и действительные достаточно общие свойства, характерные для открытых, развивающихся систем» [216, с. 54], таких систем, которые являются объектом изучения синергетики. В этой же работе делается следующий вывод: синергетика является математической основой диалектического материализма.

В то же время в публикациях встречаются попытки проанализировать содержательные различия между этими тремя общенаучными направлениями [36; 98]**.** Работы такого плана актуальны и востребованы, хотя бы потому, что возникают ситуации, когда одному направлению (например, синергетике) приписывается как абсолютно новое то, что раньше входило в концептуальный строй другого направления (например, диалектике), или же когда судят о направлении (например, диалектике) по работам его основателей, не учитывая весь накопленный со временем в нем потенциал.

Кроме того, в некоторых работах высказываются соображение о возможностях и границах применения диалектики и синергетики (о системном подходе уже говорилось).

Например, в адрес диалектики говорится о том, что гегелевско-марксова схема отражает лишь линейный прогресс как закон истории [90], диалектическая теория Г. Гегеля и К. Маркса рассматривает развитие как процесс перехода от одного порядка к другому (линейный прогресс) [36]. Хаос при этом вообще не учитывался, или рассматривался как некий побочный и потому несущественный продукт. В то же время с позиции синергетики прогрессивное развитие выглядит как чередование порядка и хаоса [36].

Думается, что не следует так категорично ограничивать диалектику не свойственными ей рамками, причем обращаясь лишь к работам Г. Гегеля и К. Маркса.

Действительно, в относительно современных работах по диалектике развитие рассматривается как процесс направленных, поступательных изменений, как смена и чередование (последовательность) естественных фаз развития [125], т.е. фактически как процесс линейных изменений. Соответственно такому пониманию выделяются и типы (формы) развития системы: одноплоскостное развитие, прогрессивное, регрессивное [125]. Примечательно то, что те же самые авторы, которые в свое время «трудились» [35] над проработкой этих типов развития в рамках диалектики, теперь же критикуют [36] эти модели развития.

В тоже время в диалектике признавалось, что этапность развития связана с единством повторяемости и необратимости, неравномерностью, что по-

ступательная направленность качественных изменений должна все же сочетаться с моментами уничтожения, распада, разрушения и др., а деструктивное отрицание неправомерно истолковывать буквально как превращение объекта в «ничто» [125].

Для нас наибольший интерес в диалектике представляет то, что позволит объяснить источник самодвижения, саморазвития малой группы как системы. Это – закон единства и борьбы противоположностей, который по отношению к другим законам диалектики «выступает как закон каузальный и поэтому отображает наиболее глубокую сущность развития» [125; 298]. Более того, указанный диалектический закон позволит нам понять не только причины, но и механизм динамики группы. Обращение к диалектике тем более оправдано, что в отечественной психологии в целом и в социальной психологии в частности, стало традицией обращаться к этому закону при осмыслении проблемы развития. Да и в зарубежной психологии противоречия, конфликты нередко включают в объяснительные схемы.

Что касается синергетики, то ранее говорилось (см. системный подход к анализу малой группы и неформальных подгрупп) о том, что не существует однозначного представления о возможностях применения синергетики к изучению объектов разной природы. Одни авторы признают междисциплинарную универсальность синергетики, другие отмечают специфичность антропо-социо-культурных систем, по отношению к которым некоторые идеи и средства синергетики не применимы или требуется адаптация методологического аппарата синергетики.

Например, указывается на ограниченные возможности математического моделирования антропо-социо-культурных систем [90], на то, что человекометрическая система обладает глубинной памятью больше, чем лишь в один шаг, может приобретать опыт [25], точки бифуркации проходятся не случайно, но с учетом «генетических» склонностей социальной системы [15], понятия самоорганизации и диссипативных структур идейно восходят к неравновесной термодинамике и концептуально связаны с физикой неравновесных процессов [68].

Надо сказать, что в последнее десятилетие появились работы, в которых привлекаются идеи синергетики для понимания динамики групповых процессов. То есть предлагается понимать группы как самоорганизующиеся нелинейные системы, которые характеризуются: неоднородностью элементов внутри системы, комплексным микроуровнем, рекурсивными причинными связями, открытостью по отношению к окружающей среде, диссипативностью [194; 246]. Акцент делается на изучении процесса возникновения группы из социального агрегата (диффузного состояния).

В концептуальных схемах развития малой группы чаще всего затрагиваются долгосрочные процессы образования групп, которые имеют место в учебных, производственных, психотерапевтических группах и т.д. [250]. В зарубежной социальной психологии существуют различные идеально-типичные модели (например, Такмена), отражающие фазы, которые должны проходить все группы в ходе их развития. Такие фазовые модели признаются

вполне пригодными, однако признается и то, что не все группы реально проходят все фазы таким образом, как это представлено в моделях. Об этом свидетельствует ряд исследований. В отечественной психологии акцент делается прежде всего на последовательном качественном изменении группы (модели в теории ДОМО и параметрической теории). Такое понимание развития группы является, с одной стороны, несколько упрощенным, а с другой – не достаточно адекватным природе динамики многих реальных групп.

В литературе [250] отмечается, что последовательность прохождения группами определенных фаз, этапов не является единственно возможным способом их динамики, так как может быть волновое и спиральное их движение, циклическая зависимость между внутригрупповыми фазами развития.

Для исследования нелинейной динамики группы предлагаются различные способы: моделирование посредством компьютерной имитации (например, модель «клеточный автомат» с анализом временного ряда) и интенсификация динамики группы в лабораторном эксперименте (например, «рекурсивное скульптурирование»).

К примеру, используя модели клеточных автоматов, близкие к структуре случайных графов, изучают вопрос о влиянии на динамику группы таких формальных признаков, как величина популяции, возможности установления контактов и степень разнообразия элементов популяции. На основе компьютерной имитации была установлена особенность выделения подгрупп внутри группы до и после фазового перехода (качественный скачок) [194]. Так, до фазового перехода наблюдается много малых группировок и небольшое число больших кластеров, что характерно, с точки зрения исследователей, для слабо интегрированных систем. После фазового перехода «разброд» в популяции резко сокращается и она превращается в интегрированную систему, в которой по мере увеличения возможности поддержания контактов растет «запрет» на малые группировки – все элементы контролируются малым число больших кластеров (подгрупп). Включение в подгруппы зависит от размера группы: фазовый переход происходит более внезапно в больших по размеру группах.

Преимущество компьютерной имитации в любой социальной дисциплине видится в том, что обычный эксперимент, предполагающий взаимодействие с самоорганизующейся системой, не позволяет воспроизводить ее в одном и том же начальном состоянии. Сам акт проведения лабораторного или естественного эксперимента меняет систему, направляя ее в новое русло развития, а необратимость процессов развития не позволяет вновь воссоздавать начальное состояние. Поэтому отдается преимущество вычислительному эксперименту на ЭВМ [186]. В тоже время отмечается [15], что создаваемая клеточная автоматная среда с некоторыми свойствами, подлежащими изучению, и изменением правил «общения» элементов не всегда предсказуема, а вопрос о правильности ее поведения или результатов просто не корректен. Такой подход вряд ли прояснит многое о социальной системе. Следовательно, недостаток компьютерной имитации такой же, как и иных формали-

зованных процедур, не позволяющих оперировать реальными объектами и учитывать содержательные моменты, например, образования неформальных подгрупп.

Исходя из существующего представления о самоорганизации, требуется и поиск принципиально новых стратегий, способов воздействие на самоорганизующиеся системы, которые, по мнению некоторых, уже не могут осуществляться только за счет увеличения энергетического и силового воздействия на систему [186]. В точках бифуркации иногда достаточно небольшого энергетического «воздействия-укола» в нужном пространственно-временном локусе, чтобы система перестроилась и возник новый уровень организации с новыми структурами.

Принципы синергетики постепенно пытаются воплощать в решении некоторых конкретных проблем. Например, самоорганизация совместной мыслительной деятельности в диадах [24].

Вместе с тем, анализ литературы в области синергетической методологии показывает, что ее идеи представляют эвристическую ценность для общего понимания процесса саморазвития малой группы, но недостаточны для осмысления конкретных вопросов, например, причин изменения группы. Так, Г. Хакен в качестве факторов, определяющих эволюцию системы, выделяет: а) состояние системы в данный момент времени; б) взаимосвязи между компонентами системы; в) управляющие параметры; г) случайные события [206]. Из них управляющие параметры следует рассматривать в качестве причин динамики группы. Однако это понятие является совершенно бессодержательным, позволяющим как угодно его интерпретировать, что не дает какого-то твердого ориентира в поисково-аналитической работе.

Таким образом, основными методологическими предпосылками построения микрогрупповой концепции по вопросу причин и механизма динамики группы будут выступать системный подход и диалектика. В системном подходе интерес представляют идеи о строении и целостности системы, а в диалектике – идея самодвижения системы, движущих причин ее саморазвития. Дополнительно мы будем привлекать наиболее продуктивные идеи синергетики с учетом возможности их применения к социально-психологической системе – малой группе.

В качестве ведущей причины изменения биологической, психической или социальной системы стало традиционным рассматривать противоречия. Понимание противоречий как движущих сил развития берет свое начало от созданной Г. Гегелем диалектики, центральное место в которой занимает закон «единства взаимоисключающих и одновременно взаимопредполагающих противоположностей» [49]. По выражению К. Поппера, диалектика Гегеля – «это теория, согласно которой нечто – в частности, человеческое мышление, - в своем развитии проходит так называемую триаду: тезис, антитезис, синтез» [154, 119]. Однако, Гегель, в своей философии тождества, приходит к выводу: поскольку развивается разум, должен развиваться и мир, и поскольку развитие разума является диалектическим, то и мир должен развиваться

по диалектическим триадам. Поэтому гегелевская философия именуется как пандиалектизм [165].

В современной философии разными авторами закон борьбы и единства противоположностей конкретизируется различным содержанием, отстаиваются и доказываются различные взгляды на природу противоречий, обозначаются различные варианты соотношения диалектических и логических противоречий, выделяются уровни проявления противоречий и аспекты их обсуждения. Это свидетельствует о том, что философская проблема диалектических противоречий является крайне сложной и многогранной, до конца не решенной. Например, В.С. Библер, отмечает, что в ближайшее время диалектика должна «оспорить самое себя и принять форму диалогики» [29, с. 171]. В.Н. Садовский указывает на необходимость анализа взаимосвязи двух разных аспектов диалектики – ее собственно научную и методологическую функции [165].

Противоречие как категория представляет собой органический сплав всеобщего и особенного, онтологического и гносеологического. Следовательно, категорию противоречия нельзя свести либо только к онтологическому образу, либо только к специфически гносеологическому феномену, не имеющему объектно-содержательного наполнения и смысла [21].

Среди отличительных признаков диалектических противоречий отмечаются: а) взаимодействие сторон (вещей), среди которых наиболее существенно то, что стороны противоречия предполагают, обуславливают друг друга и, вместе с тем, они исключают, отрицают друг друга; б) пространственно-временное отношение между противоположностями, которое состоит, с одной стороны, в одновременности существования противоположностей, а с другой, – во взаимотождественности, взаимопроникновении противоположностей, означающей их пространственную совмещенность, нераздельность в противоречии [46].

Такие общие отличительные признаки диалектического противоречия разделяются многими философами. Однако некоторые из них обращают внимание на то, что зачастую не существует непосредственной связи между противоположностями. Имеется в виду, что в структуре противоречий следует искать третий элемент, опосредующий противоположности [141]. Он всегда конкретен, но во всех случаях в структуре вещей смягчает, нейтрализует противоположности и в этом заключается разрешение любого противоречия.

Важным вопросом диалектики является точка зрения на проявление или отсутствие противоречий. По мнению Г.С. Батищева, диалектика противоречий, содержательно разрешаемых и воспроизводимых, противостоит: а) узкорационалистическому воззрению (поляризму), которое стремится к установлению завершенной правильности, что характерно для формальной логики; б) иррационалистическому воззрению (антиномизму), которое отвергает всякую гармонию и порядок, не признает разрешимости проблем-антиномий и берет диалектику лишь в ее негативистской проекции [21]. Существуют другие работы, в которых тщательному анализу подвергается соотношение диалектики и формальной логики [20; 92; 183].

Чтобы глубже разобраться в проблеме противоречий некоторые философы предлагают выделять контексты обсуждения противоречий, уровни их проявления. Например, предлагается задействовать следующие основные элементы (уровни): а) объективное противоречие, являющееся причиной и источником его саморазвития; б) отражение объективного противоречия в мышлении; в) внутреннее движущее противоречие познавательного процесса [155]. Мы можем позволить себе лишь очень кратко обозначить первый уровень.

В широком смысле предметное противоречие (как специфическое противоречие материального объекта) понимается как взаимодействие противоположностей (сторон, свойств объекта), обуславливающих и отрицающих друг друга. Это предполагает, что любой объект взаимодействует не только с другими объектами, но и с самим собой. Последнее означает, что все объекты содержат в себе свою противоположность (внутренняя отрицательность), поэтому они самопротиворечивы. Самопротиворечивость объекта есть источник его самоизменения, самодвижения. В то же время проводится различие между понятиями самодвижения и саморазвития. Саморазвитие – это такое самодвижение, которое ведет к коренному качественному изменению системы, ее меры, повышению уровня организации и другим изменениям [46; 125].

Самопротиворечивость определяет не только тенденцию, связанную с определенностью и устойчивостью, но и тенденцию, предполагающую неопределенность и изменение. Поэтому самодвижение, саморазвитие представляют собой развертывание этих двух противоречивых тенденций, что и делает их внутренне необходимым и одновременно спонтанным процессом [46], [125].

Изменение объекта – это всегда результат взаимодействия внешних и внутренних детерминант, при котором определяющая роль принадлежит внутренним детерминантам [46; 125]. Влияние внешних детерминант на систему тем значительнее, чем меньшую роль играет ее внутренняя детерминация. Степень внутренней детерминации определяется рядом факторов: уровнем развитости внутренних структурных компонентов и механизмов, уровнем разнообразия и др. Чем сложнее система объекта, тем большее значение получает действие внутренних детерминант. Влияние внешних детерминант на нее становится все более опосредованным и их роль в основном начинает сводиться к условиям и пусковым механизмам. Внешние детерминанты в этом случае только развязывают, усиливают или тормозят внутренние процессы.

Противоречия принято разделять на внешние и внутренние. Для внешних противоречий (например, между группой и социальной средой) характерна более или менее четкая разделенность, поляризация сторон отношения, тогда как для внутренних противоречий (например, межличностные противоречия в группе) свойственна пространственная совмещенность, более тесная связь противоположностей. В последнем случае правильнее говорить не о противоположных сторонах, а о противоположных моментах, тенденциях.

Отсюда следует, что структура предметного противоречия имеет внешний (раздвоение, полярность) и внутренний (конкретное тождество, взаимопроникновение противоположностей) уровни [46; 125].

Следует отметить, что не все авторы обращаются к анализу противоречий объекта, а некоторые вообще исключают мысль о существовании каких-либо противоречий в объективной действительности, в самих предметах [28], [229]. Несмотря на «пренебрежительное» отношение ряда философов к анализу противоречий объекта, такие противоречия остаются реалиями, требующими пристального внимания [226].

Переходя к социальной психологии, надо отметить, что в ней распространена позиция, согласно которой противоречия, конфликты определяют активность группы.

Вместе с тем в отечественной литературе отмечается не только методологическое значение и актуальность анализа противоречий малой группы, но и недостаток их экспериментальных исследований. Обозначая методологические принципы исследования малой группы, Р.Л. Кричевский и Е.М. Дубовская подчеркивают необходимость выделения внутрисистемных противоречий как одного из направлений приложения принципа развития [111]. Н.В. Гришина отмечает, что «очевидная значимость проблематики внутригрупповых конфликтов явно контрастирует с недостатком их эмпирических исследований» [64, с. 118]. Мы попытаемся выделить не все, а наиболее существенные аспекты проблематики противоречий в малой группе и обозначить направление их проработки с позиции микрогрупповой концепции. Следует отметить и то, что мы не будем подробно останавливаться на проблеме конфликта, так как это объемная область, а задачи и рамки нашего исследования не предполагают специального анализа этой проблемы, хотя она неизбежно будет затрагиваться.

1. Одно из ограничений анализа источников динамики малой группы заключается в нечеткой постановке этой проблемы.

В качестве источника групповых процессов часто рассматриваются не противоречия, а социальные потребности. В разных концептуальных схемах выделяются различные потребности: потребность в оценке своих суждений и способностей (теория социального сравнения Л. Фестингера), потребность в позитивной самооценке (теория социальной идентичности Г. Теджфела), потребность в групповой самоориентации (теория самокатегоризации Д. Тернера), потребности в включении, любви, контроле (теория межличностных отношений В. Шутца), потребность в персонализации (концепции персонализации А.В. Петровского). Например, в теориях социальной идентичности и самокатегоризации указанные потребности посредством сравнения, категоризации и идентификации лежат в основе формирования группы как психологической целостности.

С нашей точки зрения цели, потребности (в том числе, социальные потребности) являются исходным моментом для возникновения и протекания динамических процессов группы, но не представляют собой той движущей силы, которая «запускает» эти процессы. Именно противоречие между целя-

ми, потребностями людей и возможностями их реализации в группе является той самой движущей силой, в частности, определяющей возникновение подгрупп. Одновременное наличие у членов группы ряда потребностей и трудностей в их реализации делает групповую динамику более сложной и многоплоскостной. С другой стороны, если есть потребность, и в тоже время имеются наготове все необходимые условия и средства ее достижения, то вряд ли можно говорить о каком-то развернутом в пространстве и времени процессе.

Для подкрепления этой позиции необходимо определиться с тем, почему противоречия являются движущей силой развития группы. С точки зрения диалектики, любой объект содержит в себе свою противоположность (внутреннюю отрицательность). Однако такое общее положение не дает полного ответа на поставленный вопрос. Думается, есть все основания считать, что внутренняя отрицательность является источником динамики группы, так как интенсифицирует внутригрупповое взаимодействие, социально-перцептивные (сравнение, категоризация, подражание и идентификация, рефлексия) и аффективные процессы членов группы. Интенсификация внутригрупповой активности является базовым основанием самоорганизации группы. Другой, гораздо более сложный вопрос, заключается в том, как будет протекать самоорганизация.

Таким образом, возникновение неформальных подгрупп и дальнейшая их динамика вплоть до распада каких-то из них, определяется их внутренними и внешними противоречивыми тенденциями. Именно в этом заключается динамика малой группы в целом. Например, подгруппы возникают из-за того, что малая группа в целом не способна реализовать индивидуальные цели, потребности, т.е. выполнять приписываемые ей функции. Состав же подгрупп зависит от меры сходства людей по тем или иным параметрам, наиболее значимым для них, что определяется ими благодаря социально-перцептивным процессам, эмоциональным и поведенческим компонентам.

2. Еще одно существенное ограничение, но уже других исследований, состоит в том, что решение проблемы противоречий и конфликтов в малых группах сводится к изучению межличностных конфликтов.

Бесспорно, межличностные противоречия и конфликты играют важную роль в активности группы. В то же время проблема, касающаяся типологии внутригрупповых противоречий и конфликтов, должна рассматриваться в более широком контексте. Мало работ, в которых затрагиваются иные типы противоречий и конфликтов, которые могут оказывать не менее существенное влияние на функционирование группы, чем межличностные. Можно привести частные примеры прямого или косвенного решения данной проблемы.

В теории К. Левина противоречие, конфликт характеризуется как ситуация, «в которой силы, действующие на человека, противоположны по направлению и примерно равны по мощности» [115, с. 286]. Им различаются конфликты между двумя положительными валентностями, между двумя отрицательными валентностями, между однонаправленностью положительной и отрицательной валентностей, между движущими и между сдерживающими

силами. В любом случае источник конфликта локализован не столько в самом человеке, сколько в ситуации его жизнедеятельности.

В психоаналитически ориентированных исследованиях, посвященных малым группам, в качестве источника динамики группы рассматриваются противоречивые тенденции, возникающие вследствие рассогласования поведения лидера с ожиданиями членов группы [25]. При изучении процесса формирования юношеских групп было выделено два вида противоречий: между возрастающими потенциальными возможностями группы и ее актуальной деятельностью; между растущим стремлением членов группы к самореализации и самоутверждению и одновременно усиливающимися тенденциями включения личности в групповую структуру, интеграции ее с группой [80]. В рамках изучения проблемы межгруппового взаимодействия некоторые авторы рассматривают конфликты между группами [2].

Более или менее развернутая классификация предложена в работе [100], в которой даны следующие разновидности конфликта: межличностный, между группой (подгруппой) и членом группы, между подгруппами в отдельной группе, между формальной и неформальной системами отношений, межгрупповые.

Характерной особенностью рассматриваемых исследований является либо констатация типов, либо изучение лишь некоторых видов групповых противоречий и конфликтов (например, межличностных). Очевидно, такая постановка вопроса значительно сужает проблемную область движущих причин динамики группы. В связи с этим актуальной является задача комплексного изучения наиболее типичных видов психологических противоречий в малой группе.

Учитывая накопленный опыт, мы можем выделить следующие виды социально-психологических противоречий (конфликтов): а) межличностные – между представителями одной и той же подгруппы, между членами разных подгрупп (в том числе их лидерами), между «самостоятельными» членами, между представителями подгрупп и «самостоятельными» членами группы; б) между целями, потребностями (например, в общении, признании) членов группы и возможностями их удовлетворения в группе; в) между высокими возможностями членов группы и низкими требованиями деятельности; г) между низкими возможностями членов группы и высокими требованиями деятельности; д) между членами группы и представителем административного персонала; е) межгрупповые [176].

Перечисленные противоречия являются наиболее общими, т.е. характерными для большинства видов существующих малых групп (например, учебных, трудовых), однако в разных группах эти противоречия могут приобретать определенное специфическое содержание. Исследование учебных групп показало, что одни типы противоречий являются наиболее характерными, присущими большинству групп, тогда как другие – более специфичны, обладают большей динамичностью и вариабельностью (прежде всего межличностные) [176].

Эти типы противоречий взаимосвязаны между собой так, что изменение одних противоречий влечет за собой изменение других противоречий. Кроме того, все типы противоречий «завязаны» на межличностных противоречиях, так что между ними существует обратная связь. Например, обострение противоречий в сфере деятельности не может не отразиться на изменении межличностных противоречий.

3. Межличностные и другие виды противоречий и конфликтов традиционно рассматриваются применительно к группе в целом. При этом игнорируется социально-психологическая структура группы – неформальные подгруппы и не включенные в них члены, их активность, что ведет к теоретическим и практическим ошибкам.

В одном из проведенных нами исследований [176] было установлено, что в каждой малой группе неформальные подгруппы могут значительно различаться между собой по уровню проявления тех или иных видов противоречий. Например, одни подгруппы вообще не являются субъектом тех или иных противоречий, тогда как другие подгруппы представляют собой основной источник противоречий в группе. В каждой группе «самостоятельные» члены группы по-разному проявляют конкретные типы противоречий.

Отсюда вытекает вывод, что каждую неформальную подгруппу можно рассматривать как субъект внутригрупповой жизнедеятельности, который в той или иной степени может выступать источником противоречивых, конфликтных тенденций группы в целом, вносить свой «вклад» в общую картину противоречий группы.

Кроме того, подгруппа как субъект конфликтного поведения оказывает на функционирование всей малой группы значительно большее влияние, чем отдельная личность.

Другой вывод заключается в том, что учет всех возможных типов противоречий (конфликтов) малой группы в их композиции, с одной стороны, и ее социально-психологической структуры, с другой стороны, позволит приблизиться к системному анализу феномена противоречий (конфликта) в группе.

Общий же вывод предполагает, что динамика малой группы, о которой много говорится в литературе, есть абстракция, если не рассматривается сквозь призму противоречивых тенденций структурных компонентов группы – неформальных подгрупп и не включенных в них членов.

4. Противоречия неформальных подгрупп и не включенных в них членов не могут быть адекватно понятыми, если не обратиться к вопросу о взаимодействии малой группы с внешней средой.

В соответствие с ранее сформулированным положением микрогрупповой концепции о закономерностях влияния взаимодействия группы с внешней средой на внутригрупповые процессы, можно следующим образом обозначить интересующий нас вопрос.

Обострение противоречий до формы конфликта группы с внешней средой (например, другой группой) вызывает ослабление противоречий по

группе в целом – между подгруппами, между подгруппами и не включенными в них членами, среди «самостоятельных» членов.

В случае продолжения внешнего конфликта (особенно его эскалации) и регулярно неэффективного взаимодействия группы со средой, происходит трансформация внешнего конфликта во внутренний. То есть возникает и развивается конфронтация между существующими структурными компонентами (подгруппы и «самостоятельные» члены») или изменение структурных компонентов (распад одних подгрупп и образование новых) одновременно с образованием противостояния между ними. На фоне повышенной противоречивости между структурными компонентами группы в целом происходит резкое снижение противоречий внутри подгрупп.

При относительной изолированности и ограничении контактов малой группы с внешней средой проявится такая же тенденция, что и в предыдущем случае: усиление противоречий между существующими структурными компонентами и ослабление противоречий внутри подгрупп.

В случае дальнейшей конфронтации между структурными компонентами группы (независимо от характера взаимодействия группы со средой) происходит распад одних подгрупп и образование других. В основе этого находится фактически та же самая тенденция, характерная для конфликта группы с внешней средой. То есть противоречия между структурными компонентами перерастают в противоречия внутри подгрупп, если их члены не видят преимуществ от включенности в данную подгруппу. Это проявляется тогда, когда подгруппа оказывается неэффективной в общегрупповом процессе, не способна выполнять свои функции (например, функцию поддержки) по отношению к своим членам.

А теперь перейдем к анализу механизма изменения малой группы и неформальных подгрупп.

Думается, что в качестве универсального механизма изменения любой живой системы следует рассматривать процессы интеграции и дезинтеграции. Как нам видится, этот механизм латентно отражен в диалектическом законе «единства взаимоисключающих и одновременно взаимопредполагающих противоположностей». То есть, процессы интеграции связаны с единством взаимопредполагающих противоположностей (сглаживание противоречий), а процессы дезинтеграции – с единством взаимоисключающих противоположностей (обострение противоречий). Отсюда следует, что оба процесса непосредственно связаны между собой, а их отделение от противоречий и друг от друга является в определенной мере условным, необходимым для более удобного их анализа.

Следует отметить, что в литературе методологического содержания существует значительная терминологическая разнородность, а иногда и путаница, при обозначении и описании процессов изменения системы. Приведем несколько примеров.

Известный специалист в области системного подхода Э.Г. Юдин считает, что система как саморазвивающееся целое «в процессе своего индивидуального развития проходит последовательные этапы усложнения и диффе-

ренциации» [240, с. 181]. М.И. Сетров в качестве основных процессов в развивающихся системах выделяет полимеризацию (возникновение однородных элементов и связей между ними), дифференциацию (изменение элементов структуры) и интеграцию (объединение, согласование дифференцированных элементов и связей объекта) [170].

В синергетике некоторые авторы также склонны рассматривать два противоположных процесса самоорганизации системы. Например, фундаментальный принцип поведения сложных систем, их восхождение ко все более сложным формам видится в периодическом чередовании тенденций дифференциации и интеграции [98].

В других работах для описания динамики системы используется целый веер похожих по смыслу полярных понятий, например, разбегание – сближение, распад – образование, ослабление связей – их усиление, отпадение от целого – включение в него и др.

Объем данной работы не позволяет провести тщательный анализ всех существующих подходов, точек зрения по поводу основных процессов изменения системы. Поэтому сразу приступим к тому, как обозначается данный вопрос в области психологии малой группы.

Первым, кто поставил данный вопрос, был К. Левин [115], выделивший три ступени в изменении малой группы: размораживание настоящего уровня, передвижение на новый уровень и замораживание жизни на новом уровне. Эти уровни он иллюстрирует на примере исследований принятия решения в условиях группы. Не сложно догадаться, что размораживание – это дезинтеграция, а замораживание – интеграция. Он рассматривал вопрос и о дифференциации динамического целого, которая предполагает выделение в этом целом центральных и периферических, внутренних и внешних слоев.

По мнению О.А. Ильина, развитие любой системы реализуется в процессах дифференциации-интеграции, приводящей к переходу структуры на более высокий уровень, что обеспечивает «живучесть» данной системы, качественно более совершенную форму ее адаптации к окружающей действительности [88].

А.Л. Журавлев обозначает механизм преобразования группы – интеграцию и дифференциацию, которые на каждой стадии развития группы имеют определенное соотношение при доминировании одного из них [80], [83]. Эти процессы происходят не одновременно, а последовательно – первичный синтез, дифференциация, интегрирование или вторичный синтез. Вначале ведущими являются процессы разделения деятельности и распределения ее между участниками (дифференциация), а затем преобладают интеграционные процессы: объединение, совмещение, сопряжение индивидуальных усилий в целостную совместную деятельность. Далее дифференциация и интеграция последовательно оказываются ведущими по степени участия коллектива в управленческой деятельности. Данные процессы возникают и при взаимодействии между малыми группами. Им делается общий вывод о гетерохронности процессов дифференциации и интеграции на внутри- и межгрупповом уровнях. На

процессы интеграции и дифференциации в изменении группы указываются А.И. Донцовым [72].

Можно сослаться на некоторые другие работы, в которых, не употребляя терминов «интеграция» и «дезинтеграция», авторы, так или иначе затрагивают проблему, охватываемую данными понятиями. Это касается моделей динамики группы в процессе решения групповой задачи [269], межличностных отношений [45]. Вопрос об интегративных и дезинтегративных процессах также затрагивается при изучении межгрупповой конкуренции [2].

Несмотря на наличие некоторых представлений о механизме изменения малой группы, требуется их уточнение и дальнейшее развитие.

Во-первых, в понятие «дезинтеграция» не следует вкладывать только отрицательный социально-психологический и эмоциональный смысл, так как дезинтеграция является неотъемлемым этапом качественного преобразования малой группы, о чем свидетельствуют многие работы.

Во-вторых, в литературе, как можно было заметить, используется понятие «дифференциация», а не «дезинтеграция». Это разные явления, которые не следует отождествлять.

Дифференциация означает сегментирование или определенную специализацию компонентов группы. Например, в литературе принято выделять дифференциацию в системе межличностных отношений (роль и статус личности в группе, референтный круг общения, лидерство) [146]. Наличие неформальных подгрупп также можно отнести к явлению дифференциации. Дифференциация проявляется не только внутри группы, но может относиться и к внешней сфере жизнедеятельности группы.

Дезинтеграция как механизм динамики также распространяется на внутреннюю и внешнюю активность группы. Однако внутренняя дезинтеграция предполагает нарушение социально-психологической структуры группы в целом, или связей между отдельными ее компонентами (подгруппы, «самостоятельные» члены), или отношений внутри отдельных подгрупп. Вследствие этого происходит ослабление интегративных феноменов, а также нарушение ранее существовавших целей, норм. Внешняя дезинтеграция предполагает нарушение взаимодействия группы с внешней средой (например, другой группой). Сущностью нарушений связей, взаимодействий является процессуальное расхождение противоположностей. (В противоречие расхождение противоположностей в основном осуществляется на индивидуально-когнитивном уровне.) Причем, что очень важно, дезинтеграция не означает исчезновения внутренних и внешних взаимодействий группы. Например, межличностный конфликт в группе означает усиление взаимоисключения конфликтующих сторон при наличии взаимодействий между ними, а часто, возрастании активности во взаимодействии. Хотя, естественно, в ряде случаев расхождение противоположностей может приводить к разрыву связей (например, распад подгруппы).

В-третьих, понятие «интеграция» можно рассматривать в двух значениях. С одной стороны, интеграция представляется как состояние группы, которое характеризуется «упорядоченностью внутригрупповых структур, согласованностью основных компонентов системы групповой активности, устойчивостью субординационных взаимосвязей между ними, стабильностью и преемственностью их функционирования и т.п. признаками, свидетельствующими о психологическом единстве, целостности социальной общности» [160, с. 140]. Данная позиция, безусловно оправданная, может иметь и некоторые ограничения. Например, фактически во всех более или менее многочисленных группах существуют неформальные подгруппы, что предполагает снижение интеграции группы. Кроме того, в каждый момент существования любой малой группы вряд ли возможно зафиксировать упорядоченность, согласованность ее компонентов, что к тому же противоречит идее динамики группы.

С другой стороны, интеграция должна рассматриваться как процесс, который в той или иной степени присущ как группе в целом, так и отдельным ее параметрам, их взаимосвязям. Необходимо подчеркнуть, что в микрогрупповой концепции по вопросу динамики группы основной акцент делается на интеграции и дезинтеграции как на фундаментальных процессах изменения группы, ее структурных компонентов и феноменов, а не как на состояниях группы.

В-четвертых, проявление процессов интеграции и дезинтеграции имеет многогранную природу, которая не может быть сведена только к их последовательному чередованию, как отмечают К. Левин, А.Л. Журавлев и другие авторы. Это объясняется полифункциональностью малой группы как системы. Можно сослаться на мнение А.И. Донцова, который говорит, что «интегративные процессы представляют, скорее всего, иерархически соподчиненную систему, внутренние взаимосвязи которой отнюдь не всегда прозрачны» [72, с. 110]. То же самое должно быть характерно для дезинтегративных процессов.

На самом деле сущностное решение вопроса о соотношении процессов интеграции и дезинтеграции должно корениться в понимания природы противоречия, в котором пребывают и из которого собственно «выходят» эти два процесса. Также как противоположности в самом противоречии не существуют друг без друга, точно также процессы интеграции и дезинтеграции не могут быть оторваны друг от друга, разведены в пространстве и времени. То, что они рассматриваются по отдельности друг от друга, должно являться своего рода абстракцией, необходимой для более четкого понимания их сути и роли. По большому счету эти процессы одновременны, протекают параллельно. Приведем частный пример. В психологии широко распространенно представление об амбивалентности, одновременном переживании человеком положительных (интеграция) и отрицательных (дезинтеграция) эмоциональных состояний, одновременном присутствии у него позитивных и негативных установок, которые сосуществуют друг с другом. Считается, что противоположные полюса

эмоционально окрашенных межличностных отношений, воспринимаемые на уровне обыденного сознания как противоположности, на самом деле являются более или менее независимыми или даже взаимодополняющими, т.е. закономерно сочетаются в эмоциональном отношении одного человека к другому.

В-пятых, процессы интеграции и дезинтеграции являются предельно исходными процессами в социальной среде. Они составляют своего рода стержни, вокруг которых «обрастают» конкретные по своему содержанию формы взаимодействия и самопроявления индивидов. Например, кооперация и конкуренция, сотрудничество и конфликт. Хорошо знакомые феномены сплоченности, совместимости, сработанности, референтности, адаптации, лидерства, социального влияния своим глубинным содержанием имеют именно эти два процесса. Поэтому обозначение сплоченности, идентификации и др. понятием «интегративные феномены» группы не является корректным. Та же сплоченность в разных группах или одной и той же группы в разные периоды ее жизнедеятельности в своей основе может иметь различное соотношение процессов интеграции и дезинтеграции.

Мы можем выделить следующие закономерности механизма изменения малой группы: а) интеграция и дезинтеграция могут проявляться как последовательно чередующиеся, так и одновременно, параллельно протекающие; б) процессы интеграции и дезинтеграции возникают как внутри группы, так и между группой и внешней средой; в) интегративное или дезинтегративное изменение одного параметра группы может вызывать соответствующее изменение другого параметра; г) усиление одного процесса в какой-то сфере внутригрупповой активности может вызывать проявление и усиление противоположного процесса в другой сфере активности; д) преобладание процесса интеграции (дезинтеграции) при отсутствии неблагоприятных (благоприятных) внутренних и внешних условий ведет к усилению соответствующего процесса [174].

В ранее проведенном нами пролонгированном исследовании [173] было показано, что характер проявления процессов интеграции и дезинтеграции варьирует в конкретных группах и группах различного типа (школьные классы и студенческие группы). Динамика неформальных подгрупп и «самостоятельных» членов (с точки зрения их включения в подгруппы) сопровождается процессами интеграции и дезинтеграции. Это проявляется в динамике сохранившихся, распавшихся и вновь образовавшихся микрогрупп, перехода членов группы из одних ее структурных компонентов в другие. Проявления сплоченности по межличностным выборам, ценностно-ориентационного единства, норм группы характеризуются процессами интеграции и дезинтеграции. В процессе функционирования малой группы изменение сплоченности по межличностным выборам чаще всего связано с процессами интеграции, изменение ценностно-ориентационного единства и норм группы выражается в равновесии интегративности и дезинтегративности. В подавляющем большинстве групп существуют разнообразные взаимосвязи между

содержанием динамики разных социально-психологических феноменов. Их содержание заключается в том, что интегративное или дезинтегративное изменение одного феномена группы связано с соответствующим или противоположным изменением другого.

Надо сказать, что постановка вопроса об анализе процессов интеграции и дезинтеграции групповых феноменов, например, как это было в приведенном исследовании, требует более тонкого подхода. Дело в том, что традиционно фиксируемые характеристики малой группы, такие как сплоченность во всех ее разновидностях, совместимость и сработанность, нормы, идентификация, референтность, конфликты, являются в определенном смысле условными, так как в процессе исследования мы получаем предельно усредненные их показатели. Поэтому необходимо внести некоторые коррективы в понимание механизма изменения группы.

Думается, что преобладающее значение в динамике малой группы имеют ее структурные компоненты – неформальные подгруппы как подсистемы и «самостоятельные» члены как элементы системы, а также связи между этими компонентами. Поэтому механизм динамики малой группы надо рассматривать по следующим взаимосвязанным пластам: а) интеграция и дезинтеграция между группой и внешней средой; б) интеграция и дезинтеграция между неформальными подгруппами, неформальными подгруппами и «самостоятельными» членами; соотношение этих двух процессов между данными структурными категориями на конкретный момент времени будет характеризовать общее социально-психологическое состояние малой группы; в) интеграция и дезинтеграция самих неформальных подгрупп с точки зрения их состава, внутренних связей и социально-психологических характеристик;

Все эти три пласта действия рассматриваемого механизма взаимосвязаны между собой и немыслимы в отрыве друг от друга.

В этом вопросе мы опираемся на общее положение микрогрупповой концепции о закономерностях изменения неформальной подгруппы в результате ее взаимодействия со своей группой (другими подгруппами, «самостоятельными» членами) и влияния взаимодействия группы с внешней средой на внутригрупповые процессы, социально-психологическую структуру. Эти закономерности описаны нами в рамках системного подхода (см. Принцип связи объекта с внешней средой), а поэтому нет смысла повторяться.

Таким образом, процессы интеграции и дезинтеграции проявляются одновременно по линии «между группой и внешней средой» – «между подгруппами» – «внутри подгрупп». Можно было бы добавить в эту цепь еще одно звено: «внутри личности», которое прямо не относится к области малых групп. Однако продуктивный анализ нарушений личности, что можно рассматривать как преобладание ее внутренней дезинтегративности, немыслим без учета выраженности данных процессов прилегающего звена (межличностная интеграция и дезинтеграция).

В-шестых, процессы интеграции и дезинтеграции могут захватывать всю социально-психологическую структуру группы, а могут иметь

локальный характер, могут протекать медленно, но могут развиваться в быстром режиме. Все зависит от нескольких взаимосвязанных факторов: а) от уровня обострения противоречий (внешних или внутренних) и меры их генерализации по всей группе; б) от внешних или внутренних событий, инициирующих перерастание противоречий в конфликт; в) от уровня развития и устойчивости подгрупп. Рассмотрим один условный пример.

В любой группе существуют те или иные противоречия. Они могут быть не выражены, а их субъектами могут быть некоторые подгруппы. То есть мы говорим, что противоречия, а следовательно дезинтегративные и интегративные процессы, локализованы на отдельных подгруппах. Обострение противоречий между подгруппами усиливает их внешнюю дезинтеграцию и внутреннюю интеграцию. Пока что эти процессы локальны и протекают медленно. Трансформация противоречия в конфликт (активно-негативное действие) вследствие какого-то события вызывает резкое нарастание внешней дезинтеграции и внутренней интеграции подгрупп. Вовлечение в этот конфликт других подгрупп и «самостоятельных» членов группы, с одной стороны, усиливает конфликт, дезинтеграцию и интеграцию, а с другой стороны, делает их уже не локальными, а общегрупповыми. В результате этого возникает предпосылка для парциальных или более общих изменений в социально-психологической структуре группы. В зависимости от направлений развития интегративных и дезинтегративных процессов, эффективности подгрупп, их слабых и сильных сторон будет определяться изменение структуры группы.

Такой общий подход к этому вопросу имеет много общего с некоторыми идеями синергетики. Ограничимся лишь аналогиями с моделью самоорганизации Г. Хакена.

Среди факторов, определяющих самоорганизацию системы, он выделяет состояние системы в данный момент времени, взаимосвязи между компонентами системы, управляющие параметры и случайные события [206]. Когда управляющий параметр (в качестве такового мы можем рассматривать противоречие) превышает критическое значение (противоречие перерастает в конфликт), то интенсифицируются процессы системы (процессы интеграции и дезинтеграции), прежнее состояние покоя становится неустойчивым, система внезапно переходит в новое макроскопическое состояние (новые взаимоотношения в группе).

Среди переменных самоорганизации системы тот же автор отмечает неустойчивость, параметры порядка, принцип подчинения. Система может совершать совершенно различные коллективные движения. Амплитуды некоторых параметров порядка (в качестве таковых надо рассматривать процессы интеграции и дезинтеграции), запущенных первоначально управляющими параметрами, имеют тенденцию к росту, тогда как другие параметры порядка со временем затухают. В одних случаях между параметрами порядка может возникнуть конкуренция, в результате чего побеждает только какой-то один из них, подавляющий все остальные, тогда как в других случаях параметры порядка могут сосуществовать. Следовательно, пространственно-временное

поведение системы управляется параметрами порядка [206]. Важно отметить то, что с точки зрения Г. Хакена параметры порядка не только «заботятся» о порядке (преобладание интеграции), но могут также представлять хаотические состояния или управлять ими (преобладание дезинтеграции) [207].

В заключение надо сделать несколько общих выводов.

Описание динамики малой группы посредством противоречий и непосредственно связанных с ними процессов интеграции и дезинтеграции имеет существенное преимущество. Оно заключается в сжатии информации, так как сутью структуры группы и всех феноменов являются эти процессы. С этой точки зрения мы фактически выходим на тот путь, в котором работает синергетика [206; 207]. Одно из ее преимуществ заключается именно в том, что число изучаемых параметров порядка намного меньше числа компонент системы.

Проявление процессов интеграции и дезинтеграции необходимо рассматривать в связи с противоречиями малой группы. Отсюда следует актуальность определения того, какие типы противоречий группы, каких ее структурных компонентов, при каком уровне их проявления вызывают те или иные закономерности процессов интеграции и дезинтеграции группы. В этом отношении важным моментом является рассмотрение роли не только отдельных противоречий, но их композиции.

Данный подход позволяет выделять и отрабатывать новые способы воздействия на малую группу, которые заключаются в управлении противоречиями, через это процессами интеграции и дезинтеграции, а следовательно, всей динамикой малой группы, и даже некоторыми индивидуальными характеристиками ее членов. Суть и возможности этого подхода к воздействию уже были продемонстрированы нами в естественном формирующем эксперименте [148].

ГЛАВА 6

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МАЛОЙ ГРУППЫ И НЕФОРМАЛЬНЫХ ПОДГРУПП

В зарубежной и отечественной психологии выделен и изучен широкий спектр социально-психологических характеристик и явлений малой группы. В рамках данной работы, естественно, не возможно рассмотреть их все. Ограничимся лишь некоторыми из них, теми, которые наиболее часто являлись предметом изучения. Причем, эту главу построим таким образом, что по каждой характеристике будем сначала кратко обозначать распространенные подходы к ее изучению, а затем определять позицию микрогрупповой концепции. Среди распространенных подходов приоритет будет отдаваться теориям, рассмотренным в третьей части книги.

6.1. Интегративные характеристики

Сплоченность

Понятие групповой сплоченности является важным теоретическим конструктом для понимания поведения различных типов групп. Ее изучение началось в зарубежной социальной психологии во второй половине 1940-х гг., она являлась одной из приоритетных проблем на протяжении 1950-60-х гг. Это было связано с тем, что сплоченность рассматривалась как ведущий фактор, необходимое условие стабильного функционирования и продуктивности деятельности малой группы. Однако в дальнейшем интерес по этой теме значительно упал. Так, количество публикаций по ней в 1970-80-х гг. занимало 18-ю позицию (22 работы в среднем в год) из 24 тем в разделе «групповая структура и процессы» [249]. В отечественной социальной психологии с 1985 по 2002 гг. в журналах «Вопросы психологии» и «Психологический журнал» было опубликовано шесть статей, в которых косвенным образом (за исключением одной) затрагивались те или иные интегративные явления. Такое состояние дел на данный момент может свидетельствовать о том, что возможные концептуальные и прикладные потенциалы изучения групповой сплоченности исчерпаны как в зарубежной, так и в отечественной социальной психологии. Хочется надеяться, что это не так и что предлагаемая микрогрупповая концепция может послужить новым импульсом к изучению данной проблематики.

Прежде чем обозначить суть понимания и изучения сплоченности малой группы с позиции данной концепции, необходимо очень кратко обрисовать то, как понимается сплоченность в рамках ряда теорий и какие существуют общие подходы в ее прикладном исследовании.

В социометрической теории Я. Морено основой сплоченности группы являются теле, представляющие собой структурные составляющие социального атома [129]. Теле побуждает индивидов создавать позитивные или негативные отношения. Понятно, что преобладание первого типа отношений будет определять более высокую сплоченность группы. Наиболее ценным и живучим капиталом из данной теории Я. Морено оказалась разработанная им исследовательская процедура, которая впоследствии усилиями многих специалистов была доведена до совершенства.

В соответствии с теорией взаимозависимости Г. Келли и Д. Тибо [93], хотя в ней прямо речь не шла о сплоченности, а объектом изучения являлись всего лишь диады, сплоченность должна пониматься исходя из обмена вознаграждениями и издержками, а следовательно, из соотношения выигрышей и потерь членов группы. Сплоченность будет повышаться по мере того, как выигрыши большинства членов группы будут все сильнее превосходить их потери.

В теории социального сравнения Д. Фестингера [189] ключевым моментом, определяющим сплоченность группы, является сходство членов группы, устанавливаемое на основе процессов межличностного социального сравнения. Благодаря такому сходству возникает привлекательность похо-

жих на себя других. Отсюда следует, что чем больше количество людей оценивают себя как сходных с большим количеством других членов группы, тем выше будет сплоченность группы.

В теориях социальной идентичности [190; 267; 268] и самокатегоризации [190; 270] механизмом формирования психологического единства группы и ее сплоченности являются когнитивные процессы категоризации и идентификации. Так, Д. Тернер отмечает, что с точки зрения теории самокатегоризации групповая сплоченность является результатом влияния сходства, воспринимаемого всеми членами группы, между их «Я» и другими членами группы, сходства, возникшего вследствие образования определенной социальной категории, включающей всех членов группы. Принципиальная мысль заключается в том, что сплоченность является следствием идентичности, а не наоборот. Таким образом, сплоченность группы будет тем выше, чем меньше будет субъективно воспринимаемая разница между ее членами и больше разница между ними и представителями других групп (принцип метаконтраста).

В теории ДОМО был предложен иной, по сравнению с зарубежными работами, подход к анализу данного феномена на основе двух ключевых позиций [159]. Во-первых, сплоченность рассматривается с точки зрения иерархизации групповых процессов по отношению к целям и содержанию совместной деятельности в процессе ее освоения. Во-вторых, сплоченность – иерархически организованная система интегративных процессов, которые не являются чем-то искусственно привнесенным в группу, а представляют собой порождение и отражение устойчивого воспроизводства структуры внутригрупповой активности.

В диффузной группе, не имеющей иерархического структурирования процессов, доминируют относительно непосредственные эмоциональные межличностные отношения. В данном случае речь может идти лишь о так называемой эмоциональной сплоченности и могут использоваться такие исследовательские процедуры, как, например, социометрический тест. В группе высокого уровня развития существует иерархизация процессов, и эмоциональная сплоченность уже не имеет ведущего значения, хотя не исключается из анализа. Более принципиальной представляется сплоченность на уровне страты межличностных отношений, опосредованных содержанием совместной деятельности и принятыми в группе нормами и ценностями. Относительно таких отношений было выделено несколько феноменов, среди которых ценностно-ориентационное единство (ЦОЕ) [159] и предметно-ценностное единство (ПЦЕ) [71] как аспекты групповой сплоченности. В основу этих форм сплоченности легла идея Т. Ньюкома о согласии как о сходстве ориентаций людей по отношению к чему-нибудь и центральная идея теории ДОМО о ведущей роли совместной деятельности во внутригрупповых процессах.

ЦОЕ понимается как сходство мнений, позиций, установок членов группы по отношению к объектам наиболее значимым для группы в целом. Был разработан ряд процедур оценки ЦОЕ, когда в качестве объекта рассматривались представления членов группы о важных качествах руководителя

[235], качества работников, наиболее значимые для совместной работы [41], значимые аспекты их производственной деятельности или досуга [212], представления о сугубо этических категориях поведения [38]. Эмпирические показатели ЦОЕ, хотя и характеризуют одну и ту же страту внутригрупповой активности, все же не однозначны. Например, представления членов группы о важных качествах руководителя в большей степени детерминированы совместной деятельностью, нежели представления об этических категориях поведения. По мнению А.И. Донцова, в этих работах до конца не была решена проблема нормативно-ценностной регуляции коллективной деятельности, а кроме того, фиксировался лишь собственно ценностный аспект, но не принимался во внимание активно деятельностный [71]. Поэтому им была предложена другая форма сплоченности: предметно-ценностное единство – «акт опосредования индивидуальных деятельностей единым социально ценным содержанием совместной деятельности» [71, с. 117]. Оно не может быть случайным совпадением индивидуальных ценностных устремлений, так как закономерно порождается самой социально обусловленной совместной деятельностью.

В параметрической теории Л.И. Уманского [200] интегративность (сплоченность) конкретных групп может проявляться через те или иные параметры «личностного» блока (и наполняться соответствующим содержанием), которые характеризуют разные аспекты единства членов группы: интеллектуальная, эмоциональная и волевая коммуникативность.

В отечественной социальной психологии существуют работы, связанные с систематизацией понимания природы сплоченности и подходов к ее изучению. Так, А.И. Донцов выделяет три направления исследования сплоченности малой группы в зависимости от концентрации внимания на том или ином групповом процессе: а) приоритет отдается эмоциональным элементам межличностных отношений; б) акцент делается на изучении когнитивно-оценочных аспектов внутригрупповой активности; в) рассматривается оптимальное внутригрупповое взаимодействие, связанное с решением групповой задачи [71]. Р.Л. Кричевский и Е.М. Дубовская выделили аспекты сплоченности как межличностной аттракции, мотивации группового членства, ценностно-ориентационного единства [111]. Эти две типологии исследовательских направлений во многом пересекаются между собой.

В отечественной литературе также дается обзор исследований, связанных с изучением факторов, определяющих сплоченность, ее последствия, указывается на нелинейность связи между групповой сплоченностью и продуктивностью, наличие между ними промежуточных переменных и др. [71; 109; 111; 159].

В соответствие с концептуальными различиями существуют и разные, часто противоположные мнения относительно того, как операционализировать и измерить групповую сплоченностью. Имеется широкий спектр измерительных процедур сплоченности, некоторые из которых собраны воедино и представлены в ряде работ [19; 126; 203]. Насчитывается не менее 15 различных показателей, которые могут быть получены на основе социометриче-

ского опроса (статус, экспансивность, удовлетворенность, сплоченность и др.) [19]. Следует обратить внимание и на то, что в зарубежной социальной психологии широко используется факторный анализ для изучения сплоченности, обсуждаются перспективы и ограничения его использования в этой области [247].

Сделав краткий экскурс в существующие подходы к пониманию и изучению сплоченности, надо отметить, что в них сплоченность рассматривается с точки зрения либо связи каждого члена группы со всеми остальными, либо с позиции связи индивида с малой группой в целом. Различия заключаются в том, на каком уровне рассматривается сплоченность – эмоциональном, когнитивном или поведенческом, каков механизм образования сплоченности (например, сравнение, идентификация или усвоение совместной деятельности). Ни в одном из них фактически не ставился вопрос об анализе сплоченности малой группы с учетом существующих в ней неформальных подгрупп. А ведь были исследования, которые наводили на эту мысль, но, к сожалению, оставшиеся без должного внимания.

Например, была установлена связь между численным составом группы и ЦОЕ, которая выражается в следующем: чем больше численность группы, тем ниже уровень ЦОЕ [235]. Это же касалось и сплоченности по межличностным выборам, определяемой посредством социометрического метода. Что стояло за этой связью, осталось без ответа. Вероятно, что с увеличением численности группы возрастало и количество относительно автономных подгрупп и, как следствие, снижалась сплоченность всей группы. Другой пример. А.В. Петровский и В.В. Шпалинский указывают, что коэффициенты сплоченности, полученные при подсчете взаимных выборов с помощью социометрической процедуры, теоретически могут находиться в интервале от 0 до 1, но реально колеблются в пределах 0.1-0.2. «Нам не известны случаи, когда бы приводился коэффициент групповой сплоченности выше 0.3-0.4», – пишут они [135, с. 51]. Возникает вопрос о том, чем же обусловлены такие низкие показатели, которые к тому же не позволяют должным образом дифференцировать большое количество малых групп по уровню их сплоченности. Думается, что игнорирование факта существования микрогрупп не позволяло адекватно ответить на данный вопрос и преодолеть существующие ограничения как концептуального, так и методического порядка. Третий пример, прямо подводящий нас к более правильному решению проблемы сплоченности: в исследовании В.И. Парохина, посвященному изучению экипажей морских судов дальнего плавания еще в начале 1970-х гг. были выявлены неформальные подгруппы и установлено, что их сплоченность значительно выше и стабильнее, чем сплоченность группы в целом [144]. Такой результат нес в себе элементы принципиально нового подхода к пониманию сплоченности группы.

Теперь перейдем к непосредственному изложению точки зрения микрогрупповой концепции по проблеме сплоченности.

1. Сплоченность малой группы, определяемая традиционными методами, намного ниже, чем сплоченность отдельных неформальных подгрупп,

измеряемая теми же методами [53]. Такая постановка вопроса касается большинства измерительных процедур, в том числе, социометрического метода в разных его модификациях и методик определения ЦОЕ. Это положение по сплоченности определяется более общим положением микрогрупповой концепции: интегративные характеристики подгрупп несравненно сильнее, а дезинтегративные – значительно слабее выражены, чем такие же характеристики малой группы в целом.

В существующих подходах диагностики сплоченности малой группы без учета неформальных подгрупп дается предельно усредненная ее характеристика, которая на самом деле является малоинформативной. В частности, В.А. Богданов относительно различных социометрических индексов сплоченности отмечает, что они «основаны на усреднении числа выборов, полученных или отданных каждым участником группы, и весьма опосредованно характеризуют структуру группы в целом» [32, с. 64]. Следовательно, традиционный подход к оценке сплоченности будет приводить к теоретическим ошибкам, когда проводится экспериментальное исследование с целью проверки гипотез, и к практическим ошибкам, когда осуществляется работа с конкретной группой с целью оптимизации ее функционирования, деятельности. Исключение составляют лишь те случаи, когда в группе нет подгрупп.

Чтобы не быть голословным, проведем несложный расчет сплоченности по межличностным взаимным выборам. В литературе часто встречается простой алгоритм расчета на основе соотношения количества взаимных выборов к теоретически возможному ($C= {}^{2}\sum(\sum A_{ij}) / N(N-1)$). Им и воспользуемся. Предположим, группа состоит из 15 человек, и мы получаем индекс равный 0.11. Исходя из приводившейся ссылки на А.В. Петровского и В.В. Шпалинского о том, в каких пределах обычно варьируют показатели сплоченности, можно говорить о тенденции к низкому уровню сплоченности нашей рассматриваемой абстрактной группы. А теперь возьмем и вникнем в структуру группы. Предположим, что в ней существуют четыре подгруппы, в каждой из которых по три члена. Внутри каждой подгруппы существуют все возможные взаимные выборы, т.е. каждый выбрал двух остальных. Если использовать тот же самый метод расчета, но применительно к каждой подгруппе, то мы получаем показатели равные 1. Кроме того, три человека не включены ни в одну подгруппу и каждый из них также сделал по два выбора. Таким образом получается, что показатель сплоченности по всей группе составляет 0.11 (это действительно проводившийся расчет), т.е. является низким, тогда как показатель сплоченности каждой подгруппы равен 1, т.е. максимально высокий.

2. Если в группе есть неформальные подгруппы, что является очень распространенным явлением, то феномен сплоченности группы: а) либо теряет свой смысл и не подлежит анализу, а предметом изучения становится сплоченность подгрупп; б) либо должен оцениваться с точки зрения активности подгрупп и не включенных в них членов, взаимоотношений между ними. В последнем случае методическая процедура оценки сплоченности должна учитывать ряд переменных, таких как количество подгрупп и «самостоятель-

ных» членов, а также характер взаимодействий между всеми ними. Взаимодействие можно рассматривать фактически во всех тех аспектах, которые применялись к анализу сплоченности с точки зрения взаимосвязи между отдельными людьми.

Покажем на искусственном примере, к каким грубейшим ошибкам может приводить игнорирование наличия подгрупп при анализе сплоченности группы. Для большей наглядности и простоты воспользуемся, как и в предыдущем случае, расчетом сплоченности по межличностным взаимным выборам.

Предположим, группа состоит из 15 человек, и мы получаем индекс равный 0.17. Если принять во внимание уже отмечавшийся интервал показателей (0.1–0.2) как своего рода нормативные данные, то можно сказать, что данная условная группа имеет средне-высокую сплоченность. Так ли это на самом деле? Проанализируем структуру группу. Оказывается, что в ней три подгруппы, в каждой из которых по четыре человека. В каждой подгруппе наблюдаются все возможные взаимные выборы, т.е. каждый выбрал трех остальных. Это означает, что сплоченность каждой из них равна 1, т.е. является максимально высокой. Три члена группы оказались не включенными ни в одну из этих трех подгрупп, каждый из них также сделал по три выбора, но между ними не было взаимных выборов. И если мы получили средне-высокую сплоченность группы в целом (действительно проводился расчет с учетом указанного расклада по подгруппам и «самостоятельным» членам), то только за счет взаимных выборов внутри каждой подгруппы по отдельности. Можно ли в таком случае говорить о тенденции к высокой сплоченности группы? Трудно сказать. А теперь самый важный момент. Предположим, что между всеми этими тремя подгруппами существуют конфликтные отношения. В этом случае ни о какой сплоченности группы не может идти и речи. Оказывается, что именно этот существенный момент, связанный с наличием микрогрупп и характером отношений между ними, абсолютно не принимался во внимание.

С методической точки зрения достаточно сложно определять сплоченность малой группы, учитывая наличие в ней микрогрупп, хотя бы потому, что сам факт существования достаточно автономных подгрупп подразумевает не высокий уровень интегративных связей между ними. Тем не менее попробуем наметить возможные направления такой работы.

Например, в литературе обнаружен подход, связанный с использованием теории графов в социометрической процедуре. В рамках его предлагается определять сплоченность группы по следующей формуле:

$$I = \frac{(N-q)n}{N^2} \quad (1)$$

где N - число членов группы; n – количество членов в максимальной по численности подгруппе; q – число необходимых мостов [32].

Если первые две переменные понятны и не требуют пояснений, то очень кратко необходимо обозначить понятие «мосты». Если перевести его в термины, которыми мы оперируем при анализе группы и подгрупп, то можно

сказать, что это связи, которые необходимы, чтобы соединить подгруппы в одно связное целое. Максимальное количество мостов не может превышать количество подгрупп, если мы говорим об их циклической связности, но может быть и меньше их. Например, в случае выделения одной подгруппы при наличии ряда «самостоятельных» членов и в случае разделения всех членов группы на две подгруппы требуется ровно два моста для преобразования группы во вполне связную единицу. Показатель сплоченности группы, определяемый по данной формуле, может теоретически колебаться от 0 до 1 и будет повышаться с увеличением численности самой большой подгруппы, а также с уменьшением числа мостов, которые в определенных случаях отражают количество подгрупп. Однако количество мостов может быть меньше количества подгрупп в группе, если уже существует одна или несколько однонаправленных (односторонних) связей между представителями разных подгрупп. Недостатком такой процедуры расчета сплоченности группы является игнорирование: а) меры связи (количественной) между подгруппами, а также подгруппами и «самостоятельными» членами; б) содержательной, социально-психологической связи между подгруппами, а также подгруппами и «самостоятельными» членами.

Надо сказать, что ранее нами не ставилась специальная задача разработки алгоритма определения сплоченности группы с учетом неформальных подгрупп (первоначально вообще возникало сомнение в целесообразности изучения сплоченности всей группы, поскольку в ней есть подгруппы), поэтому в эмпирическом исследовании такой показатель сплоченности, естественно, не фигурировал.

Предлагаемая сейчас общая идея является лишь возможной версией, требующей детализации и апробации. Суть ее в том, чтобы формализованная методика включала в себя, во-первых, процедуру выделения подгрупп (это решаемая задача), а во-вторых, специальную процедуру, позволяющую произвести оценку отношения между подгруппами (или лидерами подгрупп), например, с точки зрения антипатии / индифферентности, сотрудничества / конкуренции, конфликта. Естественно, ожидать выраженных симпатий или тесного сотрудничества между подгруппами не приходится, иначе просто не было бы разделения людей на эти относительно автономные подгруппы. Вопрос заключается в том, надо ли еще включать в анализ отношения между подгруппами и «самостоятельными» членами, между самими «самостоятельными» членами и как тогда производить общий расчет сплоченности группы.

3. Имеется связь между сплоченностью, границами неформальных подгрупп, сплоченностью малой группы и особенностями взаимодействия группы с внешней средой, условий ее жизнедеятельности.

Закономерности этой связи подчиняются общим закономерностям: интенсификация взаимодействия с внешней средой вызывает усиление общегрупповых границ и одновременно открытости неформальных подгрупп, ослабление их границ (усиление интеграции группы в целом и ослабление интеграции внутри подгрупп), а ограничение контактов с внешней средой

определяет интенсификацию взаимодействия между всеми структурными компонентами группы и закрытость неформальных подгрупп (дезинтеграцию группы в целом и усиление интеграции внутри подгрупп).

Возьмем случай, когда группа вступает в интенсивное взаимодействие с внешней средой, в частности с другой группой. Такое взаимодействие требует усиление активности группы, направленной на объект взаимодействия (внешние условия жизнедеятельности). Чтобы общегрупповая активность была эффективной, с одной стороны, необходимо управляющее звено, объединяющее вокруг себя всех членов группы и делающее их активность однонаправленной, а с другой стороны, границы подгрупп должны быть открытыми. Консолидация членов группы возможна вокруг одного лица или, что более перспективно, вокруг лидирующей подгруппы, которая сама сплачивается сильнее. Открытость микрогрупповых границ достигается за счет размывания этих границ и усиления интегративных связей, выходящих за пределы своей подгруппы, т.е. связей с членами других подгрупп и «самостоятельными» членами. Это фактически выражается в снижении сплоченности подгрупп в контексте всей группы.

Следовательно, общая реакция малой группы на интенсификацию взаимодействия с внешней средой заключается в усиление общегрупповых границ, сплоченности группы в целом в значительной мере благодаря ослаблению микрогрупповых границ.

Здесь нельзя не согласиться с Г. Тэджфелом по поводу усиления социальной идентичности людей со своей группой в условиях межгруппового взаимодействия, приводящей к повышению их сплоченности [267; 268]. Никто не будет отрицать роли идентификации в проявлении данного феномена. Однако хотелось бы сделать некоторое уточнение. То, что люди категоризируют друг друга как представителей одной группы, идентифицируют себя с ней и противопоставляют себя другой группе, само по себе вряд ли может являться единственным условием сплочения. Отсутствие организующего субъекта, будь то подгруппа или отдельная личность, проявится в меньшей эффективности процесса сплочения, а действие внешних возмущающих факторов с большей вероятностью будет инициировать дестабилизацию группы. Представим себе группу без такого субъекта, которая состоит из массы разрозненных подгрупп и «самостоятельны» членов. Процесс единения в ней будет стихийным, неупорядоченным, а часто и незавершенным.

Если продолжающийся процесс интенсивного взаимодействия группы с внешней средой оказывается регулярно неэффективным, то активность группы будет перенаправленной во внутрь себя. Эта активность приводит к изменениям в самой группе: усилению границ, внутренней сплоченности подгрупп или изменению структурных компонентов (распад одних подгрупп и образование новых) одновременно с образованием противостояния между ними. То есть происходит снижение сплоченности малой группы в целом прежде всего из-за усиления микрогрупповых границ, их сплоченности и дезинтегративности в отношениях между подгруппами.

При ограничении контактов малой группы с внешней средой, вся активность группы будет направлена во внутрь себя. В этой ситуации проявится такая же тенденция, что и в предыдущем случае: выраженность границ и внутренней сплоченности подгрупп, негативность во взаимоотношениях между структурными компонентами группы, а следовательно низкая сплоченность группы в целом.

Совместимость, сработанность

В качестве разновидностей сплоченности группы рассматривают совместимость и сработанность. В отечественной социальной психологии они наиболее активно изучались Ф.Д. Горбовым, М.А. Новиковым, Н.Н. Обозовым, В.А. Терехиным, А.С. Чернышевым, А.Л. Журавлевым, а также их коллегами и учениками. Как правило, исследования проводились посредством лабораторного эксперимента с применением аппаратурных методик (гомеостат, кибернометр, сенсомоторный интегратор, пантограф).

Кратко рассмотрим суть данных феноменов в представлении Н.Н. Обозова [137]. Совместимость определяется им как «эффект сочетания и взаимодействия индивидов, который характеризуется максимальной субъективной удовлетворенностью партнеров друг другом при значительных (выше среднего) эмоционально-энергетических затратах» [137, с. 103].

Люди совместимы, если ситуативно неделимы и автономны, характеризуются единством. Через действие «быть вместе» или «избегать друг друга» выражается целостность общности людей. Следовательно, внешний поведенческий параметр «приближение – избегание» является важнейшей характеристикой «совместимости – несовместимости» людей. Совместимость или несовместимость можно рассматривать через симпатии-антипатии, если они устойчиво проявляются во времени и в разных ситуациях.

Процесс совместимости – это согласование поведения, эмоциональных переживаний и взаимопонимания. При совместимости взаимная удовлетворенность взаимодействием не опосредуется деятельностью.

В отличие от совместимости сработанность представляет собой «эффект сочетания и взаимодействия индивидов, который характеризуется максимально возможной продуктивностью (в совместной работе) при минимальных эмоционально-энергетических затратах (на деятельность и взаимодействие) на фоне достаточной субъективной удовлетворенности (ближе к средней)» [137, с. 103]. Срабатываемость всегда опосредована предметом совместной деятельности, и важным ее моментом является согласование индивидуальных действий по поводу этого предмета, особенно, в момент принятия решения. Согласие определяется как единомыслие, общность точек зрения, единодушие.

Признаки отличия совместимости и сработанности: а) условия взаимодействия – совместимость проявляется в неформальной сфере активности группы и связана с удовлетворением потребности в общении, а сработанность соотносится с решением деловых задач в формальной сфере; б) значимость определенных параметров внутригрупповой активности – в совмести-

мости на первый план выдвигается субъективная удовлетворенность партнеров, а в сработанности – успешность совместной деятельности; в) степень эмоционально-энергетических затрат при решении задач – в аспекте совместимости они значительно более высокие, чем в явлении сработанности; г) удельный вес того или иного компонента взаимодействия – для совместимости большее значение имеет эмоциональный компонент, тогда как для сработанности – поведенческий, а также эмоциональный компонент (когнитивный компонент «включает» эмоциональный и поведенческий процессы).

Явления совместимости и сработанности являются относительно изолированными явлениями. В реальной общности людей они могут проявляться одновременно, или же будет наблюдаться только одно из них или вообще они одновременно будут отсутствовать. Например, люди могут не испытывать друг к другу симпатий, относиться индифферентно, что означает отсутствие совместимости, но в то же время могут демонстрировать высокий уровень сработанности.

Совместимость и сработанность могут проявляться на нескольких уровнях: физиологическом, психофизиологическом, психологическом и социально-психологическом. Есть и другие подходы к пониманию уровней, аспектов, измерений совместимости. Например, потребностная и поведенческая, инструментальная (деловая) и экспрессивная (эмоциональная) совместимость. Применительно к спортивным командам выделено четыре измерения совместимости: совместимость как сыгранность, сработанность партнеров, операционально-ролевая совместимость, совместимость в личностных чертах, а также в игровом общении [111].

Необходимо отметить несколько особенностей большинства исследований совместимости и сработанности. Данные феномены рассматривались применительно к малой группе в целом. При этом практически не учитывалось наличие в группе (формальной или неформальной) микрогрупп, а значит, не ставилась проблема анализа совместимости и сработанности с учетом этих микрогрупп. Если когда и отмечалось возникновение подгрупп в процессе проведения эксперимента, то лишь на уровне констатации факта. Например, изучая с помощью аппаратурных методик организованность группы (на примере учащихся), А.С. Чернышев и А.С. Крикунов наблюдали в низкоорганизованных группах возникновение подгрупп и рассогласованность действий всей группы в случае серьезной ошибки или конфликта. Такие подгруппы формировались стихийно и между ними устанавливались конкурирующие отношения. В высокорганизованных группах отмечено, правда один раз, успешное сотрудничество микрогрупп [221]. В целом же обозначенная ситуация вполне понятна, так как конечная цель исследований состояла в поиске факторов оптимизации совместимости и сработанности всех без исключения членов группы.

В качестве объекта изучения обычно выступали малые по численности группы (семья, экипаж самолета, команда гребцов и др.). Так, в лабораторных экспериментах их количественный состав колебался от двух до девяти человек, что обусловлено ограниченностью «посадочных мест» в аппаратур-

ных методиках. Если к исследованию привлекались более многочисленные группы, то в усеченном по численности составе. Если рассматривать диады, которые, кстати, довольно часто являлись объектом изучения, то по объективным причинам в них не могут возникать никакие подгруппы.

В лабораторных экспериментах с аппаратурными методиками чаще всего моделировалась психофизиологическая совместимость и сработанность (например, сенсомоторная). Основное значение в сработанности отводилось скорости и точности совместной работы, а в совместимости – физиологическим показателям и самооценке субъективных состояний. В экспериментах без аппаратуры чаще ставились перцептивно-мыслительные задачи, решение которых также требовало скорости и качества совместных действий. Если говорить о сработанности, то можно сказать, что в искусственных условиях моделировались лишь ограниченные виды совместной деятельности, предполагающие высокий уровень согласованности перцептивных и двигательных индивидуальных действий. Однако существует большое количество групп, в которых продуктивность совместной деятельности определяется иным уровнем сработанности – социально-психологическим. Имеется также большое количество групп, деятельность которых не имеет высокой степени совместности, но, тем не менее, в ней возникают ситуации, требующие согласованности действий людей не на сенсорно-моторном уровне (например, учебные группы).

Придерживаясь вышеуказанного понимания совместимости и сработанности, можно обозначить специфику их анализа с позиции микрогрупповой концепции. Во-первых, совместимость и сработанность по определенным видам деятельности членов подгруппы будет значительно выше, чем по группе в целом. Это положение определяется более общим положением микрогрупповой концепции: интегративные характеристики подгрупп несравненно сильнее, а дезинтегративные – значительно слабее выражены, чем такие же характеристики малой группы в целом.

Во-вторых, совместимость на психологическом и социально-психологическом уровнях (а возможно, и на психофизиологическом) значительно чаще проявляется внутри подгрупп, чем между представителями разных подгрупп, или представителями подгрупп и «самостоятельными» членами, или среди «самостоятельных» членов.

Данная закономерность определяется общностью целей и интересов, или взаимоудовлетворением социальных потребностей, или взаимосимпатиями членов подгруппы, которые слабо выражены или вообще отсутствуют между членами разным подгрупп, «самостоятельными» членами.

Сработанность на социально-психологическом уровне (а возможно, и на психологическом) значительно чаще проявляется внутри подгрупп, чем между представителями разных подгрупп, или представителями подгрупп и «самостоятельными» членами, или среди «самостоятельных» членов.

Такая тенденция связана с наличием у членов подгруппы: а) большего опыта взаимодействия и больших знаний друг о друге по сравнению с други-

ми членами группы; б) большей общности точек зрения, единодушия; в) взаимозависимости; г) готовности оказания поддержки, помощи.

В случае высокого уровня совместности деятельности, предполагающей высокую согласованность моторных или интеллектуальных действий, дефицита средств и времени, указанная закономерность скорее не будет проявляться. Наоборот, члены подгруппы, находящиеся в достаточно близких отношениях друг с другом, могут сильнее отвлекаться и осуществлять менее согласованные действия, чем, скажем, взаимодействуя с представителями других подгрупп. Это определяется тем, что между членами одной подгруппы допустима большая свобода действий, «экспериментирование», меньшее опасение совершить ошибку и изменить в худшую сторону впечатление других о себе, по сравнению с взаимодействием между представителями разных подгрупп.

В-третьих, совместимость и сработанность будет сильнее выражена в подгруппах с более высоким уровнем сплоченности, идентификации и референтности. Для сработанности принципиальное значение имеет еще и наличие среди мотивов объединения людей в подгруппу такого, который связан с целевой функцией группы.

В-четвертых, если в малой группе есть неформальные подгруппы и существует необходимость анализа сработанности группы в целом, то в данном случае надо принимать во внимание не столько сработанность отдельных членов, сколько подгрупп. Такой подход адекватен только тогда, когда речь идет о сработанности на социально-психологическом (возможно, и на психологическом), но не психофизиологическом уровне. Приведем пример, когда Р.Б. Гительмахер [51], изучая производственные первичные группы, установил связь между типом неформальных подгрупп по их отношению (положительному, отрицательному, нейтральному, ситуативному) к непосредственному руководителю и сработанностью подгрупп. Так, наибольшей степенью сработанности обладают полюсные подгруппы – положительные-положительные и отрицательные-отрицательные, меньшей степенью характеризуются нейтральные, и еще меньшей – ситуативные подгруппы. В данном исследовании речь шла именно о социально-психологической сработанности.

Идентификация

В работе Р.Фиша, Х.Даниэля и Д.Бэка по анализу динамики исследования тематик в области малых групп идентификация не выделена как самостоятельная тема [249]. Вполне возможно, что она была включена ими в рамки каких-то иных тем, например, в кооперацию или образование коалиций. Более вероятно, что данное явление рассматривалось в разделе межгрупповых исследований, так как очень большая их часть связана с теорией социальной идентичности. Обзор публикаций в журналах «Вопросы психологии» и «Психологический журнал», изданных с 1985 г. по 2002 г., позволил выявить одну статью по идентификации применительно к малой группе, которая затрагивала социальную идентичность в контексте межгруппового взаимодействия.

Если ограничить рассмотрение идентификации лишь областью малой группы, то можно выделить два основных направления ее изучения: идентификация между членами группы и идентификация личности с группой.

Идентификация между членами малой группы (межличностная идентификация) чаще рассматривается в плоскости парных отношений, т.е. на уровне «индивид-индивид». Здесь можно выделить несколько исследовательских срезов. Во-первых, затрагиваются взаимосвязанные вопросы о природе, функциях и механизме идентификации, которые решается по-разному, часто в зависимости от теоретической ориентации авторов. Во-вторых, обозначаются аспекты, компоненты идентификации, например, когнитивный, эмоциональный, поведенческий. В-третьих, поднимается вопрос об уровнях идентификации по ее глубине. В-четвертых, предпринимаются попытки обозначить факторы, влияющие на идентификацию. В-пятых, значительное внимание уделяется идентификации члена группы с лидером, что представляет собой частный случай парной идентификации.

Значительно реже межличностная идентификация рассматривалась в плоскости всей группы. В этом отношении, конечно же, надо обратиться к теории ДОМО. В ней был выделен и изучен так называемый феномен действенной групповой эмоциональной идентификации (ДГЭИ). Он понимается как «интерперсональное отождествление, в котором фрустрирование, а следовательно, переживание одного из членов группы даны другим как мотивы поведения, организующие их собственную деятельность, направленную одновременно на осуществление групповой цели и на блокирование действий фрустратора» [159, с. 74]. В лабораторных экспериментах было установлено, что данный феномен чаще проявляется в группах высокого уровня развития и слабо выражен или вовсе отсутствует в диффузных группах и группах правонарушителей.

Если обратиться к исследованиям парной идентификации, то очевидно, что в них объективно не могли приниматься во внимание неформальные подгруппы. Что касается теории ДОМО, то в дальнейшем будут высказаны некоторые соображения относительно исследовавшегося в ней феномена ДГЭИ. В частности, будет говориться о том, что в достаточно многочисленной группе, независимо от уровня ее развития, сложно представить себе одинаковый уровень идентификации каждого человека со всеми остальными, так как дифференцированные межличностные отношения объективно ограничены небольшим кругом лиц. Поэтому необходимо рассматривать идентификацию с позиции существующих в малой группе неформальных подгрупп и не включенных в них членов.

Фактически отсутствуют исследования, которые бы фокусировались на проблеме идентификации в отмеченном ракурсе. Например, можно сослаться на работу [251], в которой автор с позиции психоанализа отмечает, что неосознанные признания членами подгруппы сходства в их ранних объектных отношениях дает основание для взаимных идентификаций и близких взаимоотношений. Вследствие этого возникают тесные связи и усиливается непроницаемость границ подгруппы, которая расценивается автором как

неблагоприятный фактор для членов самой подгруппы и группы в целом. Если же неосознанные конфликты и мотивы членов группы были бы осознаны всей группой, то тем самым бы ослабли границы подгруппы, а взаимные идентификации всех членов группы служили бы дополнительной сцепляющей силой во всей группе. Надо сказать, что такой подход рассматривался прежде всего по отношению к специфическим группам – психотерапевтическим.

Второе крупное направление, относящееся к изучению идентификации личности с малой группой, было «открыто» в теории социальной идентичности и получило свое дальнейшее развитие в теории самокатегоризации. Общая и основная идея этих теорий заключается в том, что в условиях актуализации задачи причисления себя к определенной социальной группе или межгруппового взаимодействия проявляется идентификация человека с группой как ее представителя на основе межгруппового сравнения и категоризации. Нет необходимости сейчас заострять внимание на всех ключевых идеях данных теорий, так как в седьмой главе они будут рассматриваться с позиции наличия в малой группе неформальных подгрупп и «самостоятельных» членов. Ограничимся лишь двумя вопросами, которые наиболее существенны для более четкого осмысления позиции микрогрупповой концепции по проблеме идентификации.

Первый из них связан с соотношением межличностного и межгруппового поведения, персональной и социальной идентичности. С точки зрения Г. Теджфела, все возможные варианты социального поведения могут быть расположены на биполярном континиуме, два полюса которого составляют межличностные и межгрупповые формы взаимодействия, причем в повседневной жизни редко встречаются ситуации, когда абсолютно доминирует только одна форма взаимодействия. Если же следовать логике Д. Тернера, то оказывается, что межличностное и межгрупповое поведение взаимоисключают друг друга. Это вытекает из того положения, согласно которому необходимо различать персональную и социальную идентичность, находящиеся в отношении взаимоисключения: категоризация себя как индивидуальности блокирует восприятия себя как члена группы, тогда как категоризация себя как члена ингруппы снижает восприятие себя как уникального индивида. Персональная идентичность лежит в основе межличностных, а социальная идентичность – межгрупповых отношений.

Мы считаем, что социальную идентичность необходимо рассматривать не только относительно малой группы в целом, но и применительно к неформальной подгруппе. То есть являясь членом подгруппы, человек идентифицирует себя не только с группой, но и со своей подгруппой. Причем отсутствие межгруппового сравнения, что очень распространено на практике, будет усиливать идентификацию человека со своей подгруппой. Следовательно, он будет проявлять себя децентрированно (по Д. Тернеру), но уже с точки зрения норм и ценностей не группы в целом, а своей подгруппы. Относительно же идентификации «самостоятельных» членов, то она может либо иметь сугубо межличностный характер, либо быть направленной на группу в це-

лом (при отсутствии межгруппового взаимодействия это маловероятно), либо эксплицироваться на какую-то подгруппу.

Второй вопрос касается потери позитивной идентификации человека с ингруппой, которая происходит в случае непредпочтительного, проигрышного для нее межгруппового сравнения. В этом случае блокируется реализация человеком потребности в положительной самооценке (ключевая потребность в теории социальной идентичности). В рамках рассматриваемых теорий были выделены несколько возможных способов преодоления этого негативного явления: поиск позитивных отличий на основе введения новых критериев в межгрупповое сравнение, прямое соревнование ингруппы с представителями аутгруппы, переход отдельных членов в более позитивно оцениваемую группу. Следует сказать, что в реальной жизни часто ограничены возможности в применении этих способов, например, когда непосредственное соревнование не может осуществляться по объективным причинам или выход из группы идет вразрез с более важной жизненной задачей человека. Поэтому другое направление (не рассматривавшееся в данных теориях) поддержания позитивной самооценки или реализации иных социальных потребностей может заключаться в идентификации не с группой в целом, а с какой-то ее неформальной подгруппой. Именно отсутствие позитивной идентичности со всей группой часто является причиной образования в малой группе неформальных подгрупп, в которых она может быть реализована.

Для того чтобы сформулировать положения микрогрупповой концепции, необходимо принимать во внимание, с одной стороны, три формы идентификации – межличностную, микрогрупповую и групповую, а с другой стороны, внешние условия жизнедеятельности малой группы, особенности ее взаимодействия с внешней средой.

1) В малой группе идентификация будет более выражена между представителями одной и той же неформальной подгруппы, чем между представителями разных подгрупп или среди «самостоятельных» членов группы. Как частное, члены подгруппы чаще идентифицируются с представителями своей подгруппы, а «самостоятельные» члены – с представителями подгрупп.

Это положение по идентификации определяется более общим положением микрогрупповой концепции: интегративные характеристики подгрупп несравненно сильнее, а дезинтегративные – значительно слабее выражены, чем такие же характеристики малой группы в целом.

2) Имеется связь между межличностной, микрогрупповой, групповой идентификациями и особенностями взаимодействия малой группы с внешней средой, условий ее жизнедеятельности.

Закономерности этой связи подчиняются общим тенденциям: интенсификация взаимодействия с внешней средой вызывает усиление общегрупповых границ и одновременно открытости неформальных подгрупп, ослабление их границ (усиление интеграции группы в целом и ослабление интеграции внутри подгрупп), а ограничение контактов с внешней средой определяет интенсификацию взаимодействия между всеми структурными компонен-

тами группы и закрытость неформальных подгрупп (дезинтеграцию группы в целом и усиление интеграции внутри подгрупп).

В случае нарастания интенсивного взаимодействия группы с внешней средой (например, с другой группой) активность группы будет направлена исключительно в эту среду. Всех членов группы, независимо от их принадлежности к тем или иным структурным компонентам, объединяет общая задача, связанная с достижением позитивного результата внешней активности группы. Характерной особенностью является размывание границ и открытость подгрупп. Следовательно, будет преобладать идентификация с группой в целом, а менее выражена – межличностная и микрогрупповая идентификация. Именно на анализ таких условий жизнедеятельности группы ориентированы теории социальной идентичности и самокатегоризации.

Если продолжающийся процесс интенсивного взаимодействия группы с внешней средой оказывается регулярно неэффективным, то начнет развиваться и доминировать такая же тенденция внутригрупповых процессов, которая характерна для малых групп с ограниченными внешними социальными контактами.

При ограничении контактов малой группы (относительная социальная изоляция) с внешней средой, вся активность группы будет направлена на саму себя. В этом случае усилятся взаимодействия между подгруппами, переходящие в противостояние, а следовательно, их границы и замкнутость. Такая ситуация, фактически близкая к межгрупповому взаимодействию, будет приводить к усилению микрогрупповой идентичности и резкому ослаблению групповой идентичности.

Усиление изолированности группы от внешней среды будет делать более выраженной указанную тенденцию: с одной стороны, отсутствие идентификации с группой в целом, а с другой стороны, доминирование микрогрупповой идентификации над межличностной – членов группы со своей подгруппой в целом, а «самостоятельных» членов с какой-то подгруппой.

Если взять специфические группы, такие как группы заключенных, находящихся в условиях социальной изоляции, то указанная тенденция приобретает дополнительное содержание. Идентификация будет определяться не только принадлежностью к какой-то подгруппе, но и принадлежностью самой подгруппы к определенной внутригрупповой страте. Специфика заключается в том, что идентификация будет проявляться не только по отношению к своей подгруппе, но и к представителям более высокой страты.

Если малая группа существует в обычных условиях (нет интенсивного взаимодействия или ограниченности контактов с внешней средой), то тогда будет слабо выражена идентификация людей с группой в целом, а сильнее проявляться межличностная идентификация внутри подгрупп, а также среди «самостоятельных» членов или между представителями разных структурных категорий. В зависимости от характера образования подгруппы идентификация между ее членами может иметь либо непосредственный характер между всеми (в децентрализованных подгруппах), либо опосредованную форму, прежде всего через лидера подгруппы (в централизованных подгруппах).

6.2. Конфликтные отношения

За рубежом интерес к данной проблеме достаточно устойчив и приоритетен. Эта предметная область является междисциплинарной (социальная психология, социология, политология, теория международных отношений), и в последние два десятилетия наметилась тенденция к интеграции разных не связанных между собой дисциплин в единый подход к анализу конфликта – конфликтологию или теорию человеческих потребностей.

Для нас интерес представляют не все возможные направления изучения конфликтных отношений, а те, которые относятся только к малым группам. Так, с 1974 по 1986 гг. за рубежом было опубликовано 400 работ по теме решения конфликтов в разделе «целевые типы групп». Кроме того, можно предполагать значительную долю исследований по данной проблематике в темах «конкуренция» (всего 942 работы) и «уживчивость» (всего 117 работ) крупного раздела «групповые структуры и процессы» [249].

В двух отечественных журналах «Вопросы психологии» и «Психологический журнал» с 1985 г. по 2002 г. было опубликовано 10 статей, в которых затрагивались межличностные конфликты в малой группе в связке с теми или иными вопросами: методы исследования (2) и воздействия (1), личностные переменные (3), совместная деятельность (1), взаимоотношения и взаимодействия (1), лидерство, руководство (1), измененные условия существования группы (1).

Из всех зарубежных и отечественных теорий, которые будут рассматриваться в следующей части книги, только в одной из них конфликты являются предметом непосредственного изучения. Речь идет о теории социальной идентичности [267; 268] (хотя надо отметить и теорию самокатегоризации [189; 270], которая представляет собой фактически модифицированный вариант развития первой теории). В поле ее внимания находятся не межличностные, а сугубо межгрупповые конфликты, и она создавалось в значительной мере для реализации социальной функции, связанной с объяснением, диагностикой, прогнозом и управлением различных межгрупповых социальных конфликтов в обществе (например, этнических, политических). Специфика подхода заключается в том, что возникновение, развитие, редуцирование конфликта рассматривается на когнитивном уровне его участников. Надо сказать, что исследования, выполненные в рамках данной теории, явились большим шагом в понимании природы таких конфликтов и решении ряда актуальных практических задач.

Большая же часть публикуемых работ посвящена межличностным конфликтам, причем без связи с какой-то теорией малой группы. Однако многие авторы в осмыслении данного явления опираются на ту или иную общепсихологическую теорию, придают большее значение тому или иному фактору в проявлении конфликта. Отсюда возникает множество различных направлений в его изучении. Например, выделяются четыре исследовательских подхода: мотивационный, когнитивный, деятельностный, организационный [111].

Если говорить о межличностных противоречиях, конфликтах в малой группе, то мы выделяем несколько проблемных областей их исследования [176].

Во-первых, практически все авторы, занимающиеся изучением конфликтов, прямо или косвенно признают, что основу конфликтов составляют противоречия, хотя немногие из них разводят понятия «конфликт» и «противоречие», указывают на их отличительные особенности. Понятие «противоречие» шире понятия «конфликт». Противоречия (в том числе межличностные), с нашей точки зрения, приобретают форму конфликта тогда, когда противоположность сторон достигает наибольшего различия и проявляется в активно-негативном действии сторон по отношению друг к другу (или одной стороны по отношению к другой) [176]. Следовательно, противоречия составляют основополагающую природу конфликта.

Во-вторых, межличностные и другие виды противоречий и конфликтов традиционно рассматриваются применительно к малой группе в целом. Во внимание же не принимается анализ данного вопроса с точки зрения структурных компонентов группы – неформальных подгрупп и не включенных в них членов. Игнорирование социально-психологической структуры чревато серьезными теоретическими и практическими ошибками.

Напомним, что с позиции микрогрупповой концепции каждую неформальную подгруппу надо расценивать как субъекта внутригрупповой активности, а в целом же внутригрупповая активность часто локализована на подгруппах. Это означает, что подгруппы в той или иной степени являются источником противоречивых (конфликтных) тенденций в малой группе, делают определенный «вклад» в общую картину противоречий группы. Думается, что подгруппа как субъект конфликтного поведения может оказывать на жизнедеятельность всей группы существенно большее влияние, чем отдельная личность. Отсюда следует, что противоречия и конфликты необходимо изучать прежде всего с позиции социально-психологической структуры группы. Если она не будет приниматься во внимание, то мы будет получать усредненные результаты по группе в целом, не дающие адекватного представления о проявлении данного феномена.

Если ограничиться лишь межличностными противоречиями, конфликтами, то они могут возникать: а) внутри подгруппы; б) между членами разных подгрупп (в том числе их лидерами); в) между «самостоятельными» членами; г) между представителями подгрупп и «самостоятельными» членами группы.

Ранее проведенное нами исследование, в котором фиксировались три параметра межличностных противоречий – количество «отрицательных» выборов, частота возникновения и степень напряженности противоречий, позволило сделать, как минимум, два основных вывода [176].

Первый вывод касается того, что внутри неформальной подгруппы межличностные противоречия или отсутствуют, или проявляются очень слабо, но они выражены между представителями разных структурных компонентов группы. Второй вывод указывает на то, что в каждой малой группе

некоторые неформальные подгруппы существенно различаются между собой по уровню проявления тех или иных видов противоречий (включая межличностные). Например, одни подгруппы вообще не являются субъектом тех или иных противоречий, тогда как другие подгруппы представляют собой основной источник противоречий в группе. В каждой группе «самостоятельные» члены группы по-разному проявляют конкретные типы противоречий.

В-третьих, возникающие в подгруппе конфликты более скоротечны и имеют меньшее значение по своим последствиям для их участников, чем конфликты между представителями разных структурных компонентов (неформальных подгрупп, «самостоятельных» членов). Эта закономерность определяется более тесными взаимоотношениями, более высокой общностью интересов, или взаимной удовлетворенностью, или взаимными симпатиями в неформальной подгруппе, по сравнению с отношениями между членами разным подгрупп, «самостоятельными» членами. В целом же в подгруппах существует более высокий уровень толерантности, готовности оказания поддержки, чем между представителями разных структурных компонентов группы.

В-четвертых, надо сказать, что конфликты внутри неформальных подгрупп являются сугубо межличностными, точно так же, как и между «самостоятельными» членами, а между подгруппами имеют скорее не межличностную, а межгрупповую природу [53]. Действительно, в процессе конфликтного взаимодействия между подгруппами происходит деперсонификация, но уже в контексте не всей группы (теория самокатегоризации Д. Тернера), а подгруппы. То есть люди проявляют тенденцию воспринимать себя преимущественно с позиции общих стереотипов, норм, которые определяют их принадлежность к конкретной подгруппе. В результате этого члены инподгруппы и аутподгруппы рассматриваются как их представители, а не как индивидуальности. Деперсонификация придает целостность и последовательность поведению подгруппы в ситуации конфликта. Более того, в основе возникновения межличностных конфликтов и конфликтов между подгруппами могут лежать совершенно иные по своему содержанию причины.

В-пятых, следует отметить и то важное обстоятельство, что протекание конфликта между разными структурными компонентами группы не может не зависеть от характера взаимодействия малой группы с внешней средой. Закономерности протекания конфликтов определяются общими тенденциям влияния взаимодействия группы с внешней средой на внутригрупповые процессы: интенсификация взаимодействия с внешней средой вызывает усиление усиление интеграции группы в целом и ослабление интеграции внутри подгрупп, а ограничение контактов с внешней средой определяет дезинтеграцию группы в целом и усиление интеграции внутри подгрупп.

В обычных условиях жизнедеятельности малой группы противоречия или конфликты, если имеют место, представлены межличностной формой и более характерны для взаимодействия между «самостоятельными» членами, представителями подгрупп и «самостоятельными» членами, менее – во взаимоотношениях представителей разных подгрупп. Это связано с тем, что

представители разных подгрупп, осознавая свое членство в них, ведут себя более сдержанно по отношению друг к другу, чем, скажем, «самостоятельные» члены между собой. В противном случае это грозит уже не столько эскалацией межличностных конфликтов, сколько вовлечением в них всех членов своих подгрупп, а значит, переходом конфликта на уровень подгрупп.

Если же малая группа вступает в интенсивное взаимодействие с внешней средой (например, конкуренция, соревнование, конфликт с другой группой), тогда вся ее активность будет направлена на эту среду. Следствием этого является размывание границ и повышение открытости неформальных подгрупп внутри группы. Все члены группы, независимо от их принадлежности к тем или иным структурным компонентам, кооперируют свои усилия по обеспечению позитивного исхода конфликта для своей группы. Причем процесс единения и в целом взаимодействия с внешней средой будет более эффективным, если в качестве организующего субъекта выступит не отдельный лидер, а авторитетная подгруппа с лидером, так как она в отличие от одного лица являет собой более мощную и влиятельную внутригрупповую субстанцию. В любом случае такие условия активности группы ведут к снижению конфликтов среди ее структурных компонентов.

Если продолжающийся процесс интенсивного взаимодействия группы с внешней средой оказывается регулярно неэффективным, то начнет развиваться и доминировать такая же тенденция внутригрупповых процессов, которая характерна для малых групп с ограниченными внешними контактами. Например, в литературе описываются результаты исследований, показывающие, что частое поражение группы в межгрупповом соперничестве в сочетании с некоторыми другими обстоятельствами, в конечном счете приводит к обострению внутригрупповых конфликтов [1]. Интересно было бы посмотреть на эту тенденцию с точки зрения неформальных подгрупп.

Когда у группы сильно ограничены контакты с внешней социальной средой, это будет приводить к потоку всей ее активности внутрь самой себя, а значит, к интенсификации внутригрупповых процессов. В этом случае более выраженными станут границы подгрупп, усилится взаимодействие между ними, характерной чертой которого будет повышенная конфликтность. Конфликты уже будут носить не межличностный, а фактически межгрупповой характер. При этом одновременно резко упадут противоречивые тенденции внутри самих подгрупп, которые становятся более сплоченными. Также усилятся противоречия между «самостоятельными» членами, ими и представителями подгрупп. Поведение ряда «самостоятельных» членов может переходить с межличностного на другой уровень конфликта. Это связано с тем, что, вовлекаясь в конфликт, некоторые из них либо кооперируются между собой, либо ориентируются на какую-то подгруппу, принимая ее сторону. Фактически и они уже действуют не как отдельные субъекты, а как представители или последователи той или иной подгруппы.

Придерживаясь такой общей позиции, можно попытаться найти несколько иной путь анализа стратегий и тактик, к которым прибегают члены малой группы в конфликтной ситуации. Этому вопросу, выходящему за пре-

делы группы, посвящено очень много работ, в которых авторы ставили перед собой задачу выделения различных факторов, определяющих стиль поведения человека в конфликте. Например, индивидуальные особенности человека (догматизм, склонность к манипулированию или игнорированию различия в статусе, власти и др.), хотя в некоторых работах значение этого фактора берется под сомнение, ориентация участников конфликта на свои или чужие интересы, оценка участниками конфликта успешности применения той или иной стратегии и ее «цены», взаимозависимость участников и их склонность к совместной работе в дальнейшем, резерв времени и т.д. Вместе с тем можно полагать, что внутри подгруппы если и возникает конфликт, то скорее всего ее члены будут использовать уступающую или кооперативную стратегии поведения, «мягкие» тактики, тогда как в конфликте между подгруппами будут чаще наблюдаться соперничающая стратегия и «жесткие» тактики.

В-шестых, другой важный вопрос касается управления противоречиями, конфликтами в малой группе. Существует два общих подхода к управлению: профилактика, сглаживание, что является наиболее изученным и распространенным, и обострение конфликтов. В их рамках могут иметь место различные методы и приемы. Общей особенностью подавляющего большинства работ по этому вопросу является обращение к управлению конфликтами на межиндивидном или общегрупповом уровне при игнорировании социально-психологической структуры группы – неформальных подгрупп и не включенных в них членов. Согласитесь, что знание того, какие подгруппы или «самостоятельные» члены являются основными источниками асоциальной направленности или конфликта, позволяет осуществлять более целенаправленное, «точечное» воздействие и, следовательно, получать от него больший эффект. Причем речь может идти не только о коррекции имеющихся конфликтов, но и об использовании их как мощного инструмента воздействия.

Например, в проведенном нами естественном формирующем эксперименте апробированы направления и приемы инициирования или обострения имеющихся противоречий и конфликтов (в сочетании с их сглаживаниями) с целью решения ряда задач, например, таких как деструктурирование и распад асоциальных неформальных подгрупп, снижение статуса неформальных лидеров с асоциальной направленностью [175]. В данном случае создание или обострение конфликтов являлось инструментом изменения социально-психологической структуры группы.

Таким образом, можно сформулировать положения микрогрупповой концепции относительно конфликтных отношений.

1. В качестве субъектов конфликтных отношений в малой группе следует рассматривать неформальные подгруппы и не включенных в них членов, причем роль и влияние первых чаще сильнее, чем вторых.

2. Конфликтные отношения реже возникают внутри неформальных подгрупп, а чаще проявляются между разными подгруппами, «самостоятельными» членами, подгруппами и «самостоятельными» членами.

3. Возникающие в подгруппе конфликты более скоротечны и имеют меньшее значение по своим последствиям для их участников, чем конфликты между представителями разных структурных компонентов (неформальных подгрупп, «самостоятельных» членов).

4. Конфликты внутри неформальных подгрупп, также между «самостоятельными» членами являются межличностными, а между подгруппами имеют скорее не межличностный, а межгрупповой характер.

5. Форма (межличностная, микрогрупповая) и интенсивность конфликтных отношений структурных компонентов малой группы зависят от характера ее взаимодействия с внешней социальной средой.

6. Эффективность управления конфликтными отношениями в малой группе будет выше, если оно будет целенаправленно адресовано на конкретные неформальные подгруппы или «самостоятельных» членов, которые являются основными источниками того или иного типа конфликта в группе. Сам конфликт (его направленное инициирование или обострение) является сильным средством для изменения социально-психологической структуры группы.

6.3. Высокий психологический статус личности, руководство

В качестве конкретных разновидностей высокого психологического статуса личности в малой группе в психологии принято рассматривать высокий социометрический статус (социометрическая «звезда») и лидерский статус. Однако некоторые авторы предлагают дополнительно учитывать вклад человека, в том числе с высоким статусом, в групповую деятельность. Например, А.С. Горбатенко отмечает, что на практике наблюдаются случаи, когда человек, являющийся собственно лидером группы, а не просто социометрической «звездой», делает незначительный вклад в функционирование своей группы [59]. А.С. Чернышев и А.С. Крикунов придают важное значение включенности личности в группу, которая по своему содержанию похожа на вклад в общегрупповую деятельность и может не наблюдаться у некоторых лидеров, прежде всего, у так называемых лидеров-дезорганизаторов [221].

То, что касается социометрического статуса, то он рассматривается, как правило, на эмпирическом уровне во взаимосвязи с различными личностными и некоторыми групповыми переменными без какой-либо концептуальной проработки его содержания.

Если обратиться к проблематике лидерства, то в литературе отмечается очень большой диапазон ее разработки, с чем связана значительная трудность систематизации соответствующего теоретического и эмпирического материала [111]. Например, на начало 1980-х гг. общее число работ по данной тематике в зарубежной психологии превышало 7000 при большом количестве определений понятия «лидерство» [5]. Если ограничиться областью социальной психологии малых групп, но в широком значении, то с 1974 г. по 1986 г. было опубликовано 77 работ по стилю руководства, что занимает пер-

вую позицию из восьми тем в разделе «личностные переменные» и 1395 работ по руководству вообще, что соответствует четвертой позиции из 24 тем раздела «групповая структура и процессы» [249]. Можно представить себе, сколько публикаций по лидерству имеется на настоящее время.

В двух отечественных журналах «Вопросы психологии» и «Психологический журнал» с 1985 г. по 2002 г. по лидерству и руководству было опубликовано 17 статей, что составляет 7.7% от общего числа публикаций по малым группам в этих журналах и занимает пятую позицию среди других тематик.

В литературе предпринимаются попытки систематизации огромного массива работ по данной проблеме. Так, С.А. Алифанов выделяет два крупных подхода к исследованию лидерства с различными мини-теориями в рамках каждого из них: когнитивный и интеракционистский [5]. Правда, к последнему он относит некоторые частные модели, разработанные скорее с позиции бихевиоризма. Кроме того, он отдельно выделяет как самостоятельный подход одну из теорий, базирующуюся на системном анализе. Для проведения систематизации Р.Л. Кричевский и Е.М. Дубовская предлагают группировать все исследования по лидерству на три блока: структурные характеристики (типы по ролевой дифференциации), механизм реализации, динамика протекания лидерства [111].

Нет никакой необходимости здесь рассматривать и проводить анализ тех или иных направлений исследования лидерства, мини-теорий, тем более, что они достаточно хорошо освещены в литературе, или пытаться по-иному осмыслить природу данного феномена. Единственное, что можно себе позволить, так это очень кратко обозначить понимание лидерства в рамках тех зарубежных и отечественных теорий, которые будут рассматриваться в следующей части книги. Основная же задача видится в том, чтобы посмотреть на феномен лидерства с позиции существующих теоретических подходов и с позиции микрогрупповой концепции.

В социометрической теории Я. Морено [129], в многочисленных исследованиях, проводящихся с ее позиций, и в еще большем количестве эмпирических, прикладных работ, не связанных с концептуальными положениями данной теории, в которых тем не менее используется социометрическая методика, рассматривается прежде всего такой параметр психологического статуса члена в группе, как социометрический статус. Человек, занимающий в группе высокий социометрический статус, условно именуется как «звезда». В ряде работ зарубежных и отечественных авторов было убедительно показано, что явления высокого социометрического статуса и лидерского статуса, вклада в групповую деятельность являются различными по своему содержанию.

В своей теории социального сравнения Л. Фестингер [189] не дает прямого указания на сущность лидерства. Поэтому придется ограничиться кратким предположением. С точки зрения данной теории люди имеют потребность в оценке своих суждений и способностей, которая может быть реализована лишь в процессе социального сравнения, причем только с теми, кто по-

хож на них. Чем больше суждения окружающих (членов группы) похожи на суждения данного человека, тем более вероятно они будут представлять для него референтных лиц. В позицию лидера будет выдвигаться, скорее всего, тот человек, который, с одной стороны, имеет выраженную потребность в самооценке (внутренний фактор), предполагающую стремление быть привлекательным для своих единомышленников, стремление к уменьшению разницы между собой и ими, а с другой стороны, реально обладает наибольшим сходством мнений со значительной частью группы по сравнению со сходством их мнений между собой (внешний фактор).

С позиции теории самокатегоризации (Д. Тернер) лидером является человек, который наилучшим образом представляет групповое согласие (групповой консенсус), внутригрупповые нормы, отражает идентичность с группой в максимальной мере по сравнению с другими представителями группы [189]. Позиция лидера это не средняя позиция, как часто понимается в социальной психологии, хотя в некоторых случаях согласованная и средняя позиции могут совпадать. Для развития сущности лидерства Д. Тернер использует понятие «прототипичность». Позиция лидера понимается как прототипическая, т.е. как позиция, которая наилучшим образом представляет группу как единое целое. Прототипичность членов группы более наглядно определяется посредством принципа метаконтраста: чем больше человек отличается от членов данной группы и чем меньше он отличается от членов своей группы, тем лучше он представляет последнюю. То есть человек с наивысшим показателем прототипичности в наилучшей степени отражает согласованную позицию группы и вследствие этого выдвигается в позицию ее лидера.

В теории взаимозависимости (Г. Келли и Д. Тибо) [93; 162] источником власти (психологического влияния) и подчинения во взаимодействии двух субъектов является способность одного из них повлиять на существо результатов, достигаемых другим субъектом. Они выделяют два типа власти: «сила судьбы» (один непреднамеренно влияет на результаты другого) и «контроль над поведением» (один преднамеренно варьирует свое поведение, вызывая изменение в поведении другого). В диаде оба субъекта зависимы от отношений между собой, а следовательно, каждый обладает властью над другим. Если же спроецировать собственно явление лидерства в контекст данной теории, то ее суть может быть обозначена следующим образом. Члены группы, в наибольшей мере способные обеспечивать получение другими вознаграждений, скорее станут лидерами, что определит дифференциацию группы. Те же члены, которые в меньшей степени способны вознаграждать других, будут стремиться приобретать вознаграждения, которые предлагаются потенциальными лидерами, что компенсирует их переживание зависимости. Более детально вопрос о выдвижении человека в позицию лидера с точки зрения общей теории обмена рассмотрен в других частных теориях, например, П. Блау.

В теории ДОМО неформальное лидерство рассматривается с точки зрения многоуровневой структуры внутригрупповой активности [159]. А

именно, позиция лидерства относится к той страте, где межличностные отношения опосредованы содержанием совместной деятельности (в случае группы высокого уровня развития), и определяется вкладом человека в эту деятельность. В поверхностной же страте, для которой характерны относительно непосредственные эмоциональные межличностные отношения (для группы любого уровня развития), речь может идти лишь о социометрических «звездах».

В организационно-параметрической модели учебной группы (А.С. Чернышев) [221] лидерству отводится значительная роль в формировании и проявлении организованности группы, причем речь идет о двух типах лидера: лидер-организатор (чаще официальный) и лидер-дезорганизатор (чаще неформальный). Выдвижение члена группы в позицию неформального лидера-организатора зависит от его высокой включенности в группу. Включенность предполагает успешное выполнение личностью своей роли в группе, адекватное участие в жизнедеятельности группы и реализации ее целей, проявление большей инициативы, чем та, которая ожидается от нее, содействие укреплению группы как организованной системы. Недостаточная активность официальных лидеров сказывается на уровне отношений. В системе эмоциональных связей усиливается изоляция отдельных подгрупп, создаются условия для выделения неофициальных лидеров. Неофициальный лидер поддерживает организаторскую деятельность актива, но не обязательно в русле принятых норм. Иногда он пытается ввести свои нормы, а чаще нормы той подгруппы, которая идет за ним, противоречащие установкам официальных лидеров. В слаборазвитых группах лица, претендующие на широкое лидерство, пытаются самоутвердиться и вступают в конфликт с руководством. Кроме того, такие люди создают атмосферу защиты для пассивных и недостаточно авторитетных лиц, образуя из них небольшую подгруппу единомышленников из двух–пяти человек, которая временами вносит дезорганизацию в учебный коллектив, а главное – облегчает самоутверждение стремящихся выделиться индивидов.

Как видно, во всех теориях, за исключением организационно-параметрической модели учебной группы, вообще не поднимается вопрос о лидерстве с позиции существования в группе неформальных подгрупп. Более того, нам неизвестны и мини-теории лидерства, которые затрагивали бы данную плоскость анализа. В разных моделях и эмпирических исследованиях лидерство рассматривается либо в диаде (лидер-последователь) либо с позиции группы в целом (лидер-группа).

С точки зрения микрогрупповой концепции психологический статус личности в группе вообще и высокий в частности (включая социометрический статус, лидерский статус и вклад) необходимо рассматривать не столько с позиции группы в целом, сколько в плоскости неформальных подгрупп и не включенных в них членов группы. На основе этого общего положения можно выделить несколько частных.

Во-первых, обратимся к вопросу о психологическом статусе в целом. При наличии в малой группе неформальных подгрупп, что является распро-

страненным явлением, психологический статус (высокий, средний, низкий) конкретного человека в разных структурных компонентах группы будет различным.

С одной стороны, в различных существующих процедурах определения социометрического статуса, лидерства или вклада с позиции мнения всех членов группы происходит усреднение показателей той или иной разновидности статуса конкретного человека, что не дает точного диагноза. Это касается методического, процедурного аспекта данного вопроса.

С другой стороны, когда речь идет по существу этого вопроса, то статус человека правильнее оценивать в зависимости от его принадлежности или непринадлежности к какой-то подгруппе. Если говорить более конкретно, то члены подгрупп, имеющие один уровень какого-то психологического статуса в своей подгруппе, часто могут не иметь такого же его уровня в других подгруппах или среди «самостоятельных» членов группы [53]. Например, человек является лидером своей подгруппы, но никто из других подгрупп не рассматривает его в качестве такового. Подгруппа оценивает вклад в нее какого-то ее представителя как высокий, тогда как члены других подгрупп или «самостоятельные» члены имеют об этом прямо противоположное мнение. Какой-то член подгруппы может иметь высокий социометрический статус («звезда») в группе, выявленный посредством традиционной социометрической процедуры, но на самом деле этот статус он получил за счет членов только своей подгруппы (особенно если она относительно большая) и некоторых «самостоятельных» членов, тогда как никто из представителей других подгрупп его не выбрал. Можно ли в этом случае вообще говорить о том, что такой человек является социометрической «звездой» в группе? Думается, что нет.

Точно так же можно сказать и относительно людей, не включенных ни в одну подгруппу. Так, «самостоятельный» член группы может иметь высокий социометрический статус («звезда») за счет таких же, как и он, членов группы при игнорировании его со стороны членов всех подгрупп. Или же члены какой-то подгруппы приписывают человеку высокий социометрический статус (по межличностным выборам), тогда как по межличностным отношениям он не ориентируется ни на кого из них. Можно было бы продолжить приводить подобные примеры, но в этом нет особой необходимости, так как смысл, думается, понятен.

В общем же надо сказать, что часто мы диагностируем статус человека по группе в целом без учета дифференциации структуры группы и места в ней данного человека. Это является огрубленным подходом, так что, например, мы определяем человека как имеющего в группе высокий статус, но на самом деле реальная ситуация оказывается иной.

Во-вторых, понятие «высокостатусный член группы» надо также рассматривать с точки зрения социально-психологической структуры малой группы, а точнее, с позиции наличия в ней неформальных подгрупп, характера их активности и отношений между ними. В этом смысле можно предположить некоторые тенденции.

Если в группе существует ряд устойчивых подгрупп и между ними нет напряженных отношений, то более вероятно, что высокостатусными членами группы будут представители подгрупп, чем кто-то из «самостоятельных» членов. Такая тенденция связана с тем, что многие из не входящих в подгруппы людей имеют стремление быть включенными в какую-то них, а значит, более ориентированы (по референтности, идентификации) на них, чем на таких же, как и они, «самостоятельных» членов. Это наиболее характерно относительно лидерского статуса.

Если подгруппы имеют примерно одинаковый уровень их позиции в группе, а между ними существуют конфликтные отношения или даже борьба за лидирующую позицию в группе, то естественно предположить, что какой-то представитель одной подгруппы, претендующий на высокий статус, не будет восприниматься таковым другими подгруппами. Данная тенденция наиболее характерна относительно лидерского статуса. Поэтому либо вообще не будет общегруппового лидера, либо таких будет крайне мало, причем с некоторым преобладанием тех, которые не включены ни в одну из подгрупп. В последнем случае данное решение проблемы должно больше устраивать представителей подгрупп, так как позволяет уравнивать баланс сил между ними.

Эти две тенденции имеют слишком обобщенный вид и в реальности могут наблюдаться некоторые их спецификации, они должны быть более характерны для позиции лидерства, чем социометрического статуса или вклада.

К лидерскому статусу следует добавить одну деталь, пока не конкретизируя ее: общегрупповые лидеры координируют активность микрогрупп и не включенных в них членов группы, а лидеры микрогрупп определяют направленность активности своих микрогрупп.

В-третьих, эффективность деятельности и психологическое самочувствие общегруппового лидера (если такой имеется) должны зависеть от того, принадлежит он или нет к неформальной подгруппе.

Человек, являющийся лидером и включенный в какую-то микрогруппу, ориентированную на социальную функцию группы, может более продуктивно выполнять свои функции по организации деятельности группы, чем тот лидер, который относится к категории «самостоятельный член группы». Это связано с тем, что он имеет более сильную поддержку в лице своей сплоченной группировки и тех «самостоятельных» членов, которые на нее ориентированы. Особенно это будет проявляться при социальной пассивности значительной части группы. В то же время ситуация может быть крайне негативной, если лидер и его подгруппа преследуют совершенно иные цели, чем те, которые связаны с реализацией социальной функции группы. Именно на такую ситуацию обращается внимание некоторыми авторами [221].

Когда же речь идет об учете интересов членов группы, то, наоборот, лидер, относящийся к категории «самостоятельный член группы», должен быть более эффективным по сравнению с лидером, который является представителем какой-то подгруппы. Такое отличие предопределяется тем, что в первом случае лидер «свободен» от каких-то обязательств по отношению к

определенной подгруппе и оказывается ориентированным примерно в равной мере на интересы разных подгрупп и «самостоятельных» членов. Во втором случае общегрупповой лидер вынужден отдавать приоритет интересам своей подгруппы в ущерб другим и «самостоятельным» членам. Надо уточнить, что такие отличительные особенности лидерства двух категорий членов группы будут прежде всего проявляться тогда, когда интересы разных подгрупп существенно отличаются или даже прямо противоположны.

Если рассматривать психологический комфорт общегруппового лидера, можно предположить его более высокий уровень среди тех, кто одновременно является членом подгруппы по сравнению с «самостоятельными» членами. Такое отличие определяется тем фактом, что лидер, не включенный ни в какую подгруппу, не имеет такой психологической поддержки, которую имеет лидер от своей подгруппы. Он является лидером группы, но в то же время находится как бы над группой, вне ее и не имеет тесных взаимных психологических связей ни с кем из ее членов.

В-четвертых, традиционно в качестве неформального лидера малой группы рассматривается индивид. Такая точка зрения сужает взгляд на данную проблематику, так как в качестве субъекта лидерства может выступать и неформальная подгруппа.

Когда будет рассматриваться параметрическая теория малой группы, то будет обращаться внимание на то, что выдвижение человека в позицию лидера может происходить при активном участии подгрупп независимо от того, выдвигается ли представитель подгруппы или человек, не включенный ни в одну из подгрупп. Поэтому некоторые лидеры являются не настолько автономными, чтобы самостоятельно реализовывать свою позицию, и фактически разделяют лидерство с подгруппой («идет на поводу» у подгруппы). В группе может реально «править» не конкретное лицо, а микрогруппа или одновременно несколько микрогрупп, стоящих за этим лицом. Хотя распространены и обратные случаи, когда лидер полностью подчиняет своим целям активность своей подгруппы (подгруппа «идет на поводу» у лидера).

Если обратиться к литературным источником по педагогической социальной психологии, в которых поднимался вопрос об «активе», «положительном ядре», «организационном ядре» или «активном негативном ядре», «отрицательной группировке», то нередко речь фактически шла о лидирующей подгруппе. В первом случае существовала необходимость в создании или стимулировании лидирующей позиции подгруппы, которая могла бы делать позитивный вклад в функционирование группы и «повести» за собой остальную часть группы. Во втором случае возникала необходимость в ослаблении позиции в группе и вообще в распаде подгрупп, которые оказывали отрицательное влияние на жизнедеятельность группы.

В-пятых, воздействие на лидера необходимо осуществлять с учетом социально-психологической структуры группы.

Направление воздействия на неформального общегруппового лидера должно определяться в зависимости от того, является он или нет представителем какой-то подгруппы. Если да, то помимо прямого воздействия или воз-

действия на него через группу в целом должно осуществляться и воздействие на подгруппу, в которую он включен.

Воздействие на неформальную подгруппу должно реализовываться с учетом того, есть ли в ней вообще свой лидер или нет. Если есть, то необходимо выяснить, связаны ли между собой члены данной подгруппы прямо и тесно или же их отношения осуществляются через лидера, «замыкаясь» на нем.

Во всех этих разных случаях должны использоваться не только общие, но и отличающиеся приемы воздействия.

Перейдем к рассмотрению вопроса о руководстве. Как и в случае с лидерством, проблеме руководства вообще и малой группой в частности посвящено огромное количество исследований. В некоторых источниках [111], [230] дается хороший обзор различных концептуальных моделей руководства малой группой. Поэтому нет особого смысла обращаться к анализу тех или иных моделей, тем более что наша задача заключается не в переосмыслении самой природы феномена руководства или разработки какой-то иной его модели, а в обращении к нему с иной позиции, с позиции наличия в малой группе неформальных подгрупп.

Во многих моделях и прикладных исследованиях отмечается не только влияние руководителя на подчиненных, что является основным вектором его активности, но и наоборот, подчеркивается важность межличностных отношений между ними с точки зрения управления группой, мотивации деятельности сотрудников, психологического климата в группе и т.д.

Однако среди доступных нам работ практически не попадались такие, в которых бы взаимоотношения руководителя и подчиненных представлялись в аспекте неформальных подгрупп. В разных моделях и прикладных исследованиях руководство анализируется сквозь призму или диады (руководитель-подчиненный), или группы в целом (руководитель-коллектив).

Можно выделить два основных направления анализа отношений руководителя и неформальных подгрупп. Первое связано с различными отношениями неформальных подгрупп к руководителю, а второе – с активным формированием руководителем вокруг себя неформальной группировки, на которую он мог бы положиться в своей работе.

Например, Р.Б. Гительмахер выделил четыре типа неформальных подгрупп в первичном трудовом коллективе по критерию их отношения к руководителю: положительное, отрицательное, ситуативное и неустойчивое, а также установил их количественное соотношение и функции, которые они выполняют [51]. Положительно настроенные к руководителю микрогруппы являются его опорой, проводниками его политики и в большинстве случаев занимают лидирующее положение во всей группе. Микрогруппы с отрицательным отношением активизируют и объединяют негативно настроенных рабочих, в скрытой или открытой форме конфликтуют с руководителем, организуют конфронтацию с ним. Микрогруппы с нейтральной направленностью смягчают отношения, служат своего рода буфером в столкновении мнений полюсных групп. Члены микрогрупп с ситуативным отношением харак-

теризуются неустойчивым поведением, то поддерживая, то выступая против руководителя, и являются резервом для пополнения микрогрупп с отрицательным и положительным отношением к руководителю. Таким образом, роль каждого типа микрогрупп в формировании коллективного мнения о руководителе различна: наиболее значимы подгруппы с положительным и отрицательным отношением к руководителю, затем – с ситуативным, а менее значимы – с нейтральным. Кроме того, этим автором было установлено, что лидеры микрогрупп одного типа (с отрицательным или положительным отношением) стремятся к объединению между собой.

В другой работе неформальные подгруппы лишь вскользь затрагиваются в аспекте анализа конфликта справедливости в организации, субъектами которого являются группа и ее руководитель [10]. Такой конфликт связан с расхождением между обещаниями и реальным их выполнением руководителем. Если эта ситуация возникает, то группа (подразделение) может воспринять такое поведение руководителя как угрозу для себя, ущемление своих интересов. Возникают слухи, в ходе обсуждения и генерации которых группа распадается на микрогруппы, которые продвигают ту или иную версию развития событий. Данный конфликт может выразиться в том, что какая-то подгруппа примет сторону руководителя, или же в сплочении всех сотрудников с целью прояснить ожидания и установки группы по отношению к руководителю.

Одно дело, когда речь идет об отношениях руководителя с одним подчиненным или с массой разрозненных подчиненных, а другое дело, когда его поддерживает или, наоборот, ему начинает скрыто или отрыто противостоять какая-то сплоченная группировка подчиненных.

Не случайно в некоторых диадических моделях руководства, основанных на взаимном обмене вкладами между руководителем и подчиненным (модель Д. Граена или Р.Л. Кричевского), отражен момент формирования не столько административного, сколько неформального отношения. И на практике многие руководители стремятся создать вокруг себя костяк из нескольких наиболее доверенных лиц посредством обмена с ними выигрышами (не обязательно материального порядка). Фактически речь идет о подгруппе, центрированной на руководителе, члены которой, помимо прочего, ведут поддерживающую руководителя политику среди других его подчиненных.

Надо сказать, что в социалистический период декларировалось негативное отношение к тому, что руководитель в своей работе опирался на какую-то группировку. Например, коллеги из когда-то существовавшего ГДР отмечали, что обладающие престижем руководители в первую очередь представляют интересы всей группы и в меньшей степени связаны с различными подгруппами. Они стоят над группировками и стараются быть справедливыми, поэтому они могут улаживать споры и восстанавливать интеграцию группы [89]. Однако в действительности все выглядело совсем иначе.

Кстати говоря, стратегия группирования вокруг себя доверенных лиц была характерна для руководителей самого высшего ранга в нашем государстве. Например, каждый ведущий руководитель КПСС выдвигал на первый

план тех людей, которые его поддерживали, чьи взгляды соответствовали его позиции [79; 153].

Сталин как сильный лидер сплачивал вокруг себя людей, стоящих куда ниже его на иерархической лестнице, и в его окружении существовало слепое, беспрекословное повиновение ему. Команда Брежнева складывалась органически, годами, вместе шедшей наверх начиная с молодых лет, и для нее была характерна клановая доверительность «с полуслова». Основные кадры команды Горбачева были выдвинуты не им самим, а Андроповым. Поэтому, соблюдая полную лоялность к Горбачеву, они, тем не менее, не могли считаться его выдвиженцами. Он не «тащил» за собой из Ставрополья связанных с ним многие годы людей. Те, кто оказался входящим в его близкое окружение (Шеварднадзе, Яковлев, Бакатин, Громыко), то ни один из них не был с ним связан долгие годы, не участвовал в общей политической борьбе. Они влились в его команду «вдруг» уже давно сложившимися политиками, что накладывало определенные ограничения на их сплоченность. Горбачев в подборе кадров сделал ставку не на безусловную преданность, «бессознательно-клановую» связь, а на осмысленно-политическую общность, не на единство биографий и родственно-земляческих связей, а на близость идеологических установок. Такой подход означал новое мышление в кадровой политике, но он же потерпел крах, когда Горбачев стал проводить в жизнь беспрецедентные в истории СССР реформы, стал расходиться с соратниками по чисто политическим, идеологическим позициям [153].

6.4. Социальное влияние

В зарубежной социальной психологии проблема социального влияния составляет крупный и достаточно хорошо проработанный раздел, который включает пять блоков: социальная конформность (влияние большинства), влияние меньшинства, групповая поляризация, власть и убеждение [189]. Именно зарубежная психология внесла основной вклад в изучение данной проблемной области. Существует большое количество исследований, исчисляющихся сотнями, тех или иных вопросов социального влияния, имеются и работы, в которых дается обзор разных концептуальных и экспериментальных исследований и предпринимаются попытки их обобщения, обозначения слабых мест и поиска выхода из «тупиковых» направлений. Например, с 1974 г. по 1986 г. было опубликовано 973 работы (в среднем в год – 75) по межличностному влиянию, что соответствует шестой позиции в разделе «групповая структура и процессы» и 347 по конформизму (в среднем в год – 27), что находится на тринадцатой позиции этого же раздела из 24 тем [249]. В данном случае эти две темы рассматривались как самостоятельные. В отечественной социальной психологии исследования в этой области имеют гораздо более скромный характер. Так, в журналах «Вопросы психологии» и «Психологический журнал» с 1985 г. по 2002 г. было опубликовано шесть статей, в которых косвенным образом (за исключением одной) затрагивались вопросы, связанные с социальным влиянием.

Мы остановимся лишь на двух направлениях изучения социального влияния: большинства и меньшинства членов группы. Причем задача заключается не в том, чтобы ограничиться анализом различных существующих концептуальных моделей и конкретных установленных фактов (это отражено в ряде обзорных источников), а в том, чтобы наметить возможность изучения этих, а в перспективе и других, аспектов социального влияния с позиции наличия в малой группе неформальных подгрупп и не включенных в них членов. То есть необходимо попытаться наметить, как с точки зрения микрогрупповой концепции можно было бы подойти к решению некоторых вопросов, насколько эта концепция может состыковываться с существующими подходами. На данном этапе проработки концепции эта задача скорее будет носить характер постановки проблемы и для ее решения невозможно обойтись без очень краткого воспроизведения некоторых широко распространенных в зарубежной социальной психологии объяснительных моделей.

В зарубежной психологии доминирующей теорией (в виде разных версий) в рассматриваемой области является дуалистическая модель нормативного и информационного влияния, элементы которой согласуются со многими частными моделями [189]. Ее основы были заложены в концепции социального сравнения Л. Фестингера, впервые она была четко сформулирована М. Дойчем и Г. Джерардом, а в дальнейшем претерпела определенные изменения, например, под влиянием идей С. Московичи.

В рамках данной модели рассматриваются два самостоятельных процесса влияния, название которых видно из названия самой модели.

Нормативное влияние представляет собой уступчивость человека (части группы), проявляющуюся во внешней конформности в ответ на социальное давление, основанное, с одной стороны, на формальной или неформальной власти части группы, а с другой – на потребности человека в социальном одобрении, избегании отвержения, враждебности со стороны этой части группы. Поэтому некоторые люди стремятся оправдать ожидания «власть имущих» или подчиниться другим формам группового давления, проявляя конформность. Субъектом такого влияния выступает прежде всего большинство, а объектом – меньшинство. Большинство имеет тенденцию вызывать скорее подчинение, нежели изменение убеждений, т.е. временную публичную уступчивость. Эта форма влияния обеспечивает стабильность, сплоченность группы. Нормативное влияние большинства имеет более прямой, чем косвенный, латентный характер.

Информационное влияние связано с личностным принятием и интернализацией мнений (норм) других, долговременным изменением установки. В основе этого влияния находится неоднозначность объективной ситуации или стимула, их сложность, а также трудности, связанные с физическим тестированием реальности. Первоначально считалось, что именно эта неопределенность приводит к субъективной неуверенности и актуализирует потребность в валидной информации, которая может быть получена посредством социального тестирования реальности, т.е. на основе социального сравнения человека с похожими на него людьми. В дальнейшем С. Московичи, обратив-

шись к проблеме меньшинства и причинам динамики социальных процессов, предложил считать источником неуверенности, инициирующей процесс влияния, социальный конфликт между индивидом и группой. Именно возникновение и разрешение такого конфликта между меньшинством и большинством многие стали рассматривать как источник инновационных процессов, изменения в группе. (С. Московичи отдает предпочтение когнитивному, а не объективному социальному конфликту.) Субъектом такого влияния выступает, прежде всего, меньшинство, а объектом – большинство. Меньшинство стимулирует оригинальное, творческое, нестандартное мышление и вызывает более серьезные изменения в сознании людей, чем большинство. С точки зрения С. Московичи, влияние меньшинства проявляется в «обращении», или, иначе, «конверсии» (постепенное изменение внутренней позиции), представителей большинства посредством процесса когнитивной валидизации (со стороны большинства) [131]. Информационное влияние меньшинства имеет более латентный, косвенный, чем прямой характер.

Д. Тернер подверг серьезной критике дуалистическую модель нормативного и информационного влияния [189]. В частности, он отмечает, что немногие экспериментальные данные позволяют разделить процессы нормативного и информационного влияния как самостоятельные, параллельно протекающие. Но главное, он ссылается на то, что дуалистическая модель не получила бесспорного экспериментального подтверждения, некоторые исследования и вовсе поставили ее под сомнение. Например, данные говорят о том, что – в зависимости от условий – как меньшинство, так и большинство способны вызывать и уступчивость, и «обращение».

Д. Тернер предлагает иное решение проблемы этих двух разновидностей влияния с позиции своей теории самокатегоризации [189; 190]. Во-первых, он считает и пытается это доказать, что информационное влияние по своей природе социально и, следовательно, нормативно. В свою очередь, нормы, касающиеся предпочтений и ценностей, также могут быть информативны в отношении приемлемых, корректных убеждений. Поэтому, правильнее, с его точки зрения, рассматривать нормативное и информационное влияния не как два изолированных процесса, а как две фазы единого базиса влияния. Отсюда влияние и меньшинства и большинства можно рассматривать как результаты протекания одних и тех же процессов. Во-вторых, влияние будет зависеть от того, каким образом происходит самокатегоризация (как представителей ингруппы или аутгруппы) и в каком контексте. Например, меньшинство будет категоризовано в качестве аутгруппы в контексте внутригрупповых сравнений и в качестве ингруппы – в контексте межгрупповых. В первом случае меньшинство рассматривается группой как нечто чуждое ей, а поэтому вряд ли можно говорить о каком-то влиянии на большинство. В межгрупповом контексте мнение меньшинства становится частью приемлемого и легитимного диапазона мнений, которых придерживаются члены ингруппы, а следовательно, меньшинство уже может оказывать влияние на большую часть своей группы. Точно так же, большинство или

меньшинство совершенно иной группы не будет оказывать такого влияния, как большинство или меньшинство своей группы.

В настоящее время накоплен такой массив разных, иногда противоречивых, экспериментальных фактов, что трудно однозначно обозначить специфику влияния (прямого и косвенного) меньшинства и большинства. Вводится большое количество различных промежуточных переменных, которые могли бы позволить выделить эту специфику. Проводя подробный анализ источников, Д. Тернер делает ряд выводов: а) при определенных экспериментальных условиях прямое влияние большинства более заметно, чем его косвенное влияние, а косвенное влияние меньшинства заметней, чем его прямое влияние (по концепции С. Московичи); б) при определенных экспериментальных условиях большинство может либо не оказать никакого влияния, либо оказать косвенное влияние, такое же или большее, чем меньшинство; в) меньшинство может не оказать никакого влияния либо оказать прямое влияние, такое же или большее, чем большинство [189].

На основе этих выводов он приходит к общему заключению: в исследованиях «влияние следует рассматривать как функцию специфических, ограниченных экспериментальных условий, а не как свидетельство протекания эксклюзивных каузальных процессов, связывающих большинство с уступчивостью, а меньшинство с конверсией» [189, с. 159].

Обозначив в предельно общих чертах два подхода в зарубежной социальной психологии к пониманию влияния меньшинства и большинства, общее состояние решения данной проблемы, перейдем к ее анализу с позиции микрогрупповой концепции.

Принципиальный вопрос, позволяющий по-разному взглянуть на рассматриваемый аспект проблемы влияния, заключается в том, как понимается меньшинство и большинство группы и как они представлены реально в процедуре исследования.

Во всех исследованиях по проблеме влияния меньшинство «операционально определялось как относительно небольшая (меньше половины) часть группы или отдельный индивид, разделяющие иные, чем представители большинства, нормы и ценности и не обладающие авторитетом, властью, престижем, которые позволили бы им распространять свои взгляды» [192, с. 51]. Соответственно, большинство – большая по численности часть группы, которой автоматически приписывается авторитет со всеми полномочиями, благодаря чему она способна оказывать давление на всех членов группы.

При этом в преобладающем количестве экспериментальных исследований меньшинство и большинство рассматриваются не как реальные совокупности людей реальной группы, а как искусственные множества, действующие по инструкции в лабораторных условиях. Так, в качестве меньшинства или большинства (в зависимости от того, какой вектор влияния изучается) применяются «подставные группы», в качестве которых выступают помощники экспериментатора. Часто испытуемые, которых экспериментатор знакомит с мнением каких-то людей в целях изучения влияния, в глаза не видят тех, кто якобы высказывает это мнение. В этом случае возникает вопрос о

внешней валидности получаемых таким образом результатов и делаемых выводов. На это периодически обращается внимание как в зарубежной, так и в отечественной литературе. Некоторые исследователи не только констатируют данный факт, но и предпринимают попытки преодоления данного процедурного ограничения. М.Ю. Токарева и А.И. Донцов провели исследование взаимовлияния реального меньшинства и реального большинство (члены одних и тех же естественных групп), причем не только по индифферентным, например, цвет (характерно для зарубежных исследований), но и социально значимым вопросам, не только в условиях простой подачи информации (характерно для зарубежных исследований), но и в процессе ее активного обсуждения [192]. Были получены факты, которые «не предусматривались» в зарубежных исследованиях.

Однако на данную проблему влияния можно взглянуть иным образом, если рассматривать большинство и меньшинство не столько как условные или даже реальные, но психологически не связанные совокупности людей, а сквозь призму социально-психологической структуры группы – наличия неформальных сплоченных подгрупп и совокупности «самостоятельных» членов. В этом случае в понятие «большинство» и «меньшинство» будет вкладываться иной смысл. Такой подход абсолютно не принимался во внимание. То, что в литературе большинство и меньшинство иногда именуются подгруппами, на самом деле не означает, что под ними подразумеваются неформальные подгруппы в том значении, в котором мы их рассматриваем.

В реальной малой группе (например, 10-25 человек) в качестве меньшинства может выступать: один человек, не включенный ни в одну подгруппу; один человек, являющийся членом какой-то подгруппы; несколько «самостоятельных» членов группы»; неформальная подгруппа или одновременно две подгруппы. В свою очередь, большинство в малой группе может состоять из совокупности «самостоятельных» членов или совокупности подгрупп и «самостоятельных» членов. От того, какой «расклад» указанных вариантов большинства и меньшинства мы будем иметь в группе, во многом будет зависеть их взаимовлияние. Причем важное значение будет иметь характер активности, уровень внутренней идентичности и референтности подгрупп, выступающих в ипостаси меньшинства или большинства.

Начнем с влияния меньшинства, так как оно в последние годы чаще является предметом изучения. Но прежде важно обобщить факторы, выделенные в разных исследованиях, которые могут определять проявление влияние меньшинства:

- категоризация большинством меньшинства как находящегося вне группы значительно уменьшает его влияние;

- стиль поведения меньшинства, обуславливающий интенсивность конфликта с большинством и меру влияния на него: устойчивость, последовательность в выражении своей позиции (диахроническая устойчивость); гибкий, а не догматический стиль переговоров; внутреннее единство, сплоченность (синхроническая устойчивость);

- использование убедительных аргументов;

- отсутствие «нормативных фильтров», используемых большинством для интерпретации позиции и поведения меньшинства;

- особенности восприятия меньшинства большинством: влияние возрастает, если его поведение расценивается как автономное, независимое; влияние ослабевает, если оно воспринимается как деперсонифицированная общность;

- идеи меньшинства должны соответствовать основополагающим нормам и ценностям и духу времени;

- влияние сильнее оказывается в приватных, чем в публичных условиях;

- наличие опыта организации сопротивления позиции большинства;

- присоединение сторонников из числа большинства.

Теперь рассмотрим несколько гипотетических вариантов, связанных с миноритарным (предполагающим, по крайней мере, когнитивный конфликт) влиянием меньшинства в эпизодической ситуации.

Вариант первый. Как меньшинство, так и большинство представлены совокупностью «самостоятельных» членов группы. Именно этот вариант, хотя в искусственных группах, условиях и в усеченном виде, воспроизводился в подавляющем большинстве экспериментов. Перечисленные выше факторы в той или иной мере будут определять влияние меньшинства на большинство при такой композиции группы.

Вариант второй. Меньшинство представлено одной неформальной подгруппой. Если она занимает лидирующую позицию (особенно, бесспорную и единственную) в группе, а большинство изначально состоит из аморфной массы других подгрупп и «самостоятельных» членов («благоприятный» состав большинства), то эта подгруппа будет оказывать как прямое, так и косвенное, латентное влияние. Если подгруппа занимает в группе доминирующую позицию, связанную с «авторитетом силы», то ее воздействие скорее будет прямым, иметь характер давления, а не собственно влияния. В этих обоих случаях вышеуказанные факторы не имеют принципиального значения. Вряд ли можно говорить и о дискриминации большинством этих типов меньшинства, наличие у него каких-то «нормативных фильтров». Нормы таких подгрупп фактически являются нормами группы в целом, так что полюса «меньшинство-большинство» часто смещаются, когда подгруппа, численно являясь меньшинством, на самом деле характеризуется как психологическое большинство с точки зрения обладания авторитетом, властью, престижем. По большому счету ситуации, в которых эти подгруппы оказывались бы в качестве меньшинства против противостоящего им большинства, возникают достаточно редко.

Вариант третий. Если подгруппа как меньшинство не имеет высокого психологического статуса, а большинство характеризуется таким же образом, как и в предыдущем случае, то влияние позиции данной подгруппы проявится скорее в косвенной, чем в прямой форме и при наличии ряда тех условий, которые перечислены выше. Чем более изолирована такая подгруппа, жестче ее границы, тем потенциально меньше будет ее влияние. Если же

большинство включает активные подгруппы, составляющие его ядро, то ни о каком прямом миноритарном влиянии подгруппы-меньшинства с невысоким психологическим статусом речи идти не может. Здесь будет проявляться дискриминация меньшинства.

Вариант четвертый. Меньшинство представлено одной неформальной подгруппой, которая активна, стремится к лидерству в группе. Среди большинства есть также активная подгруппа, находящаяся в конкурентных отношениях с данной подгруппой. В этом случае такая подгруппа будет сильнее организовывать противодействие всего большинства против подгруппы-меньшинства. Это грозит расколом группы, так как у обеих подгрупп есть сторонники. Влияние меньшинства будет зависеть от общего расклада сил и распространяться прежде всего на тех членов группы, которые ранее на нее ориентировались, идентифицировали себя с ней.

Вариант пятый. Рассмотрим пример, который имеет прямое отношение к постулату теории самокатегоризации: социальное влияние меньшинства определяется тем, как оно будет категоризовано – как представители ингруппы или аутгруппы и в каком контексте: внутригрупповом или межгрупповом. Конкретно это проявляется так, как описано в первом факторе влияния меньшинства. Однако С. Московичи указывает, что он с сотрудниками неоднократно наблюдал, когда меньшинство, исключавшееся из группы и подвергавшееся явной дискриминации, все же оказывало косвенное, отсроченное влияние [131]. Можно пойти дальше и сказать, что, даже никогда не являясь частью группы, некоторое меньшинство способно оказывать влияние на большинство этой группы. Причем влияние может иметь не только косвенную, но и прямую форму, влияние, для осуществления которого могут быть не обязательны перечисленные выше факторы. Например, единственно лидирующая в группе подгруппа, оказываясь в позиции меньшинства, вступает во временную кооперацию с лидирующей подгруппой другой группы, ссылается на ее авторитет, протекционирует в группе ее позицию, сходную со своей. Естественно ожидать элементы воздействия со стороны аутподгруппы. В этом случае вопрос о рекатегоризации большинством данной аутподгруппы как части своей группы может быть не столь принципиален. В повседневной жизни можно нередко наблюдать ориентацию значительной части группы на мнение какой-то незначительной части (подгруппы) другой группы. Это наиболее характерно для тех групп, в которых подавляющее количество членов не объединены в подгруппы, а единицы существующих подгрупп пассивны или замкнуты в себе. Таким группам характерна нестабильность, множество противоположных тенденций и точек зрения, так что члены другой группы (например, параллельный класс в школе) рассматриваются в качестве авторитетных арбитров. Более вероятно в качестве таковых будут не отдельные члены, а какая-то действительно авторитетная в своей группе подгруппа.

Рассмотрев некоторые варианты влияния меньшинства, сформулируем два минимальных условия влияния меньшинства с позиции структурных компонентов группы:

1) при «благоприятном» составе большинства и одинаковом психологическом статусе в малой группе влияние мнения одного члена (меньшинство), являющегося представителем сплоченной и активной подгруппы, будет сильнее, чем мнение какого-то одного «самостоятельного» члена (меньшинство);

2) при «благоприятном» составе большинства и одинаковом психологическом статусе в группе влияние мнения высокосплоченной неформальной подгруппы-меньшинства будет сильнее, чем влияние совокупности временно объединившихся по конкретной позиции «самостоятельных» членов как меньшинства.

Это предопределяется более высоким исходным уровнем психологического единства, согласованности, поддержки членов в устойчивой неформальной подгруппе, восприятием ее большинством как автономного образования по сравнению с совокупностью «самостоятельных» членов.

Обратимся к влиянию большинства. В разных исследованиях предпринимались попытки установить его зависимость от тех или иных характеристик самого большинства и меньшинства. В первом случае указывается на меру единства позиций, восприятие большинства как единого целого, статус и численный состав большинства. Например, первоначально считалось (Аш), что влияние перестает увеличиваться и может даже снизиться при количестве большинства более трех-четырех человек. Позже на основе анализа различных исследований было установлено, что влияние большинства усиливается вместе с увеличением его численности. Среди характеристик меньшинства отмечались: социально-демографические параметры (пол, возраст, социальный статус), личностные качества (неуверенность, тревожность, зависимость, экстравертированность, ответственность, уровень интеллекта и др.), мотивация членства в группе и уровень ее привлекательности. В качестве ситуативных переменных выделялась неоднозначность ситуации, степень несоответствия между индивидуальной и групповой нормой и др.

В теории деятельностного опосредствования межличностных отношений все эти переменные считаются действенными лишь в диффузных группах, тогда как в группах высокого уровня развития они отступают на второй план. В высокоразвитых группах чаще проявляется не конформность или нонконформность, а так называемый феномен коллективистического самоопределения: «личность избирательно относится к воздействиям данной конкретной общности, принимая одни и отвергая другие, в зависимости от опосредствующих факторов – оценок, убеждений и идеалов», поведение личности в условиях группового давления «определяется не непосредственным влиянием группы и не индивидуальными качествами внушаемости, а главным образом принятыми в группе целями и задачами деятельности, устойчивыми ценностными ориентациями» [159, с. 29].

С позиции микрогрупповой концепции решение данного вопроса необходимо осуществлять с учетом неформальных подгрупп и «самостоятельных» членов. В этом случае можно по-иному оценить актуальность, роль перечисленных промежуточных факторов влияния большинства.

Предположим, что большинство представлено совокупностью «самостоятельных» членов группы, а в качестве меньшинства выступает один или несколько человек, также относящихся к разряду «самостоятельных» членов. Как отмечалось выше, такая композиция, хотя и в искусственной форме, являлась наиболее типичной для зарубежных исследований. Именно в такой ситуации могут быть действенны те характеристики большинства и меньшинства, которые были выделены в различных исследованиях. Именно в такой ситуации большинство может либо не оказать никакого влияния, либо оказать прямое или же косвенное влияние.

Совершенно иная ситуация будет наблюдаться, если в составе большинства и меньшинства будут находиться неформальные подгруппы, тем более с высоким психологическим статусом и активностью. Приведем лишь три возможных примера, во многом созвучных с теми, когда речь шла о влиянии меньшинства.

Пример первый. Большинство состоит из массы недостаточно активных подгрупп и «самостоятельных» членов, а меньшинство представлено лидирующей или доминирующей подгруппой. Вряд ли можно говорить о каком-то заметном, будь то прямом или косвенном, влиянии большинства. Не «поможет» здесь наличие перечисленных ранее тех или иных характеристик большинства и меньшинства. С трудом можно представить себе дискриминацию такого меньшинства, так как, о чем уже говорилось, оно фактически предопределяет, задает групповые нормы и психологически, а не численно является большинством.

Пример второй. В составе большинства находится неформальная подгруппа с высоким психологическим статусом, а меньшинство представлено «самостоятельными членами» (пусть некоторые из них и имеют высокий статус). В этом случае влияние будет, и оно может иметь как прямой, так и косвенный характер. Если же подгруппа занимает в группе доминирующую позицию, построенную на «авторитете силы», то воздействие большинства будет прямым, будет представлять собой скорее форму группового давления, нежели собственно влияния. В том и другом случае вышеперечисленные характеристики либо теряют свою актуальность, либо изначально заданы, имеют место. Например, в неформальной высокосплоченной подгруппе изначально намного сильнее единство позиций, а единство всего большинства будет значительно возрастать в силу объединения вокруг такой подгруппы остальной части группы. Сам по себе статус такой подгруппы высок (лидерство или доминирование), что будет проецироваться и на статус всего большинства. В целом же большинство будет в более значительной степени восприниматься как единое целое.

Пример третий. В состав большинства и меньшинства входят активные и конкурирующие между собой подгруппы. В этом случае невозможно заранее предвидеть исход влияния большинства. Принятие в расчет указанных выше характеристик большинства и меньшинства не позволит прояснить ситуацию. К примеру, если подгруппе-меньшинству не удастся в ходе противодействия привлечь к себе сторонников, и она окажется в проигрыше, то,

прежде всего, можно говорить о наличии прямого, внешнего давления на нее. Наличие же косвенного воздействия, влияния на когнитивном, личностном уровне, фактически означает «удар» по позитивной идентичности людей со своей подгруппой. Чтобы избежать этого люди прибегают к определенным средствам. Вспомним стратегии, используемые при непредпочтительном для своей группы межгрупповом сравнении, которые могут иметь место в пространстве взаимодействия между подгруппами: поиск позитивных отличий посредством введения новых оснований в ситуацию сравнения или прямое соревнование ингруппы (инподгруппы) с представителями аутгруппы (аутподгруппы). То есть в таком случае вряд ли можно говорить о косвенном влиянии на подгруппу-меньшинство. Если же она часто оказывается в этой позиции и испытывает проигрыш в противодействии давлению большинства, то возможны два варианта дальнейшего развития событий: а) подгруппа самоустраняется от взаимодействия с остальной частью группы; б) снижается позитивная идентичность людей со своей подгруппой, будет наблюдаться косвенное влияние («обращение»), желание перейти в более высокостатусную подгруппу (третья стратегия), что чревато распадом подгруппы.

Выделим два минимальных условия влияния большинства с позиции структурных компонентов группы:

1) влияние большинства, в составе которого находится неформальная подгруппа (или несколько подгрупп), будет сильнее, чем влияние большинства, состоящего только из совокупности «самостоятельных» членов (при условии, что меньшинство не представлено лидирующей подгруппой);

2) влияние большинства, в составе которого находится неформальная подгруппа с высоким психологическим статусом, будет сильнее, чем влияние большинства, состоящего из совокупности недостаточно активных подгрупп и «самостоятельных», пусть и с высоким статусом, членов (при условии, что меньшинство не представлено другой лидирующей подгруппой).

Последняя, но очень важная проблема касается методологического понимания влияния малой группы на личность. В зарубежных и отечественных теориях, а также в конкретных исследованиях она рассматривается с точки зрения влияния именно всей группы или ее большинства. Различие заключается лишь в разных концептуальных объяснениях. Например, в теории ДОМО влияние определяется уровнем развития группы, а в организационно-параметрической концепции – уровнем организованности группы, связанным с уровнем ее развития. С позиции теории социальной идентичности влияние группы предопределяется наличием идентичности личности с ней.

Однако из внимания упускается существенная ось влияния: «подгруппа-личность», которая во многих случаях может быть более значимой, чем «группа-личность». Действительно, если человек включен в неформальную относительно автономную подгруппу, которая является сплоченной и для него референтной, то в рамках группы он скорее будет идентифицироваться с этой подгруппой, чем с группой в целом, ориентироваться, прежде всего, на ее нормы и требования, а не на ожидания всей группы. Отсюда следует, что он будет, бесспорно, сильнее подвержен влиянию своей подгруппы, чем

группы в целом. Даже многие так называемые «самостоятельные» члены группы ориентированы на какую-то конкретную подгруппу, которая для них будет более сильным источником влияния, чем вся группа.

Можно сказать, что в обычных условиях влияние подгруппы на своих членов сильнее, чем влияние других подгрупп или малой группы в целом (или ее большей части). Это положение определяется общим положением микрогрупповой концепции: интегративные характеристики подгрупп несравненно сильнее, а дезинтегративные – значительно слабее выражены, чем такие же характеристики малой группы в целом.

Если исходить из такого взгляда на затронутую проблему, сам собой напрашивается вопрос о том, в каких случаях усиливается, а в каких ослабевает влияние группы, когда постановка проблемы влияния группы теряет свой смысл.

Когда в группе нет подгрупп, и она при этом является высокосплоченной, то, естественно, мы можем четко ставить вопрос о групповом воздействии на конкретного индивида. Когда же в группе нет подгрупп, и она представляет из себя совокупность психологически не связанных людей, нет и взаимодействия с другими группами, то как тогда будет расцениваться возможность влияния группы? Думается, что его здесь просто не может быть, а влияние реализуется исключительно в аспекте отношений между отдельными людьми. Если в группе есть подгруппы, а внешняя активность группы минимизирована, то при анализе влияния надо отталкиваться не столько от группы, сколько от принадлежности человека к устойчивой подгруппе или ориентации «самостоятельных» членов на те или иные подгруппы. Другой интересный момент, когда в группе есть единственно лидирующая, доминирующая подгруппа. В этом случае цели и нормы данной подгруппы будут спроецированы на всех членов группы и, следовательно, составлять костяк групповых норм. Это означает, что влияние группы (если оно будет осуществляться) по наиболее важным вопросам, не что иное, как влияние данной подгруппы, т.е. представляет собой вторичное влияние.

Для решения вопроса о факторах и закономерностях усиления-ослабления внутригруппового влияния необходимо обратиться к содержанию взаимодействия малой группы с внешней средой. Такая зависимость определяется общими тенденциями: интенсификация взаимодействия с внешней средой вызывает усиление интеграции группы в целом и ослабление интеграции внутри подгрупп, а ограничение контактов с внешней средой определяет дезинтеграцию группы в целом и усиление интеграции внутри подгрупп.

Если интенсифицируется взаимодействие группы с внешней средой, например, с другой группой, то будет происходить усиление влияния группы на отдельных ее представителей (членов подгрупп и «самостоятельных» членов). Если продолжающийся процесс интенсивного взаимодействия группы с внешней средой оказывается неэффективным, то начнет развиваться и доминировать такая же тенденция внутригруппового влияния, которая характерна для малых групп с ограниченными внешними социальными контактами. При ограничении контактов малой группы с внешней средой усилятся границы

подгрупп, их референтность для своих членов. Следовательно, резко упадет влияние группы и возрастет влияние подгрупп на своих представителей, а также на многих не включенных в подгруппы членов.

6.5. Адаптирующий потенциал

Проблема адаптации не ограничивается рамками психологии малой группы, так как представляет собой достаточно емкое явление, один из аспектов фундаментальной проблемы взаимодействия индивида и внешней среды, который является предметом изучения других психологических дисциплин (общей психологии, психологии стресса, психологии труда и др.), а также смежных с нею наук. Процесс и результат адаптации рассматривается применительно к физической и социальной среде. В последнем случае адаптация изучается на двух уровнях: как включение в новую микросреду (адаптация в малой группе) и как процесс вхождения в макросреду (социализация).

В настоящее время существует много работ, посвященных анализу природы адаптации, ее разновидностям, в значительной доле которых данное явление трактуется с позиции той или иной теоретической ориентации. Сложившиеся частные концептуальные модели отражают те или иные обобщенные аспекты адаптации, например, жизнедеятельность в изменяющихся условиях существования, приспособление к измененным условиям среды, достижение устойчивости в измененной среде, поиск личностью способов самораскрытия, способность раскрывать свой адаптационный потенциал.

В данном параграфе будет рассматриваться адаптация новичка в малой группе, а точнее адаптирующее свойство группы и неформальных подгрупп.

В работе [249] по анализу динамики тематик исследования малых групп адаптация новичка в группе не выделена как самостоятельная тема. Вполне возможно, что она была включена ими в рамки каких-то иных тем, например, мотив присоединения в разделе «личностные переменные», влияние и конформизм в разделе «групповые структуры и процессы». Обзор публикаций в журналах «Вопросы психологии» и «Психологический журнал», изданных с 1985 г. по 2002 г., позволяет отметить одну статью по адаптации в группе.

Можно выделить три подхода к изучению адаптации новичка в малой группе с точки ее детерминант: адаптация как функция личности новичка, адаптация как функция свойств группы, адаптация как функция взаимной активности новичка и группы. Рассмотрим кратко эти подходы.

«Адаптация как функция личности новичка» представляет собой наиболее распространенную исследовательскую область по количеству опубликованных работ. Внимание авторов направлено на поиск тех или иных личностных переменных новичка, которые обуславливают успешность-неуспешность адаптации. Их спектр чрезвычайно широк, начиная от физиологических особенностей (например, свойства нервной системы) человека и заканчивая уровнем его самосознания, рефлексии.

Несмотря на большое количество работ, с одной стороны, наблюдается явное превалирование эмпирических фактов над теоретическими обобщениями, а с другой стороны, вопрос о социально-психологической детерминации процесса включения нового индивида в группу остается недостаточно разработанным. Слабая проработка данного вопроса связана с тем, что в своих эмпирических исследованиях авторы, акцентируя внимание на особенностях нового индивида, не принимали во внимание особенности малой группы, включающей новичка. Группа рассматривается обычно как микросреда, задающая новичку цели деятельности или нормы поведения, что является недостаточным для адекватного описания процесса его адаптации. В этом случае из рассмотрения упускается активная роль группы в процессе адаптации, упускается «адаптирующий потенциал» группы по отношению к новому индивиду.

Направление «адаптация как функция свойств группы» слабо представлено в теоретико-экспериментальных и эмпирических исследованиях.

Например, А.С. Горбатенко, опираясь на положение теории ДОМО об уровнях развития малых групп, предложил рассматривать в качестве главного социально-психологического условия адаптации установку группы по отношению к новому индивиду, регламентирующую активность людей по отношению к новичку на начальном этапе его адаптации [56]. В группах разного уровня развития должна наблюдаться и разная установка.

Поскольку речь идет о новом, недавно вошедшем в группу индивиде, у членов группы должен ощущаться недостаток объективной информации о нем, и, следовательно, реальные качества новичка, например свойства его личности или профессиональные возможности, будут играть менее важную роль в процессе включения, чем установка членов группы по отношению к нему. Гуманное содержание установки облегчит, а антигуманное – затруднит процесс включения. Установка по отношению к новичку в условиях дефицита информации может обнаружиться и в приписывании новичку тех или иных качеств.

Этим автором выделено три возможных типа установки малой группы по отношению к новому индивиду: а) группа готова взаимодействовать с новичком, авансируя ему гуманные отношения; б) группа готова взаимодействовать с новичком, авансируя ему антигуманные отношения; в) группа отказывается от взаимодействия с новичком, безразлична к нему [56].

Наиболее успешно процесс адаптации новичка протекает в случае преобладание первого типа установки, а наименее успешно – при доминировании второго и третьего. На основе соотношения уровня выраженности этих трех установок можно оценивать степень открытости группы для новичка, т.е. ее адаптирующий потенциал.

В результате экспериментальных исследований было установлено, что группы высокого уровня развития открыты для новичка и, взаимодействуя с ним, авансируют ему гуманные отношения. С другой стороны, группы с антисоциальной направленностью авансируют новичку антигуманные отношения или отказываются от взаимодействия с новичком, безразличны по отно-

шению к нему. Следует сказать и о выявленной высокой открытости (преобладание гуманной установки) диффузных групп с просоциальной направленностью.

Аналогичные данные были получены и при исследовании атрибуции новичку наиболее желаемых личностных качеств. В случае преобладания в группе «гуманной установки» характеристика новичка похожа на «идеальную самооценку», отражающую наиболее желаемые для членов группы качества. В случае преобладания в группе «антигуманной установки» имеет место приписывание новичку нежелательных качеств.

При исследовании действенной групповой эмоциональной идентификации (ДГЭИ) с помощью сенсомоторного интегратора было выявлено, что выраженная «гуманная установка» группы по отношению к новичку сопровождается высоким уровнем идентификации, а в случае преобладания «антигуманной установки» или «установки на безразличие» - низкое проявление идентификации [56].

Третье направление – «адаптация как функция взаимной активности новичка и группы» – практически не разрабатывается в социальной психологии малых групп, хотя многие отечественные авторы указывают на процесс адаптации как двусторонне активный и рассматривают его в традиционном контексте социально значимой деятельности личности и группы.

К данному направлению можно отнести модель развития личности в новой микросреде (малой группе), разработанную А.В. Петровским в рамках концепции персонализации личности [161]. Источником развития и утверждения личности является противоречие между потребностью индивида в персонализации (быть представленным в сознании других, оказывать влияние на изменение их смысловой сферы и поведения) и объективной заинтересованностью данной группы, референтной для индивида, принимать те проявление его индивидуальности, которые соответствуют задачам нормам, условиям функционирования группы. Возникновение и последующее разрешение данного противоречия лежит в основе трех этапов вхождения человека в новую микросреду: адаптация, индивидуализация и интеграция. Появление препятствий в развитии противоречия вызывает трудности в переходе на следующий этап. Как видно, в данной модели учитывается активность и личности, и группы.

Чтобы обозначить положение микрогрупповой концепции по вопросу адаптации личности вернемся к идее «открытости», адаптирующего свойства малой группы основу которого составляет определенный уровень выраженности трех перечисленных установок. Эта идея имеет некоторые ограничения.

Во-первых, высокий адаптирующий потенциал, связанный с доминированием «гуманной установки», будет проявляться только в группах с выраженной просоциальной направленностью. В группах с асоциальной, особенно антисоциальной направленностью этот потенциал, отражающий доминирование «антигуманной установки», будет, естественно, низким. Он будет низким и в группах с неопределенной, неустойчивой направленностью, для

которых характерна выраженность «установки на безразличие». Получается, что в малых группах с невыраженной социальной направленностью, которые по численности преобладают в повседневной жизни, для всех потенциальных новичков уготован не столь радужный прием и их адаптация будет осложнена. Тем более это относится к асоциальным и антисоциальным группам, например, подростковым неформальным объединениям или группам заключенных.

Во-вторых, определение степени открытости, адаптирующего свойства малой группы в целом без учета неформальных подгрупп представляет собой такое же усреднение, как и в случае с традиционными подходами к пониманию сплоченности, совместимости и сработанности, идентификации и др. Здесь также мы будем иметь ошибки теоретического, эмпирического и практического порядка. Поэтому феномен адаптации новичка необходимо рассматривать относительно неформальных подгрупп.

С позиции микрогрупповой концепции в процессе адаптации, вхождения в малую группу новичок фактически включается в одну из неформальных подгрупп, которая наиболее «открыта» для него, или же не включается ни в одну из подгрупп [53]. Следовательно, общий процесс адаптации новичка в группе содержит в себе процесс его включения или невключения в микрогруппу.

Из этого положения следует, что в малых группах с просоциальной, неопределенной или асоциальной направленностью адаптация новых членов может происходить по-разному в зависимости от того, есть ли открытые для них подгруппы или нет. Если да, то процесс адаптации будет протекать более успешно. Наличие подгрупп, готовых включить в свой состав новичка, является более актуальным для групп с неопределенной или асоциальной направленностью.

Данное положение имеет силу и относительно проблемы адаптации личности в группе вообще, так как открытость-закрытость подгрупп имеет место не только по отношению к новичкам, но и к членам группы – представителям других подгрупп, «самостоятельным» членам.

Предположим, что речь идет о членах группы, которые были включены в нее изначально, т.е. с момента ее образования. В этом случае адаптация в ней будет осуществляться посредством включения человека в ту или иную подгруппу. Если в силу разных обстоятельств этого не происходит, то адаптация человека не будет полной и завершенной при наличии у него потребности во включении. Она не будет такой и в том случае, если человек, включенный в подгруппу, со временем оказывается не удовлетворенным своим членством в ней. Поэтому в процессе функционирования группы проявляется стремление некоторых «самостоятельных» членов включиться в какую-то подгруппу и отдельных членов подгрупп перейти в другую подгруппу или образовать новую с теми, которые для них более приемлемы по каким-то значимым критериям. Несколько по иному выглядит процесс адаптации так называемых «тасующихся» членов. Для них не столь важна ситуация полного включения только в какую-то одну микрогруппу и их более устраивает по-

граничное соприкосновение с разными подгруппами. Для них адаптация, в отличие от тех «самостоятельных» членов, которые предпочитают автономию и не испытывают потребности во включении в подгруппу, будет блокирована в том случае, если все микрогруппы окажутся для них закрытыми.

Отсюда вытекает более общее положение микрогрупповой концепции относительно адаптации личности в малой группе: если малая группа не предоставляет всем ее членам возможности для более полного удовлетворения индивидуальных целей, потребностей, то их адаптация в группе будет осуществляться посредством образования и включения в неформальные подгруппы.

Это положение может быть конкретизировано в ряде частных положений.

1. Если личность включена в неформальную подгруппу и удовлетворена своим членством в ней, то ее адаптация является более полной, чем адаптация по малой группе в целом.

Это положение определяется тем, что интегративные характеристики подгрупп несравненно сильнее, а дезинтегративные – значительно слабее выражены, чем такие же характеристики малой группы в целом.

2. Чем более закрыта подгруппа по отношению к группе, тем более процесс адаптации члена подгруппы будет осуществляться через свою подгруппу. В открытой подгруппе процесс адаптации ее членов будет осуществляться не только через свою подгруппу, но и через группу в целом.

3. Уровень открытости неформальных подгрупп в малой группе зависит от особенностей взаимодействия малой группы с внешней средой.

Интенсификация взаимодействия малой группы с внешней средой вызывает усиление общегрупповых границ и одновременно открытость неформальных подгрупп, а ограничение контактов с внешней средой определяет закрытость неформальных подгрупп и интенсификацию взаимодействия между всеми структурными компонентами группы.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ МАЛОЙ ГРУППЫ В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

«Положение теоретического знания в «теле» каждой научной дисциплины (так же, впрочем, как и общей методологии) может служить известным индикатором ее состояния. Именно анализ сферы принимаемых в науке теорий позволяет точнее всего определить основные тенденции развития науки, увидеть в обобщенном виде как значение достигнутых результатов, так и возникшие узлы трудностей, а порой и тупиковые позиции».

Г.М.Андреева, Н.Н.Богомолова, Л.А.Петровская

ГЛАВА 7

ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕОРИИ И МИКРОГРУППОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ МАЛОЙ ГРУППЫ

В зарубежной социальной психологии существует достаточно большое количество теорий, прямо или косвенно относящихся к проблематике малых групп. Еще больше «мини-теорий», которые дробят знания о малой группе по областям и направлены на объяснения каких-то отдельных социально-психологических явлений малой группы. Очевидно, что обзор всех теорий и, тем более, «мини-теорий» вряд ли реализуем и целесообразен. Поэтому возникает задача отбора для рассмотрения ограниченного количества теорий, который должен опираться на определенные основания. Логично было бы выделить два основания: анализ в теориях неформальных подгрупп как составных элементов малой группы и сильное влияние теорий на исследование малых групп в настоящее время. Такие критерии позволили выделить следующие теории: социометрическая теория (Я.Л. Морено), теория взаимозависимости (Г. Келли и Д. Тибо), теория социального сравнения (Л. Фестингер), теория социальной идентичности (Г. Тэджфел), теория самокатегоризации (Д. Тернер). Поясним такой выбор теорий более конкретно.

Из всех имеющихся теорий только в социометрическом подходе затрагивается вопрос о подгруппах в группе. На первый взгляд может показаться, что микрогрупповая концепция дублирует, подменяет этот подход или же непосредственно «вырастает» из него. На самом деле это не так.

Остальные выделенные теории соответствуют второму критерию, что можно подкрепить некоторыми фактами.

В зарубежной и отечественной литературе отмечается явное доминирование в настоящее время в зарубежной социальной психологии (особенно европейской) когнитивизма. Например, П.Н. Шихирев обозначает следующие общие этапы движения социальной психологии: 1) от радикального

биологического бихевиоризма к бихевиоризму социальному; 2) от социального бихевиоризма к общепсихологическому когнитивизму; 3) от общепсихологического когнитивизма к когитивизму психосоциальному [234]. Он же отмечает, что в начале 1980-х годов 3/4 американских социальных психологов отнесли себя к когнитивистам. Опираясь на анализ зарубежных работ обобщающего плана в области социальной психологии, другие отечественные авторы указывают, что «к концу XX столетия когнитивизм занял практически доминирующее место. Вместе с тем ориентация на бихевиоризм практически не получила дальнейшего развития, хотя сохранила свои позиции. Самые серьезные преобразования коснулись психоаналитической ориентации. В двух подробных руководствах по социальной психологии 80-90-х годов эта ориентация вообще не называется, поскольку ее значение в большей мере оказалось утраченным» [7, 34].

Теория социального сравнения относится к традиционной когнитивистской ориентации и наиболее часто, по сравнению с другими теориями этой ориентации, привлекается для объяснения широкого круга явлений, возникающих в малой группе: формирования группы и сплоченности, аффилиации и сопереживания, группового давления и конформности, групповой поляризации, поддержки и соперничества, и даже возникновения тех или иных модальностей эмоций человека.

Теории социальной идентичности и самокатегоризации являются наиболее мощными направлениями «когитивизма психосоциального». Именно под их влиянием проводится в настоящее время большое количество исследований. Так как эти теории тесно связаны между собой, они были включены в один параграф.

Эти три когнитивистские теории представляют для нас интерес еще и тем, что позволят прояснить вопрос о социально-перцептивных процессах, лежащих в основе объединения членов малой группы в неформальные подгруппы, определяющих поведение человека с позиции своей подгруппы.

Бихевиористская теория взаимозависимости также пользуется за рубежом высокой популярностью, применяется для объяснения некоторых групповых явлений. Ключевые положения этой теории (обмен вознаграждениями и издержками, критерии социального сравнения) могут быть использованы для дополнительного осмысления мотивационных основ объединения людей в неформальные подгруппы и отношений внутри подгрупп.

Надо сказать, что рассмотрение самих по себе всех этих перечисленных теорий было бы бессмысленным с точки зрения задач нашего исследования. Их необходимо соотнести, сопоставить с микрогрупповой концепцией малой группы. Чтобы сделать это более наглядным и доступным, по каждой теории сначала будут обозначены ее ключевые положения, а затем – проведен ее краткий анализ в сопоставлении с предлагаемой концепцией. Таким образом, каждый параграф, относящийся к конкретной теории, будет разбит на две части.

7.1. Социометрическая теория

Как хорошо известно, социометрическая теория Я.Л. Морено в свое время явилась мощным источником проведения социологических и психологических прикладных исследований социальных групп различного уровня, в том числе межличностных отношений в малых группах. Прежде всего, этому способствовали разработанные в рамках данной теории методы. Как отмечал сам Я.Л. Морено, «основной вклад, который внесла социометрия в социальные науки, – это методы исследования в их центральной области, о которой практически ничего не было известно, в сфере межличностных человеческих отношений и отношений между группами» [129, с. 96]. Эти методы получили широкое распространение не только в США, но и в странах Западной Европы, а позже – в нашей стране (правда, вне связи с идеями их автора). Так, в одной зарубежной статье, направленной на анализ тенденций развития психологии малых групп (за период с 1974 по 1986 гг.), указывается, что в среднем в год было опубликовано 15 работ, специально посвященных социометрическому тесту, не считая множества публикаций, в которых он использовался как инструмент исследования [249].

Надо сказать, что в отечественной литературе описан не собственно социометрический, а по выражению Я.Л. Морено, квазисоциометрический метод. Соответственно, на практике применялась его превращенная форма, а точнее, не столько процедура действия, сколько процедура простой диагностики. Кстати, сами зарубежные социометристы допускают некоторую вольность в применении данного метода, связанную с отходом от первоначального его смысла и цели предназначения. Даже по прошествии половины столетия с того времени, когда была сформирована данная теория, в литературе периодически отмечаются эти проявления как негативные. В связи с этим указывается на то, что первоначальное осмысление Я.Л. Морено социометрической теории и техник социометрии становится более обобщенным и разбавленным, происходит разделение социометрии на сильную и слабую, и поэтому делается призыв к более последовательному использованию идей Я.Л. Морено и соблюдению основных правил социометрического метода, выработанных им [256].

Наряду с большим количеством исследований, проведенных с опорой на социометрию, в литературе отмечается и то, что социометрическое направление оказало минимальное влияние на развитие теории малых групп [111]. Несмотря на этот факт и справедливые замечания в адрес данного направления, все же в нем есть важная составляющая, которая представляет для нас интерес, и разработка которой в свое время позволила бы внести существенный вклад в развитие теории малой группы. Но рассмотреть интересующий нас вопрос невозможно, не обозначив ключевые положения социометрии. Кратко выделим эти положения, в то же время максимально придерживаясь текста оригинала и терминологии Я.Л. Морено [129].

1) Понятие социометрии

Под социометрией понимается любое измерение любых социальных отношений, причем она занимается анализом не внешней, а внутренней структуры общественных групп, которую можно сравнить со строением атома или физиологической структурой клетки. Социометрия исследует не только развитие и организацию группы, но и положения в ней индивидов.

Внутренние структуры общества и социальных групп возникают из сил притяжения и отталкивания между отдельными людьми, а также между людьми и объектами.

Конечная цель социометрического исследования – способствовать оптимальному удовлетворению каждого индивида в социальной группе в определенных пределах и создание оптимальной структуры группы с точки зрения определенного критерия, т.е. удовлетворение группы в целом.

2) Социальная сфера общества

Социальная сфера общества включает три измерения: внешнюю структуру (внешнее общество), внутреннюю структуру (социометрическая матрица) и социальную реальность. Под внешним обществом понимаются большие или малые, формальные или неформальные группы, из которых состоит человеческое общество. Внутренняя структура состоит из различных констелляций: теле, атома, молекулы (несколько связанных друг с другом атомов), социоида (пучок атомов, связанных с другими пучками атомов межличностными сетями), классоиды (взаимное проникновение социоидов, что представляет собой социометрический аналог социального класса). Социальная реальность – динамический синтез и взаимное проникновение внешнего общества и внутренней структуры.

Любая формальная и неформальная группа помимо своей очевидной, четкой внешней структуры обладает еще и глубинной, неочевидной, неофициальной внутренней структурой, которая является более динамичной, чем первая.

Внешняя и внутренняя структуры не существует автономно, вне связи друг с другом. Внешнее общество беспрерывно подвергается давлению со стороны лежащей в ее основе внутренней структуры. Чем больше противоречие между официальным обществом и внутренней структурой, тем интенсивнее социальный конфликт.

3) Исходные элементы внутренней структуры групп

В качестве исходных элементов внутренней структуры рассматриваются такие соотносительные понятия, как «социальный атом», «теле» и «психосоциальная сеть».

Понятие социального атома является одним из главных понятий и представляет собой наименьший, далее неделимый социальный элемент («базисная социальная единица»). То есть наименьшей единицей является не индивид, а социальный атом, включающий в себя индивида и людей (близких или далеких), с которыми он в данный момент эмоционально связан в форме притяжений и отталкиваний. Хотя социальные атомы представляют

собой первичные структуры, они не являются первичными группами, т.е. группами «лицом к лицу».

В структуре социального атома выделяется внутренне и внешнее ядро отношений. Внутреннее ядро включает людей, с которыми человек поддерживает, и людей, которые с ним поддерживают непосредственные эмоциональные отношения (как позитивные, так и негативные). Внешнее ядро, складывающееся вокруг внутреннего, образует «желаемые» отношения. За внутренним и внешним ядром располагаются знакомства, отношения, не имеющие эмоционального значения для человека.

Социальный атом состоит из многочисленных структур теле. Понятие «теле» употребляется, чтобы описать самое простое эмоциональное единство между двумя индивидами. Теле – процесс вчувствования, лежащий в основе притяжений и отталкиваний между индивидами. Теле имеет два компонента: проективный (исходящий от индивида) и «ретроективный» (возвращающийся), а также может иметь разную силу. Предполагается, что материальный субстрат теле связан с «генной структурой и сексуальным притяжением», что силы притяжения и отталкивания имеют социофизиологический коррелят.

Социальные атомы являются частями еще более крупных образований, психологических сетей, которые соответственно их отношениям теле связывают или разделяют большие группы индивидов.

4) Социальные критерии связи и дифференциации между людьми

Социальные критерии являются теми фокусами, вокруг которых собираются индивиды и образуются различные по прочности и продолжительности группировки. С развитием общества индивидов быстро возрастает число критериев, по которым устанавливаются или могут устанавливаться контакты. Чем более многочисленными и комплексными являются критерии, тем более комплексной будет социальная структура сообщества. Сложно организованные группы часто формируются на основе нескольких существенных критериев. Экономический критерий является только одним из критериев, вокруг которого образуется социальная структура. Социальная группа, основанная на таком критерии, вряд ли может быть действительно крепкой, если человеческий коллектив не создал предпосылку для этого.

5) Социометрический метод

Сутью социометрического метода является превращение старого социального устройства в новое, преобразование групп таким образом, чтобы формальная поверхностная структура как можно более соответствовала глубинной структуре. Основные правила социометрического метода: а) исследование должно проводиться в том месте, где индивиды проявляют наибольшую спонтанность, в том окружении, по отношению к которому они наиболее интенсивно разогреты, в тех условиях, которые им наиболее известны по собственному опыту; б) все члены группы или сообщества максимально включены в исследование, являются исследователями общей для них ситуации; в) для изучения конкретной социальной общности должен подбираться «чувствительный» и адекватный критерий, т.е. тот, вокруг которого

действительно сложилась данная общность. Социометрический метод должен являться процедурой действия, а не диагностической процедурой. В противном случае речь идет о квазисоциометрическом методе.

* * *

Нет особого смысла останавливаться на анализе некоторой претенциозности в оценке Я.Л. Морено возможностей разработанной им социометрии, упрощенном понимании общества, социальной группы, социального конфликта и др. Нет и необходимости выделять позитивные моменты социометрического направления, так как об этом красноречиво свидетельствует лишь сам факт его живучести. Поэтому сразу перейдем к анализу того вопроса, который представляет для нас интерес.

В процессе выделения и изучения внутренней структуры формальных и неформальных социальных сообществ, в том числе малых групп, Я.Л. Морено вплотную подошел к изучению проблемы подгрупп в группах. Для обозначения позитивно связанных между собой индивидов или предельно малых групп (например, семьи) он использовал такие термины, как «клика», «группировка», «созвездие», «констелляция». Анализируя такие связи, он установил, что члены реальных групп постоянно образовывают специфические конфигурации взаимодействия – большое количество взаимных притяжений (в современной терминологии – диады), а также комплексные структуры, такие как «треугольники», «четырехугольники», «многоугольники» и «цепи». Это, не что иное, как подгруппы различного численного состава. Однако дальше констатации этого факта и учета в практической работе дело не продвинулось. Думается, этому можно найти несколько объяснений. Во-первых, основной единицей анализа в концептуальной схеме Я.Л. Морено являлся социальный атом, который по своему содержанию отличается от неформальной подгруппы.

Социальный атом включает в себя индивида и людей, с которыми он в данный момент эмоционально связан. Такая связь не обязательно предполагает непосредственное взаимодействие между людьми, но в тоже время предполагает не только аттракцию, симпатию, но и антипатию. Под неформальной подгруппой мы же понимаем совокупность членов группы, объединенных на основании одного или нескольких психологических более общих и значимых для них параметров по сравнению с другими членами группы. В подгруппах происходят наиболее частые и тесные непосредственные взаимодействия, по сравнению с группой в целом, как правило, отсутствуют антипатии, иначе они не возникали бы. Социальный атом является более частным феноменом, по сравнению с подгруппой, в одних случаях он может являться составной частью подгруппы, тогда как в других случаях он совершенно не связан с ней.

Во-вторых, внимание Я.Л. Морено было сконцентрировано прежде всего на структуре связей между индивидами, сцеплений социальных атомов

и в меньшей степени на неформальных группировках в группе как относительно автономных образованиях.

В-третьих, Я.Л. Морено не придавал особого значения осмыслению психологических характеристик разных неформальных группировок и их роли в функционировании группы в целом, объяснению различных социально-психологических явлений группы с позиции существования этих группировок. Для него первостепенная задача виделась в узко практическом плане: выделение неформальной структуры и ее адекватное соотнесение с формальной структурой. В общем, даже изучение структуры эмоциональных связей между людьми оставляло в стороне многие вопросы психологического порядка, сопутствующие этим связям. (Это можно объяснить невысоким уровнем развития в целом социальной психологии того времени.)

В-четвертых, в социометрической теории отношения между людьми, в том числе в «кликах», «группировках», понимаются как эмоциональные по своей природе, а возникновение группировок рассматривается как сугубо спонтанный процесс. С позиции микрогрупповой концепции объединение людей в неформальные подгруппы и взаимоотношение в них происходит не только на сугубо эмоциональной основе, но и других параметрах, например, инструментального свойства. Образование подгрупп часто носит не столько спонтанный, сколько осознанный, преднамеренный характер со стороны отдельных членов группы.

В-пятых, объектом исследовательско-преобразующей работы выступали как малые, так и большие группы. Очевидно, что неформальные группировки больших групп (например, деревня из 250 семей) отличаются по своему содержанию от группировок малых контактных групп. На такое отличие не обращалось особого внимания. Кроме того, в больших группах часто рассматривалась структура связи не между конкретными индивидами, а между малыми группами, к примеру семьями, что предельно обобщало смысл и содержание неформальных подгрупп.

В-шестых, процедура социометрического теста во многих случаях не позволяла с высокой степенью надежности и адекватности выделять в группе подгруппы как целостные и относительно замкнутые психологические общности людей. У тех, кто хотя бы в общих чертах знаком с социометрическим (квазисоциометрическим) тестом, такое утверждение может вызвать недоумение. Ведь принято считать, что именно этот тест является практически единственным для выделения неформальных подгрупп в группе. В то же время те, кто неоднократно работал с данным тестом, наверняка сталкивались с ситуацией, когда в достаточно многочисленной малой группе выявлялись настолько «перепутанные» взаимосвязи между людьми, что это делало невозможным выделение автономных подгрупп. С такой ситуацией наверняка постоянно сталкивался и сам Я.Л. Морено. И дело здесь не столько в отсутствии микрогрупп в таких группах, сколько в ограниченности процедуры социометрического теста.

Так, В.И. Паниотто в качестве основных недостатков социограмм отмечает субъективизм в их построении и падение наглядности с ростом числа

людей в группе, и избавиться от этих недостатков можно путем изучения различных подструктур, т.е. неформальных подгрупп [142].

В-седьмых, Я.Л. Морено и его наиболее последовательные преемники постоянно указывали на необходимость использования специфического критерия для конкретной группы, причем, как правило, единственного (например, «С кем бы Вам хотелось жить вместе», «С кем бы Вы хотели сидеть за столом», «С кем бы Вы хотели вместе работать»). Такой единственный критерий ограничивал выбор между людьми по одному основанию, хотя реально разные члены одной и той же группы могли объединяться на совершенно иных основаниях, которые не фиксировались критерием. С одной стороны, такой подход к пониманию критерия оправдан необходимостью учитывать суть жизнедеятельности группы, а с другой стороны, существенно ограничивает выделение объективно существующих подгрупп, дает несколько искаженное представление о них.

Думается, что стремление Я.Л. Морено, как человека с глубокой гражданской позицией, решать все более и более масштабные и разносторонние социальные и психологические задачи в различных сферах общества не могло позволить ему уделить должного внимания малой группе (за исключением специфического вида групп – психотерапевтических).

7.2. Теория социального сравнения

В теории социального сравнения (1954) Л. Фестингера развиваются ключевые представления ранее разработанной им же концепции неформального социального общения (1950). Они связаны с тестированием социальной реальности и с субъективной валидностью, посредством которых можно было бы объяснить проблему группового давления как источника униформности в неформальном общении членов группы.

Согласно этой теории люди имеют потребность в оценке своих суждений и способностей, т.е. самооценке.

Для оценки соответствия истинности того или иного суждения действительности они могут использовать два способа тестирования реальности: физическое и социальное. Физическое тестирование реальности заключается в непосредственном воздействии человека на нее с использованием его собственных когнитивных или поведенческих возможностей, объективных, физических несоциальных методов без обращения к мнениям каких-то людей. Социальное тестирование реальности используется тогда, когда объективные, несоциальные способы проверки какого-либо мнения оказываются невозможными. Поэтому человек начинает сравнивать свои взгляды с мнениями других людей и стремится к согласию с теми, с кем он похож.

В последнем случае, оценивая самих себя, люди вынуждены полагаться на процессы социального сравнения. Чем менее доступны объективные, несоциальные способы оценки (т.е. физическое тестирование реальности), тем больше люди полагаются на эти процессы. Чем менее однозначна и структу-

рирована объективная реальность, тем чаще люди предпочитают физическому тестированию социальное тестирование, связанное с социальным сравнением. Последний вид тестирования предполагает сопоставление собственного мнения с мнением определенной группы людей.

Людям свойственно стремление сравнивать себя только с теми, кто похож на них, и избегать сравнения с теми, кто существенно отличается от них. Чем больше суждения и способности окружающих похожи на суждения и способности данного человека, тем более вероятно окружающие будут представлять собой референтную для него группу. То есть для тестирования социальной реальности имеет значение только согласие с членами референтной группы, тогда как согласие с любым другим человеком для него не имеет никакого значения.

Чем более способности и суждения человека соответствуют способностям и суждениям тех, с кем он себя сравнивает, тем более стабильна и точна информация о том, «где именно он находится» (субъективная валидизация), которую дает это сравнение, т.е. тем более оно информативно. (Здесь необходимо указать на то, что в первоначальном значении – в теории неформального социального общения – субъективная валидность понималась как убежденность человека в правоте некоторого его суждения или действия.)

Чем выше потребность человека в оценке собственных суждений и способностей, тем более он склонен к тому, чтобы быть привлекательным для своих единомышленников, и к уменьшению разницы между собой и ими.

Давление униформности и формирование группы взаимно влияют друг на друга. Человек присоединяется к группе людей, с которыми он согласен (на которых он похож), а давление униформности (быть как все) внутри таких групп приводит к еще большему согласию, сходству и, следовательно, к большему отождествлению человека с группой. Иначе можно сказать, что человек сближается с референтной для него группой и ищет возможности оказания на нее влияния. В то же время минимальное отличие суждений ведет к конформизму: человек легко меняет незначительно отличающееся от других мнение, чтобы совсем приблизить свое мнение к мнению группы. В результате этого увеличивается сплоченность группы.

Сравнение способностей, в отличие от сравнения суждений, приводит к возникновению соревновательных тенденций: у человека появляется желание быть немного лучше других.

Зависимость от тестирования социальной реальности возрастает со снижением зависимости от тестирования физической реальности. Чем меньше у человека возможностей протестировать физическую реальность, тем более значимым для него (для валидизации собственных суждений) становится поддержка единомышленников.

В завершение обозначения основных положений теории социального сравнения возьмем на себя смелость обозначить их схематически (рис. 3) для большей наглядности.

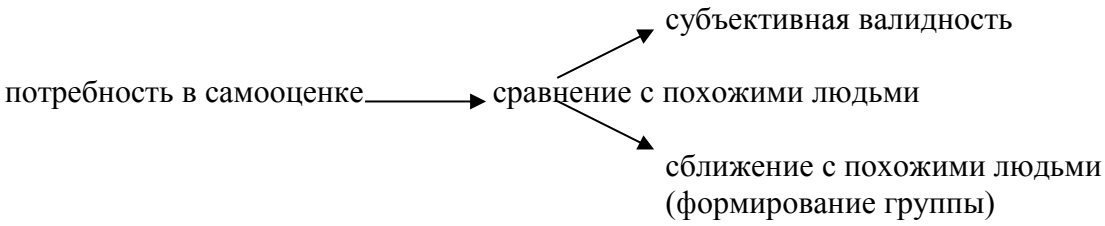

Рис. 3. Причинная связь ключевых понятий теории социального сравнения

Как отмечает Д. Тернер, идея тестирования социальной реальности с помощью социального сравнения была плодотворна и оказала большое влияние на исследовательскую деятельность последующего поколения психологов. Действительно, эта идея используется и по настоящее время для анализа и объяснения сплоченности группы, группового давления и конформности, групповой поляризации и др.

В то же время Д. Тернер выделяет два концептуальных противоречия в этой теории. Одно из них, наиболее принципиальное, касается вопроса о сравнении человеком себя только с теми, кто на него похож. «Если человек не сравнивает себя надлежащим образом с теми, кто отличается от него, и не может этого делать, откуда он узнает, что эти люди не похожи на него? Выявление различий – такой же процесс сравнения, как и выявление сходства», – пишет он [189]. В жизни любого человека возникают ситуации (например, при межгрупповом сравнении), когда необходимо сравнивать себя с другими людьми, которые не похожи на него, и не только оценивать себя с точки зрения этой «непохожести», но и поддерживать ее. Позже это убедительно было доказано в теориях социальной идентичности и самокатегоризации.

Кроме того, другие авторы (Готалс и Дарли), соглашаясь с важной ролью сравнения человека с похожими людьми в получении информации о собственных способностях и предпочтениях, высказывают предположение, что с точки зрения валидности суждения более информативным для него может быть сравнение, наоборот, с теми, кто от него отличается [189].

Следовательно, основное положение теории Л. Фестингера имеет несколько шаткую позицию.

* * *

С позиции микрогрупповой концепции необходимо обратить внимание на некоторые существенные обстоятельства, связанные с данной теорией.

Первое из них общего порядка и обусловлено тем, что рассматриваемая теория является типичным примером социально-психологических теорий, разработанных в когнитивизме, бихевиоризме и психоанализе в 1950-70-х гг., которые построены на «методологическом принципе индивидуализма» [234], относятся к «индивидуальному подходу» [7], «имплицитному индивидуализму» [270]. Суть этого принципа и его следствия, подробно проанализированные Г. Тэджфелом (хотя он не использовал этого термина) [195], П.Н. Шихиревым [234] и др., можно представить в следующей обобщенной форме: а)

исходной единицей анализа является индивид; б) предмет изучения – влияние на человека других людей; в) регуляторы социального процесса локализованы в индивидуальной психике; в) анализ социального процесса ограничен взаимодействием «индивид-индивид» и «индивид-группа»; г) группа рассматривается как совокупность отношений «индивид-индивид», и даже отношения между группами становятся проблемой психологии индивида; д) социальные явления должны объясняться, в конечном счете, в терминах индивидуального поведения.

Одним из важных следствий обозначенного принципа является игнорирование или неадекватное понимание социального контекста в анализе поведения человека, межличностных отношений. В начале 1970-х гг. Г. Тэджфел, выступая с резкими критическими замечаниями в адрес американской социальной психологии, писал, что «тривиальность большинства исследований в современной социальной психологии частично проистекает из попыток рассматривать в качестве причины социального поведения «общие» законы мотивации индивида… Это привело к пренебрежению взаимодействием социального контекста с социальным поведением и к формированию «законов», в которых это взаимодействие совершенно не учитывается ни для объяснения, ни для предсказания социального поведения» [195;241]. Он также отмечал, что, если в теориях и оговаривается социальный контекст, в экспериментах он реально отсутствует. Причины этого следствия видятся во влиянии общей психологии, в объективных трудностях исследования социального бытия человека, определения того, что такое «социально» для социальной психологии и как его ввести в психологический контекст, в том, что социальная психология, по мнению некоторых авторов, не должна учитывать макроструктуру, макропроцессы, так как это область приложения других наук: социологии, политологии.

В соответствии с микрогрупповой концепцией исходной единицей анализа являются подгруппы, возникающие в группе, а также не включенные в них члены группы («самостоятельные» члены группы). Подгруппы имеют общие и специфические особенности, точно так же как и отдельные индивиды, не включенные в подгруппы.

Взаимодействие внутри группы необходимо рассматривать как взаимодействие между подгруппами, подгруппами и не включенными в них членами группы, «самостоятельными» членами группы. Поведение человека в группе, включенного в определенную устойчивую подгруппу, является не только его личностным поведением, но и поведением его представителя этой подгруппы. То есть активность такого человека определяется социально-психологическими характеристиками своей подгруппы, а не только его индивидуально-психологическими особенностями (например, индивидуальными потребностями, отличными от потребностей других). В частности, внутригрупповая активность членов подгруппы регулируется ее целями, нормами и ценностями. Это характерно и для поведения представителей подгруппы в контексте группы в целом, и для их взаимоотношений внутри подгруппы. Такая микрогрупповая предопределенность социального поведения человека

часто выходит далеко за пределы группы, например, когда существует высокий уровень его идентификации с устойчивой подгруппой. Поведение же людей, не включенных в микрогруппы, зависит от их психологических качеств и принадлежности к группе в целом. В значительной степени построение ими своего поведения может быть обусловлено их ориентацией на ту или иную подгруппу. Это возникает при выраженном желании быть включенным в какую-то подгруппу. В качестве опосредующего фактора, регулирующего отношения между подгруппами и межличностные отношения между «самостоятельными» членами группы, может выступать общегрупповая цель, например, цель совместной деятельности.

Таким образом, взаимодействие «индивид-индивид» может быть отнесено прежде всего к взаимодействию внутри подгрупп и среди не включенных в подгруппы членов. Эта модель взаимодействия должна быть дополнена взаимодействиями «индивид-подгруппа-индивид» и «подгруппа-подгруппа». Анализ этих связей позволяет затронуть внутригрупповой социальный контекст. Поведение человека за пределами групп членства в значительной степени будет конструироваться с точки зрения его принадлежности к устойчивой подгруппе (подгруппам, если это имеет место в разных группах), ее норм и ценностей, а если он не включен ни в одну подгруппу, то его сугубо индивидуальной позицией.

Другое важное обстоятельство можно рассматривать, наоборот, как связующий узел между теорией социального сравнения и микрогрупповой концепцией. Он, конечно, касается идеи социального сравнения. Эта идея может быть использована не только для объяснения формирования группы в целом, но и подгрупп внутри нее, тем более, что она изначально прорабатывалась Л. Фестингером применительно к ситуациям неформального общения. В то же время она не может быть использована в ее первоначальном виде, и поэтому требуется определенная ее трансформация, которая затрагивает противоречие, указанное Д. Тернером, и исходную потребность в оценке своих суждений и способностей для проведения сравнения.

Выше говорилось о том, что слабостью данной теории является рассмотрение только сравнения с похожими людьми, хотя часто человеку необходимо сравнивать себя с непохожими на него людьми. Для преодоления этого ограничения некоторые авторы произвели ревизию ключевого положения: человек может сравнивать себя не только с похожими, но и с отличающимися от него людьми при наличии общих у него с ними основополагающих признаков, которые имеют отношение к оцениваемому суждению (способности) или обладают прогностичностью по отношению к ним [189]. Например, человек может сравнивать собственную точку зрения по конкретному политическому вопросу (общий признак) с теми, кто ее разделяет (похожие люди), и с теми, кто имеет противоположную позицию (отличающиеся люди). Это изменение выглядит выигрышно, но оно не затрагивает одного важного обстоятельства. Для того чтобы сравнивать себя с похожими или отличающимися людьми, первоначально надо выделить это сходство или отличие. А для этого требуется предварительный перцептивный процесс, кото-

рый тоже не обходится без сравнения, но не с конкретными типами людей (похожие-непохожие), а с людьми вообще, с которыми приходится вступать человеку в контакт. Следовательно, конкретизированному социальному сравнению, которое имел в виду Л. Фестингер, должно предшествовать общее сравнение, позволяющее первоначально делить людей на похожих и отличающихся.

Что касается сравнения, то необходимо отметить еще четыре важных момента. Во-первых, одного сравнения для установления сходства и отличия недостаточно. Здесь необходимы дополнительные перцептивные процессы, например рефлексия. Во-вторых, в теории социального сравнения понятие «похожие люди» используется в слишком широком смысле. Человек может сравнивать себя с похожими на него людьми, но не обязательно сближаться со всеми ими. То есть он может быть схож с ними по множеству разных признаков, но сближаться, объединяться в подгруппу будет только по некоторым из них. Отсюда следует и то, что субъективная валидизация должна осуществляться как на основе сравнения со схожими людьми вообще, так и посредством избирательного сопоставления с конкретными из них по конкретным суждениям или способностям. В-третьих, для возникновения подгруппы, а не просто для сближения с похожими людьми необходимо не только сравнение себя с ними, но и сравнение их между собой. В-четвертых, одного сравнения себя с похожими людьми, даже по ключевым признакам, достаточно для сближения, но мало для формирования с ними социально-психологического единства. Не хватает важного звена – идентификации. Именно она в связке с социальным сравнением (в ином значении, чем у Л. Фестингера) и категоризацией составила костяк теории социальной идентичности.

Другая существенная поправка относится к потребности человека в оценке своих суждений и способностей, которая является единственным мотивирующим фактором для проведения им социального сравнения. Безусловно, данная потребность очень часто является пусковым звеном для сравнения. Однако очевидно и то, что выделение одной-единственной потребности для сравнения является слишком узким взглядом на все возможные вариации межличностного сравнения. Даже здравый смысл и жизненные наблюдения большинства людей без какого-либо специального исследования указывают на то, что сравнение может изначально исходить и из иных потребностей, например, потребности в общении, включении в группу единомышленников, которая, кстати, тесно связана с функцией сравнения или безопасности.

Если абстрагироваться от дополнительных перцептивных процессов и идентификации (о ней речь пойдет в следующем параграфе), то, резюмируя сказанное, начальный этап формирования неформальных подгрупп в малой группе предельно кратко можно представить следующим образом.

На основе определенных исходных потребностей, в том числе в самооценке, ранее незнакомыми членами формирующейся группы осуществляются процессы социального сравнения себя с другими. В результате этого происходит исходное разделение людей по общей совокупности содержа-

тельных и формальных признаков (цели, интересы, пол, национальность и др.) на похожих и отличающихся. В такую совокупность, безусловно, может входить и характер отношения к целям и содержанию групповой деятельности. Сравнение себя с похожими членами группы и сравнение их между собой позволяет более дифференцированно их оценить по разным параметрам. Перекрестные сравнения разных членов группы дает возможность «прощупать» значимые для них точки соприкосновения. Эти когнитивные процессы не могут быть реализованы и ничего не будут значить, если не будет реального взаимодействия (на поведенческом и деятельностном уровнях) в группе как некоего ориентира, что, кстати, упускается из виду в теории Л. Фестингера. Противопоставление себя отличающимся и дифференцированное сравнение себя с похожими ведет к возникновению подгруппы из тех схожих людей, чьи интересы более всего перекрываются на данный момент и при данном уровне знакомства друг с другом.

Важно отметить, что не все похожие в субъективном плане друг на друга люди могут входить в одну и ту же подгруппу, так как, о чем говорилось выше, они могут быть похожи между собой по ряду признаков, но сближаться, объединяться в подгруппу будут только по некоторым из них.

Можно выделить два крайних случая объединения людей в подгруппу на основе сходства. Первый случай в большей мере вписывается в концепцию социального сравнения. Он связан с тем, что все члены, включающиеся в одну и ту же подгруппу, имеют сходство хотя бы по какому-то одному ключевому для них признаку. Такая подгруппа является достаточно устойчивой, особенно если в ее основе находится несколько значимых объединительных параметров. Имеется в виду, что выход какого-то члена из подгруппы не вызывает существенной ее дестабилизации.

Второй случай предполагает объединение людей в подгруппу не на основе прямого сходства каждого со всеми остальными, а посредством их сходства с каким-то одним (двумя) членом группы и, через это, сходство друг с другом. (Исключение составляет диада.) Данный тип подгруппы потенциально является менее устойчивым, так как ослабление позиции, влияния «центрального» члена подгруппы (при отсутствии альтернативы), особенно его выход из нее, вызывает нарушение внутренних связей и, как следствие, распад подгруппы.

7.3. Теории социальной идентичности и самокатегоризации

В конце 1960-х гг. в Западной Европе началось активное формирование парадигмы понимания как альтернативы американской парадигме, основывающейся на позитивизме и методологическом индивидуализме, что послужило мощным толчком к дальнейшему развитию социальной психологии на новых основаниях. Глубоко критическое отношение европейских ученых к социальной психологии США было обусловлено самой жизнью, т.е. реальными социальными процессами в странах Западной Европы, прежде всего, экономическими, политическими, этническими конфликтами между социальны-

ми группами, с которыми социальные психологи не могли не считаться. В этих условиях модели общества, человека и их взаимодействия, применявшиеся в американской социальной психологии, обнаружили свою неадекватность.

Основной выход в сложившихся обстоятельствах виделся в том, что социальная психология должна была в явной форме, в теории и экспериментальных исследованиях учитывать взаимосвязь человека с его социальным окружением, своим предметом иметь смысловой, знаковый аспект общения. Это предполагало выбор иной методологии для анализа социально-психологических явлений. Как пишет П.Н. Шихирев, «отвергая американскую парадигму и вместе с ней принцип методологического индивидуализма, западноевропейская социальная психология оказалась перед выбором между методологическим холизмом и системным анализом» [234, с. 193].

По распространенному в социальных науках мнению, единственно возможным способом преодоления недостатков индивидуализма и холизма является системный подход. В западноевропейской социальной психологии с начала 1970-х он приобретает все большее число сторонников, хотя, с одной стороны, не все социальные психологи последовательны в реализации системного подхода, а с другой – имеются существенные разногласия по вопросу о том, какие именно субъекты и отношения должны исследоваться [234].

Теория социальной идентичности (Г. Тэджфел, Д. Тернер) и теория социальных представлений (С. Московичи), наряду с попытками построения общей теории социальной психологии (Р. Харре) и ряда частных моделей, явились конкретным выражением новой парадигмы, составили, если так можно выразиться, костяк «второй когнитивной революции» (по терминологии П.Н. Шихирева – переход от общепсихологического когнитивизма к когнитивизму психосоциальному), которая вышла далеко за пределы Европы. Основная идея такой революции в том, что «рассуждение в своей первичности является общественным и лишь в своей вторичности оно индивидуально» [209;4].

В данной работе мы рассмотрим теории социальной идентичности и созданной на ее основе теории самокатегоризации. Положения своей теории социальной идентичности Г. Тэджфел и Д. Тернер относили к социальной психологии межгруппового поведения, а Д. Тернер называл разработанную им позже теорию самокатегоризации общей теорией группового поведения.

В отличие от предыдущих теорий необходимо будет более обстоятельно раскрыть суть, основные положения теорий социальной идентичности и самокатегоризации, так как в настоящее время они пользуются большой популярностью в зарубежной социальной психологии. Например, с 1974 по 1989 год опубликовано 514 работ (618 различных авторов) по межгрупповому взаимодействию, большинство из которых выполнено в русле теории социальной идентичности [249].

Эти теории, хотя и проанализированы, но представлены в русскоязычных источниках во фрагментарном виде. Выделение контуров теорий позволит не только получить более полное представление о них, но и более на-

глядно сопоставить данные теории с предлагаемой микрогрупповой концепцией.

Прежде, чем перейти к изложению теории социальной идентичности, следует обозначить общие представления Г. Тэджфела об объекте, субъекте, основной проблеме социальной психологии и сути социального, которые явились для него своего рода опорными пунктами в разработке теории.

Основным субъектом социального процесса является группа, а главным объектом социальной психологии – отражение социальной действительности (прежде всего системы межгрупповых отношений) в сознании людей. Критическая проблема социальной психологии, требующая мышления в терминах «организованного целого», – это проблема взаимосвязи между человеком и социальным изменением. Понятие «изменение» – фундаментальная характеристика социальной среды, представляющая наиболее сложную проблему, поставленную этой средой перед человеком. Понятие «действие» позволяет избежать одностороннего ответа, когда все объясняется лишь адаптацией к социальной среде и обстоятельствам. Как емко определяет Г. Тэджфел, «изменяя себя, индивид изменяет социальную среду; изменяя ее, он изменяется сам» [195, с. 242].

Суть социального состоит в соучастии людей с другими в восприятии мира и воздействии на него. В свою очередь, основная характеристика соучастия заключается в том, что человек, включенный в этот коллективный процесс, мыслит децентрированно, т.е. с точки зрения норм и ценностей той общности, в которую он входит. Иначе можно сказать, что в различных ситуациях, в которых оказывается человек, он мыслит, переживает и действует в соответствии с социальной характеристикой, создаваемой различными группами, в которые включен. Это рельефно проступает во взаимодействии с представителями других групп. Поэтому социальное поведение в значительной степени определяется отношениями между группами. Таким образом, взаимодействие человека со средой представляет собой коллективный процесс, и даже индивидуальное решение опосредуется системой социального взаимодействия [234].

Таким образом, в своей теории Г. Тэджфел, опираясь на выделенные им ключевые понятия, стремился рассматривать межгрупповое поведение в реальном социальном контексте, вне его детерминации индивидуальными потребностями, мотивами, которые с позиции представителей традиционной американской социальной психологии действуют независимо от социальных систем, в которых живут люди. Отсюда вытекает то, что «основное внимание исследователей, работающих в русле теории социальной идентичности, обращено не на внутригрупповые, а межгрупповые процессы, и традиционной областью исследований здесь являются кооперация, конкуренция и межгрупповой конфликт» [2, с. 24].

Из сказанного можно сделать общее заключение, а именно, что основной единицей анализа в теории социальной идентичности является группа, а не индивид, поведение которого рассматривается как групповое поведение в отличие от его поведения в группе (методологический индивидуализм).

В отечественной литературе выделены наиболее общие преимущественные позиции и ограничения теории социальной идентичности [2; 187; [234].

Среди преимуществ данной теории прежде всего надо отметить то, что ее авторы первыми предприняли серьезную попытку выйти за пределы индивидуальной парадигмы [187]. Теория обращена к крупномасштабным вопросам межгруппового взаимодействия (расовые и этнические предрассудки, социальная дискриминация, социальная справедливость, социальные стереотипы) и позволяет дать им психологическую интерпретацию [2]. Она позволила открыть и исследовать эффекты межгруппового восприятия: межгрупповую дифференциацию (ингрупповой фаворитизм и аутгрупповая дискриминация), эффекты гомогенности аутгруппы и «черной овцы». Исследование этих и других явлений явилось серьезным основанием для поиска способов управления межгрупповыми отношениями (прежде всего конфликтными). В теории также показано, как человек воспринимает мир через принадлежность определенной группе, как социальная идентификация влияет на межгрупповое поведение человека и как групповое членство модифицирует его социальное поведение, накладывает на него определенные ограничения и предписания [2; 7]. Теория позволяет по-новому взглянуть на процесс самозарождения и формирования группы как психологической общности [187]. В завершение перечисления этих общих, не считая частных, выигрышных позиций данной теории следует обратиться к общему заключению о ней П.Н. Шихирева: из всех ранее известных подходов эта теория наименее противоречива и наиболее близка к системному пониманию социального процесса [234].

Большинство ограничений и слабых мест теории социальной идентичности характерны и для теории социальной самокатегоризации, поэтому они будут рассмотрены далее.

Справедливости ради надо сказать, что конкретизации и популяризации теории социальной идентичности ее авторы во многом обязаны большому количеству исследований их последователей.

Ключевыми концептами **теории социальной идентичности** являются: социальная категоризация, социальное сравнение, социальная идентичность [190; 267; 268].

Социальная категоризация – упорядочение человеком социального окружения в терминах распределения людей по группам, что помогает ему структурировать причинное понимание своего социального окружения. Иначе можно сказать, что социальная категоризация представляет собой процесс распределения социальных объектов, явлений, событий по группам с позиции их значения в системе намерений, установок и действий человека. Она обеспечивает также систему ориентиров для самооценивания, создавая и определяя место индивида в обществе или группе. Социальная категоризация в межгрупповых отношениях представляет собой частный случай понятия «категоризация», которое широко использовалось в когнитивной психологии до разработки рассматриваемой теории.

Социальное сравнение непосредственно связано с процессом социальной категоризации, так что такая категоризация и последующая социальная идентификация возможны лишь при условии сопоставления тех или иных характеристик группы, с которой устанавливается идентичность, с другими группами. Следовательно, самоопределение группы, наделенной общими характеристиками, достигается за счет наличия других групп, а точнее в связи с восприятием разницы от других групп. (К примеру, в отечественной социально-психологической традиции – за счет присвоения целей и содержания совместной деятельности, отличных от целей совместной деятельности других групп.)

Если при анализе межличностных отношений сравнение в теории Л. Фестингера рассматривалось как сравнение человеком себя с похожим на него членом той же группы, то социальная идентификация в теории Г. Тэджфела происходит преимущественно через сравнение с группами, прямо противоположными по своим характеристикам. Источником такого контрастного сравнения выступает осознание существующих групповых различий как несправедливых и незаконных. Положения теории социального сравнения, по мнению Г. Тэджфела, могут быть приложимы к межгрупповым отношениям лишь тогда, когда сравнение делается между относительно похожими группами в относительно стабильной социальной системе. В противном случае эта теория неприемлема, так как в межгрупповом взаимодействии люди ведут себя по сути этих межгрупповых, а не межличностных отношений.

Теория социальной идентичности предполагает, что люди мотивированы оценивать себя позитивно, и как только принадлежность к группе становится значимой для их самоопределения, у них возникает мотивация к позитивному оцениванию группы, т.е. люди стремятся к позитивной социальной идентичности. Она основана на сравнениях своей группы с другими группами, так что ингруппа должна восприниматься как позитивно отличная от аутгрупп. Так как позитивная оценка своей группы возможна лишь как результат ее сравнения с другими группами и для такого сравнения необходимы отличительные признаки, то члены группы стремятся дифференцировать собственную группу от других групп. Это наиболее актуально в тех случаях, когда группа формально не определена.

Социальная идентичность возможна лишь на основе социальной категоризации и социального сравнения в процессе восприятия людей. Она является частью «Я-концепции» человека, которая определяется его эмоционально и ценностно выраженным представлением о принадлежности к некоторой социальной группе. Основное предназначение социальной идентичности заключается в подкреплении исходного, изначального стремления людей к позитивной самооценке, положительному образу себя.

Термин «социальная идентичность» является спецификацией более широкого понятия, принятого в психологии личности, – «идентификация». Г. Тэджфел использует его в узком значении для выделения того аспекта социальной идентификации, который связан с самоопределением человека как

члена группы в срезе межгрупповых отношений. Отсюда следует, что представление человека о себе, своем месте в окружающем мире определяются его принадлежностью к конкретным социальным группам, категориям. Таким образом, чтобы у человека возникло чувство групповой принадлежности, разделенная социальная категория должна пройти через ценностное сравнение своей группы с другими группами. В этом случае социальная категория интернализируется в самоконцепт и появляется возможность группового поведения личности.

Структура социальной идентичности включает в себя два компонента: когнитивный и ценностно-эмоциональный. Когнитивный компонент выражает представление человека о своей принадлежности к определенной социальной группе, а также приписывание себе качеств, характерных для большинства членов данной группы. Ценностно-эмоциональный компонент предполагает переживание факта принадлежности и оценку позитивности членства в группе, которая во многом зависит от мнения общества относительно группы. Последний компонент связан с проявлением положительной или отрицательной социальной идентичности. Так, принятие человеком позитивно оцениваемой социальной идентичности способствует поддержанию его высокой самооценки, в то время как принятие негативной социальной идентичности – снижению самооценки. Из этого следует, что люди стремятся к достижению или сохранению позитивной социальной идентичности.

Категоризация, социальное сравнение и процесс социальной идентификации обеспечивают межгрупповую дифференциацию (психологическое групповое отличие) и предпочтение ингруппы перед аутгруппой.

Выделяется несколько факторов, которые оказывают влияние на межгрупповую дифференциацию. Во-первых, люди должны осознавать свою принадлежность к группе по определенному признаку (например, классовая или религиозная принадлежность), так как в противном случае сравнение и дифференциация по данному признаку не будет происходить. Во-вторых, социальная ситуация должна быть такой, чтобы имели место межгрупповые сравнения, которые дают возможность оценивания значимых признаков. В-третьих, собственная группа должна сравниваться не с любыми, а релевантными (сопоставимыми по определенным признакам) для сравнения группами.

Основная функция дифференциации заключается в достижении или сохранении превосходства над другими группами по значимым признакам. Это автоматически предполагает возникновение межгруппового соперничества, которое может абсолютно не зависеть от наличия или отсутствия реальных конкурентных отношений между группами.

В своей теории Г. Тэджфел провел различительную грань между межличностным и межгрупповым поведением. В рамках данной теории возникли два подхода к пониманию соотношения этих двух форм поведения.

Первый подход был тесно связан с решением одной из основных задач, которые ставил перед собой Г. Тэджфел в процессе разработки теории, - по-

казать, при каких условиях социальное поведение людей разворачивается по логике не столько межличностного, сколько межгруппового.

Все возможные варианты социального поведения можно расположить на биполярном континиуме, два полюса которого составляют межличностные и межгрупповые формы взаимодействия (поведенческий континиум). Первый полюс представляет собой взаимодействие, не испытывающее на себе влияния принадлежности людей к разным социальным категориям и полностью определяемое межличностными отношениями и индивидуальными характеристиками участников. Второй полюс отражает взаимодействие между людьми, определяемое их принадлежностью к разным социальным группам и категориям при «нейтральности индивидуальных характеристик и межличностных отношений». В жизни крайние ситуации, приближающиеся к полюсам данной оси, встречаются не так часто.

Движение по этому континиуму в ту или иную сторону сопровождается смещением по трем другим континиумам: дифференцированность – недифференцированность восприятия членов другой группы (когнитивный континиум), единообразие – разнообразие поведения членов группы в адрес представителей другой группы (континиум аттитюдов), социальная мобильность – социальное изменение (континиум убеждений). Например, чем ближе ситуация к межгрупповому полюсу, тем сильнее выражена тенденция к недифференцированному восприятию и единообразию поведения по отношению к представителям другой группы. Последний континиум выражает представление человека о собственных возможностях и перспективе социального роста с учетом объективных условий либо в рамках межличностного, либо межгруппового движения. В этом смысле социальная мобильность представляет собой убежденность человека в возможности индивидуального перехода из одной группы в другую с целью повышения собственного социального статуса, тогда как социальное изменение – убеждение, что такой переход невозможен, а изменение личной позиции достижимо только с изменением положения группы в системе межгрупповых отношений. Переход от социальной мобильности к социальному изменению возможен в определенных ситуациях: жесткая стратификация в обществе и убежденность в ее нестабильности и незаконности, убежденность в необходимости социальных изменений, несмотря на возможность социальной мобильности, потребность в поддержании четких межгрупповых границ на основе имеющихся стереотипов, предрассудков, выраженный конфликт интересов между группами.

Второй подход был направлен на дальнейшее развитие теории социальной идентичности и заключался в утверждении идеи сосуществования межличностных и межгрупповых отношений в конкретных ситуациях [266]. Его суть состояла в изменении биполярного континиума на континиум с четырьмя полюсами: высокая и низкая выраженность межличностных и межгрупповых установок. Поэтому выраженные межличностные отношения могут сосуществовать в одной и той же ситуации с выраженным межгрупповым поведением. Возникновение такой позиции определялось назревшей необходимо-

стью устранить опасность игнорирования роли межличностных параметров в процессе разработки теории межгрупповых отношений.

И последнее, что хотелось бы отметить в теории социальной идентичности, – это понимание группы, ее образование.

Группа представляет собой совокупность индивидов, которые воспринимают себя как членов одной и той же социальной категории, разделяют эмоциональные последствия этого самоопределения и достигают некоторой степени согласованности в оценке группы и их членства в ней [267]. Любая совокупность людей будет характеризовать себя как группу, когда субъективно воспринимаемая разница между ними меньше, чем разница между ними и другими людьми в данных условиях.

Фактически термин «группа» означает когнитивную реальность, значимую для индивида в данный момент, и отличается от ее понимания как взаимодействия определенного количества людей лицом к лицу, которое было характерно для традиционной социальной психологии. Следовательно, группа рассматривается как качественно своеобразное целое, человек является не представителем подобных ему индивидов, а носителем системного качества, которым обладает группа.

Психологически группа может сохраниться и далее функционировать, если она может поддерживать положительные отличия от других групп. При непредпочтительном межгрупповом сравнении возможны различные стратегии активности группы в целом и отдельных ее членов. Одна стратегия осуществляется посредством поиска позитивных отличий на основе введения новых оснований, признаков в ситуацию сравнения собственной группы с другой группой (социальное творчество). Такая стратегия может быть реализована в следующих формах: сравнение ингруппы с аутгруппой по новому критерию, изменение групповых ценностей таким образом, чтобы негативное сравнение становилось позитивным в пользу собственной группы, выбор иной аутгруппы для сравнения. Другая стратегия обеспечения позитивного отличия собственной группы «включается» тогда, когда безрезультатно были исчерпаны возможности предыдущей стратегии. Она проявляется в прямом соревновании ингруппы с представителями аутгруппы (социальная конкуренция). Третья стратегия имеет индивидуальный характер и выражается в проявлении стремления отдельных членов группы перейти в более высокостатусные, т.е. позитивно оцениваемые группы (социальная мобильность).

В целом можно сказать, что механизмы формирования психологического единства группы осуществляется в результате процессов категоризации и идентификации (к примеру, в отечественной социально-психологической традиции – на основе опыта освоения совместной деятельности).

Разработка **теории социальной самокатегоризации** [190; 270] осуществлялась Д. Тернером совместно с коллегами на базе теории социальной идентичности и была направлена на преодоление некоторых ее ограничений, а также на иное объяснение существующих и традиционно изучаемых явлений в социальной психологии, таких как социальное влияние, сплоченность,

социальное сотрудничество, групповые нормы, лидерство, межличностная аттракция.

Так, в теории социальной идентичности мотивация группового поведения (межгруппового взаимодействия) выводится из стремления индивидов к позитивной самооценке, а значит остается в своем основании индивидуальной. «Поставив процесс идентификации после процесса сравнения, она лишает категоризационные процессы мотивирующего смысла для существования особой психологической реальности – социальной группы. Поэтому теория идентичности не преодолевает индивидуальной парадигмы, хотя существенно ослабляет ее» [187, с. 119]. Теория социальной идентичности не позволяет ответить на ряд вопросов. Существуют ли сугубо групповые мотивы, которые на уровне индивида теряют смысл? Почему человек предпочитает получать позитивную самооценку групповым образом, когда это возможно на межиндивидуальном уровне? На основании чего будет поддерживаться идентификация с группой и основываться ее формирование, если отсутствуют для сравнения конкретные аутгруппы? Вследствие этого теория социальной идентичности не позволяет объяснить ряд фактов: существование групп при неудовлетворительном межгрупповом сравнении или при высокой возможности социальной мобильности членов группы, т.е. перехода в более позитивно оцениваемую группу или наличие идентификации с группой и межгрупповой дифференциация при отсутствии реальной возможности для межгруппового сравнения [187].

Отличительной особенностью теории самокатегоризации является то, что «произошел важный теоретический поворот: от Тэджфеловского понятия социальной идентичности, отражающего связанность человека с группой, – к тезису Тернера о том, что социальная идентичность включает в себя социальную категоризацию самого себя, что и вызывает групповые явления» и «если Тэджфел был осторожен при обсуждении понятия социальной идентичности, подчеркивая ее ограниченный, локальный характер, то теперь это понятие заняло центральную позицию» [190, 12]. Д. Тернер определяет самокатегоризацию как понимание самого себя, «когнитивное группирование присущих самому себе признаков и представление самого себя как идентичного, аналогичного, эквивалентного некоему определенному классу стимулов, отличному от другого класса стимулов» [189, 216].

Следующее отличие теории самокатегоризации от теории социальной идентичности заключается в выделении персональной (личностной) и социальной идентичности. Первая связана с самоопределением в аспекте физических, интеллектуальных, нравственных качеств человека, характеризующих его как уникального человека в терминах индивидуальных отличий от других людей в ингруппе. Вторая идентичность соотносится с социальными категоризациями себя и других и предполагает самоопределение в терминах принадлежности к одним социальным категориям (расовой, классовой, половой и др.) вместе с эмоциональным и ценностным значением, придаваемым этой принадлежности, в противоположность другим категориям. Персональная и социальная идентичность являются важным регулятором социального

поведения людей. Основной критерий их различия заключается в выполняемой ими функции: персональная идентичность связана с осознанием человеком своего отличия от других, тогда как социальная идентичность – сходства с некоторыми из них. Надо сказать, что тезис об этих двух формах идентичности связан с предложенным Г. Тэджфелом межличностным-межгрупповым континиумом поведения, но в ином содержании.

Между выраженностью персональной и социальной идентичности существует взаимоисключение – категоризация себя как индивидуальности блокирует восприятие себя как члена группы, тогда как категоризация себя как члена ингруппы, отличного от члена аутгруппы, снижает восприятие себя как уникального индивида, отличного от членов ингруппы. По выражению Д. Тернера, когда социальная идентичность становится отличительной чертой, индивидуальное самовосприятие деперсонифицируется, т.е. люди проявляют тенденцию воспринимать себя преимущественно с позиции общих стереотипов, которые определяют их принадлежность к определенной социальной категории, а не с позиции их персональных отличий и индивидуальных особенностей [189]. Такая деперсонификация (деперсонализация) является важных условием формирования ряда групповых феноменов (взаимовлияние, сплоченность, аттракция) и, следовательно, непосредственно сопровождает процесс формирования группы. Именно процесс деперсонализации делает возможным групповое поведение и создает его возникающие стойкие качества.

Однако в данном контексте деперсонификация не означает абсолютную потерю персональной идентичности, а скорее обеспечивает самовосприятие на более высоком уровне абстрагирования, который позволяет человеку более эффективно адаптироваться к определенным социальным условиям. Следовательно, человек как член группы в ряде социальных ситуаций, например связанных с межгрупповым взаимодействием, оказывается более самоэффективным, чем как яркая и неповторимая личность.

Обозначенная позиция в понимании соотношения персональной и социальной идентичности, а значит, межличностного и межгруппового поведения отличается от модели возможного движения в континиуме от одного полюса к другому (Г. Тэджфел) и от модели рядоположности, сосуществования этих форм поведения (Д. Стефенсон).

По выражению Д. Тернера, деперсонализация на основе принятой и осознанной социальной идентичности представляет собой «ключевую идею и центральную гипотезу» теории самокатегоризации.

Другое отличие данной теории состоит в понимании уровней категоризации себя и, следовательно, идентичности и степени абстракции «Я-концепции» [189]. Первый и наивысший уровень отражает бытие человека в целом (например, категоризация себя как представителя человечества). Средний уровень основан на категоризации людьми себя как представителей социальных групп с точки зрения общих признаков, отличающих их от не членов данной группы. Попадание или непопадание в группу отражает самокатегоризацию на уровне социальной идентичности. Низший уровень основан на

дифференциации среди представителей своей группы, когда люди могут категоризовать себя в качестве индивидов на основании своих отличий от других людей. Этот уровень самокатегоризации связан с формированием персональной идентичности. Как видно, эти уровни определяют человеческую, социальную, персональную идентичность и основаны на межвидовом, межгрупповом и межличностном сопоставлении себя с другими.

Самокатегоризации отличаются не только уровнями, но и содержанием, т.е. функцией конкретных ситуаций. Значимость определенной самокатегории в конкретный момент времени зависит от двух основных факторов, таких как готовность людей ее использовать (от ее доступности сравнительно с другими категориями), что зависит от опыта человека, его мотивации, и соответствие категории стимуляции, воспринимаемой ситуации. Д. Тернер выделяет два аспекта соответствия: «сравнительное соответствие, определяемое принципом метаконтраста, и нормативное соответствие, определяемое совпадением стереотипного содержания категории и реально демонстрируемого поведения» [189, с. 217].

Как пишет Д. Тернер, принцип метаконтраста «заключается в том, что вероятность категоризации группы стимулов как «единой сущности» зависит от того насколько меньше эти стимулы отличаются друг от друга (по релевантным параметрам), чем от других стимулов… При образовании категорий непременно должно быть выполнено одно требование: различия между разными категориями должны быть больше различий внутри одной какой-либо категории» [189, с. 217]. Этот принцип представляет, по выражению самого Д. Тернера, «слегка трансформированную классическую идею о том, что категории формируются на основе внутриклассовых сходств и межклассовых различий» [190, с. 14]. Согласно принципу метаконтраста, социальная категоризация себя самого и других происходит с большей вероятностью, если межгрупповые различия возрастают, а внутригрупповые, межличностные – ослабевают.

Принцип метаконтраста имеет не только декларирующую форму, но может быть выражен в конкретных числовых значениях, что очень важно с практической точки зрения (например, для оценки сплоченности группы или тенденции межгрупповой дискриминации). С этой точки зрения метаконтрастное отношение – «отношение средней величины воспринимаемой внутрикатегорийной разницы к средней величине воспринимаемой межкатегорийной разницы – является простой количественной оценкой вероятности того, что какая-либо группа стимулов (в данной системе координат) будет категоризована как перцептивная единица…» [189, 217].

Важно отметить, что в понимании Д. Тернера принцип метаконтраста в том виде, в каком он обозначен, является удобным упрощением и не может охватить всю сложность социальной действительности. Поэтому полное объяснение подхода к самокатегоризации людей должно также учитывать социальный смысл сходства и различий между ними, а также связь социальных категорий с ценностями, целями, потребностями человека, осуществляющего самокатегоризацию.

Принцип метаконтраста Д. Тернер считает основным принципом теории самокатегоризации, а категорирование представляет собой активный, динамичный, вариабельный и контекстуальный процесс, соотнесенный с определенной системой отсчета. Какая именно конкретная самокатегория лучше всего соответствует социальному сравнению «Я» с другими людьми, будет зависеть от контекста, в котором реализуется это сравнение. Сущность «Я», воспринимаемое сходство «Я» с другими людьми, являются изменяющимися результатами активного процесса самокатегоризации.

Обращаясь к понятию группы и достаточному условию ее формирования, автор отмечает, «что групповое поведение является поведением индивидуумов, действующих скорее с позиции их общей идентичности, нежели как разные индивидуумы (т.е. не с позиции их личных идентичностей)» [189, с. 216]. Социальной самокатегоризации, т.е. условия группового членства, вполне достаточно для формирования группы (аттракции, сплоченности, сотрудничества, взаимовлияния). Формирование группы начинается с отнесения индивидами себя к некоторой общей для них категории, т.е. с деперсонификации. Если в теории социальной идентичности мотивация межгрупповых взаимоотношений определяется стремления индивидов к позитивной самооценке, то в теории самокатегоризации основная цель, мотивация межгруппового взаимодействия – самоориентация.

Возникновение теории социальной идентичности, а позже – самокатегоризации вызвало в мировой социальной психологии новую волну интереса на иных методологических принципах к проблематике групп и межгруппового отношения. В результате проведения большого количества исследований был уточнен ряд частных положений, выявлены некоторые противоречивые моменты, что явилось существенным заделом для корректировки и отшлифовки данных теорий. Приведем некоторые примеры.

Например, было установлено, что, оценивая представителей той или иной социальной группы (категоризация), люди используют не единичные характеристики, а многочисленные представления, которые в значительной степени созданы средствами массовой коммуникации [257]. Выявлена зависимость отношения меньшинства и большинства к собственной группе в зависимости от содержания категоризации [273]. Когда групповая принадлежность основывается на обычной категоризации, то меньшинство членов группы будет более осознавать социальную идентичность и более благосклонно относиться к своей группе в распределении награды, чем большинство членов группы. Если же категоризация имеет ценностную нагрузку, то меньшинство и большинство членов группы будут в одинаковой мере благоприятствовать своей группе.

Б. Шефер и Ш. Бернд на основе исследований предложили внести некоторые уточнения в явление социальной идентичности – она действенна не столько повышением значимости социального «Я» человека, статуса его группы, сколько своим специфическим когнитивным содержанием [231]. Социальная идентичность обнаруживается в исторической рестроспективе того, что группа претерпела, т.е. в ходе исторических событий (историческая

идентичность). Исторические знания в широком смысле слова образуют пространство для формирования групповых пристрастий и предубеждений. Определяющие идентичность знания являются по сути своей историческими, так как релевантные идентичности характеристики проявляются в обусловленных временем фактах, событиях и др. Например, оказалось, что национальное групповое сознание немцев, проявившееся в отношении к политическим проблемам, структурировано не по принципу внутригруппового / межгруппового сравнения, а по принципу сравнения фрагментов истории группы в их соотношении с общепринятыми социальными ценностями.

Количество исследований, посвященных изучению эффектов межгруппового восприятия – межгрупповая дифференциация (ингрупповой фаворитизм и аутгрупповая дискриминация), аутгрупповая гомогенность, «черная овца», – исчисляется сотнями [65]. Так, в исследованиях эффектов межгруппового восприятия было установлено, что межгрупповая дифференциация может возникать при оценке не только членов разных социальных групп, но и членов разных подгрупп одной и той же группы. Фаворитизм и дискриминация не являются неизбежными спутниками межгруппового восприятия и взаимодействия, а вероятность их проявления определяется рядом объективных факторов, фаворитизм или дискриминация по одному из уровней (когнитивному, поведенческому, аффективному) не обязательно сопровождается ими же по другим уровням. В особенностях проявления эффектов важную роль играет не просто факт социальной идентичности, а степень ее проявления и т.д.

Периодически появляются публикации, в которых дается обзор и критическая оценка, например, теории социальной идентичности, и исследований межгрупповых отношений [274], сопоставительный анализ теорий социальных представления и идентичности, предпринимается попытка их взаимоинтеграции в одну взаимодополняющую парадигму [245].

Представители отечественной психологии, проявляющие интерес к данным теориями, также предлагают внести в них определенные коррективы. Например, обращается внимание на иерархическое строение не только системы уровней категоризации, но и каждого отдельного уровня [2; 107], [187]. В.С. Агеев полагает, что в отношениях реципрокности, обратной связи находятся не только личностные и социальные идентичности, но и различные виды социальной идентичности между собой (например, половая и профессиональная) [2]. Внутри социальной идентичности, по мнению другого автора, можно было бы выделить собственно социальную идентичность (принадлежность к определенному социальному слою, национальности и др.) и групповую идентичность (для групп с непосредственным взаимодействием членов), формирование которых происходит не совсем одинаково [107]. Другой пример относится к вопросу о механизме процесса межгруппового сравнения, который нечетко обозначен в данных теориях. Есть мнение, что имеет смысл выделить два его аспекта: сравнение как предварительное условие категоризации, связанное с нахождением подобия и различия стимулов, и сравнение как процесс, повышающий ценностный смысл для идентичности лич-

ности [187]. Следующий пример связан с предложением иной, чем у Г. Тэджфела, интерпретации ингруппового фаворитизма и межгрупповой дискриминации, а именно как форм защитного поведения, направленного на сохранение положительного Мы-образа [85].

В заключение описания теории социальной идентичности и социальной самокатегоризации следует отметить, что они не имеют принципиальных отличий и поэтому несут в себе одинаковые ограничения.

Теории социальной идентичности и самокатегоризации по своей сути являются когнитивистскими теориями, хотя и включают социальное, культурологическое содержание в отличие от традиционного когнитивизма. Это определяется тем, что в них больший акцент делается не столько на объективном взаимодействии реальных социальных групп, в которое вплетены и их представления друг о друге, сколько на возникновении самих по себе представлений о факте и результате этого взаимодействия, не столько на процессе коллективного изменения социальной действительности, сколько на когнитивной стороне взаимодействия индивида и общества [234]. Следовательно, межгрупповое поведение выводится из когнитивных процессов (социальной категоризации, идентификации с группой и межгруппового сравнения) [2]. Например, не случайно, что разные эффекты межгрупповых отношений изучаются преимущественно как когнитивные, без учета их поведенческого и аффективного компонентов [65]. Вследствие подобного расставления акцентов в конструировании данных теорий произошел существенный отход от первоначально понимаемой Г. Тэджфелом центральной проблемы социальной психологии, которая была обозначена выше.

Когнитивно ориентированное понимание взаимодействия между человеком и обществом, человеком и группой, между социальными группами определяется пониманием природы самой группы как восприятия себя членами одной и той же социальной группы, когнитивной реальности, значимой для человека в данный момент. То есть группа рассматривается прежде всего как психологически образованная категория, а не как результат реального взаимодействия между людьми, сопровождающегося возникновением у ее членов ощущения взаимозависимости. Такое видение группы (группа как психологическая общность) в данных теориях, за исключением феномена идентичности, не столь далеко выходит за пределы понимания группы в традицинном когнитивизме. Если обратиться к еще более ранним исследованиям, то можно сослаться на одного из зачинателей экспериментальной социальной психологии Ф. Олпорта, который расценивал группу как совокупность идеалов, представлений и привычек, повторяющихся в каждом индивидуальном сознании [242]. Таким образом, для данных теорий характерна чрезмерная субъективизация группы и межгрупповых отношений, уравнивание в статусе реальных и «психологических» групп.

Вместе с тем, как отмечает В.С. Агеев, когнитивные процессы являются объяснительным принципом, в то время как они сами должны быть объяснены, причем это объяснение надо искать не в рядоположных когнитивных

процессах, но в характере и особенностях самой деятельности исследуемых групп и в объективных условиях межгруппового взаимодействия [2].

Надо отметить, что разные стороны рассматриваемых теорий граничат с методологическим индивидуализмом и системным подходом, находятся в плоскости социальной психологии и социологизаторской тенденции.

Так, связь теорий с методологическим индивидуализмом проявляется в том, что группа и межгрупповые отношения преломляются и рассматриваются в конечном счете сквозь призму перцептивной активности отдельных индивидов. С этой точки зрения принципиально не меняет сути вещей стремление рассматривать поведение человека как поведение представителя определенной социальной группы, вне его детерминации индивидуальными целями и потребностями. Все равно, группа как основная базовая сущность, определяющая отношение к представителям ингруппы и аутгруппы, существует прежде всего в сознании конкретных людей.

В то же время данные теории, безусловно, опираются на системный подход, когда речь идет о понимании в них взаимоотношений, взаимовлияний в цепи «личность-группа-личность», «личность-группа-общество». В этом случае нельзя не согласиться с И.Р. Сушковым, который утверждает, что если в теории социальной идентичности осуществлена серьезная попытка выйти за пределы методологического индивидуализма, то окончательный прорыв его границ был совершен теорией самокатегоризации [187]. Впрочем, здесь имеется один серьезный вопрос, связанный с тем, насколько системный подход может быть реализован не только в концептуальном, но и в экспериментальном плане. В последнем случае возникают большие сомнения, так как при исследовании малых групп доминирующим методом остается лабораторный эксперимент с созданием искусственной мотивации и личностно незначимых видов деятельности. «Широкий социальный контекст», о котором изначально так много говорил Г. Теджфел, пытаются уложить в рамки узкого лабораторного исследования (на основе принципа «минимального основания» для идентификации с группой и межгрупповой дифференциации), что ведет к ограниченности делаемых выводов [2]. В другой работе также отмечается, что существуют трудности применения найденных в экспериментальных исследованиях закономерностей к анализу реального функционирования групп в сложной социальной структуре [187].

Представители данных теорий рассматривают группу фактически как основную единицу социально-психологического анализа, причем группу, не ограниченную своим масштабом. Это значит, что в качестве группы может выступать малая группа, большая группа и даже все человечество, как в теории самокатегоризации. В этом случае, как справедливо отмечает П.Н. Шихирев, «…возникает существенный вопрос о том, каков максимальный масштаб той общности, которую можно рассматривать в рамках социальной психологии. Не приведет ли логика, по которой движется представление о предмете Г. Тэджфела, к чрезмерной социологизации предмета социальной психологии и, следовательно, к его потере? Ведь пример подобной трансформации можно наблюдать в социологии, которая в попытке дойти до мини-

мальной единицы анализа социальной системы неразличимо сливается с социальной психологией» [234;206]. Думается, что социологизаторская тенденция возможна в том случае, если «психологическая» группа одновременно рассматривается и как реальная, причем большая, группа. Если же объектом выступает сугубо «психологическая» группа, основанная только на перцептивных процессах категоризации и идентификации, то независимо от ее границ исследование будет иметь социально-психологический контекст.

Еще одно существенное ограничение данных теорий состоит в том, что в них не рассматривается модель межгруппового взаимодействия, когда между группами включается опосредующее звено и они выступают субъектами деятельности по преобразованию какого-либо объекта, когда поддержание позитивной самооценки людей или дифференциация от других групп не является мотивами их активности. В этом отношении интерес представляет целостный подход к анализу межгрупповой активности, предложенный и экспериментально реализованный В.С. Агеевым [2]. Его суть состоит в том, что зависимость межгруппового поведения от самокатегоризации, социальной идентичности представляет собой лишь одно звено в каузальной цепочке, причем звено не исходное, не изначальное, но промежуточное, в свою очередь определяемое целым рядом факторов – объективными условиями, в которых существуют и взаимодействуют группы. Автор предлагает схему каузальных зависимостей в межгрупповом взаимодействии.

Не создается четкого представления о природе и формировании социальной идентичности, хотя она является ключевым понятием обеих теорий. Она рассматривается как возникающая автоматически при наличии лишь факта группового членства [187]. Это слишком упрощенная модель идентичности. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, установленный в более поздних исследованиях, что в проявлении эффектов межгруппового восприятия важную роль играет не просто факт социальной идентичности, а степень ее проявления. Кроме того, в литературе указывается на расплывчатость отличия между категоризацией (самокатегоризацией) и идентичностью. Предполагается, хотя экспериментально и не проверяется, что «…можно говорить о категоризации как о ситуативной идентичности, над которой надстраивается идентичность в широком смысле, предполагающая развитое групповое сознание с ценностно-нормативным единством» [107;188].

С серьезными трудностями приходится сталкиваться рассматриваемым теориям при объяснении экспериментально установленного факта, что фаворитизм и дискриминация могут и не проявляться при межгрупповом восприятия и взаимодействии. А ведь обратное предположение явилось краеугольным камнем в построении теории социальной идентичности. Кроме того, возможность категоризации и последующей идентичности немыслимо без сравнения с конкретными аутгруппами. Однако в жизни многие реальные группы не имеют такой возможности, так как отсутствуют аутгруппы. В этом случае возникает закономерный вопрос о том, каким образом будет осуществляться идентификация с группой, как будет она формироваться как психологическая общность. Это ограничение, характерное для теории социальной

идентичности, не удалось в полной мере преодолеть и теории самокатегоризации. Еще один проблематичный для данных теорий момент связан со случаями, когда люди, объединенные в сознании членов ингруппы, не ощущают своей принадлежности к данной группе. Как в этих случаях расценивать группу, и можно ли вообще говорить о какой-либо группе?

В завершение обзора данных теорий надо отметить, что здесь были затронуты лишь наиболее существенные их ограничения и оставлены в стороне более конкретные. Но и этого достаточно для возникновения впечатления, как пишет В.С. Агеев, что «такое направление анализа вполне правомерно и оправданно для решения обширного круга частных исследовательских и прикладных задач, но оно совершенно неудовлетворительно в общетеоретическом плане» [2, с. 35].

Вместе с тем следует отметить то, что некоторые идеи этих теорий непосредственно или с определенными допущениями могут быть использованы в микрогрупповой концепции. Это прежде всего относится к пониманию социально-перцептивных процессов, определяющих объединение людей в неформальные подгруппы, поведение человека с позиции своей подгруппы.

* * *

1. В теориях социальной идентичности и самокатегоризации не рассматриваются и даже не упоминаются неформальные подгруппы в группах. В их рамках используется понятие «меньшинство», когда речь идет о социальном влиянии большинства на меньшинство членов группы и наоборот. В данном случае меньшинство представляется как совокупность людей, придерживающихся определенной точки зрения, отличной от мнения большей части группы. Однако представители меньшинства не обязательно могут являться членами одной и той же подгруппы. Они могут относиться к «самостоятельным» членам группы, т.е. не включенным ни в одну подгруппу, или к представителям разных подгрупп, объединенных на какой-то момент времени на основе общности мнения по определенному вопросу. Но самое важное заключается в том, что в экспериментальных исследованиях, проводящихся с позиции данных теорий, в качестве меньшинства абсолютно не рассматриваются реальные подгруппы реальных контактных групп. Иногда в некоторых исследованиях упоминается термин «субгруппа», но в специфическом смысле, а именно как часть условной группы, выделенная из нее по какому-то формальному признаку. Например, образованные и необразованные женщины (субгруппы) определенной этнической группы. Такое понимание субгруппы не имеет никакого отношения к неформальной микрогруппе.

То, что в теориях социальной идентичности и самокатегоризации не учитывались неформальные подгруппы в группах, можно попытаться объяснить, с одной стороны, гиперстремлением авторов этих теорий учитывать «широкий социальный контекст», по отношению к которому не нашлось места подгруппам, а с другой стороны, спецификой процедуры эксперимента и

контингента испытуемых, исключающей смысл и возможность выделения и изучения подгрупп в группе.

Сам факт существования подгрупп в малых группах заставляет по-иному взглянуть на процессы категоризации, сравнения и идентификации.

2. В формальных и во многих неформальных малых группах изначально могут не требоваться процессы категоризации и межгруппового сравнения для установления членами группы социальной идентичности. Социальная идентичность – эмоционально и ценностно выраженное представление о принадлежности к некоторой социальной группе – будет автоматически определяться принадлежностью к группе, заданными целями и содержанием деятельности (формальные группы) или общностью интересов (неформальные группы). Эти процессы могут быть задействованы в тех случаях, когда отсутствуют четкие групповые границы или существует необходимость включения в определенную группу, особенно в процессе ее образования. Именно такие группы, предполагающие воображаемое сходство людей, часто приводятся в качестве примеров, подтверждающих положения теорий социальной идентичности и самокатегоризации. Например, категоризация и сравнение людей по половому или национальному признаку. Именно такие группы изучаются в лабораторном эксперименте, когда случайным образом набираются ранее незнакомые друг с другом люди. Однако в формальных и неформальных малых группах вполне очевидна самокатегоризация как «когнитивное группирование присущих самому себе признаков и представление самого себя как идентичного, аналогичного, эквивалентного некоему определенному классу стимулов» [189, с. 216].

Процессы же межгруппового социального сравнения, безусловно, будут проявляться в различных малых группах тогда, когда будут возникать ситуации реального межгруппового взаимодействия (например, соревнующиеся спортивные команды), связанного с сотрудничеством или конкуренцией. Они будут являться необходимым условием не только для подкрепления индивидуальной позитивной самооценки (Г. Теджфел) или обеспечения групповой самоориентации (Д. Тернер), но и для повышения продуктивности функционирования группы за счет мобилизации ее ресурсов.

При знакомстве с теорией социальной идентичности и самокатегоризации, складывается впечатление, что вся активность группы вращается вокруг оси взаимодействия с другими группами. Однако в жизнедеятельности многих реальных групп ситуации непосредственных межгрупповых отношений возникают не часто или вообще отсутствуют. Существуют группы, для членов которых не очевидно или не актуально присутствие других групп, или другие группы не релевантны для сравнения или же похожи на ингруппу. Применительно к функционированию групп в таких условиях данные теории оказываются не в состоянии объяснить многие внутригрупповые процессы.

Если все же в этом случае возникает необходимость в межгрупповом сравнении, то оно имеет совершенно иное содержание, а именно: ведется поиск аутгрупп, но не столько для социальной идентификации и самоориентации в межгрупповом поведении, сколько для оценки конкретным человеком

уровня реализации его индивидуальных мотивов в данной группе и перспектив их реализации в других группах. Здесь важным дополнением к сравнению в межгрупповом контексте являются другие формы сравнения, например, «уровень сравнения альтернатив», выделенный Г. Келли и Д. Тибо.

В большинстве же ситуаций, когда отсутствуют межгрупповые отношения, происходит межиндивидуальное сравнение в группе по тем или иным содержательным и формальным индивидуальным характеристикам, которое предполагает установление как сходства с другими членами группы (Л. Фестингер), так и отличия от них. (Последний вид сравнения не тождественен межгрупповому сравнению Г. Тэджфела.) Благодаря такому межиндивидуальному сравнению в малой группе возникают неформальные подгруппы, хотя межличностное сравнение само по себе не объясняет образование подгрупп.

3. Образование подгрупп, безусловно, основывается на межличностном сравнении и самокатегоризации, включающей социальную идентичность. Однако в процессе функционирования и развития многих подгрупп возникает идентичность иного порядка, чем та, о которой говорится в теориях социальной идентичности и самокатегоризации. В этом контексте нельзя не согласиться с утверждением одного из авторов о том, что необходимо различать ситуативную идентичности (о ней идет речь в теориях) и надстраивающуюся над ней идентичность в широком смысле, предполагающую развитое групповое сознание с ценностно-нормативным единством [107]. Думается, что членство в любой малой группе и подгруппе, как минимум, предполагает социальную идентичность в ее понимании Г. Теджфелом и Д. Тернером. Однако не всякая подгруппа и тем более малая группа в целом способна достичь того уровня в своем развитии, для которого будет характерна идентичность членов группы с ней на основе глубокой психологической связи.

4. В теории социальной идентичности указывается на снижение позитивной идентификации человека с ингруппой в случае непредпочтительного для нее межгруппового сравнения. Выделены несколько стратегий преодоления такого негативного явления: поиск позитивных отличий на основе введения новых оснований в ситуацию сравнения собственной группы с другой группой, прямое соревнование ингруппы с представителями аутгруппы, стремлении отдельных членов группы перейти в более позитивно оцениваемую группу. Однако в реальной жизни возможность их применения часто имеет ограниченный характер. Например, отсутствует объективная возможность непосредственного соревнования или выход из группы противоречит актуальной жизненной цели человека. Думается, из виду упущено еще одно важное направление поддержания позитивной самооценки (в терминологии Г. Тэджфела), которое предполагает идентичность не со всей ингруппой, а с какой-то ее неформальной подгруппой. Тогда уже сравнение и категоризация будет осуществляться не в межгрупповом контексте, а в плоскости существующих в группе подгрупп. Отсюда вытекает одна из возможных механизмов образования подгрупп – позитивная микрогрупповая идентификация.

5. Существование подгрупп в малой группе, значительно определяющее внутригрупповую жизнедеятельность и активность отдельных людей, позволяет по-иному взглянуть на соотношение персональной и социальной идентичности (Д. Тернер), модели соотношения межличностного и межгруппового поведения (Г. Теджфел, Д. Стефенсон, Д. Тернер). В схеме персональной и социальной идентичности не хватает промежуточного звена, отражающего идентичность не с самим собой или группой, а с подгруппой, в которую включен человек. В таком случае и поведение следовало бы рассматривать не только как межличностное или межгрупповое, но и как осуществляемое с позиции принадлежности к подгруппе. Введение такого звена позволяет одновременно преодолеть, с одной стороны, методологический индивидуализм, делающий акцент на личностных особенностях и межиндивидных связях, а с другой стороны, чрезмерный и часто неоправданный выход в надгрупповую сферу, в том числе для объяснения некоторых внутригрупповых феноменов.

В этом вопросе можно спроецировать соответствующие положения теорий социальной идентичности и самокатегоризации с межгруппового уровня на уровень подгрупп. Переформулировав эти положения можно сказать, что на уровне взаимодействия между подгруппами в группе действует уже не межличностная, а социальная идентичность. Внутри устойчивой подгруппы человек проявляет себя децентрированно, но уже с точки зрения норм и ценностей не группы в целом, а этой микрогруппы. То есть в различных внутригрупповых ситуациях человек мыслит, переживает и действует прежде всего в соответствии с социально-психологической характеристикой подгруппы, в которую включен. Это наиболее отчетливо проявляется во взаимодействии с представителями других подгрупп и людьми, не включенными ни в одну микрогруппу. Взаимодействие между подгруппами можно рассматривать по аналогии с взаимодействием между группами. Такая постановка вопроса автоматически предполагает и перенос социального сравнения и идентичности с межгруппового среза на уровень микрогрупп. Что касается поведения членов группы, не включенных ни в одну подгруппу, то оно может: а) иметь межличностный характер; б) определяться референтностью какой-то подгруппы и идентичностью с нею; в) определяться социальной идентичностью с группой, т.е. представлять собой поведение с позиции группы (при отсутствии межгруппового взаимодействия это мало вероятно).

Исходя из такого понимания внутригруппового поведения, взаимосвязь «личность-личность», рассматриваемую в большинстве американских теорий, и «личность-группа-общество», выделяемую в теориях социальной идентичности и самокатегоризации, необходимо дополнить связями «личность-подгруппа», «подгруппа-подгруппа», «личность-подгруппа-группа», которые при наличии включенности в подгруппы достаточно большого количества членов группы и при отсутствии непосредственного межгруппового взаимодействия будут иметь ведущее значение в группе. Именно обращение к этим дополнительным связям дает возможность впрямую затронуть внутригрупповой социальный контекст.

Высокий уровень идентификации человека с устойчивой подгруппой приводит к тому, что микрогрупповая предопределенность социального поведения человека будет выходить за пределы группы («широкий социальный контекст»). С одной стороны, в непосредственном контакте группы с внешней средой это взаимодействие будет оцениваться и реализовываться человеком с позиции своей подгруппы, а не только группы в целом. С другой стороны, в различных жизненных ситуациях, не имеющих отношения к группе членства, человек может строить свое поведение, опираясь (осознано или не осознано) на принадлежность не столько к группе, сколько к подгруппе. Поэтому необходимо рассматривать еще одну модель взаимосвязи «личность-подгруппа-общество».

Приведем такой пример, который наиболее наглядно иллюстрирует развиваемую здесь идею микрогрупповой концепции: возьмем преступные группы и группы заключенных.

Одним из признаков криминальной субкультуры взрослой и молодежной группировки, характеризующей межгрупповые отношения и групповую иерархию, является жесткая групповая стратификация с делением людей на «своих» и «чужих», а «своих» - на касты, иерархические группы от «верхов» до «низов», т.е. не что иное, как на подгруппы по иерархическому признаку [147; 148; 233].

В группе, т.е. среди «своих», существует авторитарность и строгая субординация в отношениях «верхов» и «низов». В группе заключенных наиболее выражена эксплуатация и притеснение «верхами» «своих», стоящих внизу иерархической лестницы, а также автономность существования каждой касты и наличие в каждой из них специфических норм, определяющих права и обязанности каждой иерархической подгруппы, жестко регламентирующих поведение ее представителей в тех или иных ситуациях. Конечно, невозможно проводить полное отождествление между стратой и неформальной подгруппой. Если не вдаваться в детали, то следует сказать, что самые высокие (уголовно-авторитетные) страты фактически можно рассматривать как подгруппы, тогда как каждая более низкая страта представлена рядом подгрупп («семьи»). Тем не менее каждый член группы вынужден (а не просто хочет) идентифицировать себя с той стратой, к которой он принадлежит, а значит строить свое поведение в соответствие с неформальными предписаниями относительно этой страты. Более того, в каждой собственно подгруппе («семье») конкретной страты имеются еще и свои специфические нормы, которые дополнительно регламентируют ее членов. Таким образом, поведение людей внутри группы определяется не столько социальной идентичностью с группой в целом, сколько идентичностью со своей стратой, подгруппой. В соответствии с этим строится взаимодействие между представителями страт, а внутри них – между представителями подгрупп.

6. Интерес представляет идея Д. Тернера о чрезвычайной вариативности и зависимости категоризации от контекста. То есть люди, распределенные по категориям и воспринимаемые как различающиеся в данном контексте, могут быть распределены по другим категориям и восприниматься как

сходные в другом контексте. В этой сущности категоризации «когнитивный процесс формирования групп преобразует различие в сходство и наоборот» [190, с. 14]. Он даже фактически распространяет эту идею с межгруппового контекста во внутригрупповой, когда рассматривает влияние меньшинства и большинства группы. Меньшинство будет категоризовано большинством в качестве аутгруппы в контексте внутригрупповых сравнений и в качестве ингруппы – в контексте межгрупповых. То есть в случае разногласий в пределах одной группы «мы» будет определяться большинством как нечто, исключающее чуждое ему меньшинство. Но в контексте более широкого межгруппового конфликта с некоторой принципиально отличающейся аутгруппой чуждое меньшинство будет с большей вероятностью рекатегоризовано в «мы».

Однако есть два ограничения, не позволяющие ассимилировать эту идею в ее «чистом» виде в микрогрупповую концепцию. С одной стороны, принадлежность к ингруппе-аутгруппе на основе самокатегоризации рассматривается им не как фиксированная объективная данность, а как психологическая переменная, которая может постоянно варьировать. Следовательно, и принадлежность к подгруппе должна пониматься как чисто когнитивная переменная. Мы же рассматриваем неформальную подгруппу как объективную реальность, хотя она, безусловно, включает процессы категоризации. С другой стороны, понятия «меньшинство» и «большинство» группы не тождественны понятию «неформальная подгруппа». Тем не менее, идея Д. Тернера о динамичности категоризации вполне может быть применима к анализу факторов образования подгруппы и восприятию между представителями разных реально существующих подгрупп в малой группе.

Для иллюстрации этой идеи обратимся к другой составляющей предыдущего примера. Деление на «своих» (ингруппа) и «чужих» (аутгруппа) в асоциальной субкультуре подростковых групп имеет не такой уж однозначный характер. Во-первых, понятие «чужие» не является одинаковым ко всем людям, не входящим в группировку. Здесь есть деление на абсолютно и менее «чужих», в зависимости от ряда характеристик «чужих» и факторов взаимодействия с ними. Например, к категории «чужих» не относятся местные взрослые и дети, которые расцениваются в другой плоскости, связанной с возрастной оппозицией. Группа может объединяться с «менее чужими» против «более чужих» групп. Во-вторых, в спецучреждениях для несовершеннолетних правонарушителей также есть деление внутри группы в зависимости от принадлежности к определенной страте, социально-пространственной локализации в помещении (проживание в одном «купе» или «проходе»), срока пребывания в учреждении. Даже в одном «купе» существуют свои спецификационные слои. Поэтому понятие в группе «свои» не является однозначным (например, «совсем свои», «свои», «условно свои», «еще не совсем свои»). Так, каждая вышестоящая страта («совсем свои») всегда объединяется в случае необходимости с непосредственно примыкающей к ней нижестоящей стратой («свои») в борьбе с другими нижестоящими («условно свои»). Для борьбы же с «абсолютно чужими» объединяются все страты. В целом

же, как отмечает И.П. Башкатов, граница между «своим» – «чужим» очень подвижна, а эти понятия размыты и относительны, так что в определенных ситуациях межличностных и межгрупповых отношений «чужой» становится «своим», а «свой» – «чужим» [22].

Таким образом, получается, что внутри группы существуют инмикрогруппы и аутмикрогруппы, а явления межгруппового взаимодействия – ингрупповой фаворитизм и аутгрупповая дискриминация – также проявляются внутри группы на уровне взаимодействия между подгруппами.

В дополнение к сказанному следует отметить, что на неоднозначность противопоставления «мы» и «они» в социальной идентичности (без уточнения качества групп) указывают даже различные антонимии в языке. Например, на основе разработанной в лингвистике типологии антонимии в ходе сортировки Мы-Они пар выделено 8 стратегий антонимического конструирования групповой идентичности: 1) абсолютное противопоставление – «друзья-враги», «свои-чужие»; 2) градуальное позитивное противопоставление, которое не имеет непроницаемых границ, – «больше-меньше» на фоне среднего члена, выступающего в качестве нормы; 3) нормативное противопоставление, когда происходит отождествление себя с большинством общества, его нормой; 4) прямое негативное противопоставление – задает непроницаемую границу и делит мир на две части: меньшую и замкнутую и весь остальной мир; 5) непрямое негативное противопоставление – есть промежуточные группы, выполняющие роль разграничивающего срединного буфера; 6) функциональное противопоставление – непреодолимые противоположности внутри единого универсума; 7) косвенное статусное сравнение – противопоставление Мы и Они по основаниям власть, богатство и престиж как норма; 8) парадигмальное различение – по степени близости в мире без оппозиций: Мы и Они составляют неотъемлемые части принятого, своего мира, суть показатели степени близости внутри категории «свои» [136].

7. Другой немаловажный вопрос, находящийся на стыке теории социальной идентичности, самокатегоризации и микрогрупповой концепции, относится к тем случаям, когда возникают подгруппы из людей, включенных в разные малые группы одной и той же социальной общности (вторичной группы). В первых двух теориях такая ситуация не оговаривается, но в принципе она может быть допустима и объяснена с позиции принципа метаконтраста и того дополнения, что в процессе категоризации (самокатегоризации) люди используют не единичные, а многочисленные признаки, благодаря которым возможны разные плоскости идентификации. Однако факторы образования и статус таких группировок, их функционирование и социальная идентичность их членов, оказывающихся на пересечении разных групп, является непонятным. Такая неопределенность может быть преодолена, если выйти за рамки первых двух теорий и обратиться к функциям подгрупп с точки зрения отдельных людей.

Образование подобного рода неформальных группировок представляет собой довольно распространенное явление и в своей основе может иметь ряд причин, которые связаны с блокированием реализации людьми тех или иных

социальных потребностей. Их условно можно разделить на две категории. Первая включает такие потребности, как потребность в аффилиации, общении, сравнении, позитивной самооценке, признании. Так вот, несмотря даже на наличие социальной идентичности со своей группой, некоторые члены не могут удовлетворять в ней свои актуальные социальные потребности. Эта возможность, с одной стороны, не предоставляется группой членства в целом, а с другой – отсутствует из-за невключенности по разным обстоятельствам в какую-то подгруппу, которая могла бы ее предоставить. Выход из этой ситуации видится людьми в объединении в межгрупповую неформальную подгруппу в рамках одной организации (если она небольшая) или крупного подразделения организации. Вторая категория включает в себе потребности в самоутверждении, достижении успеха в профессиональной сфере. Для реализации такого класса потребностей человеку нужна поддержка. Обычно существует два направления ее получения: со стороны руководителя и со стороны коллег своей группы. Более эффективный результат дает использование их одновременно, параллельно. Однако в ряде случаев, связанных со спецификой формального и неформального аспектов профессиональной деятельности и карьерного продвижения за пределами группы в организации, подразделении (например, факультет вуза), опора на свою группу (например, кафедра) или какую-то ее часть, т.е. преднамеренно объединенных вокруг себя людей в подгруппу, не обеспечивает достижения человеком цели. В этой ситуации он начинает искать себе более «сильных» союзников в других группах данной организации (подразделении) на основе общности интересов, образуя с ними межгрупповую неформальную подгруппу.

Для членов обеих разновидностей межгрупповой неформальной подгруппы могут возникать проблематичные ситуации в межгрупповом контексте, особенно когда между группами, представителями которых они являются, возникают трения. Проблематичность выражается в вопросе «ты с кем?». Если между членами межгрупповой неформальной подгруппы такой вопрос не столь актуален, так как они хорошо понимают смысл и выгоду своего объединения, то с позиции своей малой группы он обостряется. В последнем случае, чтобы продолжать использовать в своих целях ресурсы межгрупповой неформальной подгруппы и в то же время не допускать дистанцирование от себя членов своей группы, человек вынужден лавировать, например, не афишируя активного сотрудничества с такой подгруппой и публично декларируя отстаивание интересов своей группы.

В заключение надо отметить, что в микрогрупповой концепции и теориях социальной идентичности и самокатегоризации выделяются несколько различные плоскости анализа. В нашем случае исследовательское поле очерчивается прежде всего самой группой, основной единицей анализа является подгруппа и, следовательно, объяснение внутригрупповых явлений опирается на наличие в группе подгрупп и не включенных в них членов группы. В теориях социальной идентичности и самокатегоризации ключевое значение отводится плоскости межгрупповых отношений, основной единицей анализа является группа, а точнее психологическая принадлежность к ней, в большей

степени изучаются не внутригрупповые, а межгрупповые эффекты. Таким образом, микрогрупповая концепция принципиально не противоречит, да объективно и не может противоречить в силу различия предмета, некоторым ключевым положениям теорий социальной идентичности и самокатегоризации. Наверное, было бы правильнее рассматривать их с определенными поправками как взаимодополняющие.

7.4. Теория взаимозависимости

Теория взаимозависимости Г. Келли и Д. Тибо, что общеизвестно, разработана в рамках необихевиористской ориентации и используется в настоящее время многими зарубежными психологами для объяснения тех или иных социально-психологических явлений, в том числе возникающих в групповом контексте. В русскоязычных источниках можно сослаться на переведенный фрагмент этой теории [93], обзорной работе современных зарубежных социологических теорий [162], ее анализ в работе отечественных авторов [8]. Обозначим предельно кратко основные положения данной теории, что сделает более доступным ее сопоставление с микрогрупповой концепцией.

Теория взаимозависимости Г. Келли и Д. Тибо построена на нескольких положениях: власть и подчинение, обмен вознаграждениями и издержками, уровень сравнения и уровень сравнения альтернатив, «матрица результатов».

В соответствии с теорией взаимозависимости социальное взаимодействие представляет собой процесс последовательного обмена между людьми вознаграждениями и издержками (потерями). К вознаграждениям относится то, что доставляет человеку удовольствие, а к издержкам – то, что сдерживает проявление любого поведения или его фрагмента (страдание, смятение, тревога и др.). Размеры вознаграждений и издержек взаимодействующих людей будут зависеть от внешних и внутренних факторов. К внешним факторам относятся, например, их потребности и ценности, определенные поведенческие навыки и способности, соответствие поведения и его результатов их потребностям и ценностям. Внутренние факторы связаны с самой ситуацией взаимодействия и ее продуктом (например, соответствие стратегий поведения людей, сотрудничество или соперничество между ними). В конечном счете, исход любого взаимодействия оценивается каждым из его участников с точки зрения полученных им вознаграждений и понесенных издержек.

Возникновение, существование и распад малой группы (социального взаимодействия) зависит, прежде всего, от соотношения вознаграждений и потерь. Образование группы предопределяется высокой оценкой людьми получения выигрышей по сравнению с возможными потерями в данной группе. Взаимодействие будет продолжаться и группа будет сохраняться в том случае, если вознаграждения превосходят издержки.

Для оценки приемлемости результатов (исходов) взаимодействия люди используют определенного рода стандарт. Авторы теории выделяют два типа

стандартов: уровень сравнения и уровень сравнения альтернатив. Уровень сравнения – стандарт, по которому участники взаимодействия оценивают привлекательность своих взаимоотношений. Результаты, превышающие уровень сравнения, оцениваются как удовлетворительные, а оказывающиеся ниже его, – как неудовлетворительные. Этот стандарт определяется всей совокупностью результатов, известных человеку из собственного опыта и наблюдений за окружающими людьми. Уровень сравнения альтернатив представляет собой самый низкий уровень результатов, который примет человек в перспективе альтернативных возможностей во взаимоотношениях с другими людьми данной группы или членами другой группы. Если результаты взаимодействия ниже уровня сравнения альтернатив, то высока вероятность его прекращения и установление взаимодействия с другим членом группы или даже переход в другую группу. Если же результаты взаимоотношений все более и более превосходят уровень сравнения альтернатив, человек становится сильнее зависимым от данного взаимоотношения как единственного источника его опыта. Кстати говоря, действие этого стандарта часто рассматривается как одно из возможных объяснений социального влияния в группе.

В рамках данной теории в качестве объекта экспериментального исследования выступают диады, а процедура лабораторного эксперимента заключается в использовании матрицы исходов для анализа взаимодействия, заимствованной из теории игр. Построение матрицы исходов предполагает изначально возможные стратегии поведения участников и варианты соотношения вознаграждения и издержек.

Данная теория была подвергнута тщательному анализу в зарубежной и отечественной психологии, на основе чего были выделены ее возможности и ограничения. Например, к последним относятся: игнорирование социального контекста при изучении групп, механистическое понимание взаимодействия, абсолютизация принципа выгоды как регуляторного механизма межличностных отношений и др. В целом делается вывод о частном характере этой теории [8].

* * *

Теория взаимозависимости, так же как и теория социального сравнения Л. Фестингера, основана на методологическом принципе индивидуализма и обладает такими же характерными особенностями. Как в теории социального сравнения, так и в теории взаимозависимости исходной единицей анализа являются отдельные индивиды, но не рассматриваются подгруппы, возникающие в группе.

С позиции микрогрупповой концепции необходимо обратить внимание на два существенных обстоятельства, связанных с данной теорией.

Первое обстоятельство имеет отношение к объекту исследования. Выше говорилось о том, что таким объектом являлась диада. Здесь возникает традиционный вопрос о том, можно ли вообще рассматривать диаду как малую группу, так как происходящие в ней процессы имеют предельно упро-

щенное содержание по сравнению с более многочисленными группами, хотя бы с триадой. В литературе отмечается окончательная нерешенность данного вопроса [7]. В литературе даже указывается на то, что и триада обладает специфическими особенностями по сравнению с более многочисленными группами [260]. В любом случае применительно к диаде как группе объективно невозможно говорить о каких-либо подгруппах. Поэтому, в теории взаимозависимости, как и в других теориях, которые обосновывались и экспериментально апробировались на диадах, принципиально не могли анализироваться подгруппы.

Второе обстоятельство касается «принципа выгоды», который фактически является единственным регуляторным механизмом сферы межличностных отношений в теории взаимозависимости. Авторы этой теории готовы объяснить с помощью этого механизма какое угодно взаимоотношение, даже любовное, как они это делают на примере ухаживания, женитьбы и последующей совместной жизни Марии и Сергея из романа Л.Н. Толстого «Семейное счастье».

Если спроецировать данный механизм в контекст микрогрупповой концепции, то нельзя не согласиться с тем фактом, что он может лежать в основе возникновения и дальнейшего функционирования неформальных подгрупп в группе точно так же, как и указанные стандарты оценки результатов взаимодействия. Отсюда следует, что мотивы объединения людей в неформальную подгруппу и взаимоотношения в ней не ограничиваются лишь эмоционально-экспрессивным содержанием (симпатия, аттракция), как обычно принято считать. Возникновение и распад неформальных подгрупп часто предопределяется сугубо прагматическими соображениями если не всех, то некоторых членов. В таких подгруппах используются и указанные выше стандарты – уровень сравнения и уровень сравнения альтернатив – для оценки выгоды от включенности в них.

Безусловное и сильно выраженное проявление данного механизма характерно для определенного рода малых групп. Он является фактически единственным в группах, в которых экономический фактор представляется ключевым и масштабным, определяющим большие материальные выигрыши или потери для людей. Он очевиден и в группах, в которых существует жесткие конкурентные отношения, нормы и санкции при совершении ошибок. В последнем случае можно привести два полярных примера. С одной стороны, существуют неформальные подгруппы в «высших эшелонах власти», а с другой стороны – в преступных группировках, тюрьмах. По поводу неформальных подгрупп в таких типах групп уже говорилось достаточно.

Вместе с тем в литературе отмечается неправомерная универсализация данного механизма [8]. Уровень его проявления в группах и в образовании подгрупп может варьировать от преобладающей в обществе системы ценностей и нравственных норм, индивидуалистической или коллективистической направленности. Не случайно в советский период жизни нашей страны принципы обмена и выгоды подвергались беспощадной критике в отечественной социальной психологии, так как социалистический образ жизни проповедо-

вал коллективизм, а не индивидуализм, равноправие и бескорыстность, а не постоянное стремление к росту доходов и материальному благополучию. Если посмотреть на наше современное общество и сравнить его с тем, каким оно было пятнадцать и более лет назад, то можно увидеть, насколько сильно возросла доля этих принципов в отношениях между людьми. Уровень проявления принципа выгоды зависит и от возраста людей. В детских группах (дошкольники, младшие школьники, подростки) объединение детей в подгруппы в меньшей степени связано с получением выигрышей, чем в группах взрослых, хотя и здесь существенное влияние оказывает тип общества. Об этом наглядно свидетельствует тот факт, что подростки нынешнего времени являются более прагматичными, чем в советский период.

ГЛАВА 8

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ТЕОРИИ И МИКРОГРУППОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ МАЛОЙ ГРУППЫ

На фоне указанной ранее тенденции снижения исследовательской активности в области отечественной психологии малой группы, данная дисциплина по-прежнему остается представленной двумя теоретическими схемами: теорией деятельностного опосредствования межличностных отношений и параметрической теорией.

Как и в предыдущей главе, где речь шла о зарубежных теориях, в этой главе в каждом из двух параграфов будут сначала обозначены основные положения конкретной теории, а затем они будут рассмотрены в сопоставлении с микрогрупповой концепцией, так что каждый параграф окажется разделенным на две части.

8.1. Теория деятельностного опосредствования межличностных отношений

Теория деятельностного опосредствования межличностных отношений (стратометрическая концепция) разрабатывалась на протяжении 1970-х гг. коллективом ученых под руководством академика А.В. Петровского и полно представлена в коллективной монографии [159], а также кратко изложена в учебных пособиях [139; 146]. На момент издания в 1979 г. монографии было опубликовано 155 работ разных авторов, выполненных в рамках данной теории. В дальнейшем появлялись публикации (в реферативных журналах до 1992 г.), посвященные этой теории, которые, однако, принципиально не способствовали ее дальнейшему развитию [134; 135; 145; 177; 178; 227 и др.].

Формирование теории деятельностного опосредствования межличностных отношений (ДОМО) было связано с поиском альтернативных подходов к пониманию группы, межличностных отношений и поведения личности в группе, эффективности групповой деятельности в зарубежной социальной психологии, а также с преодолением ограниченности отечественных социологических и психологических исследований группы. Отличия данной теории, на момент ее разработки, от зарубежных исследований мы попытались схематично и обобщенно представить в табл. 7.

Таблица 7

Принципиальные различия зарубежных исследований малых групп и теории ДОМО

Признаки различия	**Зарубежные исследования**	**Теория ДОМО**
Группа	Психологическая общность	Социально-психологическая общность
Группообразующий фактор	Индивидуальные потребности	Совместная деятельность
Качественное развитие группы	Не учитывалось	Имеет принципиальное значение
Объект исследования	Диффузная группа	Группа высокого уровня развития
Предмет исследования	Непосредственные взаимоотношения	Деятельностно опосредованные взаимоотношения
Внутригрупповые процессы	Одноуровневые	Многоуровневые в высокоразвитой группе
Личность в группе	Пассивна	Активна в высокоразвитой группе
Факторы эффективности деятельности группы	Формально-количественные и некоторые содержательные характеристики группы	Уровень развития группы
Воспитательная функция группы	Не учитывалась	Имеет принципиальное значение

Костяк тории ДОМО выражается в двух тесно связанных составляющих: различение групп по уровню развития и иерархическое строение внутригрупповых процессов.

1) Уровни развития группы.

Непсихологические критерии уровня развития группы: а) качество выполнения группой своей социальной функции; б) адекватность поведения группы социальным нормам – общесоциальным («следование моральному кодексу строителя коммунизма» и др.) и профессиональным; в) обеспечение каждому из своих членов возможности для полноценного развития (психологический климат). Группа может быть отнесена к высокому уровню развития только при достаточно высоких показателях по каждому из трех критериев.

На практике же используются следующие критерии типологии групп по уровню развития: а) степень опосредствования межличностных отноше-

ний содержанием групповой деятельности; б) общественная значимость групповой деятельности (вектор «просоциальная-асоциальная»). Сочетание этих критериев определяет исходную точку движения и два пространства, в которых может происходить развитие группы. Исходным уровнем представлена типичная диффузная группа с неопределенной направленностью, но с отсутствием элементов деятельностного опосредствования взаимоотношений. В первом пространстве с просоциальным вектором обозначены такие уровни развития группы, как диффузная группа, ассоциация, кооперация, коллектив. Последний определяется как «организованная группа, в которой члены объединены общими ценностями, целями и задачами деятельности, значимыми для группы в целом и для каждого ее члена в отдельности, где межличностные отношения опосредствуются общественно ценным и личностно значимым содержанием совместной деятельности» [146, с. 69]. Во втором пространстве с асоциальном вектором указывается диффузная группа и корпорация (высокий уровень опосредствованности взаимоотношений и выраженная асоциальная или антисоциальная направленность).

Закономерности, выявленные на группах низкого уровня развития, не могут быть перенесены на более развитые группы (коллективы).

2) Иерархическое строение внутригрупповых процессов.

В процессе освоения группой совместной деятельности, а значит, развития ее в целом, происходит иерархизация групповых процессов по отношению к целям и содержанию этой деятельности. В этой многоуровневой структуре последовательно, от «глубинных» к «поверхностным», выделяются несколько страт (слоев): а) ядерная и непсихологическая страта – содержание и социальная характеристика совместной деятельности; б) отношение каждого члена группы к групповой деятельности, ее целям, мотивация деятельности, ее социальный смысл для каждого человека; в) межличностные отношения, опосредованные содержанием совместной деятельности и принятыми в группе нормами и ценностями; сюда относятся такие феномены, как «коллективистическое самоопределение», «ценностно-ориентационное единство» и «предметно-ценностное единство», «действенная групповая эмоциональная идентификация» и др.; г) относительно непосредственные эмоциональные межличностные отношения, так как все же возможно некоторое «прогревание» глубинными стратами.

В высокоразвитых группах (коллективах) наблюдаются все эти страты, а в диффузных группах имеет место лишь последний, «поверхностный» уровень. Ведущей детерменантой групповых процессов в коллективе является отношение к совместной деятельности, ее мотивация, социальный смысл, действующие в группе нормы и ценности. Межличностные отношения преобразуются деятельностью группы, которая направлена вовне на присвоение социально значимого предмета, а не на сами эти межличностные отношения.

В методологическом аспекте теория ДОМО создана на ведущих принципах советской психологической теории в целом - на принципе деятельности и принципе опосредованности [71].

Ни у кого не вызывает сомнений, что данная теория в свое время была большим шагом вперед в расширении представления о малой группе и вышла за пределы абстрактных схем в область практики, чего недоставало многим зарубежным теориям. Утверждение П.Н. Шихирева о том, что именно исследования коллектива составляют основной вклад парадигмы преобразования в современную социальную психологию должно быть адресовано прежде всего этой теории [234]. Другой вывод этого автора о том, что исследование коллективов исчерпало свой основной потенциал, также относится к этой теории.

В послесловии к коллективной монографии «Психологическая теория коллектива», в которой впервые полно была изложена теория ДОМО, Г.М. Андреева пишет, что «опыт развития теоретической мысли в западной социальной психологии не может быть непосредственно использован в качестве фундамента для построения системы теоретического знания внутри марксистской социальной психологии» [159, с. 219], что другой тип общества ставит задачи иного характера. Эта мысль отражает общепринятую в то время в нашей стране точку зрения о конструировании социальных теорий с учетом специфики социальных условий общества и его идеологии. Так же как эта мысль была высказана применительно к разработке теории ДОМО в тех условиях, она точно так же должна быть обращена к этой теории в новых социальных условиях, поднимая вопрос о ее релевантности практике в этих условиях. Рассмотрим несколько примеров.

Пример первый. Социальная направленность и личностно развивающий потенциал группы рассматривались как два из трех параметров ее уровня развития и эффективности деятельности. В настоящее время иеология общество не требует, как раньше, от руководства организаций повышения морального облика и гуманистического потенциала трудовых коллективов, а руководство большей частью безразлично к этому и ориентировано на качество осуществляемой сотрудниками индивидуальной или групповой деятельности. Получается, что два параметра, составляющие значительную часть фундамента данной теории, не имеют особого смысла и значения в современной практике.

Справедливости ради надо сказать, что нравственный «заряд» институализированных групп по большому счету не является бессмысленным для общества любого типа. Вопрос заключается в другом, а именно, насколько общество осознает в этом необходимость, какие есть для этого средства и в какой форме нравственный аспект будет проводиться в жизнь. В настоящий момент наше общество уже осмысливает необходимость решения такой задачи. По крайней мере, наиболее простое (проверенное временем и «дешевое» по материальным затратам) ее решение уже осуществляется в форме развернутого внедрения православия, христианских ценностей во все слои жизни общества.

Пример второй. В рамках теории ДОМО отмечалось, что учебная деятельность внешне выступает как совместная, но «предполагает в основном индивидуализированный процесс усвоения знаний и поэтому по

существу оказывается суммой индивидуальных учебных достижений» [159, с. 187]**.** При сравнении с производственной деятельностью, обеспечивающей высокие результаты коллективообразования, учебная деятельность проигрывает. Однако выход здесь виделся в организации «посильного участия в производительном труде, имеющем коллективный характер, в общественно полезной деятельности… в различных видах внеурочной учебной деятельности, где возможно реальное взаимодействие и взаимопомощь» [159, с. 188].

Идея организации общественно полезной деятельности (ОПД) и вовлечения в нее учащихся, наиболее интенсивно прорабатывавшаяся Д.И. Фельдштейном [202], являлась в области воспитания одним из ключевых направлений в 1970-80-х гг. Эта идея базировалась на представлении А.В. Петровского о личностнообразующей ведущей деятельности как динамической системе деятельностей [161]. Посредством ОПД пытались осуществлять влияние на формирование нравственной сферы личности учащегося, учебного коллектива. Вместе с тем практика и специальные исследования уже в 1980-х гг. показали слабую организацию ОПД и включение в нее учащихся [113; 117]. В качестве основных причин сложившейся ситуации отмечались: формальный подход, отсутствие необходимых навыков у преподавателей, которые прежде всего сосредотачивали свое внимание на задачах обучения и менее всего на задачах воспитания, преобладание авторитарных методов работы с учащимися.

В настоящее время о возвращении к идее об ОПД в школах и других учебных заведениях, пусть и в какой-то иной форме, сложно говорить. Не решив вопросы материального порядка и престижа соответствующих профессий, невозможно решать моральные и психологические задачи. Практика советского периода показало это со всей убедительностью.

Из сказанного следует, что идеи теории ДОМО не могут в настоящее время в полной мере быть приложимы к учебным группам.

Пример третий. В теории рассматривается прямая связь между феноменами опосредованных деятельностью межличностных отношений и продуктивностью группы. Однако еще в перестроечный период советского общества А.Л. Журавлев обращал внимание на большое количество накопившихся противоречивых фактов, свидетельствовавших об обратных связях этих аспектов функционирования группы [80]. В одних группах было обнаружено существенное расхождение между высокими показателями состояния феноменов взаимоотношений, с одной стороны, и низкими показателями совместной трудовой деятельности – с другой. В иных группах наблюдалась противоположная закономерность: высокоэффективная деятельность имела место в группах, в которых люди были малознакомы.

В данной работе не ставится задача критического взгляда на все возможные ограничения теории ДОМО, хотя специальный тщательный ее анализ, позволивший бы очертить границы ее применения в современных условиях, давно востребован временем. Мы также понимаем и то, что такой анализ должен принимать внимание те сложные условия, в которых приходи-

лось нашим коллегам создавать эту теорию, подчас жертвуя своими личными взглядами и идеями. Далее будут затронуты лишь наиболее принципиальные вопросы в их связи с микрогрупповой концепцией.

* * *

Обратимся снова к послесловию коллективной монографии «Психологическая теория коллектива», в котором Г.М. Андреева задается вопросом о том, что в идее опосредованности всей системы отношений членов группы деятельностью «не слишком ли обедняется мир человеческих отношений, не оказываются ли при таком подходе потесненными те «внедеятельностные», порой чисто эмоциональные образования, которые, естественно, нельзя исключить из реальной ткани отношений между людьми» [159, с. 221]**.** И далее она указывает, что может возникнуть абсолютизация деятельностной сущности межличностных отношений и «по-видимому, многое еще предстоит сделать, чтобы возникающее возражение было снято» [159, с. 221]. Прошло четверть века с момента выхода в свет монографии, а высказанное Г.М. Андреевой возражение не было учтено.

Этот большой пласт отношений, выпавший из концептуальной схемы, представлен не просто «относительно непосредственными эмоциональными отношениями» между отдельными людьми в группе, а более сложными неформальными образованиями и конфигурациями, связями между ними. Такие образования не являлись специальным предметом изучения, за небольшим исключением, и в эмпирических исследованиях эмоциональных взаимоотношений, проводившихся вне рамок теории ДОМО.

В то же время ограничение образования и функционирования неформальных подгрупп лишь эмоциональными связями по типу симпатии, аттракции не соответствует действительности. Многие неформальные подгруппы образуются на основаниях делового, прагматического свойства. Например, в качестве одного из них может быть совместная деятельность, что встречается очень часто. В силу этого необходимо было бы рассматривать опосредованность межличностных отношений совместной деятельностью не только (или даже не столько) с позиции малой группы в целом, но и с точки зрения существующих в ней подгрупп.

В целом же надо сказать, что не только отдельные люди и отношения между ними являются мощной созидательной или разрушительной силой в группе и самой группы во внешнем мире, но прежде всего такой силой обладают подгруппы, их активность и взаимодействие. И даже сильная личность не способна одна, без опоры на подгруппу (хотя бы временно) самоутвердиться или добиться каких-то существенных преобразований. В то же время носителями самих «деятельностых» отношений являются не только члены группы в отдельности, что слишком упрощало бы реалии, но и подгруппы.

Обращение к микрогруппам позволит по-иному взглянуть на социально-психологические феномены группы, выделенные в теории ДОМО.

1. Рассмотрим системообразующую роль совместной деятельности в развитии группы. В этом случае сразу возникают взаимосвязанные вопросы о том, насколько деятельность должна быть совместной, чтобы могла выполнять такую роль, и насколько заданная извне обществом цель совместной деятельность принимается не только отдельными членами группы, но и микрогруппами. В теории, к сожалению, не даются ответы на эти вопросы.

По первому вопросу можно сослаться на некоторые выводы, сделанные А.И. Донцовым с коллегами применительно к состоянию проблемы исследований совместной деятельности вообще: большинство авторов в принципе не обсуждают вопрос о психологической сущности совместной деятельности, она задается как бы изначально, а затем изучаются различные внутригрупповые феномены [74]. Если совместность отсутствует, что типично для учебной и многих видов трудовой деятельности, то вряд ли можно говорить о монополии и вообще о роли совместной деятельности в развитии группы. Отсюда следует необходимость искать иные, в том числе более универсальные, факторы развития группы, которые не могут быть не связаны с активностью микрогрупп. Их существование часто не зависит от того, есть ли совместная деятельность или ее нет.

Даже если предположить, что в группе существует действительная совместность деятельности, предполагающая тесную взаимосвязанность, то необходимо параллельно рассматривать: а) структурирование совместной деятельностью не только взаимоотношений индивидов, что характерно для теории ДОМО, но и микрогрупп, их отношений с другими микрогруппами и конкретными людьми; б) формирование внутренних целей структурных компонентов группы.

Так, в теории ДОМО рассматривается институализированная (формальная) группа, совместная деятельность как заданная извне обществом, а значит и ее цели как тоже заданные извне. Несмотря на тезис о формировании группы по мере становления совместной деятельности, фактически из виду упускается принятие группой этой цели и вырабатывание внутренних целей. Об этом свидетельствует то, что «глубинная» страта – отношение людей к групповой деятельности – изучалась в слабой степени. Однако с момента возникновения группы включение людей в совместную деятельность предполагает одновременное формирование отношения к деятельности и взаимоотношений, а через это – процесс структурирования группы с выделением микрогрупп и не включенных в них людей, имеющих внутренние цели, содержащие как общие, так и специфические особенности. В этом смысле можно провести аналогию с образованием и проявлением внутренних целей в организации. Еще на заре становления системного подхода Ч. Барнард отмечал, что цели и подцели распределяются между различными подгруппами, после чего в них возникает тенденция игнорировать другие подцели и другие аспекты целей организации в целом. Тенденция представителей того или иного подразделения в организации оценивать свою деятельность лишь с учетом своих подцелей (даже если они противоречат целям организации) усиливается по ряду причин из-за присущей людям склонности видеть вещи

согласно своей системе отсчета, игнорируя все прочие, из-за содержания внутригрупповой коммуникации, избирательного отношения к внешним воздействиям [48]. Можно сказать, что цели микрогрупп психологически по содержанию значительно разнообразнее социально заданной цели и по-разному могут с ней соотноситься.

Таким образом, связь «социально заданная цель – формальная группа» должна являться объектом скорее микросоциологического анализа, тогда как социально-психологическое исследование должно быть направлено на изучение целей и иных психологических характеристик микрогрупп и не включенных в них членов группы.

2. Обратимся к опосредованным совместной деятельностью межличностным отношениям. По выражению Г.М. Андреевой, сущность теории ДОМО заключается «в доказательстве идеи о том, что в развитой группе доминируют не непосредственные межличностные отношения между людьми, а отношения, опосредованные совместной деятельностью» [159, с. 220]**.** Рассмотрим этот вопрос лишь на примере трех феноменов межличностных отношений коллектива: ценностно-ориентационное единство, действенная групповая эмоциональная идентификация, мотивация выбора в межличностных отношениях.

Ценностно-ориентационное единство (ЦОЕ) как сплоченность группы экспериментально изучалась на учебных и производственных группах. Относительно учебных групп, как отмечалось ранее, сложно говорить о наличии собственно совместной деятельности. Возможно, в силу специфики таких групп объектом ценностных ориентаций часто выступали идеальные характеристики лидера с акцентом на общественно значимый моральный эталон, этические нормы.

Другое обстоятельство, требующее внимания, состоит в рассмотрении ЦОЕ с точки зрения сходства оценок каждого члена группы со всеми остальными. Данный подход игнорирует наличие в группе микрогрупп. Поэтому, он не является достаточно точным, так как усредняет показатели микрогрупп и не включенных в них членов группы, что будет приводить к ошибкам теоретического и эмпирического исследований. Например, в одном из исследований ЦОЕ было подмечено в одной учебной группе наличие неформальной группировки, представители которой имели общность взглядов при оценке лидера, не совпадающую с установками остальных членов группы. Если бы в этих исследованиях было уделено специальное внимание таким группировкам, то подобных фактов было бы гораздо больше, что потребовало бы в свою очередь по-иному взглянуть на ЦОЕ.

Третье обстоятельство, во многом вытекающее из предыдущего, связано с тем, что высокое ЦОЕ между всеми членами группы, рассматриваемое как «хороший» показатель группы, на самом деле не будет способствовать ее дальнейшему развитию. Кстати говоря, это признавалось и в самой теории ДОМО. Представим себе, что члены группы, например, научного коллектива, смотрят на одни и те же вопросы одинаковым образом. Можно ли в этом случае говорить о научном прогрессе? Вряд ли. Наоборот, некоторое расхожде-

ние в ЦОЕ разных микрогрупп, отдельных членов будет иметь более важную роль в динамике группы.

Последний вопрос изучения ЦОЕ относится к производственным группам (бригадам) в связи с продуктивностью их деятельности. К сожалению, в исследованиях (в русле теории ДОМО) производственных групп, как и учебных, не учитывались микрогруппы. Их выделение и анализ позволили бы более тонко подойти к рассматриваемому вопросу. К примеру, если все члены группы одновременно являются и членами, условно говоря, одной микрогруппы, то это имеет иное влияние на продуктивность работы, чем если в группе есть несколько микрогрупп или одна микрогруппы и не включенные в нее люди.

Таким образом, изучение ЦОЕ более адекватно осуществлять по отношению не к группе в целом, а к устойчивым микрогруппам и не включенным в них членам группы. Причем надо учитывать, что ЦОЕ микрогрупп значительно выше, чем ЦОЕ группы в целом. Такой подход позволит получить более точное представление о состоянии группы по данному параметру. Знание содержания ЦОЕ микрогрупп даст возможность оценить их позицию с точки зрения социальной направленности, определить их отношение к деятельности и условиям функционирования группы, а значит, более корректно спланировать воздействие.

Действенная групповая эмоциональная идентификация (ДГЭИ) изучалась в лабораторных экспериментах, спланированных безупречно для проверки гипотез, и с помощью аппаратурных методик. ДГЭИ, как и ценностно-ориентационное единство, рассматривалась с точки зрения отношений между отдельными членами группы. Это означает, что в коллективах такая идентификация действует по отношению ко всем членам группы без исключения. Вряд ли можно спорить о том, что в некоторых реальных группах данная идентификация имела место в прежних общественных условиях и имеет место в настоящее время. В то же время возникает ряд вопросов.

Начнем с того, что ситуация лабораторного эксперимента не отражает в полной мере всей сложной специфики взаимоотношений в группе. Далее следовало бы предположить, что такая идентификация может являться следствием не уровня развития группы, а изначального наличия гуманистического потенциала в содержании индивидуальных социальных установок членов группы, опыт взаимодействия которых может быть совсем незначительным. Кроме того, сложно представить себе одинаковый уровень идентификации каждого человека со всеми остальными в более или менее многочисленной малой группе. Например, К.К. Платонов указывает, что каждый человек в группе может находиться в объективных и достаточно дифференцированных личных отношениях не более, чем с 7-12 другими людьми [151]. Я.Л. Коломинский на основе исследования большого массива учебных групп установил, что в первый круг желаемого общения старшеклассников в учебной группе входит не более трех человек [103].

Поэтому, чтобы получить более развернутое представление о внутригрупповой идентификации, частным случаем которой является ДГЭИ, необ-

ходимо было бы рассматривать ее не столько с точки зрения группы в целом, сколько с позиции подгрупп и не включенных в нее членов группы. Очевидно, что идентификация будет значительно сильнее проявляться в подгруппе, так как ее представители будут идентифицировать себя не со всеми членами группы, а с теми, кто входит, как и они, в одну и ту же подгруппу. Да и само образование подгрупп тесно связано с процессами идентификации. Надо сказать, что в теории вскользь оговаривался тот факт, что в случае коллективистской направленности неформальных группировок в учебной группе в них наблюдается эмоциональная идентификация, взаимная привязанность [146].

Что касается людей, не включенных ни в одну подгруппу, то для них может быть характерна та или иная форма идентификации: межличностная идентичность, микрогрупповая идентификация, групповая идентификация (социальная идентичность по Г. Тэджфелу и Д. Тренеру).

В теории ДОМО рассмотрение проблемы мотивации выбора в межличностных отношениях было связано с двумя задачами. Первая задача виделась в необходимости совершенствования и углубления социометрических тестов, популярных в то время не только за рубежом, но и в нашей стране. Предполагалось, что «выявление системы мотивов межличностного выбора дает более содержательную характеристику групповой дифференциации» [159;195]**.** Вторая задача была связана с доказательством того, что в группе высокого уровня развития «выбор осуществляется не только на основании чувств, возникающих при первом впечатлении, но и исходя из оценки более глубоких личностных качеств, которые проявляются в совместной деятельности и в значимых для личности поступках» [159, с. 110], что «в развитом коллективе человек, выбирающий партнера в социометрическом выборе, одновременно воспринимает этого партнера как вносящего больший вклад в деловую интеграцию группы» [159, с. 183]**.**

Относительно первой задачи следует сказать, что в собственно социометрической процедуре (а не квазисоциометрической, наиболее распространенной за рубежом и в нашей стране) Я. Морено, как правило, просил испытуемых обосновать свой выбор [129], т.е., говоря современным языком, пытался установить их мотивы выбора. Другое дело, Я. Морено не развернул и не стандартизировал эту часть социометрической процедуры, что хорошо было сделано в рамках теории ДОМО.

По поводу второй задачи хотелось бы обратить внимание на одно важное обстоятельство. В проводившихся исследованиях фиксировалось мотивационное ядро выборов каждого члена группы в отдельности, и на основе этого давалась характеристика уровню развития группы и, наоборот, выделялась специфика мотивационного ядра выборов членов групп в зависимости от уровня развития этих групп. Однако в исследованиях не принималась во внимание возможность существования микрогрупп, хотя созданный инструментарий давал для этого широкую возможность. Анализ мотивации выбора одним человеком другого (других) не дает развернутого представления о малой группе. Куда существеннее рассматривать мотивы объединения людей в

микрогруппы, коль скоро они являются естественным и практически неизбежным явлениям для малой группы любого уровня развития. С одной стороны, если мотивы выбора каждым членом группы суммировать по группе в целом, то получится усредненная характеристика группы (например, учебной), которая не будет ее принципиально отличать от многих других групп такого же типа. Знание мотивов объединения людей в микрогруппы даст дифференцированное представление о группе с точки зрения ее структурных компонентов. С другой стороны, выявление особенностей мотивов объединения людей в неформальные подгруппы позволило бы оценить позицию и потенциальные возможности каждой из них во внутригрупповой жизнедеятельности, что представляется чрезвычайно важным для управления группой в целом.

3. Рассмотрим проблему обратного влияния взаимоотношений, более широко – общения, членов группы на ее совместную деятельность, которая, впрочем, выходит далеко за пределы теории ДОМО. Как отмечает Г.М. Андреева, «зависимость различных характеристик общения от уровня развития и содержания совместной деятельности не безгранична, напротив, само общение, если можно так выразиться, будучи «порождено» совместной деятельностью, в дальнейшем начинает играть весьма значимую роль в развитии самой этой деятельности» [6].

В настоящее время существует большое количество эмпирических исследований, посвященных влиянию коммуникативной, интерактивной, социально-перцептивной сторон общения на совместную деятельность как в обычных, так и в экстремальных условиях жизнедеятельности группы. Много исследований посвящено и влиянию межличностных отношений на продуктивность групповой деятельности, однако в упомянутой уже не раз коллективной монографии отмечается противоречивость полученных результатов: «в одних случаях экспериментально доказывается положительная корреляционная взаимосвязь между отношениями и групповой эффективностью, в других – отрицательная, в третьих – вообще никакой статистически значимой корреляции не обнаруживается» [159, с. 138]**.** В то же время в теории ДОМО признается положительная зависимость между относительной психологической несовместимостью людей и успешностью их совместной работы, так как «наличие разных подходов и точек зрения при выборе путей решения тех или иных конкретных проблем – одно из основных условий успешности работы группы» [159, с. 159]**.** Такая позиция созвучна ранее сделанным выводам некоторых зарубежных авторов. Она же в некоторой мере противоречит идеи ЦОЕ, о чем говорилось выше. Кроме того, проведение в рамках данной теории одного из исследований на трудовых группах не показало статистически значимой связи между ЦОЕ и продуктивностью группы, что было проинтерпретировано объективно сложной детерминацией эффективности деятельности группы, которая не может быть сведена только к социально-психологической. Было указано на значительную роль организационных, технологических, экономических и др. факторов.

К сожалению, данная проблема не поднималась в отечественной психологии (за редким исключением относительно учебной группы) с точки зрения существования в группе микрогрупп. Думается, что такой подход позволил бы конкретизировать некоторые вопросы и обозначить направление поиска новых возможностей оптимизации групповой деятельности психологическими средствами. Этот подход можно рассмотреть в нескольких плоскостях: а) анализ микрогруппы как ключевого звена групповой деятельности; б) анализ противоречий и конфликтов между структурными компонентами группы (микрогруппы и не включенные в них члены) как источников развития групповой деятельности; в) управление активностью микрогрупп и этими противоречиями, конфликтами с целью обеспечения эффективного функционирования и развития группы.

Во-первых, ранее (см. системный подход) высказывалось предположение о том, что совместная деятельность, основанная на относительно гибкой взаимосвязанности членов группы, будет более продуктивной, если какая-то устойчивая и активная подгруппа (а может быть, несколько подгрупп), среди объединительных признаков которой есть цель групповой деятельности, будет являться ведущим, направляющим звеном реализации этой деятельности. В одних случаях в качестве таковой выступает ранее существовавшая устойчивая подгруппа, а в других – только что образовавшаяся подгруппа в конкретной ситуации решения задачи. Остальная часть группы постепенно будет структурироваться вокруг этой подгруппы. В таком случае будут снижаться процессуальные потери. Если же совместная деятельность выполняется посредством совокупности усилий членов группы или параллельной активности нескольких подгрупп, то она должна быть менее продуктивной, так как в ней будет больше процессуальных потерь.

Во-вторых, в качестве источников изменения групповой деятельности и самой группы следует рассматривать противоречия, конфликты между структурными компонентами группы. Причем к таким компонентам должны относиться не только отдельные люди, как обычно это делается в исследованиях, но и микрогруппы. Если конфликты между разными членами группы носят разнонаправленный, распыленный характер, то конфликты между микрогруппами обладают более концентрированной силой.

Межличностные противоречия, конфликты по-разному проявляются между разными структурными компонентами группы. Так, в одном из наших исследований рассматривались разные типы противоречий в учебной группе, в том числе межличностные: между представителями одной и той же подгруппы, между представителями разных подгрупп, между «самостоятельными» (не включенными ни в одну подгруппу) членами группы, между представителями подгрупп и «самостоятельными» членами группы [176]. Были установлены определенные закономерности проявления этого противоречия в социально-психологической структуре группы.

Определенный уровень и содержание обострения противоречий между структурными компонентами группы может оказывать как позитивное, так и негативное влияние на продуктивность ее совместной деятельности. Приве-

дем несколько примеров. Так, ранее упоминалась широко распространенная точка зрения о положительном влиянии относительной психологической несовместимости членов группы на их совместную работу. Думается, что если группа более или менее многочисленна, то здесь речь должна идти не только, а может быть не столько, об относительной несовместимости отдельных членов группы, но и микрогрупп. Яркой иллюстрацией этому может послужить описанный в литературе случай с экипажем восьмерки по академической гребле – чемпионами ФРГ с 1962 по 1964 г. [108]. В команде был серьезный внутригрупповой конфликт между двумя группировками. Этот конфликт еще сильнее обострился с началом соревнований. Однако, несмотря на межличностные конфликты и внутригрупповую напряженность, этот экипаж выиграл чемпионат Европы в 1963 г., а в 1964 г. стал серебряным призером олимпийских игр. Сам собой напрашивался вывод о том, что развитие конфликта может идти параллельно с улучшением деятельности.

В-третьих, управление активностью микрогрупп и противоречиями между структурными компонентами группы позволяет добиваться более эффективного функционирования и развития группы.

Такое управление заключается в обострении и сглаживании тех или иных типов противоречий внутри подгрупп, между подгруппами, подгруппами и «самостоятельными» членами группы, «самостоятельными» членами группы, что было реализовано в одном из наших исследований [174].

4. Последний вопрос, требующий анализа, относится к пониманию развития малой группы в рамках теории ДОМО. В коллективной монографии отмечается, что традиционная социальная психология различает группы по разным признакам, но она не знает вообще различия их по уровню развития, не выделяет групп высшего уровня, которые по своим параметрам качественно отличались бы от традиционно изучаемых малых групп [159]. Бесспорно, предложение, сделанное в теории ДОМО, различать малые группы по уровню развития являлось прогрессивным для того времени и сейчас не теряет своей актуальности. Вместе с тем хотелось бы обсудить наиболее существенные позиции относительно этой идеи, не затрагивая частные.

Напомним, что развитие группы в просоциальном континиуме может проходить следующие этапы: диффузная группа – ассоциация – кооперация - коллектив. Причем основное внимание в теории отводится коллективу, и не принимаются во внимание, а лишь констатируются как само собой разумеющееся группы более низкого уровня развития. По этому поводу Г.М. Андреева справедливо отмечает, что «…интересен был бы анализ всех групповых процессов, протекающих на более низких стадиях развития группы…» [159, с. 224].

Далее, указанный путь движения малой группы рассматривается применительно к созданной обществом группе. Период перестройки второй половины 1980-х гг. показал наличие большого количества групп, отличающихся совершенно иным путем развития. Они возникали, прежде всего, в рамках кооперативного движения и не задавались обществом, не имели изначально официальной структуры и самостоятельно конструировали собственную дея-

тельность. Как отмечает Ю.В. Синягин, «возникшие как коллективы высокого уровня развития, эти группы принципиально не могли повторить и путь, описанный в концепции поэтапного формирования групп как коллективов», и далее: «здесь группа единомышленников, не имея внешне заданной цели, не будучи объединена единой заданной деятельностью, сама синтезирует ее» [177, с. 114].

Следующее обстоятельство связано с закономерным вопросом: когда созданная обществом группа достигает уровня коллектива, что дальше? В теории нет ответа на этот принципиально важный вопрос. Определенный выход из этого затруднительного положения предложен Ю.В. Синягиным. В статье, опубликованной в начале 1990-х гг., он предлагает три возможные перспективы дальнейшего развития группы высшего уровня социально-психологической зрелости: а) продолжение освоения деятельности, достижение на этом пути все большего взаимопонимания между людьми, полное «растворение» в деятельности; б) продолжение освоения деятельности путем ее переосмысления, постановки на этом пути новых целей, поиска новой технологии; в) создание новой деятельности, возможно, не совпадающей с основной, но являющейся системообразующим фактором [177].

Думается, что предложенные перспективы являются недостаточно убедительными и неоправдано оптимистичными, по крайней мере, в настоящее время. Трудно представить себе продолжение освоения деятельности, если она уже освоена группой в деталях, разве что в группах, существенно обновленных по своему составу. Однако в этом случае вряд ли можно говорить о группе высокого уровня развития. Продолжение освоения совместной деятельности путем ее переосмысления, постановки новых целей возможно лишь в тех группах, деятельность которых имеет творческих характер, дает возможность для широкого простора ее реализации. Группы с таким содержанием совместной деятельности встречаются не часто. Очевидно и то, что многие виды совместной деятельности жестко нормативны по своему содержанию, что огромная масса людей в России работает за ничтожную зарплату, многие взрослые люди морально и физически истощены, слабо верят в обнадеживающую перспективу. Можно ли здесь говорить о переосмыслении групповой деятельности? Вряд ли. Предложение о создании новой деятельности как фактора дальнейшего развития группы должно автоматически предполагать ответ о возможных деятельностях и о группах, к которым такая стратегия могла бы быть применима. О чем идет речь? Несовсем понятно. Одно дело, например, когда члены группы коллективно чем-то увлекаются: ходят все вместе по выходным дням на рыбалку, охоту или в клуб по вечерам т.д. Другое дело загружать работников в процессе трудового дня какой-то дополнительной деятельностью. В современных условиях это не реально к подавляющему количеству институализированных групп. Совсем иное дело, когда речь идет о специфических группах: некоторых творческих коллективах, которые объективно имеют возможность видоизменять свою деятельность или о группах, находящихся в условиях длительной социальной изоляции (экспедиции в труднодоступные участки земного шара, экипажи подвод-

ных лодок и др.). В последнем случае, наоборот, рекомендуется «загружать» людей посильными деятельностями (например, подготовиться и выступить с лекцией) в целях профилактики внутригрупповой напряженности [114]. В общем, обозначенные предложения вряд ли могут быть реализованы применительно к большинству трудовых коллективов в нашей стране в данный момент времени.

Следовательно, анализ проблемы развития группы должен строиться на иных основаниях. Обозначим их тезисно.

Во-первых, в теории ДОМО развитие малой группы понимается как развитие системы, причем системы скорее социального, а не психологического порядка. Об этом свидетельствует рассмотрение социальной направленности как критерия уровня развития группы и внешне заданной социально значимой цели как системообразующего фактора. В таком случае группа должна скорее выступать объектом микросоциологического, а не социально-психологического анализа. Введение в качестве второго критерия уровня развития группы степени опосредованности межличностных отношений совместной деятельностью является связующим звеном между развитием группы как социальной и психологической системы, но принципиально не меняет ситуации.

Понятие «уровень развития малой группы» должно иметь условный характер по отношению к группе в целом, так как группы разбиты на микрогруппы (как подсистемы группы), имеющие различный уровень психологического развития [53]. В противном случае мы будем получать усредненные результаты по группе, особенно когда реально нет никакой психологической общности членов группы, что нередко встречается в практике, а есть лишь общность по социальной функции группы и пространственно-временным характеристикам.

Во-вторых, в теории ДОМО рассматривается лишь одна-единственная детерминанта развития группы – совместная деятельность. Не является ли это абсолютизацией совместной деятельности? Не суживает ли это представление о факторах развития группы? Не уводит ли в сторону от истинных причин движения группы? Подобная ситуация иногда возникала в психологии. Например, с точки зрения культурно-исторической концепции Л.С. Выготского, «производящей причиной» психического развития ребенка является речь, а точнее речевые и другие социальные по происхождению знаки. По этому поводу А.В. Брушлинский отмечал, что «роль речевых знаков в психическом развитии ребенка оказалась настолько преувеличенной, что даже мышление стало рассматриваться в качестве функции речи», «в действительности человек решает проблемы и задачи не с помощью речи самой по себе, а с помощью мышления», «следовательно, не приходится абсолютизировать роль речи, приписывая последней функцию мышления, которая ей вовсе не принадлежит» [37, с. 102].

Даже постоянная констатация того, что овладение людьми совместной деятельностью является коллективообразующим фактором, не раскрывает до конца сути этой детерминанты.

Поэтому, чтобы более полно раскрыть вопрос о детерминантах развития группы, необходимо обратиться к традиционному для отечественной психологии понятию «движущие причины развития», которое фиксирует противоречия. Ведь и совместная деятельность сама по себе не является причиной развития. Овладение группой этой деятельностью сопряжено с обострением и преодолением противоречий между требованиями деятельности и возможностями членов группы, противоречий между микрогруппами, отдельными членами по поводу этой деятельности, что собственно и является источниками движения группы. Кроме того, существуют и иные внутригрупповые и межгрупповые противоречия, которые не «завязаны» прямо на совместной деятельности, тем более если во многих группах нет совместной деятельности в полном ее смысле.

Кстати говоря, управление противоречиями группы – обострение или сглаживание – является тем действенным психологическим средством, которое позволяет направлять развитие группы.

В-третьих, понимание развития группы как своего рода движения по линейке с определенной шкалой от нуля до ее конца, в котором группа переходит от одного крупного деления к другому, является упрощенным и недостаточно адекватным природе развития многих реальных групп.

При таком подходе малая группа понимается как гомеостатическая система, существующая по принципу динамического равновесия, не принимается во внимание возможность рассмотрения ее как неравновесной системы. Это одновременно относится к развитию группы и в пространстве с просоциальным и в пространстве с асоциальным вектором.

Кроме того, в теории ДОМО, несмотря на типологию групп, реально все строилось вокруг дихотомического деления групп на «не коллективы» и «коллективы». Как отмечает А.Л. Журавлев, «аналогичный подход, дифференцирующий людей на «личности» и «не личности», значительно раньше был сформулирован в психологии личности и серьезно критиковался» [80, с. 117]. Ограниченность схемы «низший уровень - высший уровень» в психологии отмечается относительно не только группы, но и психического развития человека, которое в данном случае рассматривается как тяготеющее к некоторому конечному состоянию, что противоречит фактам постоянного развития познавательных процессов взрослого человека [13].

В этом отношении было бы своевременно обратиться к механизму развития (прогрессивного или регрессивного), самоорганизации группы: процессам интеграции и дезинтеграции в нескольких взаимосвязанных и взаимовлияющих пластах: личность-подгруппа-группа-внешняя среда. Знание закономерностей этого механизма позволит более глубоко понять собственно психологическую природу развития группы, рассматривать группу не только как равновесную, стабильную, но и неравновесную, неустойчивую систему.

8.2. Параметрическая теория

Параметрическая теория представлена двумя моделями, имеющими много общих черт, в разработке которых ведущая роль принадлежит Л.И. Уманскому и А.С. Чернышеву [197; 198; 200].

Рассмотрим кратко **первую модель** малой группы, предложенную Л.И. Уманским.

Психологическая структура группы

Группа имеет психологическую структуру, которая едина и целостна. Такая целостность предполагает наличие составляющих компонентов, подструктур, взаимодействующих внутри структуры. Основополагающий принцип понимания структуры группы – отражение ею жизнедеятельности в целом или отдельных сфер, если речь идет об отдельных подструктурах. Психологическая структура группы включает в себя три блока, каждый из которых содержит определенные подструктуры (параметры).

1. «Общественный» блок: а) направленность групповой деятельности – социальная ценность и содержание деятельности; б) организованность группы – самоуправляемость и эффективность управления, координация взаимодействия; в) подготовленность к групповой деятельности – единство и взаимодополняемость профессиональных и психологических знаний, навыков, умений членов группы, степень «обученности» взаимодействию; индикаторы этой подструктуры – сработанность и совместимость.

2. «Личностный» блок: а) интеллектуальная коммуникативность – единство мнений, взаимопонимание, нахождение оптимальных способов принятия решений; б) эмоциональная коммуникативность – единство эмоциональных переживаний, взаимная симпатия, эмоциональное самонастраивание группы, выработка адаптационных и компенсаторных механизмов поведения; в) волевая коммуникативность – единство усилий в преодолении препятствий и противодействии трудностям, мобилизация ресурсов («волевое напряжение»), стрессоустойчивость.

3. Блок «социально-психологических общих качеств группы»: а) интегративность (сплоченность); б) микроклимат; в) референтность; г) лидерство; д) интрагрупповая активность; е) интергрупповая активность.

Внутри каждого блока и между блоками существуют многообразные функциональные взаимосвязи и взаимозависимости. Эти связи приобретают социально-психологическую характеристику через блок «общих качеств» (интеллектуальная, эмоциональная, волевая интегративность или референтность и т.д.).

Все перечисленные подструктуры трех блоков определяются в первую очередь подструктурой направленности. Подструктуры «общественного» блока главным образом обуславливаются более широкой общностью, социальной средой, в которую включена группа, обществом в целом, а подструктуры «личностного» блока – психологическими особенностями членов группы, их взаимоотношениями. Подструктуры «личностного» блока более дина-

мичные, подвижные образования, чем подструктуры «общественного» блока.

Психологическая структура группы имеет «парциально-функциональный характер». В повседневной жизни группы могут быть задействованы не все, а некоторые сферы и подструктуры. Поэтому в каждой конкретной ситуации группа имеет свою структурную конфигурацию, состоящую из некоторого набора тех или иных актуализированных подструктур. По устойчивости проявления психологической структуры в конкретной группе можно говорить о ее состоянии или свойстве.

Уровни развития малой группы

Характер проявления подструктур каждого блока в конкретной группе является показателем, критерием уровня ее развития.

Только что созданная группа представляет собой исходную точку ее развития и называется «группа-конгломерат», состоящая из незнакомых между собой людей, объединенных в пространстве и времени. Дальнейшее развитие группы может происходить в положительном или отрицательном континиуме.

Движение группы в положительном континиуме может последовательно проходить через ряд этапов: «номинальная группа», «группа-ассоциация», «группа-кооперация», «группа-автономия». Последующее развитие может происходить в сторону «группы-корпорации» (гиперавтономизация, изолированность от других групп и противопоставление им с сохранением просоциальной направленности группы) или в сторону «коллектива».

Развитие группы в отрицательном континиуме также проходит несколько этапов: «группа-дезинтеграция», «группа-интраэгоизм», «антиколлектив». Для всех них общей характерной особенностью является замкнутость по отношению к внешней среде в сочетании с внутригрупповой антипатией, эгоцентризмом и эгоизмом, дезинтеграцией, конфликтностью и агрессивностью.

Вторая модель группы – организационно-параметрическая – разработана А.С. Чернышевым совместно с его коллегами [218], [221] на основе модели Л.И. Уманского, и в ней основной акцент сделан на организованности группы.

Организованность и ее свойства (параметры)

Организованность – это «способность группы сочетать разнообразие мнений и форм инициативного поведения ее участников с единством действий, направленного на достижение общей цели» [221;30]. «Организованность можно рассматривать как такую характеристику организации, которая способна гибко перестраивать себя в изменяющихся условиях с сохранением целостности (структуры) группы при динамичности функций ее участников» [221;69]. Организованность строится на деловой основе и является внутренним системообразующим фактором межличностных отношений, психологического климата, сплоченности, совместимости и др.

Природа организованности описывается как система организационных свойств коллектива. Эти свойства выявлены посредством факторного анали-

за результатов экспертной оценки первичных групп по 132 полярным, непосредственно наблюдаемым организационным признакам. На основе такого анализа была установлена их иерархичность, т.е. разная значимость, удельный вес в общей структуре: а) направленность коллектива, «отражающая нравственные основы жизни коллектива как ячейки общества»; б) самоуправляемость коллектива; в) лидерство в коллективе; г) единство действий; д) стрессоустойчивость коллектива; е) межгрупповое единство.

Все эти свойства-факторы образуют два структурных блока: в первый входят направленность и межгрупповое единство, а во второй – остальные свойства. Факторы первого блока проецируют ценности и установки более широких социальных общностей во внутригрупповые явления, определяют содержание и мотивацию внутригрупповых процессов, а факторы второго блока выступают в качестве потенциалов группы.

Организованность выполняет ряд функций: стабилизирующей группу (единство мнений и действия, способность членов коллектива противостоять различным внешним и внутренним трудностям), совершенствующей группу (в организованных группах люди делают больший в нее вклад), обогащающей личность (в организованных группах больше возможностей для проявления способностей и совершенствования действий людей).

Организованность – явление динамичное, определяющее изменение системы изнутри, происходящее относительно самостоятельно, а организованный коллектив – сложная система взаимодействий и отношений между его членами.

Общественная природа организации задает психологические признаки организованности коллектива, которая, в свою очередь, формируется в процессе включения людей в группу, взаимодействия группы и лидера-организатора.

Нетрудно заметить, что из подструктур первой модели группы А.С.Чернышев выделяет как ключевую организованность, а некоторые остальные – как ее свойства, признаки.

Уровни развития малой группы

Развитие малой группы рассматривается сквозь призму развития ее организованности. В качестве критериев определения уровней организованности используются такие взаимосвязанные психологические и не психологические показатели, как самоуправляемость, дисциплинированность и эффективность деятельности. По этим критериям были выделены четыре типа групп, которым не было дано условного названия.

Группы первого типа (высокий уровень организованности) успешно выполняют общественно полезную деятельность, обнаруживают высокий уровень нравственной направленности, согласованно подчиняют свои цели целям более широкой организации, характеризуются внутренним единством и уважительными взаимоотношениями, высокой взаимной требовательностью в деловой сфере. Между имеющимися группировками и их лидерами обнаруживается согласие. Группы второго типа достаточно объединенные и организованные, но в них имеются несколько группировок (четыре-пять),

между которыми нет полного согласия, потому что его нет между лидерами этих группировок. Такие группы исполнительны, могут достигать больших успехов в различных видах деятельности, личность в них, как правило, психологически защищена. В группы третьего типа сформированы только некоторые интегративные свойства, плохо выполняется основная групповая деятельность, обычно много группировок (четыре-пять), которые не могут хорошо согласовывать свои действия и даже в некоторых случаях враждуют между собой. Стиль самоуправления часто импульсивный, в противовес организаторам выступают два-три ярко выраженных дезорганизатора, личность психологически плохо защищена. Группы четвертого типа имеют низкую производительность, плохие взаимоотношения, слабую самоуправляемость, разобщенность, проявляющуюся в наличии трех-пяти и более группировок, часто враждующих между собой.

Данная типология присуща группам с положительной направленностью деятельности. В группах с элементами отрицательной направленности организованность проявляется специфически, а именно, строится на «жестких» межличностных отношениях с ярко выделенной иерархией в статусной структуре, на авторитарном лидерстве, плохо сдерживаемых негативных реакциях к лицам, имеющим низкий статус.

Разрабатывавшаяся в 1970-х гг. параметрическая теория (модель Л.И. Уманского) несла в себе новую для того времени идею, связанную с рассмотрением не отдельных характеристик группы (например, сплоченность, композиция, лидерство), а с попыткой всестороннего анализа малой группы посредством выяснения уровня проявления ее различных социальных и психологических признаков. Это позволяло давать более полное описание группы.

Однако Л.И. Уманский не ограничивался лишь параметрическим подходом и пытался обозначить функциональные зависимости между признаками (функциональное описание). То есть им была предпринята попытка функционально-параметрического анализа группы.

Самая элементарная процедура функционального анализа заключается в выявлении функциональных последствий некоторого явления A (или одного параметра группы) для исследуемого объекта S (или другого параметра группы). При этом необходимо учитывать, что наличие A может вести к разнообразным последствиям для S (например, благоприятно, неблагоприятно или безразлично). Поэтому используется выражение следующего вида: A φ R(S), т.е. событие (параметр) A имеет функциональное значение φ для объекта (другого параметра) S в отношении R [239]. Рассмотрение группы не просто как объекта, а как сложной системы предполагает и более сложную форму функционального анализа.

Если вернуться к положениям модели Л.И. Уманского, то становится очевидным, что им лишь констатировалась функциональная зависимость между подструктурами (параметрами) малой группы, но не была проведена собственно процедура функционального анализа. Поэтому невозможно гово-

рить о функционально-параметрическом описании группы и, следовательно, название теории «параметрическая» является более адекватным.

В параметрической теории, как и в теории ДОМО, важное значение в функционировании группы отводится социальной (идейно-нравственной) направленности групповой деятельности, которая определяет содержание общих целей и мотивов группы, всех выделенных ее параметров. Совместные действия людей в группе опосредованы внешне заданными требованиями, нормами, правилами. Причем объектом исследования выступали только учебные группы, тогда как в теории ДОМО – учебные, производственные, спортивные.

В этом смысле ситуация в учебных учреждениях современной действительности принципиально отличается от прежней: нет такого упора на формирование морального облика личности учащегося и учебной группы, на культивирование общественно-полезной деятельности. Если нивелируется роль социальной направленности как сквозного параметра по отношению к другим параметрам группы, то возникает необходимость пересмотра либо их содержательной стороны, либо поиска способов восполнения возникшей «пустоты».

Поэтому в новых условиях А.С. Чернышев не случайно вводит понятие «социальный оазис» (развивающая социальная среда), необходимый для поддержки развивающимся личности и коллективу и понимаемый как социум, отличающийся от обычной среды более высокими по содержанию и интенсивности характеристиками совместной деятельности и общения, эмоционально и интеллектуально насыщенной атмосферой сотрудничества и созидания [217]. Обучающий эффект в «социальном оазисе» обеспечивается прежде всего за счет социальной активности самих учащихся. Он предлагает ряд способов построения развивающей социальной среды и конкретные приемы в рамках каждого из них. Однако многие предлагаемые приемы принципиально не отличаются от того, что раньше пытались делать в школе: разнообразная в предметном плане деятельность (раньше – общественно-полезная деятельность), приобщение к высоким жизненным целям и ценностям, скандирование девизов, приветствий, пение песен, игры, марши, танцы и др. В принципе такой подход нельзя не приветствовать, но вопрос заключается в том, что, с одной стороны, для его реализации требуется существенное финансирование (а не один лишь энтузиазм преподавателей), чего нет сейчас и не предвидится в ближайшей перспективе, а с другой, – не понятны возможности реализации многих способов и приемов, предложенных автором. Например, каким образом будет осуществляться приобщение к высоким жизненным целям и ценностям, если не ясны реалии этих целей и ценностей. Но главное состоит в том, что делающиеся предложения не вносят пояснений в природу малой группы, не расширяют представления о ней.

В целом же надо отметить, что в обеих моделях приоритетное значение в изучении группы отводится социальной направленности групповой деятельности. Ключевую роль она играет и в теории ДОМО. Но является ли такая характеристика группы прямым и основным предметом изучения соци-

альной психологии? Наверное, необходимо задуматься над данным вопросом.

* * *

Некоторые положения и предлагаемые их решения в параметрической теории созвучны тем, которые представлены в теории ДОМО.

Так, объединяющим фактором для группы являются социально заданные цели, задачи групповой деятельности. Рассматривается одна-единственная детерминанта развития группы – ее организованность в условиях совместной деятельности (модель А.С. Чернышева). Причем в одном месте указывается на то, что уровень развития организованности определяет формирование общности внутригрупповых целей, а в другом – наоборот, что формирование общественно значимых целей и положительных мотивов групповой деятельности увеличивает организационные силы группы. В то же время встречаются указания и на иные источники формирования самой организованности. Это вносит некоторую путаницу в понимание детерминанты группового развития.

Выделение параметров организованности группы, по мнению А.С. Чернышева, «согласуется с общими положениями концепции А.В. Петровского о деятельностном опосредовании межличностных отношений в коллективе. Новым моментом в наших выводах является эффект структурности, благодаря которому расширяется представление о феномене опосредования: явления опосредования определяются не только сформированностью наиболее общих и существенных параметров группы, но и их ролью в общей структуре, т.е. их иерархичностью» [221, с. 89].

Развитие группы также понимается как поступательное прогрессивное или регрессивное движение от исходной точки к некоторому ее логическому завершению. Однако здесь содержится определенный нюанс (модель Л.И. Уманского). Развитие группы в положительном континиуме связанно с усилением ее стабильности (эволюция объекта к состоянию равновесия), тогда как в отрицательном континиуме – с усилением неустойчивости (эволюция объекта от состояния равновесия).

Как и в теории ДОМО, так и в параметрической теории не анализируются противоречия между структурными компонентами группы в качестве источника ее изменения, процессы интеграции и дезинтеграции структурных компонентов как механизма ее динамики. Понятие «уровень развития» рассматривается применительно к группе в целом, но не принимается в расчет уровень развития микрогрупп. Хотя предпосылки для этого были, так как в данной теории непосредственно обращается внимание на микрогруппы, в отличие от теории ДОМО.

Несмотря на некоторые общие черты с теорий ДОМО, параметрическая теория имеет свои «индивидуальные» особенности, которые касаются описательного, а не объяснительного подхода к анализу группы, к отведению ключевой позиции организованности в функционировании группы и некоторым

особенностям в характеристике уровней развития группы. Наиболее ярко это проявляется в модели А.С. Чернышева, которая развивается им, его учениками и в настоящее время. В этой же модели поднимается вопрос о микрогруппах в группе в разных контекстах, чего нельзя сказать ни о модели Л.И. Уманского, ни о теории ДОМО. Поэтому мы будем апеллировать именно к ней.

1. Введение в концептуальную схему понятия организованности открывало возможности для реального, а не декларируемого анализа группы как системы. В данном случае организованность могла бы являться эквивалентом саморегуляции или самоорганизации как свойства системы. Однако определенный уклон проработки данного понятия наложил на него и определенные ограничения.

Первое, что необходимо отметить, касается понимания природы организованности учебной группы.

Напомним, что организованность группы – это ее способность «гибко перестраивать себя в изменяющихся условиях с сохранением целостности (структуры) группы при динамичности функций ее участников», а структура организованности включает следующие параметры: направленность, самоуправляемость коллектива, лидерство, единство действий, стрессоустойчивость, межгрупповое единство. Что касается направленности групповой деятельности, то она является характеристикой не столько собственно природы организованности, сколько ее социального вектора. Ведь и просоциальные коллективы и преступные группы являются в одинаковой мере организованными. Межгрупповое единство не частое явление в повседневной реальности, да и многочисленные эксперименты показали, что организованность группы, в частности единство действий, существенно возрастает именно в ситуации межгруппового соревнования, конкуренции. Единство действий – важный потенциал группы, но возникает вопрос, насколько реально рассматривать единство с точки зрения отдельных индивидов, если в группе существуют микрогруппы, и на этот факт, в общем-то, обращается внимание, когда речь идет о дезорганизации, развитии группы. Самоуправляемость рассматривается наряду с другими признаками организованности, хотя по существу именно она является ее стержнем. Не случайно А.С. Чернышев указывает, что «слабым местом организованности является недостаточное развитие таких свойств коллектива, как самоуправляемость и стрессоустойчивость» [221, с. 61]. К сожалению, свойству самоуправляемости уделено недостаточное внимание.

Теперь возникает вопрос о факторах и механизме формирования организованности группы. Уже говорилось, что усиление ее проявления определяется формированием общественно значимых целей и мотивов. Кроме того, указывается на ее формирование в процессе включения каждого члена группы и на то, что «организованность формируется в ходе взаимодействия коллектива и лидера-организатора, причем роль последнего довольно значительна» [221, с. 110].

В своей модели А.С. Чернышев уделяет существенное внимание роли официальных и неофициальных лидеров в организованности-дезорганизованности учебной группы. Анализируя данный вопрос, автор вынужден затронуть и подгруппы. Например, указывается, что недостаточная активность официальных лидеров сказывается на уровне отношений. В системе эмоциональных связей усиливается изоляция отдельных группировок, создаются условия для выделения неофициальных лидеров. Неофициальный лидер поддерживает организаторскую деятельность актива, но не обязательно в русле принятых норм. Иногда он пытается ввести свои нормы, а чаще нормы той группировки, которая идет за ним, в корне противоречащие предписаниям официальных лидеров. В слаборазвитых группах лица, претендующие на широкое лидерство, пытаются самоутвердиться и вступают в конфликт с руководством. Кроме того, такие люди «создают атмосферу защиты для пассивных и недостаточно авторитетных лиц, образуя из них небольшую группу единомышленников в 2-5 человек. Эта группировка периодически вносит дезорганизацию в коллектив, а главное – облегчает самоутверждение стремящихся выделиться индивидов» [221;103].

Следует сказать, что с такой ролью лидеров никто не будет спорить, но нельзя и не сгласиться с тем, что лидер сам по себе не сможет реализовать свои функции без поддержки хотя бы определенной части группы. Да и само выдвижение человека в позицию лидера часто не обходится без участия микрогрупп: выдвигается либо представитель доминирующей микрогруппы, либо, в условиях равенства сил конкурирующих группировок, человек, не включенный ни в одну микрогруппу и устраивающий представителей разных микрогрупп в одинаковой мере. Поэтому в группе зачастую реально «правит» не конкретное лицо, а микрогруппа или одновременно несколько микрогрупп, стоящих за этим лицом. Кстати говоря, А.С. Чернышев признает, что одной из важных причин низкой организованности группы является наличие в ней «обособленных группировок».

Даже, если человек стремится к лидерству в группе и для этого сам целенаправленно объединяет вокруг себя некоторых членов группы, то все равно ему приходится прибегать к их поддержке для достижения своей цели, учитывать и реализовывать не только свои интересы, но и интересы членов этой микрогруппы.

В связи с этим можно предположить, что субъектами организации-дезорганизации групповых процессов являются не только отдельные лица, но микрогруппы. Общегрупповые лидеры координируют активность микрогрупп и не включенных в них членов группы, а лидеры микрогрупп определяют направленность активности своих микрогрупп. Может быть и иная ситуация, когда один и тот же человек одновременно является и общегрупповым и микрогрупповым лидером.

Второй вопрос заключается в динамической функции организованности. Организованность понимается как явление динамичное, определяющее изменение группы изнутри и происходящее относительно самостоятельно. В то же время подчеркивается, что она определяется не только первостепенным

значением деловых задач, но и прямым требованием вышестоящих организаций к первичному коллективу – «быть всегда высокоорганизованным». То есть фактически устанавливается внешняя заданность организованности как некоторого эталона, образца функционирования учебной группы.

В целом надо отметить, что в данном случае за организованностью группы стоит ее свойство саморегуляции по принципу гомеостаза, когда обеспечивается устойчивость, равновесность группы как системы, ее линейная динамика. Такое функционирование группы предполагает преобладание и усиление интегративных процессов. В то же время группа может функционировать и по принципу гомеореза, т.е. когда наблюдается устойчивое неравновесие, выраженная внутренняя спонтанность, динамичное варьирование интегративных и дезинтегративных процессов, нелинейная динамика. В таком случае говорят о самоорганизации системы, которая несколько отличается от содержания понятия «организованность» в рассматриваемой теории.

2. Развитие группы понимается как развитие ее организованности. Однако среди конкретных критериев типологии групп по уровню развития рассматривается только один, имеющий отношение к свойствам организованности (самоуправляемость), тогда как остальные являются не психологическими (дисциплинированность и эффективность деятельности).

В характеристике же каждого типа групп, помимо особенностей нравственной направленности, взаимной требовательности, исполнительности и др., обязательно указывается на микрогруппы и особенности взаимодействия между ними, что изначально не выделялось в качестве самостоятельного критерия. Рассматривая типы групп с «положительной направленностью деятельности» (см. выше), можно увидеть, как по мере развития группы, ее организованности происходит улучшение согласованности между микрогруппами. Складывается впечатление, что особенности взаимодействия между подгруппами являются следствием развития группы. Это впечатление усиливается при чтении результатов эксперимента («Арка», «ГСИ» со «Стрессором») по изучению перехода группы от одной формы организации взаимодействия к другой (пять форм): в низкоорганизованных группах в случае серьезной ошибки или конфликта общая согласованность быстро расстраивается, группа разделяется на группировки, объединить которые трудно. Группировки для совместной работы формировались стихийно, и между ними устанавливались конкурирующие отношения. Согласованность действий затрудняется из-за поверхностного представления о возможностях каждого члена группы. В высокорганизованных группах отмечено успешное сотрудничество микрогрупп [221].

Думается, что желательно было бы более четко расставить акценты в причинах и следствиях применительно к связи между организованностью, дисциплинированностью, продуктивностью, с одной стороны, и наличием в группе микрогрупп, с другой. Такая причинно-следственная связь, скорее всего, имеет обратный характер, и поэтому следовало бы рассматривать не подгруппы, с точки зрения уровня развития группы, а анализировать динамику группы с позиции существующих в ней микрогрупп. То есть активность

микрогрупп и характер их взаимодействия в группе определяет организованность, саморегуляцию, самоорганизацию группы, а не наоборот.

В заключение надо сказать, что в рамках параметрической теории накоплен богатый фактический материал, в том числе относящийся к микрогруппам в учебных группах, подробно изучена организованность группы с точки зрения стабильности ее функционирования, наработаны методические процедуры изучения группы, среди которых несомненный интерес имеют экспериментально-аппаратурные методики. Дальнейший же анализ природы малой группы (системы), состоящей из микрогрупп (подсистем) и не включенных в них членов группы, требует переходить с уровня параметрического описания группы на уровень собственно системного анализа.

ГЛАВА 9

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ МИКРОГРУППОВОЙ КОНЦЕПЦИИ

В итоге последовательного конструирования микрогрупповой концепции можно сформулировать ряд ее положений:

1. Малая контактная группа – общность людей по какому-то социальному или психологическому признаку, в которой возникают ситуативные или относительно устойчивые неформальные подгруппы, выполняющие определенные социально-психологические функции для их членов и группы в целом, а также выделяются отдельные члены, не имеющие общезначимых признаков с другими членами группы. Неформальные подгруппы возникают в различных типах малых групп с момента их образования.

Неформальная подгруппа – совокупность членов группы, объединенных на основании одного или нескольких психологических (возможно, первоначально формальных) более общих и значимых для них признаков на данный момент по сравнению с другими членами группы.

Социально-психологическая структура – неформальные подгруппы (подсистемы) и не включенные в них члены группы (элементы), которые обладают общими и специфическими социально-психологическими характеристиками и находятся в определенных отношениях друг к другу и к группе в целом, зависящих, с одной стороны, от их характеристик, а с другой стороны, от условий функционирования группы, ее взаимодействия с внешней средой.

2. Изучение различных социально-психологических характеристик малой группы в целом носит обобщенный, усредненный характер, тогда как анализ таких же характеристик неформальных подгрупп в отдельности является более адекватным и точным. Следовательно, социально-психологическое исследование должно быть направлено на изучение психологических характеристик неформальных подгрупп и не включенных в них членов, а традиционно изучаемая в отечественной психологии связь «социально заданная

цель – формальная группа» должна являться предметом скорее микросоциологического анализа.

Неформальные подгруппы (а так же не включенные в них члены группы) являются не только предметом изучения, но и единицей анализа социально-психологических процессов, явлений малой группы.

Уровнями внутригрупповой активности являются «личность – подгруппа – группа». Каждый из них выполняет определенные функции по отношению ко всем остальным. Они не находятся в жестком иерархическом соподчинении, а, наоборот, достаточно динамичны в своем взаимодействии в зависимости от внутренних и внешних условий жизнедеятельности группы.

В психологии малой группы обычно рассматриваются социально-психологические связи «личность-личность», «группа-личность», «общество-группа-личность». Микрогрупповая концепция позволяет расширить количество связей, подлежащих изучению: «подгруппа-личность», «подгруппа-подгруппа», «группа-подгруппа-личность», «общество-подгруппа-личность», «общество-группа-подгруппа».

3. Малая группа проявляет свою целостность (в онтологическом смысле) с позиции более широкой социальной среды, в которую она включена, а неформальная подгруппа – с позиции группы.

Институализированная малая группа изначально характеризуется социальной целостностью, тогда как ее психологическая целостность является результатом функционирования группы, что не часто встречается в практике. В основе социальной целостности группы находятся связи, заданные социальной структурой и привязанные к такой же заданной извне социальной деятельности.

Неформальная подгруппа не задается извне, изначально определяется индивидуальными характеристиками индивидов и обладает психологической целостностью. В основе целостности подгруппы находятся те или иные психологические связи (в том числе, возможно, по поводу групповой деятельности), которые в каждом конкретном случае определяются спецификой мотивов объединения людей в подгруппу.

Психологическая связь между подгруппами, подгруппами и «самостоятельными» членами проявляется прежде всего тогда, когда все члены вынуждены четко осознавать свою групповую принадлежность и необходимость объединения усилий – в случае противостояния всей группы и внешней среды, несущей потенциальную угрозу для «Я-образа» и «Мы-образа».

4. Внутригрупповая активность имеет не только диффузный, более или менее равномерно распределенный по всей группе характер, но и локализована по неформальным подгруппам.

Неформальные подгруппы, в отличие от отдельных членов группы, обладают всеми теми свойствами, которыми характеризуется малая группа в целом. Более того, интегративные феномены (сплоченность, совместимость, сработанность, идентификация, референтность, адаптация) подгрупп несравненно сильнее, а дезинтегративные (различные противоречия и конфликты) –

значительно слабее выражены, чем такие же феномены малой группы в целом.

Цели, нормы и ценности малой группы часто являются отражением целей, норм и ценностей конкретной неформальной подгруппы.

5. Неформальные подгруппы могут быть ситуативными и относительно устойчивыми, децентрализованными и централизованными, отличаться уровнем своего развития по тем или иным параметрам, а также их целям, нормам и активностью в соотнесении с социальной функцией группы (в случае с институализированной группой).

Наряду с подгруппами в группе могут возникать межгрупповые неформальные подгруппы из людей, включенных в разные малые группы одной и той же социальной общности (вторичной группы).

6. Единственный общий признак, который лежит в основе образования малой группы, не обеспечивает ее формирования как устойчивой психологической общности, так как объективно не отражает широкий спектр индивидуальных целей и мотивов членов группы. Вследствие этого у людей возникает стремление к объединению с другими членами группы на каких-то значимых для них основаниях, что инициирует выделение подгрупп.

Анализ мотивов объединения людей в малой группе не является адекватным, так как получается слишком обобщенная характеристика группы. Поэтому необходимо анализировать мотивы объединения людей в неформальные подгруппы.

Члены группы объединяются в подгруппу на основании не одного, а нескольких мотивов одновременно, являющихся общими для большинства из них. Разные подгруппы одной и той же группы имеют не только специфические, но могут иметь и схожие по содержанию мотивы.

Объединение людей в неформальные подгруппы и взаимоотношение в них происходит не только на сугубо эмоционально-экспрессивной основе, но и на основе различных параметров инструментального свойства.

Социально-перцептивным механизмом объединения членов группы в неформальную подгруппу являются процессы сравнения, категоризации, идентификации.

7. Объединение членов малой группы в неформальные подгруппы связано с обострением противоречий, когда группа в целом не способна реализовывать те или иные функции в отношении индивидуальных целей и потребностей собственных членов, которые ей приписываются. То есть неформальная подгруппа принимает на себя те функции по отношению к индивиду, которые традиционно отводятся малой группе.

Неформальная подгруппа выполняет два блока функций: по отношению к своим членам и по отношению к малой группе.

По отношению к своим членам подгруппа реализует функции: информирования, оказания поддержки в реализации индивидуальных целей, обеспечения реализации индивидами своих социальных потребностей, обеспечения безопасности внутри малой группы, нормативную.

По отношению к малой группе подгруппа может реализовывать функции: стабилизации внутригрупповой активности, ключевого звена групповой деятельности, организации и координации активности группы, включения нового члена в группу, нормативную.

Члены группы также выполняют определенную функцию (делают вклад) по отношению к своей подгруппе и группе в целом.

При непосредственном взаимодействии малой группы с внешней средой, особенно в условиях противостояния, усиливается функция группы, связанная с обеспечением поддержки всем своим членам.

8. Внутригрупповую активность необходимо рассматривать как активность подгрупп и не включенных в них членов, как взаимодействие между всеми ними.

Взаимодействие между подгруппами внутри малой группы по своему содержанию близко к взаимодействию между группами.

Поведение человека в группе, входящего в относительно устойчивую подгруппу, имеет не только личностный характер, но является поведением как представителя этой подгруппы. То есть активность такого человека определяется социально-психологическими характеристиками своей подгруппы, а не только его индивидуально-психологическими особенностями. Как представитель устойчивой подгруппы он проявляет себя децентрированно с точки зрения норм и ценностей своей подгруппы. Наиболее ярко это проявляется во взаимодействии с представителями других подгрупп.

Поведение людей, не включенных в подгруппы, зависит от их психологических качеств, или от ориентации на конкретную подгруппу (при желании быть включенным в нее), или от принадлежности к группе в целом.

Микрогрупповая предопределенность социального поведения человека часто выходит за пределы группы, если существует высокий уровень его идентификации со своей подгруппой.

9. Интегративные и дезинтегративные процессы, феномены группы в целом и неформальных подгрупп в отдельности зависят от условий функционирования группы, ее связей с внешней средой (интенсивность-изолированность, эффективность-неэффективность).

Интенсификация взаимодействия группы с внешней средой вызывает усиление ее внешней активности, общегрупповых границ и одновременно открытость неформальных подгрупп, ослабление их границ (усиление интеграции группы в целом и ослабление интеграции внутри подгрупп).

Ограничение контактов группы с внешней средой определяет выраженную ее внутреннюю активность, интенсификацию взаимодействия между всеми структурными компонентами группы и закрытость неформальных подгрупп (дезинтеграцию группы в целом и усиление интеграции внутри подгрупп).

В случае постоянного непродуктивного интенсивного взаимодействия группы со средой, активность группы будет перенаправленной во внутрь себя. Эта активность, с одной стороны, снижает сопротивление группы внешнему воздействию, а с другой, – приводит к изменениям в самой группе: фор-

мированию противопоставления между существующими структурными компонентами, усилению границ подгрупп или изменению структурных компонентов (распад одних и возникновение новых подгрупп) одновременно с возникновением противопоставления между ними. В ряде случаев перестуктурирование группы может привести к ее качественно новой внешней активности и повышению противодействия внешней среде.

Эти закономерности групповых социально-психологических процессов распространяются на хорошо известные феномены: сплоченность, идентификацию, референтность, конфликтность, социальное влияние.

Противостояние институализированной малой группы интенсивному воздействию внешней среды обеспечивается не только временным перестуктурированием группы, но и наличием социальной целостности (заданной извне обществом), которая удерживает группу от распада.

10. Наличие в группе подгрупп означает, что феномен сплоченности группы в целом либо теряет свой смысл и не подлежит анализу, а предметом изучения становится сплоченность подгрупп, либо должен оцениваться с точки зрения активности подгрупп и не включенных в них членов, взаимоотношений между ними.

Сплоченность малой группы, определяемая традиционными методами, намного ниже, чем сплоченность отдельных неформальных подгрупп, измеряемая теми же методами. Эта закономерность более выражена при усилении дезинтегративного взаимодействия между подгруппами.

При ограничении связей малой группы с внешней средой усиливается сплоченность внутри подгрупп и падает сплоченность группы в целом. При интенсификации взаимодействия группы с внешней средой (как частное, с другими группами) возрастает сплоченность всей группы за счет консолидации людей вокруг лидирующей подгруппы или отдельного лидера, а также открытости подгрупп для остальных членов группы. (В дальнейшем возможна деструктивная тенденция. См. положение 9.)

11. Совместимость и сработанность по определенным видам деятельности членов подгруппы выше, чем по группе в целом.

Совместимость на психологическом и социально-психологическом уровнях значительно чаще проявляется внутри подгрупп, чем между представителями разных подгрупп, или представителями подгрупп и «самостоятельными» членами, или среди «самостоятельных» членов.

Сработанность на социально-психологическом уровне значительно чаще проявляется внутри подгрупп, чем между представителями разных подгрупп, или представителями подгрупп и «самостоятельными» членами, или среди «самостоятельных» членов.

Данная тенденция совместимости и сработанности сильнее выражена в подгруппах с более высоким уровнем сплоченности, идентификации и референтности. Для сработанности принципиальное значение имеет еще и наличие среди мотивов объединения людей в подгруппу такого, который связан с целевой функцией группы.

Анализ социально-психологической сработанности членов малой группы следует проводить с учетом не только сработанности между отдельными людьми, но и между подгруппами.

12. Идентификация в малой группе более выражена между представителями одной и той же неформальной подгруппы, чем по группе в целом, между представителями разных подгрупп или среди «самостоятельных» членов группы. Эта закономерность более выражена при усилении дезинтегративного взаимодействия между подгруппами. «Самостоятельные» члены чаще идентифицируются с представителями подгрупп, чем с такими же, как и они, не включенными в подгруппы членами.

В обычных условиях функционирования группы слабее выражена идентификация людей с группой в целом и сильнее – межличностная идентификация внутри подгрупп, а также среди «самостоятельных» членов или между представителями разных структурных категорий. Ограничение связей группы с внешней средой, с одной стороны, приводит к отсутствию идентификации с группой в целом, а с другой стороны, вызывает доминирование микрогрупповой идентификации над межличностной – членов группы со своей подгруппой в целом, а «самостоятельных» членов с какой-то подгруппой. При интенсификации взаимодействия группы с внешней средой станет преобладать идентификация с группой в целом, а менее выражена – межличностная и микрогрупповая идентификация. (В дальнейшем возможна деструктивная тенденция. См. положение 9.)

13. Члены подгруппы чаще рассматривают в качестве референтных лиц представителей своей подгруппы, чем представителей других подгрупп или не включенных в подгруппы членов, а «самостоятельные» члены – представителей подгрупп. Эта закономерность более выражена при усилении дезинтегративного взаимодействия между подгруппами.

Ограничение связей группы с внешней средой увеличивает значимость мнения членов своей подгруппы, а для «самостоятельных» членов – мнение представителей конкретных подгрупп по сравнению с мнением таких же, как и они, не включенных в подгруппы людей. При интенсификации взаимодействия группы с внешней средой референтной для большинства членов группы станет какая-то лидирующая подгруппа. (В дальнейшем возможна деструктивная тенденция. См. положение 9.)

14. Внутри неформальных подгрупп сильнее проявляется позитивный и менее – негативный стиль отношений по сравнению с группой в целом, взаимоотношениями между представителями разных подгрупп, «самостоятельными» членами группы. Эта закономерность более выражена при усилении дезинтегративного взаимодействия между подгруппами.

В обычных условиях жизнедеятельности малой группы стили отношений внутри подгрупп и между «самостоятельными» членами или между представителями разных подгрупп отличаются не столь контрастно. Если возникает конфронтация между подгруппами или подгруппами и «самостоятельными» членами, то это приводит к усилению положительного стиля вну-

три подгрупп и негативного между подгруппами, подгруппами и не включенными в них членами. При ограничении связей малой группы с внешней средой будет преобладать позитивный стиль отношений внутри подгрупп и негативный стиль между представителями разных структурных компонентов группы. При интенсификации взаимодействия группы с внешней средой происходит некоторое нивелирование различий в стиле отношений внутри подгрупп и между подгруппами, «самостоятельными» членами. В случае систематической неэффективности групповой активности происходит обособление подгрупп и ухудшение межличностных отношений между подгруппами, среди «самостоятельных» членов (см. положение 9).

15. В качестве субъектов конфликтных межличностных отношений в малой группе следует рассматривать неформальные подгруппы и не включенных в них членов.

Конфликтные отношения реже возникают внутри неформальных подгрупп, а чаще проявляются между разными подгруппами, «самостоятельными» членами, подгруппами и «самостоятельными» членами. Эта закономерность более выражена при усилении дезинтегративного взаимодействия между подгруппами.

Возникающие в подгруппе конфликты более скоротечны и чаще имеют меньшее значение по своим последствиям для их участников, чем конфликты между представителями разных структурных компонентов.

Конфликты внутри неформальных подгрупп так же, как и между «самостоятельными» членами, являются по своей природе межличностными, а между подгруппами имеют такое же содержание, как конфликты между группами.

В обычных условиях жизнедеятельности малой группы конфликтные отношения представлены межличностной формой. При ограничении связей малой группы с внешней средой будут преобладать конфликты между подгруппами как межгрупповые по своей природе и снижаться межличностные противоречия внутри самих подгрупп. Активность не включенных в подгруппы людей как самостоятельных субъектов конфликтных отношений может переходить с межличностного на микрогрупповой уровень, когда они кооперируются между собой или поддерживают какую-то подгруппу. При интенсификации взаимодействия группы с внешней средой происходит нивелирование конфликтов между подгруппами и межличностных конфликтов между «самостоятельными» членами. (В дальнейшем возможна деструктивная тенденция. См. положение 9.)

16. Члены подгрупп, имеющие один уровень какого-то психологического статуса в своей подгруппе, часто не имеют такого же его уровня в других подгруппах или среди «самостоятельных» членов группы. То же самое касается и не включенных в подгруппы членов.

В качестве субъекта неформального лидерства в малой группе выступает не только отдельная личность, но и неформальная подгруппа, которая потенциально способна более эффективно реализовывать лидерские функции, чем один человек.

В случае взаимодействия индифферентного или интегративного содержания между подгруппами с одинаковым статусом лидерами группы чаще будут представители подгрупп, чем «самостоятельные» члены. В случае дезинтегративного взаимодействия между подгруппами с одинаковым статусом либо вообще не будет общегрупповых лидеров, либо среди таковых будет кто-то из «самостоятельных» членов.

Эффективность деятельности и психическое самочувствие общегруппового лидера (если такой имеется) зависят от того, принадлежит он или нет к неформальной подгруппе.

Эффективность институализированного руководства малой группой зависит от отношения к руководителю подчиненных не столько по отдельности, сколько от отношения к нему неформальных подгрупп подчиненных, а также от опоры руководителя на какую-то неформальную подгруппу.

17. Социальное влияние подгруппы на своих членов сильнее, чем влияние других подгрупп или «самостоятельных» членов. Эта закономерность более выражена при усилении дезинтегративного взаимодействия между подгруппами. «Самостоятельные» члены группы, ориентированные на какую-то подгруппу, более подвержены ее влиянию, чем влиянию всей группы.

При ограничении связей группы с внешней средой снижается влияние группы при усилении влияния подгруппы на своих членов и на тех «самостоятельных» членов, которые ориентируются на данную подгруппу. При интенсификации взаимодействия группы с внешней средой будет усиливаться влияние группы на отдельных ее представителей. В процессе развития такого взаимодействия при определенных условиях, наоборот, нивелируется влияние группы (см. положение 9).

Если рассматривать социальное влияние в традиционном контексте влияния большинства и меньшинства, то можно выделить минимальные его условия с точки зрения социально-психологической структуры группы.

Два минимальных условия влияния большинства:

- влияние большинства, в составе которого находится неформальная подгруппа (или несколько подгрупп), будет сильнее, чем влияние большинства, состоящее только из совокупности «самостоятельных» членов (при условии, что меньшинство не представлено лидирующей подгруппой);

- влияние большинства, в составе которого находится неформальная подгруппа с высоким психологическим статусом, будет сильнее, чем влияние большинства, состоящего из совокупности недостаточно активных подгрупп и «самостоятельных», пусть и с высоким статусом некоторых членов (при условии, что меньшинство не представлено другой лидирующей подгруппой).

Два минимальных условия влияния меньшинства:

- при «благоприятном» составе большинства и одинаковом психологическом статусе в малой группе влияние мнения одного члена (меньшинство), являющегося представителем сплоченной и активной подгруппы, будет сильнее, чем мнение какого-то одного «самостоятельного» члена (меньшинство);

- при «благоприятном» составе большинства и одинаковом психологическом статусе в группе влияние мнения высокосплоченной неформальной подгруппы-меньшинства будет сильнее, чем влияние совокупности временно объединившихся по конкретной позиции «самостоятельных» членов как меньшинства.

18. Адаптация людей в малой группе осуществляется посредством их включения в неформальные подгруппы, если малая группа не предоставляет возможности ее членам для удовлетворения индивидуальных целей, потребностей и психологического единства по значимым для них параметрам.

Если личность включена в неформальную подгруппу и удовлетворена своим членством в ней, то ее адаптация является более полной, чем адаптация по малой группе в целом.

Чем более закрыта подгруппа по отношению к группе, тем более процесс адаптации члена подгруппы будет осуществляться через свою подгруппу.

Интенсификация взаимодействия с внешней средой вызывает усиление общегрупповых границ и одновременно открытость неформальных подгрупп, а ограничение связей с внешней средой определяет закрытость неформальных подгрупп.

Разные неформальные подгруппы в малой группе характеризуются различным адаптирующим свойством по отношению к новичку. Изучение этого свойства малой группы в целом носит усредненный характер, тогда как анализ проявления его в неформальных подгруппах является более адекватным и точным.

В процессе вхождения в новую малую группу новичок фактически включается в одну из неформальных подгрупп, которая наиболее «открыта» для него или же не включается ни в одну из подгрупп. Специфическая адаптация характерна для категории «тасующихся» членов групп, что заключается в их стремлении к одновременному включению в несколько подгрупп.

19. Основным источником образования неформальных подгрупп, динамики подгрупп и малой группы в целом являются противоречия (внутренние и внешние), а механизмом – процессы интеграции и дезинтеграции (внутренние и внешние).

Противоречия, процессы интеграции и дезинтеграции имеют как локальный характер, так и распространяются по всей социально-психологической структуре группы, могут протекать медленно, а также могут развиваться в быстром режиме.

Необходимо принимать во внимание не только межличностные, как это обычно делается, но и другие типы социально-психологических противоречий малой группы.

Каждая подгруппа может расцениваться как субъект внутригрупповой жизнедеятельности, который в той или иной степени выступает источником противоречивых тенденций группы в целом, делает свой «вклад» в общую картину противоречий группы.

Учет всех возможных типов противоречий малой группы в их композиции, с одной стороны, и ее социально-психологической структуры, с другой стороны, позволит приблизиться к системному анализу феномена противоречий (конфликта) в малой группе.

Процессы интеграции связаны со сглаживанием противоречий, а процессы дезинтеграции – с обострением противоречий. В своем проявлении данный механизм имеет ряд закономерностей.

Механизм динамики малой группы надо рассматривать в следующих пластах: интеграция и дезинтеграция между группой и внешней средой, интеграция и дезинтеграция между неформальными подгруппами, неформальными подгруппами и «самостоятельными» членами, интеграция и дезинтеграция самих неформальных подгрупп. Все эти три пласта действия единого механизма взаимосвязаны между собой.

Проявление процессов интеграции и дезинтеграции необходимо анализировать в связи с противоречиями малой группы.

20. Понятие «уровень развития малой группы» имеет условный характер по отношению к группе в целом, так как группы состоят из неформальных подгрупп (как подсистемы группы) разного уровня психологического развития. В противном случае при проведении диагностики будут получаться усредненные характеристики по группе, особенно когда реально нет психологической общности членов группы, а есть лишь общность по социальной функции группы и пространственно-временным характеристикам ее жизнедеятельности.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МАЛОЙ ГРУППЫ И НЕФОРМАЛЬНЫХ ПОДГРУПП

ГЛАВА 10

ОБЪЕКТ И ПРОЦЕДУРА ИССЛЕДОВАНИЯ

Обследования реальных малых групп проводились с осени 1998 г. по весну 2000 г. Относительно половины групп было проведено пролонгированное исследование в два этапа: исходная и повторная диагностика малых групп, неформальных подгрупп и «самостоятельных» членов группы. Разница между двумя психологическими измерениями составила 6-8 месяцев, что является достаточным временным интервалом для изучения динамики содержательных и формальных характеристик малых групп и микрогрупп.

1) На первом этапе было обследовано 73 малые группы (всего по списку – 1824 человек). Однако из дальнейшего анализа были исключены группы, в которых более 25% испытуемых не приняли участия в исследовании.

В итоге анализу подверглось 64 малые группы. Всего по списку – 1620 человек, из них: присутствовало – 1396 (86.2%), отсутствовало – 224 (13.8%).

Среди обследованных были следующие типы малых групп:

а) **16 десятых классов школ:** всего по списку – 431 человек, присутствовало – 397 (92.1%) , отсутствовало – 34 (7.9%);

б) **5 одиннадцатых классов школ:** всего по списку – 111 человек, присутствовало 91(82%), отсутствовало – 20 (18%);

в) **10 групп средне-профессиональных учебных заведений** первого года обучения: всего по списку – 237 человек, присутствовало – 211 (89%), отсутствовало – 26 (11%);

г) **19 студенческих групп** с 1-го по 3-й курс: всего по списку – 529 человек, присутствовало – 442 (83.6%), отсутствовало – 87 (16.4%); из них:

- 14 групп 1-го курса: всего по списку – 401 человек, присутствовало – 340 (84.8%), отсутствовало – 61 (15.2%);

- 3 группы 2-го курса: всего по списку – 82 человек, присутствовало – 68 (83%), отсутствовало – 14 (17%);

- 2 группы 3-го курса: всего по списку – 46 человек, присутствовало – 34 (73.9%), отсутствовало – 12 (26.1%);

д) **3 отдела коммерческой фирмы:** всего по списку – 36 человек, присутствовало – 36 (100%), отсутствовало – 0 (0%);

е) **11 воинских подразделений** (взводов): всего по списку – 276 человек, присутствовало – 230 (83.4%), отсутствовало – 46 (16.6%).

Группы средне-профессиональных учебных заведений и студенческие группы 1-го курса представляли собой недавно созданные абсолютно новые

группы, и на момент первого обследования время их жизнедеятельности составляло 1-1.5 месяца. Десятые классы средней школы являлись переформированными, т.е. измененными по своему составу на базе 9-х классов и, следовательно, в определенной мере могли рассматриваться как новые, недавно сформированные группы. В них обследование также проводилось через 1-1.5 месяца после начала учебного года. Выбор таких малых групп позволяет рассматривать их как равноценные с точки зрения уровня их развития и устранить возможное влияние на результаты исследования истории функционирования и развития группы.

2) На втором этапе через 6-8 месяцев было обследовано 40 малых групп. Однако из дальнейшего анализа были исключены группы, в которых более 25% испытуемых не участвовали в исследовании.

В итоге анализу подверглось 29 малых групп: всего по списку - 1018 человек, присутствовало – 773 (76%), отсутствовало – 245 (24%).

Среди обследованных были следующие типы малых групп:

а) **9 десятых классов школ:** всего по списку – 233 человек, присутствовало – 203 (87.1%), отсутствовало – 30 (12.9%);

б) **1 одиннадцатый класс школ:** всего по списку – 25 человек, присутствовало – 18 (72%), отсутствовало – 7 (28%);

в) **6 групп средне-профессиональных учебных заведений:** всего по списку – 145 человек, присутствовало – 131 (90.4%), отсутствовало – 14 (9.6%);

г) **13 студенческих групп** с 1-го по 3-й курс: всего по списку - 350 человек, присутствовало – 268 (76.6%), отсутствовало – 82 (23.4%); среди них:

- 8 групп 1-го курса: всего по списку – 219 человек, присутствовало – 174 (79.5%), отсутствовало – 45 (20.5%);

- 3 группы 2-го курса: всего по списку – 84 человек, присутствовало – 65 (77.4%), отсутствовало – 19 (22.6%);

- 2 группы 3-го курса: всего по списку – 47 человек, присутствовало – 29 (61.7%), отсутствовало – 18 (38.3%).

Не все малые группы были подвергнуты абсолютно идентичному исследованию.

Во-первых, в первом и повторном исследованиях во всех перечисленных группах выделялась социально-психологическая структура – неформальные подгруппы и «самостоятельные» члены.

Во-вторых, в первом и повторном исследованиях изучались интегративные феномены (сплоченность по межличностным выборам, ценностно-ориентационное единство, идентификация, согласованность действий, референтность), межличностные противоречия, адаптирующее свойство (открытость) малой группы, каждой подгруппы и совокупности «самостоятельных» членов, а также мотивы объединения людей в подгруппы. Эти социально-психологические характеристики рассматривались во всех группах. (Исключение составили коммерческие фирмы и воинские подразделения по анализу некоторых феноменов.)

В-третьих, стиль межличностного отношения, социометрический статус, лидерство и вклад в групповую деятельность были исследованы в воинских подразделениях и четырех учебных группах.

Исследование было организовано таким образом, что все методики, направленные на выделение социально-психологической структуры в малых группах, интегративных и дезинтегративных характеристик и адаптирующего свойства малых групп и их структурных компонентов, мотивов объединения людей в микрогруппы, были объединены в один блок и проводились в течение одного обследования. Для этого был разработан специальный опросный бланк, включающий в себя как инструкции испытуемым и пункты опросников, так и возможности для ответов испытуемых прямо на этом бланке (Приложение № 12). Такая организация обследования не представляла трудности для испытуемых. Обследование одной группы продолжалось не более 30 минут (не более одного урока в школе или учебного часа в вузе), причем большинство испытуемых заканчивало работу с методиками раньше. Обследование не было анонимным, так как фамилии испытуемых были необходимы для выявления в малых группах неформальных подгрупп и не включенных в подгруппы членов группы.

Несмотря на то, что для испытуемых обследование не представляло особого труда и не занимало много времени, обработка ответов членов малой группы требовала применения компьютера. Действительно, применение кластерного анализа для группировки членов группы в неформальные подгруппы, расчет коэффициентов сплоченности и выделение наиболее часто используемых причин интеграции, расчет коэффициентов открытости, расчет процентов использования тех или иных социометрических критериев для малой группы в целом, для каждой неформальной подгруппы и для «самостоятельных» членов группы потребовало бы чрезвычайно много времени при «ручной» обработке и привело бы к возникновению большого числа вычислительных ошибок. В связи с этим была разработана специальная компьютерная программа, с помощью которой проводились все эти вычислительные операции. Время, необходимое на обработку ответов всех членов одной малой группы с помощью компьютерной программы, включая прежде всего время, необходимое для ввода данных опроса в компьютер, составляло не более одного часа.

Необходимо отметить, что при использовании методики исследования межличностных отношений и лидерства в малых группах с учетом неформальных подгрупп использовалась та же компьютерная программа, что и для исследования ранее перечисленных психологических характеристик, которая к тому же автоматически рассчитывала коэффициент сплоченности по межличностным выборам.

С помощью стандартных компьютерных программ рассчитывались также средние значения, дисперсии и стандартные отклонения, коэффициенты корреляции и сравнения средних значений. Остальной количественный анализ проводился «вручную», без применения специальной компьютерной программы.

ГЛАВА 11

МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

11.1. Определение неформальных подгрупп в малой группе

Ранее отмечалось, что социометрический тест, широко распространенный за рубежом и в нашей стране, сам по себе часто не позволяет с высокой степенью надежности и адекватности выделять в малой группе неформальные подгруппы. Чем более многочисленна группа и более сложными становятся отношения внутри нее, тем менее пригодной оказывается обычная социометрическая процедура для решения данной задачи.

Ее решение возможно в том случае, если будет использована формализованная, причем, достаточно простая процедура, позволяющая выделять неформальные подгруппы в малой группе, заранее не задавая возможного числа таких подгрупп и количества членов, включенных в такие неформальные подгруппы, а также таких членов, которые не включены ни в одну из подгрупп.

В отечественной литературе не обнаружено публикаций (за очень редким исключением), в которых бы давалось описание формализованной методики, позволяющей с высокой точностью выявлять социально-психологическую структуру малой группы – неформальные подгруппы и не включенных в них членов. Однако нельзя категорично говорить, что вообще отсутствуют какие-либо попытки разработки подобной методики. В некоторых источниках, например [19; 142], излагаются те или иные принципы построения такой процедуры, которые все же либо остаются не развернутыми в конкретную исследовательскую методику, либо алгоритмы выделения подгрупп недостаточно формализованы и дают результаты, зависящие от случайных факторов (например, от выбора начальных точек классификации), либо, наоборот, алгоритм чрезвычайно математизирован при отсутствии в его основе четкого, адекватного психологического критерия.

Создание формализованного метода выделения неформальных подгрупп предполагает решение двух основных вопросов: по каким критериям определяется принадлежность данного индивида к подгруппе; с помощью какого алгоритма можно выделить подгруппы, если заранее не известны ни их количество в группе, ни их состав [54].

Что касается первого вопроса, то принадлежность индивида к подгруппе можно определить на основании самых разнообразных как непсихологических (например, возраст, профессия, квалификация, продуктивность деятельности), так и психологических (например, сходство установок, ценностей, темпераментных свойств). При выделении микрогрупп по этим критериям, как правило, не требуется использование специальных математических процедур.

Когда же принадлежность индивида к подгруппе определяется на основании анализа межличностных выборов, отражающих отношения, складывающиеся между членами группы, то эта задача становится значительно более сложной. Такое разделение на подгруппы является фактической структурной характеристикой группы и не столь очевидно, хотя может быть раскрыто посредством применения специального математического аппарата. При этом возможны три различных варианта определения принадлежности человека к подгруппе: а) на основании его собственного мнения (или, например, произведенных им межличностных выборов); б) на основании мнения членов подгруппы (их выборов); в) в результате совпадения собственного мнения человека и мнений членов подгруппы (взаимных выборов).

В обычном социометрическом тесте используется последний вариант. Однако формализованное применение этого варианта предполагает, что все без исключения члены подгруппы должны быть связаны друг с другом взаимными выборами. В реальной же жизни взаимность выборов членов подгруппы не встречается повсеместно, так как члены подгруппы могут быть связаны между собой не только непосредственно, но и опосредствованно. В этом случае необходимо либо сокращать число членов подгруппы, что может не соответствовать реальности, либо использовать какой-то один из первых двух вариантов оценки принадлежности человека к подгруппе. Например, А.С. Горбатенко отдает предпочтение второму варианту, т.е. мнению членов подгруппы [59]. Он обосновывает это тем, что такой вариант в большей степени соответствует психологической традиции, предполагающей важную, детерминирующую роль группы по отношению к личности. В практических социометрических исследованиях именно на основании обобщенного мнения членов группы судят об «отверженности» члена группы или его принадлежности к малой группе, включенности в систему внутригрупповых межличностных отношений. Кроме того, использование мнения всех (или большинства) членов подгруппы, а не одного человека, позволяет существенно повысить статистическую достоверность вывода о принадлежности человека к подгруппе. В подгруппе, определенной по этому принципу, будет и максимальное количество взаимных выборов.

Как отмечает этот автор, исследователи практически не пользовались данным вариантом определения принадлежности человека к подгруппе, поскольку при этом возникает кажущийся порочным логический круг: для того чтобы выявить лиц, составляющих подгруппу, надо узнать их мнение.

Для выделения неформальных подгрупп в малых группах А.С. Горбатенко разработал и апробировал методику, общая суть которой состоит в применении математического метода «распознавания образа» – кластерного анализа [54]. Её отличительной особенностью является возможность «без учителя» (т.е. не задавая заранее предполагаемое количество подгрупп или количество членов, включенных в подгруппы) выделить объективно имеющиеся в малой группе неформальные подгруппы и их состав.

Рассмотрим более подробно алгоритм данной методики выделения микрогрупп и не включенных в них членов. Это необходимо сделать хотя бы по

тому соображению, что указанная методика использовалась в проведенном исследовании, результаты которого излагаются в последующих главах книги.

Первый этап. Составление матрицы «описания», характеризущей конкретное состояние группируемых переменны.

В качестве матрицы «описания» может выступать обычная социометрическая матрица. При этом необходимо помнить, что выделенные неформальные подгруппы будут однородны по заданному социометрическому критерию. Поэтому если использовать «сильные» конкретные критерии предпочтительности (например, «С кем Вы хотели бы...»), то образовавшиеся подгруппы будут отражать один из частных случаев желаемой для индивидов, а не реальной структуры группы. В связи с этим для выделения подгрупп лучше использовать такие критерии, которые традиционно считаются «слабыми» [126], неконкретными и направленными на определение не предпочтений, а реальной сферы общения и взаимодействия человека (например, «Выберите тех членов группы, с которыми вы общаетесь чаще всего, поддерживаете наиболее тесные отношения»). В этом случае возможно преодоление указываемого в литературе значительного расхождения между отношениями, выявляемыми посредством социометрического теста и реальными отношениями. Причина такого расхождения заключается именно в том, что задаваемые во многих исследованиях критерии ориентируют испытуемых не столько на актуальные, сколько на желаемые отношения.

Не следует ограничивать возможное число выборов испытуемых. В противном случае эти общие, одинаковые для всех членов группы ограничения могут сказаться на численности выделенных подгрупп. Поэтому в нашем исследовании количество возможных выборов участниками не ограничивалось. В то же время практика показывает, что примерно 90% членов малой группы выбирают не более пяти человек.

Для дальнейшей обработки каждый выбор испытуемых кодируется как «1» и заносится в обычную социометрическую матрицу, в которой: а) по строкам вписываются фамилии тех членов группы, которые участвовали в обследовании и выбирали других членов малой группы; б) по столбцам – фамилии членов группы, которые были выбраны для дальнейших оценок.

Если в исследовании принимали участие абсолютно все члены группы, то фамилии, вписанные в матрицу по строкам и по столбцам, будут полностью совпадать. Если в нем участвовали не все члены группы, то количество столбцов может быть больше, чем количество строк, так как присутствующие на обследовании испытуемые могут выбрать тех членов группы, которые отсутствуют.

На главную диагональ социометрической матрицы также заносятся «1», что соответствует самовыбору членов группы.

Проиллюстрируем общую процедуру классификации на конкретном примере. Возьмем учебную группу, состоящую из 19 учащихся, из которых на момент обследования присутствовало 17 человек. Каждому из них предлагалось выбрать одногруппников (включая отсутствующих), с которыми они чаще всего общаются, поддерживают наиболее тесные отношения. Количе-

ство выборов не ограничивалось. Результаты выборов сведены в обычную социометрическую матрицу (матрицу «описания»), где по строкам - порядковый номер и фамилия того учащегося, который выбирает, по столбцам - порядковый номер и фамилия того учащегося, которого выбирают (табл. 8).

Таблица 8

Начальный вид матрицы описаний (социометрической матрицы)

		Б-хая	Б-ус В.	Б-ус А.	Бр-ко	Гал-ян	Е-ус	Кр-ва	Кл-ко	Мо-ла	Не-ай	Но-ва	Но-ян	Р-дь	Ст-ва	Те-ко	Ха-га	Че-ко	*Жу-ва	*Он-ко
		1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**	**10**	**11**	**12**	**13**	**14**	**15**	**16**	**17**	**18**	**19**
1	Б-хая	1			1	1		1	1					1	1	1	1			
2	Б-ус В.		1	1							1		1	1						
3	Б-ус А.		1	1						1	1									1
4	Бр-ко	1			1		1	1	1	1		1			1	1	1	1		
5	Гал-ян		1			1				1			1							
6	Е-ус						1											1		
7	Кр-ва	1			1		1	1										1		
8	Кл-ко	1				1			1			1				1	1			
9	Мо-ла		1	1	1	1		1		1	1		1	1						1
10	Не-ай		1	1							1		1	1						
11	Но-ва	1					1	1	1			1			1	1	1	1		
12	Но-ян		1	1		1					1		1	1						
13	Р-дь		1								1		1	1						
14	Ст-ва	1			1			1							1		1	1		
15	Те-ко	1					1	1	1			1				1	1	1		
16	Ха-га	1							1						1		1	1		
17	Че-ко		1		1	1	1	1						1		1	1	1		

*Примечание: В этой и в других таблицах данной главы книги номера учащихся, отсутствовавших на обследовании, но выбранных другими членами класса, помечены знаком *.*

Второй этап. Установление численных значений связей (сходства) между группируемыми членами группы и построение матрицы коэффициентов сходства.

Так как определяющим при включении каждого члена малой группы в подгруппу является мнение всех членов этой подгруппы, то при анализе матрицы «описания» необходимо определить попарную связь (сходство) ее столбцов, а не строк. Можно считать, что i-й член группы входит в одну подгруппу с j-м членом в том случае, если их выбирают одинаковые члены группы. В этом случае при сравнении i-го и j-го столбца будет наблюдаться относительно большое число совпадающих выборов, сделанных одними и теми же членами групп, которые должны быть включены в одну подгруппу.

Взаимные выборы i-го и j-го членов группы будут учитываться наравне с другими совпадающими выборами. Это становится возможным благодаря подстановке единиц на главную диагональ матрицы «сходства».

В качестве меры «сходства» описаний i-го и j-го членов группы используется величина

$$S_{ij} = \frac{2N_c - N_{yc}}{N_o} \qquad (2)$$

где N_c - число совпадений выборов в i-ом и j-ом столбцах,

$N_{нс}$ - число несовпадений выборов в i-ом и j-ом столбцах,

N_o - суммарное число выборов в i-ом и j-ом столбцах.

Такая мера «сходства» варьирует от -1 до +1 и не является мерой в математическом смысле слова, так как содержит отрицательные значения. Вводя отрицательные коэффициенты, А.С. Горбатенко исходил из следующих соображений: такие коэффициенты свидетельствуют не просто о сомнении в принадлежности данного члена малой группы к подгруппе, а о полном отрицании (в психологическом смысле) самой возможности принадлежности данного члена к подгруппе.

Совпадение или несовпадение невыборов, т.е. нулей (или пропусков) в матрице «описаний» не учитывается при определении «сходства».

Выбор S_{ij} в качестве меры «сходства» обоснован и при неодинаковом количестве выборов различных членов группы, что всегда возникает в реальных условиях обследования. Если человек получает большое количество выборов, то вероятнее всего, что он принадлежит к большой по численности подгруппе, если малое – то к небольшой подгруппе. Иными словами, лица, получившие существенно различное количество выборов, должны принадлежать к различным подгруппам, хотя, возможны исключения. При определении коэффициента «сходства» решающее значение имеет не количество выборов, а их качественный состав – совпадение с выборами, сделанными другими членами малой группы.

Рассчитанные в парном сравнении столбцов матрицы «описаний» коэффициенты сходства сводятся в «матрицу коэффициентов сходства», симметричную относительно главной диагонали. Количество столбцов и строк в этой матрице всегда равно друг другу и соответствует количеству столбцов матрицы «описания».

Возвратимся к примеру. Попарное сравнение столбцов матрицы «описания» позволяет построить матрицу коэффициентов «сходства», рассчитанных по только что приведенной формуле (табл. 9).

Таблица 9

Начальный вид матрицы коэффициентов «сходства»

		Б-хая	Б-ус В	Б-ус А	Бр-ко	Гал-ян	Е-ус	Кр-ва	Кл-ко	Мо-па	Не-ай	Но-ва	Но-ян	Р-дь	Ст-ва	Те-ко	Ха-га	Че-ко	*Жу-ва	*Он-ко
		1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**	**10**	**11**	**12**	**13**	**14**	**15**	**16**	**17**	**18**	**19**
1	Б-хая	1,00	-1,00	-1,00	0,14	-0,51	0,14	0,50	0.71	-0,67	-1,00	0,33	-1,00	-0,73	0,54	0,43	0,75	0,50	-1,00	-1,00
2	Б-ус В.	-1,00	1,00	0,54	-0,43	0,14	-0,71	-0,50	-1,00	0,00	0,71	-1,00	0,71	0,71	-1,00	-0,71	-0,75	-0,75	-1,00	-0,20
3	Б-ус А.	-1,00	0,54	1,00	-0,64	-0,27	-1,00	-0,69	-1,00	-0,11	0,82	-1,00	0,45	0,45	-1,00	-1,00	-1,00	-1,00	-1,00	0,14
4	Бр-ко	0,14	-0,43	-0,64	1,00	-0,33	0,00	0,71	-0,33	-0,20	-0,67	-0,56	-0,67	-0,08	-0,09	0,00	0,14	0,14	-1,00	-0,50
5	Гал-ян	-0,51	0,14	-0,27	-0,33	1,00	-0,67	-0,14	-0,33	-0,20	-0,33	-0,60	0,00	0,38	-0,64	0,00	-0,14	-0,71	-1,00	-0,50
6	Е-ус	0,14	-0,71	-1,00	0,00	-0,67	1,00	0,42	0,00	-0,60	-1,00	0,20	-1,00	-0,69	-0,27	0,33	0,14	0,71	-1,00	-1,00
7	Кр-ва	0,50	-0,50	-0,69	0,71	-0,14	0,42	1,00	0,14	-0,17	-0,71	0,00	-0,71	-0,20	0,23	0,43	0,67	0,67	-1,00	-0,60

8	Кл-ко	0,71	-1,00	-1,00	-0,33	-0,33	0,00	0,14	1,00	-0,60	-1,00	0,60	-1,00	-0,69	0,45	0,67	0,71	0,14	-1,00	-1,00
9	Мо-ла	-0,67	0,00	-0,11	-0,20	-0,20	-0,60	-0,17	-0,60	1,00	-0,20	-0,50	-0,20	-0,60	-0,56	-0,60	-0,67	-0,67	-1,00	0,33
10	Не-ай	-1,00	0,71	0,82	-0,67	-0,33	-1,00	-0,71	-1,00	-0,20	1,00	-1,00	0,67	0,54	-1,00	-1,00	-1,00	-1,00	-1,00	0,00
11	Но-ва	0,33	-1,00	-1,00	-0,56	-0,60	0,20	0,00	0,60	-0,50	-1,00	1,00	-1,00	-1,00	-0,11	0,60	0,33	0,00	-1,00	-1,00
12	Но-ян	-1,00	0,71	0,45	-0,67	0,00	-1,00	-0,71	-1,00	-0,20	0,67	-1,00	1,00	0,54	-1,00	-1,00	-1,00	-1,00	-1,00	-0,50
13	Р-дь	-0,73	0,71	0,45	-0,08	0,38	-0,69	-0,20	-0,69	-0,60	0,54	-1,00	0,54	1,00	-0,67	-0,38	-0,47	-0,73	-1,00	-0,56
14	Ст-ва	0,54	-1,00	-1,00	-0,09	-0,64	-0,27	0,23	0,45	-0,56	-1,00	-0,11	-1,00	-0,67	1,00	0,09	0,36	0,23	-1,00	-1,00
15	Те-ко	0,43	-0,71	-1,00	0,00	0,00	0,33	0,43	0,67	-0,60	-1,00	0,60	-1,00	-0,38	0,09	1,00	0,71	0,14	-1,00	-1,00
16	Ха-га	0,75	-0,75	-1,00	0,14	-0,14	0,14	0,67	0,71	-0,67	-1,00	0,33	-1,00	-0,47	0,36	0,71	1,00	-0,42	-1,00	-1,00
17	Че-ко	0,50	-0,75	-1,00	0,14	-0,71	0,71	0,67	0,14	-0,67	-1,00	0,00	-1,00	-0,73	0,23	0,14	-0,42	1,00	-1,00	-1,00
18	*Жу-ва	-1,00	-1,00	-1,00	-1,00	-1,00	-1,00	-1,00	-1,00	-1,00	-1,00	-1,00	-1,00	-1,00	-1,00	-1,00	-1,00	-1,00	1,00	-1,00
19	*Он-ко	-1,00	-0,20	0,14	-0,50	-0,50	-1,00	-0,60	-1,00	0,33	0,00	-1,00	-0,50	-0,56	-1,00	-1,00	-1,00	-1,00	-1,00	1,00

Третий этап. Группировка индивидов в подгруппы и определение показателя, характеризующего качество этих подгрупп.

Построение «матрицы коэффициентов сходства» позволяет перейти непосредственно к группировке, объединению в неформальные подгруппы (кластеры) таких членов малой группы, описание которых наиболее сходно и которые вместе с тем наиболее сильно отличаются от других членов группы. Процедура группировки состоит в том, что каждый член малой группы рассматривался как «центр» образования возможной подгруппы и для него определялся такой состав подгруппы, при котором подгруппа была наиболее «плотной».

Для того чтобы определить качество (плотность) полученных подгрупп, А.С. Горбатенко ввел меру *D*, которая вычисляется по формуле:

$$D = N \cdot S_{ij} \qquad (3)$$

где N - число членов подгруппы,

S_{ij} - мера сходства между «центральным» и наиболее «удаленным» (несходным с центральным) членом подгруппы.

Применяется специальная процедура выделения наиболее «плотных» подгрупп без использования каких-либо ограничений. То есть для каждого члена группы, который рассматривается в качестве возможного центра образования подгруппы, рассчитывается величина «плотности» для всех возможных вариантов состава подгрупп, начиная с подгрупп, в которые входят такие члены группы, коэффициенты сходства которых с «центральным» являются максимально большими.

Сначала предполагается, что самая плотная подгруппа с таким центром возникнет в том случае, если в неё войдет такой член группы, у которого коэффициент сходства с «центром» будет максимальным, и рассчитывается мера «плотности» такой подгруппы. Затем в подгруппу включался другой член группы, у которого коэффициент «сходства» с центром является максимально высоким среди всех, не включенных в подгруппу. Снова рассчитывается мера «плотности» подгруппы и так далее. В результате, для каждого члена малой группы формируется массив данных о составе и плотности всех возможных подгрупп, который позволяет выбрать такой состав подгруппы, «плотность» которой является максимально возможной. Иными словами, для

каждого члена группы, рассматриваемого в качестве «центра» возможной подгруппы, подбираются такие члены подгруппы, при которых «плотность» этой подгруппы максимальна. Описанная процедура вполне выполнима и содержит только вычислительные трудности, которые в настоящее время легко преодолеваются с помощью ЭВМ.

Следующий этап выделения подгрупп состоит в том, чтобы из выделенных максимально «плотных» подгрупп, имеющих в качестве «центра» различных членов группы, отобрать такую подгруппу, «плотность» которой является максимальной. Эта процедура является также строгой с математической точки зрения. Поскольку в качестве центров формирования подгрупп рассмотрены все члены группы, невозможно обнаружить другую подгруппу, которая была бы более «плотной», чем выбранная.

Те члены малой группы, которые включены в данную подгруппу, исключаются из дальнейшего рассмотрения. Для этого вычеркиваются соответствующие этим членам малой группы столбцы и строки «матрицы коэффициентов сходства».

Затем процедура группировки повторяется. Каждый из оставшихся членов малой группы рассматривается как возможный центр образования подгруппы. Вновь для всех возможных сформированных подгрупп рассчитывается величина «плотности» и из этих подгрупп отбирается та, «плотность» которой максимальна и члены группы, вошедшие в данную подгруппу, исключаются из дальнейшего рассмотрения, т.е. из «матрицы коэффициентов сходства» вычеркиваются соответствующие строки и столбцы.

Процедура группировки повторяется до тех пор, пока можно обнаружить такие подгруппы, «плотность» которых выше единицы. Критическая величина «плотности» равная единице обусловлена тем, что плотность «подгруппы», состоящей из одного человека, равна единице. Бессмысленно присоединять к этому человеку еще одного человека (или большее количество людей) и образовывать неформальную подгруппу, состоящую из двух (или больше) членов группы, если в результате «плотность» такой подгруппы снизится и станет меньше единицы.

Необходимо отметить, что отрицательные коэффициенты «сходства» не анализируются при выделении неформальных подгрупп. Действительно, попытка присоединить к неформальной подгруппе такого члена, у которого коэффициент «сходства» с центром меньше нуля (отрицательный) приведет к тому, что «плотность» такой неформальной подгруппы будет не только меньше единицы, но даже меньше нуля. Поэтому еще при построении «матрицы сходства» следует заносить в нее только положительные коэффициенты «сходства».

Оставшиеся члены малой группы рассматриваются как «самостоятельные», т.е. не включенные ни в одну из неформальных подгрупп.

На основании данной классификации исходная «матрица описания» может быть перестроена для большей наглядности. То есть по строкам матрицы сначала нужно вписать фамилии тех членов группы, которые оказались включенными в самую «плотную» подгруппу, затем – фамилии тех, которые

вошли в следующую по «плотности» подгруппу, и т.д., затем фамилии людей, не вошедших в подгруппы. По столбцам матрицы «описания» нужно вписать те же фамилии и в той же последовательности, что и по строкам. В перестроенную «матрицу описания» вносятся отметки (единицы) о сделанных выборах.

Опять вернемся к нашему примеру. Анализ «матрицы коэффициентов сходства» позволяет выделить все возможные подгруппы, определить их «плотность» по формуле (3) и выбрать наиболее «плотную» (столбцы «Состав подгрупп» и «Плотность» табл.10). Наиболее «плотной» оказалась подгруппа, включающая учащихся под №№ 1, 8, 11, 15, 16 с центром № 8 и плотностью 3.0.

Таблица 10
«Матрица коэффициентов сходства»
до выделения первой неформальной подгруппы

		Б-хая	Б-ус В.	Б-ус А.	Бр-ко	Гал-ян	Е-ус	Кр-ва	Кл-ко	Мо-ла	Не-ай	Но-ва	Но-ян	Р-дь	Ст-ва	Те-ко	Ха-га	Че-ко	*Жу-ва	*Он-ко	Состав подгрупп	Плотность
		1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**	**10**	**11**	**12**	**13**	**14**	**15**	**16**	**17**	**18**	**19**		
	Б-хая																				1,7,8,14,16,17	
	Б-ус В.																				2,3,10,12,13	
	Б-ус А.																				2,3.,10,12,13	
	Бр-ко																				4,7	
	Гал-ян																				5	
	Е-ус																				6,17	
	Кр-ва																				1,4,6,7,15,16,17	
	Кл-ко																				1,8,11,15,16	
	Мо-ла																				9	
	Не-ай		0,71																		2,3,10,12,13	
	Но-ва																				8,11,15	
	Но-ян																				2,3,10,12,13	
	Р-дь																				2,3,5,10,12,13	
	Ст-ва																				1,8,14,	
	Те-ко																				1,7,8,11,15,16	
	Ха-га																				1,7,8,14,15,16	
	Че-ко																				1,6,7,16,17	
	*Жу-ва																				18	
	*Он-ко																				19	

После этого из «матрицы коэффициентов сходства» вычеркиваются (или удаляются) строки и столбцы с этими номерами и группировка повторяется вновь (табл. 11).

Таблица 11
Матрица коэффициентов «сходства» до выделения второй подгруппы

		Б-ус В.	Б-ус А.	Бр-ко	Гал-ян	Е-ус	Кр-ва	Мо-ла	Не-ай	Но-ян	Р-дь	Ст-ва	Че-ко	*Жу-ва	*Он-ко	подгруппСостав	Плотность
		2	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**9**	**10**	**12**	**13**	**14**	**17**	**18**	**19**		
	Б-ус В.															2,3,10,12,13	
	Б-ус А.															2,3.,10,12,13	
	Бр-ко															4,7	
	Гал-ян															5	
	Е-ус															6,17	
	Кр-ва															4,6,7,17	
	Мо-ла															9	
	Не-ай															2,3,10,12,13	
	Но-ян															2,3,10,12,13	
	Р-дь															2,3,5,10,12,13	
	Ст-ва															14	
	Че-ко															6,7,17	
	*Жу-ва															18	
	*Он-ко															19	

Теперь наиболее «плотной» оказывается подгруппа, включающая учащихся под №№ 2, 3, 10, 12, 13 с центром № 2 и плотностью 2.7.

Из матрицы коэффициентов «сходства» вновь вычеркиваются (или удаляются) строки и столбцы с номерами членов группы, включенных в подгруппу и группировка повторяется вновь (табл. 12).

Таблица 12

Матрица коэффициентов «сходства» до выделения третьей подгруппы

		Бр-ко	Гал-ян	Е-ус	Кр-ва	Мо-ла	Ст-ва	Че-ко	*Жу-ва	*Он-ко	подгруппСостав	Плотность
		4	**5**	**6**	**7**	**9**	**14**	**17**	**18**	**19**		
	Бр-ко										4,7	
	Гал-ян										5	
	Е-ус										6,17	
	Кр-ва										4,6,7,17	
	Мо-ла										9	
	Ст-ва										14	
	Че-ко										6,7,17	
	*Жу-ва										18	
	*Он-ко										19	

Теперь наиболее «плотной» оказывается подгруппа, включающая учащихся №№ 4, 6, 7, 17 с центром № 7 и плотностью 1.98.

Из матрицы коэффициентов «сходства» вновь вычеркиваются (или удаляются) строки и столбцы с номерами членов группы, включенных в подгруппу (табл. 13).

Таблица 13

Матрица коэффициентов «сходства» после выделения третьей подгруппы

		Гал-ян	Мо-ла	Ст-ва	*Жу-ва	*Он-ко	подгруппСостав	Плотность
		5	**9**	**14**	**18**	**19**		
	Гал-ян Мо-ла						5 9	
	Ст-ва						14	
	*Жу-ва						18	
	*Он-ко						19	

Очевидно, что процедура группировки должна быть завершена в связи с тем, что больше не удается обнаружить такие подгруппы, у которых «плотность» была выше единицы. Оставшиеся члены группы (№№ 5, 9, 14, 18, 19) должны рассматриваться как «самостоятельные», т.е. не включенные ни в одну из подгрупп члены группы.

Перестроенная с учетом результатов классификации новая социометрическая матрица дает наглядное представление о возможностях данного алгоритма классификации (табл. 14). В этой таблице четко видны выделившиеся подгруппы и самостоятельные члены группы, что можно сравнить с табл.8, где дан начальный вид социометрической матрицы.

Таблица 14

Социометрическая матрица, перестроенная после выделения подгрупп

		Б-хая	Кл-ко	Но-ва	Те-ко	Ха-га	Б-ус В.	Б-ус А.	Не-ай	Но-ян	Р-дь	Бр-ко	Е-ус	Кр-ва	Че-на	Гал-ян	Мо-ла	Ст-ва	*Жу-ва	*Он-ко
		1	**8**	**11**	**15**	**16**	**2**	**3**	**10**	**12**	**13**	**4**	**6**	**7**	**17**	**5**	**9**	**14**	**18**	**19**
1	Б-хая	1	1		1	1					1	1		1		1		1		
8	Кл-ко	1	1	1	1	1										1				
11	Но-ва	1	1	1	1	1							1	1	1			1		
15	Те-ко	1	1	1	1	1							1	1	1					
16	Ха-га	1	1			1									1			1		
2	Б-ус В.						1	1	1	1	1									
3	Б-ус А.						1	1	1								1			1
10	Не-ай						1	1	1	1	1									
12	Но-ян						1	1	1	1	1					1				
13	Р-дь						1		1	1	1									
4	Бр-ко	1	1	1	1	1						1	1	1	1		1	1		
6	Е-ус												1		1					
7	Кр-ва	1										1	1	1	1					

17	Че-на				1	1	1				1	1	1	1	1	1				
5	Гал-ян						1			1						1	1			
9	Мо-ла						1	1	1	1	1	1		1		1	1			1
14	Ст-ва	1				1						1		1	1			1		

Обращает на себя внимание тот факт, что члены выделившихся подгрупп связаны друг с другом не только прямо, но и опосредствованно. Практика применения данной процедуры группировки свидетельствует, что в подгруппы могут быть включены и те члены группы, которые отсутствовали при проведении обследования, но которые выбирались представителями своей группы.

В заключении описания метода выделения неформальных подгрупп следует обратить внимание на точность процедуры группирования людей. Как отмечает А.С. Горбатенко, любому алгоритму группировки присущи ограничения точности двух видов.

Неточности первого вида в процедуре группировки, по его мнению, являются следствием ограниченности концепции выделения подгрупп, положенной в основу создания алгоритма. Их нельзя считать собственно недостатками группировки, так как невозможно представить такую группировку, которая была бы полностью свободна от этих недостатков в связи с тем, что любая концепция выделения подгрупп учитывает не все, а только наиболее значимые факторы. В только что описанной процедуре группировки неточности этого вида обусловлены тем, что в качестве главного условия выделения подгрупп рассматриваются мнения (выборы) членов подгруппы. Если бы использовалась другая идея выделения подгрупп (например, на основе анализа лишь взаимных выборов), то процедуре группировки были бы присущи другие неточности.

Неточности второго вида относятся собственно к процедуре классификации. Точность классификации не может повышаться беспредельно, так что точность и содержательная сторона анализа при достижении некоторого предела становятся практически взаимоисключающими характеристиками [63]. Следовательно, точность классификации должна удовлетворять требованиям практики. Если с этой точки зрения подходить к оценке точности описанной классификации, то ее можно считать приемлемой.

Преимущество данного способа классификации перед другими состоит в том, что он является полностью формализованным методом выделения подгрупп в малых группах и соответствует требованиям, предъявляемым к алгоритмам группировки «без учителя», т.е. не нуждается в предварительном ограничении ни числа подгрупп, ни количества составляющих их членов.

Классификация оптимальна, поскольку позволяет выявить самый лучший вариант разбиения группы на подгруппы и определить наиболее плотные подгруппы. Предлагаемый алгоритм классификации легко реализовать в виде программы для обработки данных на ЭВМ, что и было сделано в нашем исследовании.

11.2. Изучение адаптирующего свойства малой группы и неформальных подгрупп

Одной из важных особенностей малой группы и неформальных подгрупп, характеризующей уровень их функционирования, является открытость по отношению к новому члену группы (реальному или потенциальному). Исследуя это свойство, можно сделать выводы не только об установке на потенциального нового члена группы, составить прогноз о его возможной дальнейшей адаптации, но и сделать более широкие выводы о наличии гуманных отношений, степени открытости малой группы внешней социальной среде, а неформальной подгруппы – другим, не включенным в нее членам. Степень открытости фактически отображает определенное отношение, что позволяет в целом оценить меру внешней интегративности-дезинтегративности группы и отдельных подгрупп.

Для изучения открытости (адаптирующего свойства) малой группы и неформальных подгрупп была использована (с некоторым дополнением) «Шкала открытости малых групп», разработанная в конце 1970-х гг. А.С. Горбатенко [55; 58]. (На настоящее время эта методика является единственной в нашей стране для изучения интересующей нас характеристики.) Нам пришлось модифицировать эту методику – внести изменение в инструкцию и дополнение в обработку результатов – чтобы можно было ее использовать не только ко всей группе, но к подгруппам, а также совокупности «самостоятельных» членов. Стимульный материал методики представлен в Приложении № 12 (**Опросник 2**).

При разработке этой методики А.С. Горбатенко исходил из положения о том, что малая группа, как своеобразный психологический субъект, может развиваться и, следовательно, каждой малой группе свойственен свой определенный уровень развития, характеризующийся различными групповыми параметрами (в данном случае, групповыми нормами, установками). У нас в стране эта идея активно разрабатывалась в рамках теории ДОМО. Напомним, что в соответствии с этой теорией социально-психологические закономерности, свойственные группам высокого уровня развития – коллективам, качественно отличаются от закономерностей, действующих в группах низкого уровня развития. Разработка указанной методики осуществлялось А.С. Горбатенко именно в русле теории ДОМО.

Если исходить из микрогрупповой концепции, то понятие «уровень развития» применимо не только к малой группе в целом, сколько к неформальным подгруппам этой группы, имеющим разный уровень развития. Одним из показателей их развития является содержание адаптирующего свойства, в зависимости от которого новичок может быть включен в какую-то микрогруппу или же не включен ни в одну из них.

Использование данной методики позволяет сравнить результаты исследования адаптирующего свойства отдельных подгрупп и совокупности «самостоятельных» членов групп, а также с соответствующими результатами малой группы в целом.

Шкала разрабатывалась А.С. Горбатенко на основе последовательного использования ряда процедур, включая разработанную им специальную процедуру кластерного анализа «без учителя», которая позволяла выделить группы пунктов методики, заранее не задавая ни количество возможных кластеров, ни количество возможных пунктов, которые могут войти в эти кластеры. Алгоритм этой процедуры тот же самый, что и для выделения неформальны подгрупп, описанный в предыдущей главе.

Благодаря кластерному анализу им было выделено три кластера пунктов методики, которые отражают три возможных типа установок членов группы по отношению к новичку:

1) Члены малой группы готовы взаимодействовать с новичком, авансируя ему антигуманные отношения (кластер «А») – №№ 3, 6, 9, 11, 14, - 16, 17, 20, 22, 24.

2) Члены малой группы готовы взаимодействовать с новичком, авансируя ему гуманные отношения (кластер «Б») – №№ 2, 4, 7, 8, 10, 12, 15, 18, 21, 23.

3) Члены малой группа отказываются от взаимодействия с новичком, безразличны к нему (кластер «В») – №№ 1, 5, 13, 19.

Перечисленные пункты методики по каждому из трех типов установок являются в то же время ключами к обработке результатов исследования.

Определенное соотношение выраженности этих установок позволяет оценить степень открытости группы, т.е. ее адаптирующего потенциала.

Результаты исследований показали, что наиболее «закрытой» по отношению к новичку является группа, безразличная по отношению к нему, не взаимодействующая с ним. В то же время, группа, взаимодействующая с новичком, «открыта» для адаптации новичка, но особенности «открытости» этих групп могут быть различными:

- группа может быть «открыта» и гуманна по отношению к новичку, то есть авансирует ему гуманное отношение;

- группа может быть «открыта» и антигуманна по отношению к новичку, то есть, принимая его в свою социальную структуру, отводит новичку самую низкую социальную роль, авансирует ему антигуманное отношение, в процессе адаптации требует от него или проявляет по отношению к нему чрезмерную или социально-деформированную активность.

Такие возможные типы установок по отношению к новичку были первоначально выделены и изучены применительно к малой группе в целом. Однако с позиции микрогрупповой концепции они могут или скорее должны рассматриваться применительно к неформальным подгруппам, а также совокупности «самостоятельных» членов группы.

Теперь обозначим обработку и интерпретацию полученных результатов по данной методике.

Каждый заполненный «Опросник 2» (см. Приложение № 12) обрабатывается следующим образом. Сначала для каждого члена малой группы, участвовавшего в обследовании, раздельно подсчитываются суммы

$\sum A$, $\sum Б$ и $\sum B$ ответов «Да» на те пункты, которые включены в кластеры «А», «Б» и «В». Затем для каждого заполненного бланка рассчитывается коэффициент Кi:

$$K_i = 10\sum Б - 10\sum A - 25\sum B \qquad (4)$$

где $\sum A$, $\sum Б$ и $\sum B$ - суммы ответов «Да» (или - зачеркнутых номеров) на те пункты, которые включены в кластеры «А», «Б» и «В».

Он характеризует представление данного члена группы о наличии гуманных отношений в их малой группе, которые являются неспецифическими, то есть практически не зависят от конкретных ситуаций и распространяются как на включенных в группу людей, так и на новичка, который «возможно будет включен в группу».

Дальнейшая обработка результатов состоит в том, чтобы вычислить коэффициент открытости K малой группы в целом. Этот коэффициент определяется как среднее арифметическое всех Кi членов малой группы.

Исходя из положений микрогрупповой концепции также необходимо рассчитать коэффициенты открытости каждой неформальной подгруппы и совокупности не включенных в них членов, которые определялись как среднее арифметическое всех Кi членов каждой подгруппы в отдельности и отдельно совокупности «самостоятельных» членов.

Стандартизация методики, проведенная в 1978 году, предполагала определение интервала возможных значений коэффициента открытости и зон нормы для групп разного уровня развития [56]. Для противоположных по уровню развития малых групп, участвовавших в обследовании, были получены нормативные данные (на 1978 год): а) для специально отобранных групп высокого уровня развития среднее значение коэффициента открытости $\overline{K}$ =+ 37, при средне-квадратичном отклонении $\delta = \pm 4$ балла; б) для групп низкого уровня развития (исправительно-трудовых групп) $\overline{K}$ = -11, при $\delta = \pm$ 7 баллов; в) для обычных (не отбиравшихся по специальным критериям) учебных групп, составляющих большинство школьных классов или студенческих групп $\overline{K}$ =26 при $\delta = \pm 6$ баллов. Эти значения можно рассматривать как границы вариации возможных коэффициентов открытости.

В результате проведения нами исследования в рамках микрогрупповой концепции (конец 1990-х гг.) были получены новые нормативные данные для учебных групп. По результатам обследования старших классов школ и студенческих групп (без специального отбора групп высокого или низкого уровня развития) оказалось, что $\overline{K}$ =5 при $\delta = \pm 17$ баллов. Иными словами, за прошедшие 20 лет установки в современных учебных группах стали ближе к установкам в исправительно-трудовых учреждениях 1978 года (разница составляет 15 баллов), чем к установкам учебных заведений 1978 года (разница составляет 22 балла). Необычайно высокое средне-квадратичное отклонение (17 баллов) свидетельствует о том, что в обследованных учебных группах имеются как группы с высоким положительным коэффициентом открытости, что было свойственно для учебных групп и раньше, так и

группы с отрицательным коэффициентом открытости, что было явно нехарактерно для учебных групп того времени. Отмеченная динамика установок учебных групп связана, вероятно, с динамикой норм всего российского общества.

Поэтому для оценки открытости малой группы во внимание принимались новые нормативные данные. Чем выше положительный K, тем более открыта группа для новичка, выражено ее положительное адаптирующее свойство, а чем выше отрицательный K, тем более закрыта группа и слабее ее адаптирующее свойство. То же самое относится и к показателям неформальных подгрупп, совокупности «самостоятельных» членов группы. Для подгрупп разных типов учебных групп были отдельно рассчитаны нормативные данные.

11.3. Исследование интегративных и дезинтегративных психологических характеристик малой группы и неформальных подгрупп

Методики исследования сплоченности

1) Методика расчета коэффициента групповой сплоченности на основе анализа межличностных выборов.

В настоящее время у нас в стране и за рубежом широко распространенным является мнение о том, что сплоченность малой группы определяется интенсивностью (частотой и временем) межличностных взаимоотношений в этой группе. Действительно, понимая сплоченность как одну из важнейших характеристик процесса групповой интеграции, благодаря которой малую группу, включающую определенное количество отдельных членов, можно рассматривать как единый объект, естественно считать, что проявлением такой интеграции является интенсивность внутригрупповой «жизнедеятельности» – взаимная заинтересованность, взаимное общение, взаимодействие. На практике для определения групповой сплоченности используется анализ взаимных социометрических выборов в малой группе. А именно, групповая сплоченность чаще всего определяется как частное от деления количества взаимных социометрических выборов на их теоретически возможное количество. Такой коэффициент сплоченности по межличностным выборам K вычисляется по формуле:

$$K_{смв} = \frac{2\sum(\sum A_{ij})}{N(N-1)} \qquad (5)$$

где A_{ij} - взаимный выбор i-го и j-го членов малой группы;

N - количество членов малой группы, принявших участие в исследовании.

Численные значения коэффициента сплоченности K могут изменяться в пределах от 0 до 1. Однако неоднократно отмечалось, что при определении коэффициента сплоченности K для реальных малых групп численные показатели такого коэффициента имеют низкие значения и изменяются, как пра-

вило, в довольно узких пределах – от 0.1 до 0.2 [159]. По результатам нашего исследования показатели сплоченности малых групп колебались в пределах от 0.03 до 0.29, хотя чаще всего попадали в интервал от 0.11 до 0.19.

Известны и другие методики расчета коэффициента сплоченности, которые не имеют существенного преимущества перед вышеуказанной. В связи с этим для определения сплоченности был выбран именно этот коэффициент. Предполагалось, что этот коэффициент сплоченности, имеющий, как известно, низкие значения для малых групп в целом, будет иметь очень высокие значения для неформальных подгрупп и низкие значения для не включенных в подгруппы членов малой группы. В исследовании расчет коэффициентов сплоченности осуществлялся следующим образом:

- проводилась социометрическая процедура, в результате которой выделялись неформальные подгруппы и не включенные в подгруппы члены малой группы;

- рассчитывались коэффициенты сплоченности для малой группы, всех неформальных подгрупп и для совокупности не включенных в подгруппы членов малой группы, что впоследствии позволяло сравнивать и анализировать эти коэффициенты.

Кроме того, было все же решено дополнительно произвести расчет сплоченности по взаимным выборам, но в отношении не к максимально возможному количеству выборов, а к числу всех сделанных выборов, включая односторонние. В этом случае коэффициенты сплоченности могут также варьировать в пределах от 0 до 1, но их показатели в конкретных малых группах будут выше, чем при определении сплоченности по первому способу. Это позволяет более дифференцированно рассматривать группы в зависимости от уровня их сплоченности.

Необходимо отметить, что значения данных коэффициентов дают возможность сравнивать сплоченность малой группы в целом, неформальных подгрупп и совокупности не включенных в подгруппы членов малой группы, но не позволяют содержательно раскрыть причины формирования сплоченных неформальных подгрупп в малых группах.

2) Методика определения мотивов объединения и сплоченности как сходства мнений членов малых групп и неформальных подгрупп.

Данная методика была специально разработана [60] для одновременного решения двух задач: а) для определения сплоченности группы, подгрупп и совокупности «самостоятельных» членов как ценностно-ориентационного единства; б) для изучения мотивов объединения людей в неформальные подгруппы. Стимульный материал представлен в Приложение № 12 (**Опросник 3**).

Проведенное пилотажное обследование среди школьников 11-х классов и студентов факультета психологии РГУ позволило сделать вывод о том, что 33 пункта опросника достаточно полно охватывают все возможные причины интеграции. А именно, во время опроса участников пилотажного обследования о полноте представленности в опроснике объединяющих интересов, причин, ими не было предложено ни одной другой дополнительной причины.

Во-первых, обработка результатов, полученных по данной методике, состояла в том, что для малой группы в целом, а также для каждой неформальной подгруппы и для совокупности не включенных в подгруппы членов рассчитывались введенные нами коэффициенты соответствия *К*, аналогичные коэффициентам корреляции, по формуле:

$$K = \frac{\sum_{ij=1}^{N} \sum_{p=1}^{33} \frac{2N_c^{ij} - N_{hc}^{ij}}{2N_c^{ij} + N_{hc}^{ij}}}{N(N-1)} \qquad (6)$$

где N_c^{ij} - совпадение выборов i-го и j-го членов по пункту методики;

N_{hc}^{ij} - несовпадение выборов i-го и j-го членов по пункту методики (отсутствие выборов у обоих членов не учитывалось);

N - количество членов малой группы, принявших участие в исследовании (неформальной подгруппы, совокупности «самостоятельных»).

Численные значения коэффициента сходства K могут варьировать в интервале от -1 до 1. Однако наличие отрицательных значений K создает определенные неудобства при статистической обработке результатов исследования. Поэтому исходные коэффициенты преобразовывались в шкалу иной размерности по формуле: $K_{цое} = \frac{K+1}{2}$ (7).

В этом случае значения коэффициентов могут колебаться от 0 до 1.

Для сравнения между собой сплоченности разных малых групп по каждой из них устанавливалась частота использования каждого пункта методики, в результате чего получались численные ряды, состоящие из 33 цифр, каждая из которых характеризует частоту использования соответствующего пункта методики. В дальнейшем эти числовые ряды групп сравнивались друг с другом с помощью вычисления рангового коэффициента корреляции.

Во-вторых, для каждой неформальной подгруппы определялись пять наиболее часто используемых пунктов опросника. Дальнейшая процедура обработки производилась в двух направлениях.

Первое связано с проведением сравнения основных мотивов объединения между разными неформальными подгруппами в каждой малой группе. Для этого проводилась индексация количества отличающихся мотивов подгрупп: «1» – отличие по одному мотиву, «2» – по двум мотивам, «3» – по трем мотивам, «4» – по четырем мотивам, «5» – отличие по всем пяти мотивам, «0» – сходство по всем пяти мотивам. По каждому из этих индексов рассчитывался процент отличий относительно общего числа отличий по всем индексам.

Второе направление связано с выявлением собственно содержательной стороны мотивов объединения людей в подгруппы. Для этого потребовалось провести расчет по всем подгруппам всех рассматриваемых групп частоты встречаемости того или иного мотива среди пяти наиболее общих для членов подгрупп объединительных мотивов, а далее – определить процент выбора каждого мотива относительно общего количества неформальных подгрупп.

Методика исследования идентификации, согласованности, референтности, конфликтности структурных компонентов малой группы

Для исследования положений, связанных с идентификацией, согласованностью действий, референтностью и конфликтностью неформальных подгрупп и «самостоятельных» членов малой группы, вполне достаточно использовать социометрические выборы по соответствующим критериям. Такие выборы позволяют выявить, какие отношения преобладают в неформальных подгруппах и среди не включенных в подгруппы членов группы. Для этого были сформулированы следующие социометрические критерии:

- выберите из вашей группы тех людей, с которыми у Вас имеется наибольшее сходство по внешнему виду, интересам, характеру или поведению;
- выберите из вашей группы тех людей, с которыми Вы стараетесь согласовывать свои действия;
- выберите из вашей группы тех людей, мнение которых по важным вопросам Вам было бы интересно знать;
- выберите из Вашей группы тех людей, с которыми у Вас сложились наиболее напряженные отношения.

Каждому члену группы предлагалось написать любое количество фамилий членов малой группы, которые соответствуют этим критериям (Приложение № 12 **Опросник 1**).

Обработка результатов проводилась отдельно для членов каждой неформальной подгруппы и для совокупности «самостоятельных» членов группы. В первом случае для каждой подгруппы рассчитывался процент выборов, приходящихся: а) на членов своей подгруппы; б) на членов других подгрупп; в) на членов малой группы, не включенных в подгруппы. Во втором случае определялся процент выборов, относящихся как к «самостоятельным» членам группы, так и к членам неформальных подгрупп.

Результаты позволяли выяснить:

- считают ли члены неформальных подгрупп, что такие процессы интеграции, как идентификация, согласованность действий, референтность, связаны со всеми другими членами малой группы или в основном с членами тех неформальных подгрупп, к которым они сами принадлежат;
- считают ли члены неформальных подгрупп, что такой процесс дезинтеграции, как конфликт (состоящий в возникновении напряженных отношений), связан с любыми другими членами малой группы или в основном с членами других подгрупп и с «самостоятельными» членами группы. (Следует отметить, что данная методика предназначена скорее для изучения межличностных противоречий, чем собственно конфликтов.)

По сути, данная методика позволяет выяснить, на кого возлагают ответственность за процессы интеграции и дезинтеграции члены малой группы, а точнее – в какой степени проявляются указанные интегративные и дезинтегративные параметры внутри неформальных подгрупп, между представителями подгрупп, среди «самостоятельных» членов группы.

11.4. Диагностика психологического статуса и вклада личности, стиля межличностных отношений

Психологический статус в нашем исследовании выражался двумя параметрами – социометрическим и лидерским статусом.

Социометрический статус очень часто используется в исследованиях малой группы для определения места, которое занимает в ней конкретный человек. Поэтому в данном исследовании он принимался в расчет, но рассматривались лишь случаи высокого статуса, так называемые социометрические «звезды». Такой статус определялся на основе нормативных данных (среднее значение и стандартное отклонение), составленных для каждой группы. Для каждого члена группы социометрический статус рассматривался в двух плоскостях: по оценкам всех выбравших его членов группы и по оценкам лишь представителей своей подгруппы, если он включен в подгруппу, или по оценкам совокупности всех «самостоятельных» членов, если он не включен ни в одну из подгрупп.

Для изучения социометрического статуса личности в малой группе в целом, неформальных подгруппах и совокупности «самостоятельных» членов использовался тот же самый социометрический критерий, который применялся для определения сплоченности по межличностным выборам: «Выберите из Вашей группы тех людей, которых Вы хорошо знаете и с которыми Вы чаще всего общаетесь, поддерживаете наиболее тесные отношения». В отечественной литературе указывается на то, что социометрический статус по своему содержанию не идентичен явлению лидерства, с чем нельзя не согласиться. В силу этого обстоятельства в исследовании рассматривалась и позиция лидерства.

Лидеры малой группы могут вносить не одинаковый вклад в общегрупповую деятельность. В одном значении речь идет о разной социальной направленности лидеров, на что часто обращалось внимание в отечественной психологии, например, в работах [220], [221]. Во втором значении бывают такие неформальные лидеры и даже руководители, которые вносят незначительный вклад в групповую деятельность чаще в силу того, что не обладают высоким профессионализмом.

Поэтому в качестве третьего показателя ведущей позиции личности в группе рассматривался вклад человека в групповую деятельность (во втором значении вклада).

Для изучения стиля межличностных отношений, лидерства и вклада личности в малых группах и неформальных подгруппах была использована методика, разработанная А.С. Горбатенко [55], [57] на основе личностного опросника «Интерперсональной диагностики» Т. Лири. В нашем исследовании эта методика интегрирована в метод определения неформальных подгрупп в малой группе. Стимульный материал и опросная сетка представлены в Приложении №13.

Используя на практике опросник «Интерперсональной диагностики», переведенной в свое время на русский язык [43], А.С. Горбатенко столкнулся

с тем, что она имеет определенные недостатки, один из которых – длительность экспериментальной процедуры. К примеру, в группе, состоящей из пяти человек каждый, оценивая себя и всех остальных, должен рассмотреть 640 личностных определений. Если же применить эту методику в малой группе, состоящей из 30 человек, то каждый, оценивая себя и всех других, должен будет рассмотреть 3840 личностных характеристик, что представляется практически невыполнимым.

Другой недостаток заключался в том, что некоторые личностные определения практически не использовались для самооценок и взаимных оценок. Существенно «загромождая» методику, они «не работали» в полной мере. Анализ частот использования пунктов методики показал также, что большинство пунктов второй половины опросника практически не используется. Одной из основных причин этого, по его мнению, является слишком подробное описание личностных качеств, составляющих каждую октанту. Это приводит к тому, что личностные качества членов группы оказываются достаточно хорошо описанными уже в первой половине методики. Если к тому же учесть, что при работе со второй половиной опросника возникает утомление, будет понятной низкая частота использования пунктов второй половины методики. Именно это послужило дополнительным аргументом к сокращению им методики, а не к переформулированию «неработающих» пунктов.

Стремясь сохранить многоаспектную структуру методики «Интерперсональной диагностики», А.С. Горбатенко исключил все диагностически малоценные пункты. Такие пункты были выявлены на основе процедуры кластерного анализа, экспертных оценок, определения «средней диагностической силы» пунктов методики.

В результате таких действий восьмиаспектная структура методики, отражающая концепцию многоуровневого диагноза Т. Лири, не подтвердилась. По сути дела, диагностическими реалиями, допускающими интерпретацию, являются только две обобщенные шкалы – лидерство-подчиненность и стиль отношений, а не восемь октант. Вследствие проделанной им работы, методика настолько далеко отошла от изначального варианта, что следовало бы говорить не об использовании им конкретных методических материалов, а об использовании идеи Т. Лири, состоящей в том, что психологический статус и стиль отношений являются важными и информативными характеристиками отношений в малой группе.

Однако при апробации методики им также было установлено, что две обобщенные шкалы, несмотря на их теоретическую и практическую значимость и информативность, не затрагивают существенного фактора, влияющего на структуру межличностных отношений, – вклада члена группы в групповую деятельность. Даже повседневные наблюдения показывают, что бывают такие члены группы, которые обладают высоким психологическим статусом, но совершают минимальный вклад в групповую деятельность и не обладают высоким профессионализмом, и наоборот. Поэтому дополнительно им была разработана шкала вклада в групповую деятельность.

1) Организация и процедура диагностики.

Каждому испытуемому выдаются бланки: «Опросник» и «Опросную сетку» (Приложение №13). Затем дается следующая инструкция:

«Возьмите в руки бланк «Опросная сетка». Вы видите на нем семь граф. Впишите в первую графу вашу фамилию. В остальные восемь граф Вы можете вписать фамилии членов вашей группы, которых Вы хорошо знаете и с которыми Вы чаще всего общаетесь, поддерживаете наиболее тесные отношения. Выберите таких людей и их фамилии впишите в соответствующие места опросных сеток. Если Вы выберете меньшее число людей, графы останутся незаполненными» (см.«Опросная сетка»)**.**

После того как испытуемые, участвующие в обследовании, впишут фамилии, им дается следующая инструкция:

*«Теперь возьмите в руки бланк «Опросник» и внимательно прочитайте инструкцию. С помощью этого опросника Вы должны оценить самого себя и тех людей, чьи фамилии Вы вписали в опросные сетки. В опроснике нет положительных или отрицательных качеств - каждое из указанных качеств по-своему хорошо. Поэтому старайтесь оценить выбранных Вами людей с максимальной объективностью»***.**

Опрос проводится не анонимно, так как фамилия каждого человека вписана в его первую опросную сетку. Если в первой опросной сетке фамилия не будет указана (и ее не удастся правильно восстановить), то впоследствии такой бланк исключается из дальнейшего анализа.

2) Обработка и анализ результатов диагностики.

Каждая заполненная опросная сетка делится вертикальными линиями на шесть равных частей. В первую часть включаются пункты 1, 2, 3, 19, 20, 21, во вторую – 4, 5, 6, 22, 23, 24, в третью – 7, 8, 9, 25, 26, 27 и т.д. Затем подсчитывается количество зачеркнутых пунктов для каждой из шести указанных частей.

Количество зачеркнутых пунктов для каждой из шести частей опросной сетки соответствует значениям коэффициентов А1, А2, А3, А4, А5 и А6. Значения коэффициентов А позволяют рассчитать величину коэффициентов *К1, К2* и *К3* по формулам:

К1 = А1 - А4, *К2* = А5 - А2, *К3* = А3 - А6,

где А1, А2, А3, А4, А5 и А6 - количество пунктов, зачеркнутых в каждой из шести частей опросной сетки.

Значения коэффициентов *К* характеризуют свойства выбранных членов группы.

Полученные значения коэффициентов *К* переносятся в заранее построенную социометрическую матрицу. Такая матрица может быть построена на основе традиционного способа или с использованием процедуры, описанной в параграфе «Методика определения неформальных подгрупп в малых группах».

Вместо единиц, характеризующих произведенные выборы, вписываются значения коэффициентов *К1, К2, К3.*

Последующая обработка заключается в подсчете общего числа выборов, полученных каждым участников обследования (коэффициент N). Подсчет ведется по столбцам социометрической матрицы (без учета самооценок), а полученные результаты вносятся в строку, расположенную в нижней части матрицы. Кроме этого, сначала по строкам рассчитываются средние значения *К1, К2, К3* (без учета значений *К1, К2 и К3* самооценки членов группы), округляются до целых чисел и заносятся в крайний правый столбец матрицы, а затем по столбцам социометрической матрицы округляются до целых чисел и заносятся в нижнюю строку матрицы. По средним значениям *К1, К2 и К3*, содержащихся в крайнем правом столбце матрицы, также рассчитываются соответствующие средние значения.

В дальнейшем проводится содержательный анализ самооценок и взаимных оценок учащихся в соответствии с коэффициентами *К1*, *К2* и *К3*. Значения этих коэффициентов могут варьировать от +6 до -6 баллов.

Коэффициент *К1* характеризует **лидерство-подчиненность** человека в малой группе. Высокие положительные значения (от +6 до +2 баллов) свидетельствуют о доминирующем положении человека в коллективе. Он умеет настоять на своем, обладает лидерскими качествами, независим, самостоятелен в суждениях и поступках, любит давать советы, деловит, инициативен, напорист. Высокие отрицательные значения (от -2 до -6 баллов) – свидетельствуют о подчиненном положении человека в коллективе. Он охотно, точно и быстро исполняет поручения, уступчив, покладист, охотно принимает советы, скромный, легко смущается, способен быть критичным к себе и признать свою неправоту, при решении различных вопросов часто прибегает к помощи других.

Коэффициент *К2* характеризует **стиль межличностных отношений** данного человека с одногруппниками. Высокие положительные значения (от +6 до +2 баллов) говорят о гибком, компромиссном стиле отношений, при котором данный человек оказывает продолжительное и стойкое воздействие на других членов группы. Он справедливо относится к другим, вежлив в обхождении, уравновешен, общителен, стремится ужиться с другими, тактичный, доброжелательный, дает возможность другим высказать свое мнение, уважительно, внимательно относится к людям. Высокие отрицательные значения (от -2 до -6 баллов) свидетельствую об агрессивном, негибком стиле отношений с людьми. Такой человек откровенно говорит о недостатках других, может быть несдержанным, не любит, чтобы его контролировали или давали ему советы, умеет сказать правду в глаза, прямолинейный, резковат в обхождении.

Коэффициент *К3* характеризует **вклад** человека в групповую деятельность. Высокие положительные значения коэффициента (от +6 до +2 баллов) говорят о том, что он умеет быстро принимать правильные решения, много знает и умеет, стремится предотвращать конфликты, способен коротко и убедительно излагать свои мысли, всесторонне оценивает ситуацию и состояние дел, к его мнению прислушиваются. Высокие отрицательные значения (от -2 до -6 баллов) свидетельствуют о том, что такой человек при оценке ситуации

увлекается одной из сторон проблемы, может всё хорошо сделать, но не в состоянии объяснить, при обсуждении важных проблем любит пошутить, в сложной ситуации выжидает, не принимая решения.

Высокие показатели по *К1, К2* и *К3* принимались в расчет только в том случае, если человека оценили не менее четырех членов группы, что позволяло избежать случайностей и неадекватности в оценивании.

Для каждого члена группы эти коэффициенты, а также социометрический статус отдельно рассчитывались два раза: по оценкам всех выбравших его членов группы и по оценкам лишь представителей своей подгруппы, если он включен в подгруппу, или по оценкам всех «самостоятельных» членов, если он не включен ни в одну из подгрупп.

Может возникнуть опасение, что высокие показатели членов подгрупп детерминированы положительной оценкой всех членов их подгрупп, а значит, некоторые члены подгрупп могут получать высокие показатели, характеризующие их как общегрупповых лидеров. Например, А.С. Чернышев и А.С. Крикунов отмечают, что в слаборазвитых группах ряд членов группы вопреки реальному положению дел указывают в числе наиболее влиятельных и авторитетных лиц, как правило, членов той «эмоциональной группы», т.е. подгруппы, в которую входят и они [221]. Однако при просмотре результатов, полученных по подгруппам, было обнаружено заметное количество таких, в которых давались отрицательные оценки членам своей подгруппы по лидерству и вкладу. Поэтому высказанное опасение не имеет под собой достаточных оснований в рамках данного исследования.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МАЛЫХ ГРУПП И НЕФОРМАЛЬНЫХ ПОДГРУПП В КОНТЕКСТЕ МИКРОГРУППОВОЙ КОНЦЕПЦИИ

Микрогрупповая концепция направлена на охват и объяснение широкого круга социально-психологических явлений и процессов, возникающих в малой группе. Отсюда вытекает относительно большое количество ее положений. Естественно, что в рамках одного исследования невозможно проверить все эти положения. Требуется проведение множества исследований, что потребует какого-то времени и усилия не одного специалиста. Поэтому в рамках проведенного эмпирического исследования, результаты которого представлены в данной части книги, проверке подвергнуты лишь некоторые из них.

ГЛАВА 12

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПОДГРУППЫ В МАЛОЙ ГРУППЕ

12.1. Представленность неформальных подгрупп в малой группе

Самое общее положение микрогрупповой концепции заключается в том, что во всех малых группах – как недавно образовавшихся, так и с опытом функционирования – имеются неформальные подгруппы, а также не включенные в них члены группы.

Задачи этого параграфа состоят в том, чтобы по материалам эмпирического исследования показать особенности социально-психологической структуры (пока что без отношений между ее компонентами) во всех группах и в конкретных типах групп, обозначить особенности представленности неформальных подгрупп в недавно созданных группах и в группах с опытом жизнедеятельности. В соответствие с этими задачами анализ результатов исследования (см. таблицы 15–18 и Приложение № 1) проводился в нескольких аспектах.

1) Рассмотрим группы с точки зрения наличия в них микрогрупп. В табл. 15 несложно увидеть, что из всех обследованных на первом этапе групп не было обнаружено ни одной, в которой вообще отсутствовали бы неформальные подгруппы. Примечательно то, что во всех недавно созданных малых группах (обследование проводилось через один месяц после их образования) уже были подгруппы. Кроме того, не установлена ни одна группа, где психологическая структура была бы представлена одной-единственной подгруппой. В то же время в некоторых группах встречается большое количество подгрупп – 9–10 (по 1.5% групп).

Таблица 15

Неформальные подгруппы в группах
(по всем экспериментальным группам 1-го исследования)

Количество подгрупп в группе	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Количество групп (%)	0	0	9.4	25	23.4	18.7	12.5	6.2	1.6	1.6	1.6

С точки зрения наличия того или иного числа подгрупп в малой группе, можно отметить, что обследованные группы значительно чаще включают в себя три (25% групп), четыре (23.4%), пять (18.7%) неформальных подгрупп. Такие данные созвучны результатам наблюдений некоторых авторов [221] за учебными группами, которые отмечают наличие в группах трех-пяти и более группировок. В значительной мере такие сходные результаты определяются тем, что в нашем исследовании большую часть объекта составляют также учебные группы и, что в обоих случаях рассматриваются группы примерно одинакового численного состава. В отличие от указанного исследования в нашем случае получены более точные данные относительно представленности в малых группах разного количества подгрупп, выявленных посредством строго формализованной процедуры.

Дополнительную информацию по этому вопросу даст сопоставление представленности неформальных подгрупп в недавно созданных группах и в тех же самых группах (табл. 16), которые прошли определенный период своего становления (шесть-восемь месяцев). В данном случае пришлось ограничиться лишь учебными группами – 10-е классы школы, группы средне-профессиональных учебных заведений и ВУЗов – так как по группам иного типа не было повторного исследования. Особенность такого сопоставления заключается в анализе только тех групп, которые участвовали в пролонгированном исследовании.

Таблица 16

Неформальные подгруппы в учебных группах
(по 1-му и 2-му исследованиям)

Количество подгрупп в группе	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Количество групп (%)	0 0	0 0	3.2 3.4	25 27.6	18.7 17.3	18.7 13.3	18.7 24.1	12.5 10.3	0 0	0 0	3.2 0

Примечание: цифра над чертой – показатель по 1-му исследованию, а под чертой – по повторному исследованию.

Видно, что как в недавно образовавшихся, так и с опытом функционирования группах имеются неформальные подгруппы, однако характер их представленности несколько отличается. Здесь надо обратить внимание на уменьшение численности групп, включающих пять подгрупп, и увеличение количества групп, состоящих из шести подгрупп. По остальным количествам подгрупп наблюдаются фактически идентичные показатели в двух исследо-

ваниях. Также следует отметить, что не только в недавно созданных, но и в имеющих опыт функционирования группах существует не менее двух неформальных подгрупп. Возможно, если бы «стаж» жизнедеятельности малых групп был более продолжительным, чем шесть-восемь месяцев, то была бы выявлена несколько иная закономерность. Так, в данном исследовании объектом изучения выступали студенческие группы не только первых, но и более старших курсов: от вторых до пятых. Однако многие из них были исключены из анализа в силу относительно большого количества людей, не участвовавших в обследовании. Было оставлено всего три группы второго и две группы третьего курсов, что явно недостаточно для установления роли большего временного фактора в возникновении количества подгрупп в малой группе.

2) Проведем анализ психологической структуры малых групп, которая рассматривалась в трех позициях: а) количество людей, включенных и не включенных в подгруппы; б) количество подгрупп с различным численным составом; в) количество членов группы, включенных в подгруппы с различным численным составом.

Первоначально обратимся к результатам первого исследования (табл. 17).

Таблица 17
Социально-психологическая структура групп
(по всем экспериментальным группам 1-го исследования)

Социально-психологическая структура										
Численный состав подгрупп	2	3	4	5	6	7	8	9	10	«0»
Количество подгрупп в группах (%)	41.7	29.8	10.5	14	2.2	1	0.4	0.4	--	--
Численность людей включенных в подгруппы (%)	13.6	17.2	6.2	15.7	1.8	2.7	0.2	0.2	--	42.4

Такой ракурс анализа позволяет увидеть, что 57.6% членов группы включены в подгруппы и, соответственно, 42.4% людей не входят ни в одну подгруппу (в таблице – графа «0»). Надо сказать, что эти результаты имеют очень усредненный характер, так как в разных конкретных группах наблюдается (см. Приложение № 2) вариация количества включенных в подгруппы людей. Например, по данным первого исследования в школьных классах, верхние и нижние количественные границы людей, входящих в подгруппы, составляют 90.5% и 30.5% от общей численности членов группы, а в армейских взводах – 92% и 16%. Конечно, это крайние варианты при не столь значительном разбросе показателей большинства групп.

Попытаемся связать полученные результаты с ранее проводившимися исследованиями. В данном случае можно лишь сослаться на исследование А.С. Горбатенко и Т.М. Горбатенко [59]. Изучая в 1980-х гг. группы старше-

классников, они установили, что 88% учеников являлись включенными в микрогруппы. Данное расхождение результатов (57.6% и 88%) можно попытаться объяснить различием исследовавшихся групп, в частности, выражающимся в разном уровне их сформированности. В отличие от указанного исследования в нашем случае рассматривались не только относительно устойчивые по составу школьные классы, переформированные на базе девятых классов, но и абсолютно новые по своему составу учебные группы – группы 1-го курса техникумов и вузов. Если устранить из нашего анализа такие типы групп и оставить лишь старшие классы школ (Приложение №1, табл. 1 и 2), то количество включенных в микрогруппы людей также составит 57.6%. Однако и в этом случае наблюдается заметное расхождение (в 30%) результатов этих двух исследований. Поэтому остается фактически единственное объяснение данного факта, связанное со спецификой общественных условий, в контексте которых функционировали учебные группы, изучавшиеся в этих исследованиях. Исследование А.С. Горбатенко и Т.М. Горбатенко проводилось еще в период советского общества с принципиально иной идеологией и иными социально-экономическими условиями, чем те, в которых осуществлялось данное исследование (вторая половина 1990-х гг.). Отсюда можно заключить, что в период построения социализма в нашем обществе школьники были сильнее включены в неформальные подгруппы, чем на этапе его капиталистического развития. Первая часть такого заключения может показаться несколько странной, так как в педагогике и психологии советского времени была достаточно четкая общая установка (за исключением малочисленных исследований отдельных авторов) на то, что учебный коллектив должен представлять собой единое целое, а наличие в нем неформальных группировок расценивалось как негативное явление. Вторая часть заключения выглядит более естественной, так как, например, согласуется с общепринятым взглядом на то, что в капиталистическом обществе преобладает индивидуалистическая направленность людей в отличие от социалистического, для которого более характерна коллективистическая ориентация. Отсюда, возможно, и меньшее количество современных школьников, включенных в подгруппы.

Далее обратимся к вопросу о количестве в группах подгрупп с различным численным составом. В табл. 17 видно, что в группах преобладают диады (41.7% от всего количества подгрупп) и часто встречаются триады (29.8% подгрупп). К следующему условному блоку (по частоте встречаемости микрогрупп) относятся неформальные подгруппы, состоящие из четырех (10.5%) и пяти (14%) человек. Третий блок включает реже всего образовывавшиеся подгруппы с численностью от шести до девяти человек. Подгруппы с численным составом большим, чем в девять человек, не имели места.

Сопоставим эти результаты с показателями имеющихся исследований, где предметом изучения выступали подгруппы. Так, по данным А.В. Киричука преобладающее большинство подгрупп в учебных группах состоит из двух-пяти человек [94; 95]. Хотя им не дается уточнение по микрогруппам с различным численным составом, такие данные в общих чертах совпадает с

полученными нами результатами, в том числе отдельно выделенными для учебных групп 10-х и 11-х классов (см. Приложение № 1, табл. 1 и 2). В уже упоминавшейся работе [59] указывается установленный процент микрогрупп ко всему возможному диапазону их количественного состава (на группах старшеклассников). В ней приведены несколько иные показатели, которые отражают большую представленность в группе неформальных подгрупп с составом от пяти до десяти человек и значительно меньшую – диад и триад.

Следующий вопрос касается количества членов группы, включенных в подгруппы с различным численным составом. Здесь установлена несколько иная закономерность, которая к тому же имеет более плавный характер, чем в случае с количеством подгрупп с различным численным составом. Большее количество членов подгрупп включено в триады (17.2% от всех членов группы), микрогруппы с численностью пять человек (15.7%) и диады (13.6%) и в. В 2–2.5 раза меньше людей входит в группы, состоящие из четырех человек (6.2% от всех членов группы), и ничтожно мало – в более многочисленные неформальные подгруппы.

Результаты такого аспекта анализа неформальных подгрупп можно сопоставить с данными исследования, проведенного Р.Б. Гительмахером [51]. Он выявил количество людей, входящих в микрогруппы разной численности: три человека – 41% людей, четыре – 19% людей, пять – 5.5%, шесть – 0.5%. Однако полноценное сравнение затруднено в силу нескольких обстоятельств. Не известен критерий, по которому испытуемые делали выборы, метод, который применялся для выделения неформальных подгрупп, и что очень важно, численный состав изучавшихся производственных групп. Последнее обстоятельство касается и различия в объекте исследования: указанный автор изучал производственные группы, тогда как в нашем исследовании преобладающий объем занимают учебные группы.

Теперь, опираясь на результаты табл. 18, перейдем к сопоставлению представленности неформальных подгрупп в недавно созданных и в относительно сформированных (время функционирования шесть-восемь месяцев) учебных группах. Хотя исходная диспозиция такого анализа во многом имеет формальный характер, им не следует пренебрегать. Собственно о динамике психологической структуры группы речь будет идти в следующем параграфе и последней главе.

Мы ограничимся только учебными группами – 10-ми классами школы, группами средне-профессиональных учебных заведений и ВУЗов – так как среди групп иного типа не проводилось повторное исследование. Особенность такого сопоставления заключается в анализе только тех групп, которые участвовали в пролонгированном исследовании.

Таблица 18

Социально-психологическая структура учебных групп (по 1-му и 2-му исследованиям)

Социально-психологическая структура										
Численный состав подгрупп	2	3	4	5	6	7	8	9	10	«0»
Количество подгрупп в группах (%)	42.7 40.7	28.3 32.7	9.8 13.3	14.5 10.6	2.3 0.9	1.4 1.8	0.5 0	0.5 0	--	--
Численность людей включенных в подгруппы (%)	13.2 15.6	14.4 16.2	7.4 8.5	14.4 10.6	2.5 0.6	2.9 1.4	0.5 0	0.5 0	--	44.2 47.1

Примечание: цифра над чертой – показатель по 1-му исследованию, а под чертой – по повторному исследованию.

Продолжительность функционирования групп не оказывает существенного влияние на количество в них подгрупп с различным численным составом. Время функционирования групп также не играет решающую роль в количестве членов группы, включенных в разночисленные подгруппы.

В первом и втором исследованиях по всем группам обнаружены практически идентичные средние значения количества людей включенных в подгруппы (соответственно 55.8% и 52.9%), что могло бы свидетельствовать об отсутствие значения времени функционирования групп для данного параметра их психологической структуры. Однако в повторном исследовании показатели конкретных групп сосредоточены около среднего значения более плотно, чем в первом исследовании. Так, дисперсия результатов первого исследования составляет SD =278, а повторного – SD =156. И в том и в другом случае распределение имеет вид нормального (по асимметрии и эксцессу). Поэтому можно сделать уточнение, а именно: по мере функционирования групп происходит снижение различий между ними по количеству включенных в подгруппы людей.

Трудно сказать, какая была бы получена картина, если бы разница между двумя исследованиями составляла не шесть-восемь месяцев, а, скажем, два года.

3) Рассмотрев особенности психологической структуры экспериментальных групп в целом, перейдем к выяснению ее специфических особенностей в группах разного типа. Для этой цели придется обращаться к результатам, представленным в Приложении № 1 (табл. 1–6).

В первом исследовании рассматривались 10-е и 11-е школьные классы, группы средне-профессиональных учебных заведений (в дальнейшем – техникумы), студенческие группы вузов, армейские подразделения, группы коммерческих фирм. В повторном обследовании не принимали участие 11-е классы (за исключением одной группы), армейские подразделения и группы коммерческих фирм.

Во-первых, начнем с меры включенности членов групп в неформальные подгруппы. По результатам первого исследования установлено, что

больше всего по численности в подгруппы входят сотрудники коммерческих организаций (80.5% людей). Возможно, это связано с тем, что, с одной стороны, численный состав таких групп меньше, чем в других типах рассматриваемых групп, а с другой стороны, количество самих этих групп было очень малым, в силу чего возникает вопрос об информативности результатов отдельно по данному типу групп. По остальным типам групп следует отметить большую включенность в подгруппы учащихся школьных классов (57.6%) и студентов (57.9%), а меньшую – представителей армейских подразделений (38.8%). По повторному исследованию можно отметить лишь некоторое увеличение, по сравнению с 1-м исследованием, «самостоятельных», т.е. не включенных в подгруппы, членов студенческих групп (на 6%).

Во-вторых, по количеству людей, включенных в неформальные подгруппы разного численного состава, можно сказать, что в диады больше входит учащихся техникумов (21.6% учащихся), а в триады – сотрудников фирм (42% людей) и учеников 10-х классов (19.6% учеников). Сотрудники фирм (27%) и школьники 11-х классов (22.5% учащихся) больше, чем представители других типов групп, образуют подгруппы численностью в пять человек. Расчет коэффициентов корреляции Пирсона показал, что по количеству людей, входящих в микрогруппы того или иного численного состава, половина рассматриваемых типов групп существенно различаются между собой, так как полученные коэффициенты не являются статистически значимыми. Надо сказать, что использование в данном случае корреляционного анализа дает огрубленное представление о сходстве-различии типов групп, так как количество элементов в коррелируемых рядах является малым. Это надо иметь в виду и по отношению к третьему аспекту рассматриваемого вопроса.

Сопоставляя результаты повторного исследования с первым, можно заметить, что в каждом типе групп наблюдается, хотя не столь существенное, возрастание количества людей, включенных в подгруппы с одним численным составом, и уменьшение количества людей в подгруппах с другим численным составом.

Корреляционный анализ, проведенный по результатам этого замера, свидетельствует о том, что все анализируемые типы групп значимо не различаются межу собой. На основе этого можно предположить, что по мере функционирования групп стираются различия между ними по количеству людей, включенных в неформальные подгруппы разного численного состава.

В-третьих, с точки зрения количества подгрупп в группах, прежде всего надо указать на явное преобладание диад в группах техникума (60% всех подгрупп) по сравнению с другими типами групп, и на наименьшее число таких микрогрупп в группах фирм (22%) и 11-х классов (25%). В то же время триады значительно чаще встречаются в группах фирм (56%). Микрогруппы численностью в пять человек занимают значительную долю в социально-психологической структуре 11-х классов (31.2%) и групп фирм (22%). Микрогруппы иной численности не вносят столь заметных различий между сопоставляемыми типами групп. Если брать в целом распределение разных по численности подгрупп в группах, то корреляционный анализ не позволил

установить различий между типами групп, так как все коэффициенты оказались статистически значимыми.

От первого ко второму обследованию, т.е. спустя шесть-восемь месяцев после образования групп, наибольшие изменения произошли в группах ПУ: сильно сократилось количество диад (33.3% вместо 60%) и в тоже время значительно увеличилось количество триад (33.3% вместо 21.5%), подгрупп из четырех человек (29.2% вместо 4.6%). В других типах групп также наблюдались некоторые изменения, но не столь яркие.

Кроме того, как и в первом исследовании, корреляционный анализ не выявил различий между типами групп по данному параметру их социально-психологической структуры.

Завершая данный параграф, отметим, что во всех малых группах – как недавно созданных, так и с опытом функционирования – имеются неформальные подгруппы, причем не менее двух.

Более половины членов группы включены в подгруппы. В группах намного чаще встречаются три-шесть неформальных подгрупп. Среди неформальных подгрупп почти в половине случае имеют место диады, а также часто встречаются триады.

В малых группах разного типа имеются специфические особенности их социально-психологической структуры, на которую оказывает некоторое влияние время жизнедеятельности малой группы. Дополнительно этот вопрос будет рассмотрен в главе, посвященной динамике подгрупп.

12.2. Параметры группы и неформальные подгруппы

Задача этого параграфа заключается в рассмотрении связи между некоторыми параметрами малой группы, с одной стороны, и количественными характеристиками неформальных подгрупп, с другой.

В качестве параметров малой группы рассматривались: численный состав, сплоченность по межличностным выборам, ценностно-ориентационное единство как сплоченность. Сплоченность по взаимным межличностным выборам оценивалась в отношении не к максимально возможному количеству выборов, а к числу всех сделанных выборов, включая односторонние. Это предопределялось фактами многочисленных исследований разных авторов, в том числе и наших, которые показывают, что коэффициент сплоченности, определяемый в отношении теоретически возможного количества взаимных выборов, имеет ограниченные рамки варьирования и, следовательно, не позволяет на должном уровне дифференцировать группы по уровню их сплоченности.

Среди количественных характеристик неформальных подгрупп во внимание принимались: количество подгрупп в группе, количество диад (в %), количество членов группы, входящих в подгруппы (в %). Отдельно были выделены диады, так как они чаще встречаются в группах по сравнению с более многочисленными подгруппами.

Для оценки связей между обозначенными параметрами группы и характеристиками подгрупп использовался ранговый корреляционный анализ по Спирмену. Средние значения и стандартные отклонения по перечисленным параметрам и характеристикам представлены в Приложении №2.

Результаты первого исследования позволили установить взаимосвязи между не всеми, а некоторыми параметрами и характеристиками, причем взаимосвязи, имеющие общие и отличительные особенности в разных типах групп.

1) Связь между численностью групп и количеством в них подгрупп выявлена в школьных классах (r_s =0.64, p<0.01) и группах техникумов (r_s =0.78, p<0.01). Такая прямая связь позволяет говорить о том, что с увеличением численности групп происходит увеличение в них количества микрогрупп. Это согласуется с наблюдениями некоторых авторов, включая А.С. Макаренко.

2) Связь между численностью групп и количеством в них диад проявилась в группах техникумов (r_s =0.80, p<0.01). Она является прямой и, следовательно, дает возможность утверждать: увеличение численности групп сопровождается увеличением в них количества диад.

3) Связь между сплоченностью группы по межличностным выборам и количеством в ней неформальных подгрупп установлена в школьных классах (r_s = -0.56, p<0.01). Отрицательный коэффициент корреляции говорит о том, что между двумя этими характеристиками существует обратная связь, т.е. увеличение количества подгрупп приводит к уменьшению сплоченности группы в целом, а снижение числа подгрупп – к усилению сплоченности группы. Выходит, что лишь сам факт количества неформальных подгрупп, даже безотносительно к особенностям их взаимодействия, может являться весомым фактором сплоченности группы.

4) Связь между сплоченностью групп по межличностным выборам и количеством в них диад обнаружена в школьных классах (r_s = -0.62, p<0.01) и армейских подразделениях (r_s = -0.69, p<0.01). Как и в предыдущем случае, мы наблюдаем обратную связь между этими переменными: увеличение количества диад в малых группах приводит к уменьшению ее сплоченности.

В повторном исследовании, когда группы имели опыт жизнедеятельности не менее полугода, принимались во внимание лишь данные по школьным классам, так как количество студенческих групп (8) и групп техникумов (6) является недостаточным для проведения корреляционного анализа. В школьных классах установлена связь между численностью групп и количеством в них неформальных подгрупп (r_s =0.76 при p<0.01).

Существенная связь между ценностно-ориентационным единством и теми или иными количественными характеристиками неформальных подгрупп не установлена.

Таким образом, можно отметить две явные тенденции:

- увеличение численности малой группы сопряжено с увеличением количества неформальных подгрупп в ней (включая диады);

- увеличение количества неформальных подгрупп в малой группе приводит к уменьшению ее сплоченности (это относится к сплоченности по межличностным выборам и не затрагивает ценностно-ориентационного единства).

ГЛАВА 13

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МАЛОЙ ГРУППЫ И ЕЕ СТРУКТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ

13.1. Мотивы объединения членов группы в неформальные подгруппы

С позиции микрогрупповой концепции анализ мотивов объединения людей в малой группе не является адекватным, так как получается слишком обобщенная характеристика группы. Поэтому необходимо анализировать мотивы объединения людей в неформальные подгруппы.

Члены группы объединяются в подгруппу на основании не одного, а нескольких мотивов одновременно, являющихся общими для большинства из них. Разные подгруппы одной и той же группы имеют не только специфические, но могут иметь и схожие по содержанию мотивы. Объединение людей в неформальные подгруппы и взаимоотношение в них происходит не только на сугубо эмоционально-экспрессивной основе, но и на основе различных параметров инструментального свойства.

В теории ДОМО одним из предметов изучения являлось мотивационное ядро выбора в межличностных отношениях, которое рассматривалось с точки зрения уровня развития группы. В проводившихся исследованиях фиксировалось мотивационное ядро выборов по каждому члену группы в отдельности и на основе суммаций индивидуальных мотиваций давалась усредненная характеристика группы в целом. Такой анализ проводился вне связи с неформальными подгруппами. Данный подход выглядит несколько странно, так как за изучением мотивации выборов и самих непосредственных выборов должен осуществляться выход на подгруппы, которые и возникают-то на основе определенных мотивов членов группы и в результате их межличностных предпочтений. В противном случае анализ прерывается на половине пути. Можно сказать, что изучение мотивационного ядра выбора с позиции группы в целом не является оправданным, так как в любом случае оно автоматически должно переводиться в область неформальных подгрупп.

В частности, результаты нашего исследования показали, что мотивы объединения сходны для различных учебных групп. Так, средние значение коэффициента корреляции частот выбора мотивов для различных учебных групп составляет 0.8 (минимальный коэффициент – 0.5). Иными словами, в разных группах большинство учащихся называют одинаковые мотивы,

которые объединяют их с другими членами группы. Например, чаще всего отмечаются такие мотивы как «учеба» – 71% учащихся, «отдых (вечеринка, дискотека, кафе и т.д.)» – 58%, «личные проблемы» – 49%, «общие знакомые» – 47 %, «давнее знакомство» – 41%; «будущая учеба или профессия» - 39%. Возникает обобщенная характеристика учебной группы, в которой российские учащиеся, как и все учащиеся в мире, больше всего интересуются учебой, вечеринками, личными проблемами и т.д. и немного интересуются политикой, религией, национальными традициями, наркотиками и коллекционированием.

Однако такое представление о мотивах, объединяющих учащихся, противоречит как результатам психолого-педагогических наблюдений, так и результатам рассмотрения учебных групп с точки зрения наличия в них неформальных подгрупп и отдельных, не включенных в неформальные подгруппы учащихся. Может быть, что в одной учебной группе почти 100% учащихся, включенных в определенную неформальную подгруппу, основным объединяющим их мотивом считают учебу, почти 100% учащихся, включенных в другую неформальную подгруппу, основным объединяющим их мотивом считают совместное проведение времени, а почти 100% учащихся, включенных в другие, небольшие по составу неформальные подгруппы, основным объединяющим их мотивом считают курение, спиртные напитки. Такой подход к пониманию мотивации подтвердился в данном исследовании. Очевидно, что педагогическое воздействие на учащихся, объединенных мотивами вечеринок или спиртных напитков, должно быть совершенно другим, чем педагогическое воздействие на учащихся, объединенных мотивами учебы, несмотря на то, что и те и другие учащиеся являются членами одной учебной группы. Игнорирование сложной структуры учебных групп (как и любых других малых групп) приводит к неоправданному усреднению результатов исследования объединяющих мотивов, а также любых других социально-психологических характеристик малых групп.

С теоретической точки зрения такой подход отталкивается от представления об однородной структуре малых групп и не рассматривая неформальные подгруппы как структурные единицы малой группы, а с практической точки зрения он не позволяет осуществить «индивидуальный» и эффективный подход к психологическому воздействию на малую группу как к «точечному» воздействию на определенные подгруппы.

Также не однократно отмечалось, что объединение членов малой группы в неформальные подгруппы чаще осуществляется на основе не одного, а одновременно нескольких признаков (в том числе мотивов, интересов). Когда речь идет об институализированной группе, то одним из мотивов объединения людей может быть тот, который связан с основной социальной функцией группы (например, учебная деятельность в школьных классах, студенческих группах). Кроме того, говорилось, что в разных подгруппах существуют не только специфические, но и одинаковые объединительные признаки (мотивы). Поэтому возникает задача рассмотрения различий и

сходства мотивов, интересов, ценностных ориентаций, лежащих в основании объединения людей в разные микрогруппы.

В данном исследовании будут рассмотрены интересы, ценности людей в качестве мотивов их объединения в неформальные подгруппы. Использованная методическая процедура не дает абсолютно точного представления о мотивах объединения, так как предполагает для всех испытуемых заранее заданный стандартный перечень интересов, ценностей. В этом случае некоторые уникальные мотивы не могли быть выявлены и зафиксированы. Однако такое ограничение, существенно важное для психодиагностических целей, вполне приемлемо для целей научного исследования.

Анализ мотивов объединения людей в подгруппы будет преимущественно проводиться по линии формализованного сопоставления их различия и сходства между подгруппами. В дальнейшем еще придется вернуться к проблеме мотивов объединения людей, но уже в контексте динамики подгрупп.

1. Рассмотрим вариабельность мотивов, лежащих в основе объединения людей в разные подгруппы. Для решения этой задачи были проанализированы результаты только тех групп, которые принимали участие в первом и повторном исследованиях. В каждой подгруппе каждой малой группы были выделены 5 из 33 возможных мотивов объединения людей, которые являются наиболее общими для всех членов подгруппы. В половине неформальных подгрупп пять таких мотивов характерны для 70–100% членов подгруппы, что соответствуют положению об объединении людей в подгруппы на основании не одного, а нескольких мотивов одновременно.

В дальнейшем в каждой группе проводилось сопоставление мотивов каждой подгруппы со всеми остальными. В процессе такой процедуры определенным образом индексировалось количество отличающихся мотивов подгрупп: «1» – отличие по одному мотиву, «2» – по двум мотивам, «3» - по трем мотивам, «4» – по четырем мотивам, «5» – отличие по всем пяти мотивам, «0» – сходство по всем пяти мотивам. После этого по каждому индексу рассчитывался процент отличий относительно общего числа отличий по всем индексам. Обозначенная процедура применялась к результатам первого и повторного исследований, а ее обобщенные данные представлены в табл. 19.

Таблица 19

Отличие мотивов объедения людей в разные подгруппы
(в % различий между подгруппами)

Этапы исследования	**Индексы различий по пяти ведущим мотивам**					
	0	***1***	***2***	***3***	***4***	***5***
1 этап	0.5	11.3	27.7	36.4	17.4	6.7
2 этап	1.3	8.4	28.8	33.2	26.1	2.2

Несмотря на стандартизированный перечень мотивов и их обобщенную формулировку, предельно ограниченное количество принимаемых во внимание мотивов (всего пять), полученные результаты позволяют уверенно гово-

рить о наличии не только общих, но и специфических особенностей мотивации объединения людей в разные подгруппы. Так, процент сходства между подгруппами по всем пяти мотивам составляет ничтожно малый показатель – 0.5% в первом и 1.3% в повторном исследованиях. В сумме с отличием по одному мотиву он имеет 11.8% в первом и 9.7% во втором обследованиях. Процент же полного (различие по всем пяти мотивам) и крайне близкого к нему (различие по четырем мотивам) отличия в совокупности составляет 24.1% в первом и 28.3% в повторном исследованиях.

Надо сказать, что некоторые малые группы заметно разнятся по уровню сходства и отличия мотивов объединения их членов в подгруппы. Приведем в качестве примера процент отличий по каждому индексу двух учебных групп, обследованных на 1-м этапе. Группа «Ш3» (шесть подгрупп): «0» - 0%, «1» – 0%, «2» – 13.4%, «3» – 20%, «4» – 33.3%, «5» – 33.3%. Группа «В46» (пять подгрупп): «0» – 10%, «1» – 40%, «2» – 40% , «3» – 10%, «4» - 0%, «5» – 0%. Как видно, эти две группы существенно отличаются между собой - в первой группе подгруппы значительно сильнее различаются по мотивам объединения в них людей, чем во второй группе.

2. Обратимся к содержательной стороне мотивов объединения людей в неформальные подгруппы. С этой целью проводился расчет частоты встречаемости по всем подгруппам всех рассматриваемых групп того или иного мотива среди пяти наиболее общих для членов подгрупп объединительных мотивов. Были использованы результаты, полученные в тех же группах, что и в предыдущем случае. После этого определялся процент выбора каждого мотива относительно общего количества неформальных подгрупп. Эти данные представлены в Приложении №3. В нем отдельно указаны результаты по сохранившимся и распавшимся к концу учебного года подгруппам. По этим двум типам подгрупп мы определили среднее значение для каждого из мотивов.

Получается, что в качестве объединительных мотивов чаще всего для членов многих подгрупп выступают: «учеба» – 72% всех подгрупп, «личные проблемы» – 48%, «отдых» – 43%, «общие знакомые» – 35.5%, «будущая учеба или профессия» – 32.5%, «музыка» – 31.5%. В то же время можно отметить некоторые своеобразные мотивы, которые также являются объединительными, хотя встречаются гораздо реже. Например, «обсуждение знакомых», что можно расценивать как своего рода сплетничание – 13% всех подгрупп, «шутки над другими», что граничит со злословием – 9%.

3. В литературе, где затрагивается проблематика подгрупп в малой группе, иногда указывается на специфические особенности диад и более многочисленных по составу подгрупп. Поэтому необходимо рассмотреть особенности мотивов (интересов), по которым происходит объединение людей в такие разные по численности подгруппы.

По результатам, представленным в Приложении №4, можно заметить отличие диад и более многочисленных подгрупп по некоторым мотивам. Однако оно не является существенным, чтобы можно было говорить о некоторой тенденции.

Таким образом, по данным результатам можно отметить некоторые особенности объединительной мотивации.

Анализ мотивов объединения людей с позиции малой группы в целом не является целесообразным с теоретической и практической точки зрения, так как получается обобщенная, усредненная характеристика группы, а мотивы объединения оказываются сходными для различных групп. Это связано с ошибочной исследовательской установкой об однородной структуре малых групп, с тем, что не учитывается сложная социально-психологическая структура группы – наличие разных, отличающихся между собой подгрупп, а также «самостоятельных» членов.

Члены группы объединяются в неформальную подгруппу на основании не одного, а нескольких мотивов одновременно, являющихся общими для преобладающего большинства из них.

В 3/4 всех неформальных подгрупп учебных групп, которые были недавно созданы, одним из ведущих объединительных мотивов выступает социальная функция групп – учебная деятельность. Этот результат подтверждает идеи о том, что неформальная подгруппа образовывается на основе не только эмоциональных, но и инструментальных признаков, что подгруппа часто является ключевым звеном реализации групповой деятельности (одна из функций подгруппы).

Значительную долю в наблюдавшемся сходстве мотивов составляют неспецифические мотивы – «учеба», «личные проблемы», «отдых». Если исключить из анализа мотив «учеба» и наполнить конкретным содержанием остальные доминирующие мотивы, то существенно возрастут различия между неформальными подгруппами по мотивам, объединяющим их членов.

Между диадами и более многочисленными подгруппами не отмечаются принципиальные отличия по интересам, которые являются источниками объединения людей в подгруппы.

К сожалению, в данном исследовании не были четко выделены и рассмотрены очень важные мотивы объединения людей в подгруппы, тесно связанные с некоторыми социально-психологическими функциями подгрупп для членов группы. Речь идет о прагматическом мотиве, основанном сугубо на принципе рациональной выгоды (материальной, психологической, физической), мотиве получения психологической поддержки, мотиве непосредственной межличностной симпатии.

13.2. Интегративные характеристики малой группы и неформальных подгрупп

13.2.1. Сплоченность

В соответствии с одним из положений микрогрупповой концепции сплоченность отдельных неформальных подгрупп, определяемая какими-то

методами, значительно выше, чем сплоченность малой группы в целом или совокупности «самостоятельных» членов, измеряемая теми же методами.

В данной работе рассматривались две разновидности сплоченности: по межличностным выборам (СМВ) и ценностно-ориентационное единство (ЦОЕ). Определение СМВ с помощью социометрической процедуры получило, пожалуй, самое широкое распространение за рубежом и в нашей стране. Поэтому невозможно было не включить эту разновидность в исследование, в котором использовались две процедуры ее определения. ЦОЕ было выделено и изучено при разработке теории ДОМО, а затем вышло за ее пределы и активно использовалось в различных прикладных исследованиях в нашей стране, что тоже предопределило ее выбор для анализа сплоченности в контексте микрогрупповой концепции.

Проанализируем результаты изучения сплоченности в двух плоскостях. Во-первых, обозначим особенности сплоченности разных типов малых групп, что, в общем-то, является традиционным подходом к ее анализу и не дает ничего принципиально нового в приросте накопленных знаний. Будем рассматривать это как своего рода дань традиции и прелюдию ко второй плоскости анализа. Во-вторых, сопоставим сплоченность малых групп, с одной стороны, и неформальных подгрупп, «самостоятельных» членов группы, с другой, что позволит по-иному взглянуть на проблему сплоченности группы. В-третьих, рассмотрим плотность как показатель сплоченности неформальных подгрупп.

1. Определение степени сходства между сплоченностью разных типов малых групп осуществлялось на основе сравнения средних значений с помощью t-критерия Стьюдента. Уровень сплоченности групп дополнительно оценивался с помощью нормативных данных, полученных по всем экспериментальным группам в первом исследовании: для СМВ – $\bar{x}$=0.45, σ=0.11 и для ЦОЕ – $\bar{x}$=0.39, σ=0.06. Следует отметить, что в этом аспекте анализа СМВ определялась по реальным, а не теоретически возможным выборам, иначе полученные показатели не позволяют дифференцировать многие группы по данному параметру (они абсолютно или почти идентичны). Средние значения и стандартные отклонения по сплоченности каждого типа групп представлены в табл. 20. Однако они таковы, что если буквально придерживаться их, то фактически ни один тип группы не может быть с абсолютной точностью отнесен к низкой или высокой сплоченности. Это является следствием невысокой дифференцирующей возможности и такого способа оценки – по односторонним межличностным выборам – сплоченности группы.

Таблица 20

Сплоченность по межличностным выборам и ценностно-ориентационное единство малых групп

Тип групп	**Числовые характеристики**	
	сред.значен.	**станд.откл.**
Первое исследование		
Школа –10 кл.	0.5/0.34	0.08/0.04
Школа –11 кл.	0.48/0.39	0.09/0.06

Школа -10,11	0.49/0.36	0.08/0.05
Техникум	0.34/0.42	0.17/0.11
ВУЗ	0.48/0.36	0.01/0
Фирма	0.51/0.43	0.13/0.07
Армия	0.43/--	0.18/--
Повторное исследование		
Школа –10 кл.	0.5/0.36	0.07/0.06
Техникум	0.37/0.33	0.17/0.09
ВУЗ	0.44/0.33	0.06/0.1

Примечание: цифра перед чертой – показатель по сплоченности в межличностных выборах, за чертой – по ЦОЕ.

Сравнение средних значений результатов, полученных в первом исследовании (исключая фирмы из-за их малочисленности), показало статистически значимое различие между СМВ: а) школьных 10-11-х классов вместе взятых и групп техникумов (t=2.76 при $p<0.05$), б) студенческих групп и групп техникумов (t=2.44 при $p<0.05$). Показатели средних значений таковы, что СМВ групп техникумов ($\bar{x}=0.34$) находится на грани низкой, а школьных классов ($\bar{x}=0.49$) и студенчески групп ($\bar{x}=0.48$) имеет тенденцию к высокой. В повторном исследовании не выявлено статистически значимых различий между СМВ разных типов групп и ее уровень в них сохранился практически на прежнем уровне. Это может означать лишь одно: разные группы принципиально не отличаются между собой по СМВ и в процессе их функционирования оно не изменяется. Но так ли это на самом деле? Данный факт заставляет задуматься о надежности данного способа определения сплоченности малой группы, его дифференцирующей способности, особенно если используется процедура оценки взаимных выборов.

Сравнение средних значений ЦОЕ разных типов групп не выявило статистически достоверных различий ни в первом, ни в повторном исследованиях. Кроме того, коэффициент корреляции между ценностными ориентациями всех учебных групп без различия их типов, о чем говорилось в предыдущем параграфе, в среднем составил 0.8, а минимальный коэффициент был не менее 0.5.

Если обратиться к показателям стандартного отклонения, то они настолько малы, что в раках каждого типа групп фактически невозможно четко различать группы по уровню их СМВ и ЦОЕ.

2. С точки зрения микрогрупповой концепции интерес представляет прежде всего сплоченность неформальных подгрупп, а сплоченность малой группы должна рассматриваться через взаимосвязь, взаимоотношения не только между индивидами, но прежде всего между подгруппами.

Проведем сравнительный анализ сплоченности малой группы, каждой подгруппы в отдельности и совокупности «самостоятельных» членов группы. Обратимся к Приложению №5 (табл. 1 и 2), где по каждой группе указаны коэффициенты СМВ и ЦОЕ: группы в целом, каждой неформальной подгруппы и совокупности «самостоятельных» членов. В отличие от предыдущего анализа результатов в данном случае СМВ оценивалась по отношению

к теоретически возможному количеству взаимных выборов. Это, с одной стороны, позволяло более четко очертить разницу между сплоченностью группы и неформальными подгруппами, а с другой стороны, было продиктовано тем фактом, что показатель сплоченности, определяемый по реальным выборам, в подавляющем большинстве подгрупп оказывался максимально высоким (равным 1).

Из Приложения №5 (табл. 1) отчетливо видно, что показатели СМВ малых групп являются в целом низкими и варьируют в пределах от 0.03 до 0.33. Однако в подавляющем большинстве показатели групп концентрируются в интервале от 0.11 до 0.19. Если рассмотреть по типам групп, то средний коэффициент СМВ в школьных классах равен 0.17, в группах техникумов – 0.12, студенческих группах – 0.13, отделах фирм – 0.25, армейских подразделениях – 0.12.

В то же время коэффициенты СМВ неформальных подгрупп находятся в пределах от 0.33 до 1. Причем подавляющее большинство неформальных подгрупп (79%) имеет очень высокий показатель – от 0.8 до 1, тогда как крайне незначительная часть микрогрупп (8.9%) имеют коэффициент СМВ в пределах от 0.33 до 0.5.

Не было установлено ни одного случая, когда показатель СМВ какой-то подгруппы был меньше показателя группы. Кроме того, можно наблюдать и тот факт, что есть группы, сплоченность которых низкая или даже очень низкая, а сплоченность практически всех ее микрогрупп – максимально высокая, т.е. равная 1.

Во всех группах коэффициенты СМВ совокупности «самостоятельных» членов являются такими же низкими, как и показатели самих групп в целом. В одних группах они очень близки (встречается чаще всего), в других коэффициент сплоченности совокупности «самостоятельных» членов заметно превышает общегрупповой показатель, а в третьих, наоборот, общегрупповой коэффициент СМВ выше такого же коэффициента категории «самостоятельных». Однако ни в одном случае показатель СМВ какой-то подгруппы не был меньше показателя совокупности не включенных в подгруппы членов.

Таким образом, были получены сильные отличия показателей СМВ малых групп и подгрупп, подгрупп и совокупности «самостоятельных» членов.

Перейдем к сравнительному анализу ЦОЕ малой группы и неформальных подгрупп, «самостоятельных» членов группы (Приложение №5, табл. 2). Коэффициенты ЦОЕ малых групп колеблются в пределах от 0.25 до 0.55. Что касается средних значений ЦОЕ разных типов групп, то они представлены в табл. 20.

Показатели ЦОЕ неформальных подгрупп варьируют в значительно более широких границах: от 0.17 до 1, и в некоторых случаях оказываются ниже общегруппового. Однако количество микрогрупп, чей показатель равен или превышает показатель группы, к которой они принадлежат, составляет 84% от общего числа подгрупп всех малых групп. Кроме того, численность подгрупп, коэффициент ЦОЕ которых превышает 0.55, составляет 47% от общего количества подгрупп, а численность подгрупп, коэффициент ЦОЕ кото-

рых превышает коэффициент свой группы более чем в два раза, составляет 20%.

Следует отметить и то, что в подавляющем большинстве групп коэффициент ЦОЕ совокупности «самостоятельных» членов фактически такой же, как и коэффициент группы в целом. Можно указать лишь на пять групп, где различие равнялось или превышало значение 0.1 (группы Ш17, Ш20, В43, В46, Ф53). Кроме того, количество подгрупп, показатель ЦОЕ которых равен или превышает показатель совокупности «самостоятельных» членов своих групп, составляет около 90% от общего числа подгрупп всех малых групп.

Следовательно, мы также наблюдаем отличия показателей ЦОЕ малых групп и подгрупп, подгрупп и совокупности «самостоятельных» членов, хотя не столь разительные, как в случае с СМВ. Наличие подгрупп, чей показатель ЦОЕ ниже общегруппового, в общем-то не противоречит микрогрупповой концепции. Напомним, что образование подгруппы не обязательно происходит на основе взаимного сходства мотивов, интересов, ценностей абсолютно всех ее представителей. Объединение людей в подгруппы может зависеть не столько от сходства их жизненных ценностей, сколько от непосредственных симпатий друг к другу. Формирование подгруппы в повседневной жизни нередко осуществляется на основе не полной связанности каждого со всеми остальными, а в результате объединения какого-то количества людей вокруг одного-двух членов группы. В этих случаях, естественно, может и не наблюдаться высокого ЦОЕ подгруппы. Напомним также, что математическая процедура, использованная для выделения неформальных подгрупп, полностью релевантна таким вариантам их возникновения. Она основывается на фиксации не взаимных выборов (хотя и это учитывается), а на мнениях членов подгруппы (их выборов), на том, что каждый член малой группы рассматривался как «центр» образования возможной подгруппы и для него определялся такой состав подгруппы, при котором подгруппа была наиболее «плотной». Следовательно, в такой процедуре фиксируются не только непосредственные (взаимные) связи, но и опосредованные. При таком подходе нет ничего удивительного в том, что в некоторых выделенных микрогруппах могут наблюдаться невысокие значения ЦОЕ. Кстати говоря, данное понимание возникновения микрогрупп и математический метод их выделения хорошо согласуются и с тем фактом, что не абсолютно во всех микрогруппах показатель СМВ является предельно высоким, т.е. равным 1.

С другой стороны, некоторое влияние на снижение коэффициентов ЦОЕ подгрупп могла оказывать особенность процедуры их расчета – определение сходства выбранных элементов (всего 33), т.е. ценностей, мотивов в индивидуальных рядах. Естественно, что испытуемые выбирали из них ограниченное количество. В этом случае небольшая вариация в выборах ценностей членами малочисленных подгрупп (особенно диады) ведет к резкому снижению коэффициента их ЦОЕ. Если бы во внимание принималась лишь ограниченное количество ценностей, интересов, то, безусловно, были бы получены несколько иные показатели, о чем свидетельствует анализ ре-

зультатов по пяти мотивам объединения людей в подгруппы, представленный в предыдущем параграфе.

3. Традиционные способы определения сплоченности малой группы (как и само понимание сплоченности) часто являются неэффективными применительно не только к группе в целом, но и к ее неформальным подгруппам. Так, процедура расчета СМВ не достаточно адекватна по отношению к подгруппам и не позволяет дифференцировать многие из них. То есть 70% обследованных подгрупп имеют максимально возможный коэффициент СМВ (равен 1), а 79% подгрупп имеют показатель от 0.8 до 1. Поэтому подавляющее большинство подгрупп являются идентичными по данному параметру сплоченности.

Для того чтобы определить качество выделенных неформальных подгрупп, была использована мера D, по смыслу близкая к понятию плотности, используемому в физике [54]. Ее величина зависит от двух переменных: числа членов подгруппы и степени сходства между «центральным» и наиболее «удаленным» (несходным с центральным) членом подгруппы. Надо сказать, что в литературе встречается, но по отношению к группе в целом, термин «плотность». Например, его используют В.В. Шпалинский [235], С.А. Будасси [38] для обозначения сплоченности группы. Однако они вкладывают в него совершенно иной смысл и применяют иное его методическое измерение. Фактически плотность представляет собой ЦОЕ по оценке качеств лидера группы (В.В. Шпалинский) или этических категорий (С.А. Будасси). В разных своих работах применительно к одной и той же реалии первый автор употребляет то термин «плотность», то «ценностно-ориентационное единство».

Корреляционный анализ не выявил статистически значимую связь между плотностью, с одной стороны, и СМВ, ЦОЕ подгрупп, с другой, ни в первом, ни в повторном исследовании, что позволяет расценивать введенную характеристику как достаточно автономную.

По результатам данного исследования величина плотности D неформальных подгрупп варьирует в пределах от 1.05 до 6.67. Если она равна или меньше 1, то невозможно говорить о наличии подгруппы. Следует напомнить, что критическая величина «плотности», равная единице, обусловлена тем, что плотность «подгруппы», состоящей из одного человека, равна единице. Поэтому нет смысла присоединять к этому человеку еще одного человека (или большее количество людей) и образовывать неформальную подгруппу, если в результате «плотность» такой подгруппы снизится и станет меньше единицы. Верхняя же граница плотности D теоретически может быть выше того значения, которое было установлено на данной экспериментальной выборке.

Вместе с тем было бы правильнее рассматривать верхние и нижние количественные границы плотности, составлять нормативные данные по ней применительно к подгруппам с различным численным составом, что и было сделано в данном исследовании.

Завершая этот подпараграф**,** сделаем некоторые выводы. Обозначенное в самом начале положение микрогрупповой концепции полностью подтверждается: сплоченность отдельных неформальных подгрупп, определяемая какими-то методами, значительно выше, чем сплоченность малой группы в целом или совокупности «самостоятельных» членов, измеряемая теми же методами. Это наиболее ярко проявляется в отношении сплоченности по межличностным выборам (СМВ), чем по ЦОЕ.

Кроме того, были получены дополнительные данные. Традиционный подход к определению сплоченности малой группы по взаимным межличностным выборам обладает слабой дифференцирующей возможностью, дает усредненную, а значит, малоинформативную характеристику сплоченности группы.

Сложившаяся в социальной психологии ситуация относительно методов исследования сплоченности определяется общим пониманием природы сплоченности как характеристики взаимосвязи того или иного содержания каждого члена группы со всеми остальными или с группой в целом. В таком понимании данного феномена вообще не отводится места неформальным подгруппам. Если в содержание сплоченности группы ввести подгруппы и характер отношений между ними, то тогда действительно можно адекватно анализировать сплоченность группы в целом. Однако для этого требуется разработка соответствующего инструментария, который бы позволял учитывать определенный спектр переменных.

Метод измерения сплоченности малой группы по межличностным выборам недостаточно надежен и для оценки сплоченности неформальной подгруппы, так как не обладает высокой дифференцирующей возможностью и не релевантен в полной мере сущности ее возникновения и функционирования. Наиболее адекватным показателем сплоченности неформальной подгруппы является ценностно-ориентационное единство, а также введенная характеристика – ее плотность.

Многие неформальные подгруппы различаются прежде всего по ценностно-ориентационному единству, что можно рассматривать как разные уровни их развития по данному параметру.

13.2.2. Идентификация

В соответствии с одним из положений микрогрупповой концепции, идентификация более выражена между представителями одной и той же неформальной подгруппы, чем по группе в целом, между представителями разных подгрупп или среди «самостоятельных» членов группы. «Самостоятельные» члены чаще идентифицируются с представителями подгрупп, чем с такими же, как и они, не включенными в подгруппы членами.

Другие положения концепции по феномену идентификации фиксируют различия по межличностной, микрогрупповой и групповой идентификации, влияние особенностей взаимодействия группы с внешней средой на проявле-

ние различных форм идентификации. К сожалению, методический инструментарий позволял фиксировать лишь межличностную идентификацию, а кроме того, не давал возможности варьировать и учитывать условия функционирования малой группы. Так как преимущественным объектом изучения являлись учебные группы, то, учитывая их специфику, можно предполагать, что их жизнедеятельность протекает в обычных условиях. Тем не менее проверить эти положения оказывается невозможным на данном этапе исследования.

Таким образом, во внимание принималась лишь идентификация на межличностном уровне. Например, когда речь идет о подгруппах, предметом анализа являлась межличностная идентификация, но не рассматривалась идентификация индивидов со своей подгруппой. Анализ результатов исследования идентификации, а также согласованности действий, референтности и конфликтности проводился отдельно для каждой неформальной подгруппы и для совокупности «самостоятельных» членов группы. В первом случае для каждой микрогруппы рассчитывался процент выборов, приходящихся на членов своей подгруппы, других подгрупп, «самостоятельных». Во втором случае определялся процент выборов, относящихся как к «самостоятельным» членам группы, так и членам подгрупп.

Напомним, что процедура измерения этих социально-психологических характеристик основана на выявлении мнения членов группы и, по сути, позволяет выяснить, на кого возлагают ответственность за процессы интеграции и дезинтеграции члены малой группы, а точнее, в какой степени проявляются указанные характеристики внутри неформальных подгрупп, между представителями подгрупп, среди «самостоятельных» членов группы, между «самостоятельными» членами и представителями подгрупп.

Поэтому алгоритм анализа результатов по всем этим социально-психологическим характеристикам будет одинаков. Надо сказать, что из анализа были исключены те подгруппы, чья плотность (D) была слишком низкой – менее 1.5. Подгруппы с такой плотностью, скорее всего, являются крайне неустойчивыми, а следовательно, временными и непоказательными.

Обсуждение данных исследования идентификации структурных компонентов малой группы будет осуществляться в нескольких аспектах: а) установление процента выборов представителей разных структурных компонентов по критерию «идентификация» и их сопоставления; б) выявление зависимости идентификации от численного состава подгрупп; в) определение связи между ценностно-ориентационным единством, плотностью подгруппы и взаимоидентификацией ее представителей; г) установление связи между идентификацией и референтностью.

Результаты по всей выборке представлены в табл. 21–23, а по каждой группе – в Приложении №6.

1. В табл. 21 видно, что члены неформальных подгрупп чаще идентифицируют себя с представителями своих подгрупп (64.9% и 65.6% выборов), чем с представителями иных подгрупп (16.4% и 13.8%) или с «самостоятельными» членами (18.7% и 20.6%).

Таблица 21

Идентификация и социально-психологическая структура группы
(средние значения % выбора членов группы)

Члены подгрупп			**«Самостоятельные» члены**	
с представителями своей подгруппы	с представителями других подгрупп	с «самостоятельными» членами группы	с представителями подгрупп	с «самостоятельными» членами
64.9 65.6	16.4 13.8	18.7 20.6	65.5 63.5	34.4 36.5

Примечание: цифра над чертой – показатель по 1-му исследованию, под чертой – по повторному исследованию.

То, что полученные результаты по идентификации внутри подгрупп не оказались максимально высокими, не противоречит микрогрупповой концепции. Во-первых, объединение людей в подгруппы может быть основано не только на их полной взаимосвязи, взаимном сходстве мотивов и интересов абсолютно всех их представителей («децентрализованный» тип подгруппы), но и на группировании вокруг одного-двух человек («централизованный» тип подгруппы). В последнем случае внешне фиксируемая межличностная идентификация внутри подгрупп будет менее заметна, хотя на самом деле она имеет опосредованный характер. (Если отдельно взять диады, то можно говорить о возможном различии между мотивами объединения и стремлением к идентификации с конкретными людьми.) Во-вторых, важную роль в идентификации должны играть ключевые мотивы объединения, не все из которых, к сожалению, фиксировались в исследовании. Так, если некоторые члены подгруппы рассматривают членство в ней чисто из прагматических соображений (принцип выгоды), то вряд ли можно говорить о какой-то идентификации их с другими членами этой подгруппы, да и вообще с другими членами группы. В-третьих, объектом исследования в основном являлись учебные группы, чья жизнедеятельность протекает, как правило, в обычных условиях. В таких условиях не слишком ярко проявляется идентификация внутри подгрупп.

Если рассматривать «самостоятельных» членов группы, то они в два раза чаще идентифицируются с представителями подгрупп (65.5% и 63.5% выборов), чем с такими же, как и они, не включенными в подгруппы членами (34.4% и 36.5%). Это говорит об их большей направленности, ориентации на подгруппы, желании быть включенными в них.

Как в первом, так и повторном исследовании были получены фактически одинаковые показатели. Однако это еще не значит, что время функционирования группы не оказывает никакого влияния на идентификацию внутри подгрупп. В одной из последующих глав будет рассмотрен вопрос об особенностях идентификации в устойчивых, т.е. сохранившихся, и в распавшихся подгруппах в процессе функционирования малой группы.

Уточняющую информацию об особенностях идентификации членов подгрупп может дать выявление не вообще всех сделанных ими выборов, а

только тех, которые являются преобладающими относительно какой-то одной категории членов группы: «представители своей подгруппы», «представители других подгрупп», «самостоятельные члены». В данном случае рассматривались только те подгруппы, члены которых сделали 70–100% выборов относительно какой-то одной из перечисленных категорий (табл. 22). Это позволяло сделать анализ более концентрированным.

Таблица 22
Социально-психологические характеристики и подгруппы с наибольшим количеством межличностных выборов (количество подгрупп в %)

Социально-психологические явления	**Члены подгрупп**		
	с представителями своей подгруппы	с представителями других подгрупп	с «самостоятельными» членами группы
Идентификация	50 48	4.3 4.6	4.3 3.1
Согласованность	46 47	2.8 4.1	2.3 2.7
Референтность	23 23	9 2.4	4 4.9

Примечание: а) цифра над чертой – показатель по 1-му исследованию, под чертой – по повторному исследованию; б) рассматриваются подгруппы, члены которых сделали более 70% выборов по идентификации, согласованности, референтности.

Результаты в табл. 22 убедительно показывают почти абсолютное преобладание идентификации членов подгрупп с представителями своих подгрупп (50% и 48% подгрупп) над идентификацией их с членами других подгрупп (4.3% и 4.6%) и с «самостоятельными» членами (4.3% и 3.1%). Эти же результаты говорят о том, что есть подгруппы, в которых идентификация по количеству людей приближается к 100%, но есть и подгруппы с очень низким процентом выборов внутри них. Следовательно, можно говорить о разном уровне развития неформальных подгрупп по данной интегративной характеристике.

2) Вполне вероятно, что идентификация внутри подгрупп может зависеть от их численного состава. Поэтому рассмотрим возможную зависимость между этими двумя параметрами. Необходимость решения такой частной задачи определяется и дополнительными обстоятельствами. С одной стороны, это установленная в исследовании неравномерная представленность в мАлых группах подгрупп с разным численным составом: преобладание диад (41% всех подгрупп), значительная доля триад (29.8%) и намного меньший удельный вес подгрупп с большим количеством людей. С другой стороны, в социальной психологии давно ведется дискуссия о нижних количественных границах малой группы – два или три человека, указывается даже на специфические особенности триады по сравнению с более многочисленными группами. Думается, что данная проблема может иметь отношение не только к

группе в целом, но и к неформальным подгруппам. Поэтому идентификация между представителями подгруппы рассматривалась отдельно по диадам, триадам и подгруппам, чья численность составляла четыре и более человек (табл. 23).

Таблица 23
Социально-психологические характеристики подгрупп
с различным численным составом
(средние значения % выбора членов своей подгруппы)

Социально-психологические явления	**Подгруппы**		
	диада	триада	4 и более чел.
Идентификация	47/56.5	62.7/59.2	71.8/72.3
Согласованность	50.8/61.3	63.2/62.8	73.2/70.9
Референтность	29.5/42.6	47/48.5	60.4/56.3

Примечание: цифра перед чертой – показатель по 1-му исследованию, за чертой – по повторному исследованию.

По результатам в табл. 23 видна закономерность, которая заключается в том, что по мере возрастания количества людей в подгруппах происходит увеличение числа их членов, идентифицирующихся друг с другом. Она более отчетливо обнаруживается в первом исследовании: в диадах – 47% идентифицирующихся членов подгрупп, в триадах – 62.7%, в подгруппах из четырех и более человек – 71.8%. Кстати говоря, сравнение этих средних значений позволило установить статистически значимую разницу между уровнем идентификации в диадах и триадах ($t=2.61$, $p<0.05$), диадах и подгруппах с составом четыре и более человек ($t=4.77$, $p<0.01$).

В повторном исследовании не наблюдается различия по идентификации между диадами (56.5% членов подгрупп) и триадами (59.2%), но они значимо отличаются по этому параметру от более многочисленных подгрупп (72.3%).

Если сопоставить между собой результаты первого и повторного исследования, то можно отметить лишь увеличение количества идентифицирующихся людей в диадах (47% – в первом и 56.5% – в повторном исследовании). В связи с этим можно отметить некоторую роль самого по себе временного фактора в функционировании диад.

Следует отметить, что выявленная закономерность является несколько неожиданной, так как логично было бы предположить обратный ее характер, в частности, более высокий процент взаимоидентифицирующихся членов диад. Вполне возможно такое объяснение этой закономерности: с ростом численности микрогруппы увеличивается вероятность появления в ней тех людей, с которыми человек действительно хотел бы (осознано или неосознано) идентифицироваться. Но возможно и иное объяснение. Подгруппа более многочисленная, чем диада или даже триада, создает в группе в целом ощу-

щение ее «силы». На основе этого принадлежность человека к подгруппе повышает у него чувство уверенности и собственной силы, а значит, предопределяет и большую его идентификацию с ней (позитивная микрогрупповая идентичность), а через это с отдельными ее членами.

Кроме того, средний показатель по диадам (47%), в которых существуют взаимные межличностные выборы, наводит на мысль о том, что прямые предпочтения людей в общении и в идентификации являются несколько различными явлениями, которые могут совпадать и несовпадать между собой. Однако это зависит от ряда промежуточных факторов, которые еще предстоит рассмотреть и в этом параграфе, и в главе, посвященной динамике неформальных подгрупп.

3. Можно предположить, что межличностная идентификация внутри неформальных подгрупп зависит не только от их численного состава, но и от иных переменных, например, от таких интегративных качеств, как ЦОЕ и плотность. Сплоченность по межличностным выборам не рассматривалась, так как ее показатели для большинства подгрупп были равны максимальному значению – 1, что лишало всякого смысла включать ее в анализ.

Для проверки этого частного предположения был проведен корреляционный анализ между показателями идентификации внутри подгрупп и каждой из перечисленных разновидностей их сплоченности. Учитывая заметное отличие между подгруппами разной численности по параметру идентификации, а также различные нормативные данные по плотности подгрупп разной численности, такой анализ проводился отдельно для диад и для более многочисленных подгрупп.

Относительно диад была установлена статистически достоверная прямая связь между показателями (процент выборов) идентификации внутри подгрупп и их плотностью (r_s=0.39, p<0.1), а также ЦОЕ (r_s=0.42, p<0.01). Это означает, что высокая мера плотности микрогруппы или ее ЦОЕ сопряжены с высоким показателем идентифиции ее членов друг с другом, и наоборот. Однако, если быть до конца корректным, то сложно сказать на основе лишь корреляционного анализа, что из них является причиной, а что – следствием. Учитывая то, что группировка людей осуществлялась по межличностным выборам в общении, а не наоборот, по их идентификации, можно лишь условно говорить о влиянии плотности и ЦОЕ на идентификацию, так как возможно и обратное влияние.

Среди триад и более многочисленных подгрупп установлена связь лишь между показателями идентификации внутри подгрупп и их плотностью (r_s=0.3, p<0.1). Содержание этой связи такое же, как и в предыдущем случае, т.е. чем выше плотность подгруппы, тем больше ее членов идентифицируются друг с другом, а не с какими-то другими членами группы.

Надо отметить, что данная связь была выявлена по результатам первого исследования. Думается, что если бы были проанализированы показатели повторного исследования, то она была бы более выраженной.

4) Можно предположить также и прямую связь между идентификацией и референтностью. Для этого проверки этого предположения был произве-

ден расчет коэффициента корреляции между показателями (процент выборов) по идентификации и референтности внутри подгрупп. Такая процедура осуществлялась отдельно для диад и более многочисленных подгрупп.

Проведенный анализ позволил установить статистически значимую связь между рассматриваемыми характеристиками: в диадах – $r_s=0.56$ ($p<0.01$), в более многочисленных подгруппах – $r_s=0.38$ ($p<0.01$).

Как видно, выявленные прямые связи свидетельствуют о том, что в подгруппах повышение числа взаимоидентифицирующихся членов сопряжено с увеличением количества взаимореферентных лиц, хотя трудно сказать о причинно-следственной связи. Любопытный факт: в диадах мера связи оказывается значительно выше, чем в более многочисленных подгруппах, хотя в них слабее (по количеству взаимоидентификаций) проявляется сама по себе идентификация.

Таким образом, члены подгрупп чаще идентифицируют себя с представителями своих подгрупп, чем с другими членами группы – представителями других подгрупп, «самостоятельными» членами. Это подтверждает выдвинутое предположение. Однако в подгруппах разной численности эта тенденция имеет свои особенности. Она сильнее выражена в триадах и особенно в более многочисленных подгруппах. Этого нельзя сказать в отношении диад, хотя в них, в отличие от более многочисленных подгрупп, увеличивается количество идентифицирующихся людей в процессе жизнедеятельности группы.

В случае большого сходства выборов по критерию идентификации наблюдается и несравнимо большее количество подгрупп, члены которых идентифицируют себя с представителями своей подгруппы.

Неформальные подгруппы отличаются между собой по уровню межличностной идентификации, а следовательно, по данному аспекту их развития.

Идентификация внутри неформальных подгрупп в значительной мере связана с их сплоченностью – прежде всего плотностью, а также ценностно-ориентационным единством. Увеличение сплоченности подгруппы сопряжено с большим числом взаимоидентификаций внутри нее.

«Самостоятельные» члены группы гораздо чаще идентифицируют себя с представителями подгрупп, чем с такими же, как и они, не включенными в подгруппы членами, а значит, сильнее выражена их ориентация на подгруппы.

Между межличностной идентификацией и референтностью членов подгруппы существует прямая связь, сильнее выраженная в диадах, чем в более многочисленных подгруппах.

В дальнейшем необходимо проверить другие положения микрогрупповой концепции по идентификации. Для этого потребуется, во-первых, фиксировать групповую и микрогрупповую идентификацию, а не только межличностную, а во-вторых, принимать во внимание особенности взаимодействия малой группы с внешней средой (направленность активности группы во внешнюю среду и внутрь самой себя). Например, можно провести эксперименты подобные тем, которые имеют место в рамках теории социальной

идентичности и самокатегоризации, но с учетом неформальных подгрупп. Причем такие эксперименты должны проводиться на естественных группах и подгруппах с использованием не искусственных, а приближенных к реальной жизни задач.

13.2.3. Согласованность действий

Одно из положений концепции гласит, что сработанность на социально-психологическом уровне значительно чаще проявляется внутри подгрупп, чем между представителями разных подгрупп, или представителями подгрупп и «самостоятельными» членами, или среди «самостоятельных» членов.

Другое положение концепции уточняет: сработанность сильнее выражена в подгруппах с более высоким уровнем сплоченности, идентификации и референтности.

В данном исследовании невозможно было рассмотреть сработанность и совместимость в их принятом понимании. С одной стороны, изучение совместимости и сработанности возможно в лабораторном эксперименте и крайне затруднительно в процессе опроса, который являлся единственным методом настоящего исследования. Этот метод планировался таким образом, чтобы были связаны его составляющие, в частности, процедуры изучения сплоченности, идентификации, согласованности, референтности и конфликтности для прямого и наглядного сопоставления результатов. Введение принципиально иных методов на этом первом этапе проверки ряда положений концепции не позволило бы получить такой целостной картины. С другой стороны, сработанность рассматривается четко в контексте совместной деятельности. В данном же исследовании большинство рассматриваемых малых групп являются учебными. В таких группах отсутствует совместная деятельность в полном ее смысле, а значит, к ним с трудом может быть применено понятие «сработанность», разве, что в случаях специальной организации какой-то иной деятельности на какой-то непродолжительный промежуток времени. Относительно армейских подразделений и трех фирм также не приходится говорить о наличии у них собственно совместной деятельности.

Поэтому было решено ограничиться параметром согласованности действий индивидов, который принято считать одним из важных компонентов сработанности группы. То есть, в исследовании затрагивался внутренне необходимый аспект сработанности.

Анализ результатов исследования согласованности действий проводился отдельно: а) для неформальных подгрупп – рассчитывался процент выборов, приходящихся на членов своей подгруппы, других подгрупп, «самостоятельных»; б) для «самостоятельных» членов группы – определялся процент выборов, относящихся как к «самостоятельным» членам группы, так и к членам подгрупп. Из анализа были исключены те подгруппы, плотность (D) которых была слишком низкой – менее 1.5.

Результаты исследования анализировались в тех же аспектах, что и в случае с идентификацией:

- сопоставление процента выборов представителей разных структурных компонентов по критерию «согласованность»;
- выявление зависимости согласованности внутри подгрупп от их численного состава;
- определение связи между ценностно-ориентационным единством, плотностью подгруппы, с одной стороны, и согласованностью ее представителей, с другой;
- определение связи между идентификацией, референтностью и согласованностью действий членов подгруппы.

Обобщенные данные по всей выборке представлены в табл. 22–24, а конкретные результаты по каждой группе в отдельности – в Приложении №7.

1. Результаты показывают (табл. 24), что члены подгрупп предпочитают чаще согласовывать свои действия с представителями своих подгрупп (65.2% и 66.7% выборов), чем с членами других микрогрупп (14.1% и 13%) или с «самостоятельными» членами (20.7% и 20.3%).

Таблица 24
Согласованность и социально-психологическая структура группы
(средние значения % выбора членов группы)

Члены подгрупп			**«Самостоятельные» члены**	
с представителями своей подгруппы	с представителями других подгрупп	с «самостоятельными» членами группы	с представителями подгрупп	с «самостоятельными» членами
65.2 / 66.7	14.1 / 13	20.7 / 20.3	70 / 68.2	30 / 31.8

Примечание: цифра над чертой – показатель по 1-му исследованию, под чертой – по повторному исследованию.

Так же, как в случае с идентификацией, данные по согласованности действий людей внутри подгрупп не оказались максимально возможными. Здесь приемлемо то же самое объяснение, что давалось относительно феномена идентификации.

Если рассматривать «самостоятельных» членов группы, то они более чем в два раза готовы чаще согласовывать действия с представителями микрогрупп (70% и 68.2% выборов) по сравнению с другими «самостоятельными» членами (30% и 31.8%). Это подчеркивает их стремление примкнуть к какой-то микрогруппе.

В первом и повторном исследованиях были получены фактически одинаковые показатели по всем группам в целом, что, впрочем, еще не отражает в полной мере взаимовлияния динамики подгрупп и предпочтений их членов по согласованности действий. Об этом будет идти речь в одной из последующих глав.

Дополнительную информацию о согласованности действий членов подгрупп может предоставить анализ выборов, которые являются преобладающими относительно какой-то одной категории членов группы: «представители своей подгруппы», «представители других подгрупп», «самостоятельные члены». Как и в случае с идентификацией, были рассмотрены те подгруппы, члены которых сделали 70% и более выборов относительно какой-то одной из перечисленных категорий (табл. 22).

В этом ракурсе анализа данные из табл. 22 наглядно свидетельствуют об абсолютном преобладании согласованности действий членов подгрупп с представителями только своих подгрупп (46% и 47% подгрупп) по сравнению с их согласованностью с членами других подгрупп (2.8% и 4.1%) и не с включенными ни в одну из подгрупп членами (2.3% и 2.7%).

Таким образом, разные подгруппы отличаются между собой по согласованности действий внутри них – в одних согласованность действий по количеству людей приближается к 100%, тогда как в других подгруппах наблюдается невысокий процент выборов внутри них. Отсюда можно говорить о разном уровне развития неформальных подгрупп по согласованности действий их членов.

2. Рассмотрим возможную зависимость согласованности действий внутри подгрупп от их количественного состава (табл. 23).

По обобщенным результатам всех групп можно заметить тенденцию увеличения числа выборов членов своей подгруппы, с которыми согласовываются действия, по мере возрастания численности подгруппы. Эта тенденция более четко видна в первом исследовании: в диадах – 50.8% выборов, в триадах – 63.2%, в подгруппах из четырех и более человек – 73.2%. Сравнение этих средних значений процентов выбора позволило установить статистически достоверную разницу между уровнем идентификации в: диадах и триадах ($t=2.1$ при $p<0.05$), диадах и подгруппах с составом четыре и более человек ($t=4.1$ при $p<0.01$). По результатам повторного обследования нет никакого различия между диадами (61.3% членов подгрупп) и триадами (62.8%), но есть их отличие, хотя статистически недостоверное, от более многочисленных подгрупп (70.9%).

При сравнении результатов первого и повторного исследования можно выделить лишь увеличение количества выборов людей внутри диад по согласованности действий (50.8% – в первом и 61.3% – во втором исследовании). Получается, что только в диадах проявляется временной фактор функционирования.

В целом надо сказать, что данная тенденция имеет такой же характер, как и в проявлении идентификации. Поэтому ее можно и проинтерпретировать таким же образом – по мере увеличения численности микрогруппы увеличивается вероятность появление в ней тех людей, с которыми человек стремится (осознанно или неосознанно) согласовывать свои действия. Данные по диадам (лишь половина выборов партнера по подгруппе) позволяют предполагать, что прямые предпочтения людей в общении и в согласованности действий являются несколько отличающимися явлениями, которые не

обязательно могут совпадать. Вместе с тем это существенно зависит от ряда опосредованных переменных.

3. Необходимо установить зависимость согласованности действий внутри неформальных подгрупп от таких разновидностей их сплоченности, как ЦОЕ и плотность. Сплоченность по межличностным выборам не принималась во внимание по тому соображению, о котором говорилось в разделе об идентификации.

Для решения этой задачи был проведен корреляционный анализ между показателями (процент выборов) согласованности действий внутри подгрупп и коэффициентами ЦОЕ и плотности по отдельности. Такой анализ проводился раздельно по диадам и более многочисленным подгруппам.

В отношении диад была выявлена статистически значимая связь между показателями (процент выборов) согласованности действий внутри подгрупп и коэффициентами их плотности (r_s=0.24, p<0.05), а также ЦОЕ (r_s=0.24, p<0.05). Такие значения связи ниже, чем в случае с идентификацией. Тем не менее можно констатировать содержание этой связи – чем выше плотность подгруппы или ее ЦОЕ, тем чаще их члены согласовывают свои действия друг с другом, а не с иными членами группы.

Относительно триад и более многочисленных подгрупп установлена связь только между показателями согласованности действий (процент выборов) внутри подгрупп и плотностью этих подгрупп (r_s=0.34, p<0.01). Направленность связи такая же, как и в предыдущем случае – чем выше плотность подгруппы, тем больше ее членов стараются согласовывать свои действия друг с другом, а не с какими-то другими членами группы.

4. Проверим предположение о том, что согласованность действий между членами подгруппы будет выше в том случае, если в ней будет более высокий показатель по идентификации и референтности.

Данная задача потребовала проведения корреляционного анализа между показателями идентификации и референтности (процент выборов), с одной стороны, и согласованности действий (процент выборов) внутри подгрупп, с другой. Причем раздельно рассматривались диады и более многочисленные подгруппы.

Такой анализ позволил установить статистически значимую связь между всеми рассматриваемыми характеристиками:

- «идентификация – согласованность»: в диадах – r_s=0.54 (p<0.01), в более многочисленных подгруппах – r_s=0.51 (p<0.01);

- «референтность – согласованность»: в диадах – r_s=0.49 (p<0.01), в более многочисленных подгруппах – r_s=0.38 (p<0.01).

Как видно, выявленные прямые связи свидетельствуют о том, что повышение как идентификации, так и референтности внутри подгрупп приводит к повышению согласованности действий их членов. Такая закономерность характерна для подгрупп разной численности. Единственно, следует обратить внимание на менее тесную связь между референтностью и согласованностью в триадах и более многочисленных подгруппах.

В заключение подпараграфа надо сказать, что в целом полученные результаты по согласованности действий очень похожи на данные по идентификации. Возможно, это свидетельствует о тесной связи этих социально-психологических характеристик.

Существует тенденция, заключающаяся в том, что члены подгрупп проявляют между собой согласованность действий чаще, чем с представителями других подгрупп или «самостоятельными» членами. Это подтверждает выдвинутое предположение. Однако эта тенденция определяется рядом факторов.

В подгруппах разной численности отмеченная тенденция имеет свои особенности. В триадах и более многочисленных по составу подгруппах люди чаще, по сравнению с диадами, согласовывают свои действия с представителями своих подгрупп, чем с иными членами группы. В диадах это не столь очевидно, хотя в процессе их жизнедеятельности (ко второму исследованию) происходит увеличение количества их членов, согласующих свои действия друг с другом, чего нельзя сказать о более многочисленных подгруппах.

Согласованность действий внутри неформальных подгрупп зависит не только от их численности, но и от сплоченности. Увеличение сплоченности микрогруппы связано с большим числом взаимосогласующих действий внутри нее.

В случае большого сходства выборов по согласованности действий внутри подгрупп общая тенденция резко усиливается, а именно: наблюдается абсолютное (почти двадцатикратное) преобладание количества микрогрупп, члены которых согласовывают свои действия с представителями своей же микрогруппы по сравнению с другими членами группы.

Согласованность действий внутри подгрупп также связана с идентификацией и референтностью. Чем выше показатель двух последних характеристик, тем в большей степени члены подгруппы стремятся согласовывать действия между собой.

В целом следует отметить, что неформальные подгруппы различаются по уровню своего развития с точки зрения согласованности действий.

Что касается «самостоятельных» членов группы, то они значительно чаще отмечают согласованность своих действий с представителями подгрупп, чем с такими же, как и они, не включенными в подгруппы членами. В этом проявляется их большая ориентация на микрогруппы.

В дальнейшем необходимо проверить другие положения микрогрупповой концепции по сработанности и совместимости.

13.2.4. Референтность

Одно из положений концепции выражается в том, что члены подгруппы чаще рассматривают в качестве референтных лиц представителей своей

подгруппы, чем представителей других подгрупп или не включенных в подгруппы членов, а «самостоятельные» члены – представителей подгрупп.

Особенность исследования состояла в рассмотрении референтности не группы или подгруппы в целом для отдельных людей, а в контексте межличностных связей. Так, в отношении подгрупп предметом изучения была референтность для каждого человека не своей подгруппы в целом, а референтность конкретных ее представителей.

Анализ результатов исследования референтности проводился отдельно для неформальных подгрупп (рассчитывался процент выборов, приходящихся на членов своей подгруппы, других подгрупп, «самостоятельных») и «самостоятельных» членов группы (определялся процент выборов, относящихся как к «самостоятельным» членам группы, так и к членам подгрупп). Из анализа были исключены те подгруппы, чья плотность (D) была слишком низкой – менее 1.5.

Референтность в структурных компонентах малых групп будет рассматриваться в следующих направлениях: а) сравнение процента выбора членами группы представителей разных структурных компонентов по критерию «референтность»; б) определение зависимости референтности внутри подгрупп от их численного состава; в) установление влияния ценностно-ориентационного единства и плотности подгруппы на взаимореферентность ее членов.

Обобщенные данные по всей выборке представлены в табл. 22, 23, 25, а результаты по каждой группе – в Приложении №8.

1) Результаты (табл. 25) свидетельствуют о том, что члены подгрупп рассматривают в качестве референтных лиц представителей своих подгрупп (48.3% и 49.1% выборов) примерно в такой же мере, как и членов других подгрупп (25.9% и 22.1%) и «самостоятельных» членов (25.8% и 28.8%) вместе взятых.

Таблица 25

Референтность и социально-психологическая структура группы (средние значения % выбора членов группы)

Члены подгрупп			**«Самостоятельные» члены**	
с представителями своей подгруппы	с представителями других подгрупп	с «самостоятельными» членами группы	с представителями подгрупп	с «самостоятельными» членами
48.3 49.1	25.9 22.1	25.8 28.8	71.6 63.6	28.3 36.4

Примечание: цифра над чертой – показатель по 1-му исследованию, под чертой – по повторному исследованию.

Такой результат оказался несколько неожиданным, так как изначально предполагалась тенденция, связанная с большей ориентацией людей на представителей своих подгрупп, чем на иных членов группы. Получается, что явление референтности не играет существенной роли в формировании под-

групп, оно не столь выражено и в процессе их жизнедеятельности. Так ли это на самом деле? Как можно это объяснить? Прежде чем попытаться ответить на эти вопросы, рассмотрим дополнительную информацию о проявлении данного феномена внутри подгрупп, а также его особенностях среди «самостоятельных» членов группы.

В первом случае рассмотрим выборы членов подгрупп, которые являются сходными для большинства из них относительно какой-то одной категории членов группы: «представители своей подгруппы», «представители других подгрупп», «самостоятельные члены». То есть во внимание принимались те подгруппы, члены которых сделали 70–100 % выборов относительно какой-то одной из перечисленных категорий.

Результаты табл. 22 показывают явное преобладание, хотя не настолько контрастное, как в явлениях идентификации и согласованности, ориентации на мнение представителей своих микрогрупп (23% и 23% подгрупп), а не на мнение членов других микрогрупп (9% и 2.4%) и «самостоятельных» членов (4% и 9.4%). Причем наблюдающаяся ориентация на мнение представителей других подгрупп существенно падает от первого ко второму исследованию, а ориентация на мнение «самостоятельных» членов возрастает. Возможно, это связано с опытом взаимодействия между подгруппами, в результате которого происходит некоторое усиление обособленности между подгруппами. Как бы там ни было, эти результаты все же позволяют «связывать» явление референтности с подгруппами. Эти же результаты свидетельствуют и о различии подгрупп по референтности, когда в одних из них показатель референтности по количеству людей приближается к 100%, а в других оказывается очень низким. Отсюда можно сделать заключение о разном уровне развития неформальных подгрупп по этой интегративной характеристике.

Во втором случае оказывается, что «самостоятельные» члены группы в 2.5–1.7 раза чаще рассматривают для себя в качестве референтных представителей неформальных подгрупп (71.6% и 63.6% выборов) по сравнению с такими же, как и они, «самостоятельными» членами (28.3% и 36.4%). То есть они в большей степени ориентированы на мнение членов подгрупп, выступающих для них своего рода эталоном. Такие результаты укрепляют предположение о том, что явление референтности в малой группе связано с неформальными подгруппами.

Теперь вернемся к поставленным вопросам. Самые первые результаты уже не следует оценивать столь однозначно, категорично, и их можно попытаться объяснить следующим образом.

Во-первых, надо принимать во внимание те объяснения, которые уже прозвучали относительно идентификации и согласованности. Однако эти объяснения не являются специфическими для референтности и не могут объяснить меньший процент выборов внутри подгрупп по сравнению с выборами по идентификации и согласованности действий. Поэтому перейдем к следующему возможному объяснению.

Во-вторых, многие члены подгрупп подвержены такому распространенному явлению среди людей вообще, как «нет пророка в своем отечестве»,

которое имеет место до определенного предела. Действительно, каждый из нас в своей жизни сталкивался с тем фактом, что близкие нам люди нередко с меньшим вниманием относились к нашему мнению, чем к мнению просто знакомых, малознакомых или даже незнакомых людей. Такое поведение часто нельзя прямым образом связать с недоверием к близким или их низким авторитетом. В то же время приходилось наблюдать и тот факт, что близкие люди становились на нашу сторону, поддерживали, даже если наше мнение было неверно, когда посторонний, пусть и знакомый, человек нес в себе для нас моральную угрозу, а значит, фактически угрозу и для них.

В-третьих, явление референтности в подгруппах значительно усиливается в ситуациях интенсификации взаимодействия между подгруппами, особенно конкурирующего, конфликтного характера (одно из положений концепции). В данном исследовании эта ситуация не учитывалась, да объективно и не могла в силу особенностей исследовательского метода.

2. Перейдем к анализу референтности внутри подгрупп в зависимости от их количественного состава. Для этого необходимо рассмотреть результаты, представленные в табл. 23.

Обобщенные результаты позволяют отметить закономерность, связанную с увеличением числа выборов членов своей микрогруппы в качестве референтных лиц по мере возрастания численности людей в подгруппе. Она более выражена в первом исследовании: в диадах – 29.5% выборов, в триадах – 47.2%, в подгруппах из четырех и более человек – 60.4%. Сравнение этих показателей выявило статистически достоверную разницу между уровнем референтности всех трех категорий подгрупп: диад и триад ($t=4.22$, $p<0.01$), диад и микрогрупп с составом четыре и более человек ($t=8.19$, $p<0.01$), триад и более многочисленных подгрупп ($t=3.0$, $p<0.05$). По результатам повторного обследования имеется некоторое различие, хотя несущественное, между диадами (42.6% членов подгрупп), триадами (48.5%) и еще более многочисленными подгруппами (56.3%).

При сравнении результатов первого и повторного исследования можно выделить резкое увеличение количества выборов по референтности внутри диад (29.5% – в первом и 42.6% – во втором исследовании). Это значит, что в процессе функционирования диад повышается ориентация их членов на мнение друг друга. Это общая тенденция опосредующей роли временного фактора. В дальнейшем мы рассмотрим этот вопрос, но уже с точки зрения динамики конкретных подгрупп, что позволит уточнить природу референтности в них.

В целом надо сказать, что данная тенденция имеет такой же характер, как и в проявлении идентификации и согласованности действий. Эту тенденцию можно проинтерпретировать таким же образом, как и в случае с идентификацией. С одной стороны, по-видимому, по мере увеличения численности подгруппы увеличивается вероятность появления в ней тех людей, на чье мнение человек стремится ориентироваться. С другой стороны, более многочисленная подгруппа вызывает у человека ощущение большей уверенности и

силы, чувство достоинства от принадлежности к ней, а следовательно и большую его внимательность к мнению своей подгруппы.

Последнее, что надо отметить: показатели диад первого исследования (всего 1/3 выборов партнера по подгруппе) наводят на мысль о том, что прямые предпочтения людей в общении и в референтности представляют собой отличающиеся явления, что, впрочем, не буквально, но существенно зависит от некоторых опосредствующих факторов.

3. Рассмотрим результаты взаимосвязи явления референтности в неформальных подгруппах и их ценностно-ориентационного единства и плотности. Сплоченность по межличностным выборам не учитывалась все из того же соображения, о котором говорилось ранее.

Эта задача потребовала проведения корреляционного анализа между показателями (процент выборов) референтности внутри подгрупп и коэффициентами ЦОЕ и плотности, который осуществлялся отдельно по диадам и более многочисленным микрогруппам.

По отношению к диадам не установлена значимая связь между показателями (процент выборов) референтности в микрогруппах и коэффициентами их сплоченности. Возможно, в повторном исследовании, когда многие диады приобрели более сплоченный и устойчивый характер, когда возросла референтность в них (с 29.8% до 42.6% выборов), была бы установлена статистически достоверная связь между рассматриваемыми параметрами.

В отличие от диад, в триадах и более многочисленных микрогруппах по результатам первого исследования выявлена прямая связь между референтностью и плотностью подгрупп (r_s=0.41, p<0.01). То есть высокий уровень референтности членов микрогрупп сопряжен с высокой мерой их плотности, и наоборот. По ценностно-ориентационному единству ничего определенного сказать нельзя.

Подводя итог, следует отметить, что в целом явление референтности проявляется в подгруппах слабее, чем идентификация и согласованность. Это обусловлено некоторыми факторами. В то же время проявление референтности имеет во многом схожие с индетификацией и согласованностью тенденции.

Члены более многочисленных по своему составу подгрупп чаще рассматривают друг друга, по сравнению с иными членами группы, в качестве референтных лиц. В диадах это не очевидно, хотя в процессе их жизнедеятельности происходит резкое увеличение количества людей, ориентирующихся на мнение друг друга, чего нельзя сказать о более многочисленных подгруппах. В случае большого сходства выборов по референтности имеет место значительно большее количество подгрупп, члены которых более референтны друг для друга, чем по отношению к другим членам группы.

Референтность внутри неформальных подгрупп имеет прямую связь с их плотностью (для триад и более многочисленных). Однако трудно сказать, что является причиной, а что следствием.

В целом же неформальные подгруппы различаются по степени референтности их членов друг для друга, что можно рассматривать в качестве одного из показателей их развития.

Что касается не включенных в подгруппы членов, то они значительно чаще ориентируются на мнение представителей подгрупп, чем таких же, как и они, «самостоятельных» членов.

В дальнейшем необходимо проверить другие положения микрогрупповой концепции по референтности.

13.3. Межличностные противоречия в социально-психологической структуре группы

Микрогрупповая концепция содержит ряд положений относительно межличностных конфликтов. Одно из них заключается в том, что конфликтные отношения реже возникают внутри неформальных подгрупп, а чаще проявляются между разными подгруппами, «самостоятельными» членами, подгруппами и «самостоятельными» членами. Эта закономерность более выражена при усилении дезинтегративного взаимодействия между подгруппами.

В проведенном исследовании использовалась методика, которая предназначена скорее для изучения межличностных противоречий, чем собственно конфликтов. Поэтому в название параграфа вынесено именно понятие «противоречие», а не понятие «конфликт». С нашей точки зрения межличностные противоречия приобретают форму конфликта тогда, когда противоположность сторон достигает наибольшего различия и проявляется в активно-негативном действии сторон по отношению друг к другу или одной стороны по отношению к другой.

Как и при анализе интегративных характеристик, противоречие, т.е. дезинтегративная характеристика, оценивалась отдельно для неформальных подгрупп и отдельно для совокупности не включенных в подгруппы членов группы. Для подгрупп рассчитывался процент выборов, приходящихся на членов своей подгруппы, других подгрупп, «самостоятельных». Для «самостоятельных» членов определялся процент выборов, относящихся к «самостоятельным» членам и членам подгрупп.

В данном случае выборы членов групп по критерию «противоречие» отражают направленность возложения ответственности за процессы дезинтеграции в группе – внутри неформальных подгрупп, между представителями подгрупп, среди «самостоятельных» членов группы, между «самостоятельными» членами и представителями подгрупп.

Анализ результатов исследования противоречий структурных компонентов малой группы будет осуществляться в одном аспекте. А именно: установление процента выборов представителей разных структурных компонентов по критерию «противоречие». Это предопределяется, с одной стороны, убедительностью полученных результатов, а с другой стороны, объективной невозможностью при всем желании затронуть другие аспекты: связь проти-

воречий в неформальных подгруппах с их численным составом и сплоченностью, так как почти во всех микрогруппах противоречия просто не зафиксированы.

Результаты по всем группам представлены в табл. 26, а по каждой группе– в Приложении №9.

Таблица 26

Межличностные противоречия и социально-психологическая структура группы (средние значения % выбора членов группы)

Члены подгрупп			**«Самостоятельные» члены**	
с представителями своей подгруппы	с представителями других подгрупп	с «самостоятельными» членами группы	с представителями подгрупп	с «самостоятельными» членами
2.5 1.6	42.6 35.2	54.9 58.8	47.8 50.7	52.2 49.3

Примечание: цифра над чертой – показатель по 1-му исследованию, под чертой – по повторному исследованию.

Результаты в табл. 26 показывают, что члены неформальных подгрупп чаще вступают в противоречивые отношения с «самостоятельными» членами (54.9% и 58.8% выборов), значительно реже – с представителями других подгрупп (42.6% и 35.2%) и очень редко испытывают противоречия с членами своей подгруппы (2.5% и 1.6%).

Сравнение данных первого и повторного исследования указывает на некоторое, хотя и незначимое, снижение частоты противоречивости между представителями разных подгрупп в процессе жизнедеятельности группы.

Если обратиться к Приложению №9, то можно увидеть, что в 88% микрогрупп вообще отсутствует противоречивость (в повторном исследовании – в 83% микрогрупп), хотя есть подгруппы с заметным уровнем внутренней противоречивости («Ш17» – 50% выборов, «В42» – 25%, «В45» – 22.2%).

«Самостоятельные» члены группы примерно в одинаковой степени находятся в противоречивых отношениях и с представителями подгрупп (47.8% и 50.7% выборов) и с такими же, как и они, не включенными в подгруппы членами (52.2% и 49.3%).

Следовательно, подтверждено указанное в начале параграфа положение, хотя в отношении не столько конфликта, сколько межличностных противоречий.

Дополнительно было установлено, что противоречие между представителями разных подгрупп проявляется реже, чем между представителями подгрупп и «самостоятельными» членами. Однако эта тенденция выявлена на группах (преимущественно учебных), жизнедеятельность которых протекает, как правило, в обычных условиях. Думается, в ситуации интенсификации внутригрупповых процессов при относительной изоляции группы должны усилиться противоречия, конфликты между подгруппами. В этом смысле можно провести эксперименты, например, по минимальной групповой пара-

дигме, предложенной в свое время Г. Тэджфелом, но на реальных группах и подгруппах с использованием более актуальных для них ситуаций. Есть основание считать, что активно изучающиеся феномены межгруппового восприятия – межгрупповая дифференциация (ингрупповой фаворитизм и аутгрупповая дискриминация), аутгрупповая гомогенность, «черная овца» – будут иметь место в сфере взаимодействия между неформальными подгруппами, а также подгруппами и «самостоятельными» членами.

13.4. Адаптирующее свойство малой группы и неформальных подгрупп

Микрогрупповая концепция содержит ряд положений относительно адаптации личности в группе. Одно из них заключается в том, что в процессе вхождения в новую малую группу новичок фактически включается в одну из неформальных подгрупп, которая наиболее «открыта» для него или же не включается ни в одну из подгрупп. Из этого положения вытекает другое положение: разные неформальные подгруппы в малой группе характеризуются различным адаптирующим свойством по отношению к новичку; изучение этого свойства по малой группе в целом носит усредненный характер, тогда как анализ проявления его в неформальных подгруппах является более адекватным и точным.

Анализ результатов исследования адаптирующего свойства малой группы и ее структурных компонентов будем осуществляться по той же схеме, как в случае со сплоченностью. Раскроем данный вопрос в двух аспектах: выявим специфику адаптирующего свойства разных типов групп, соотнесем проявление этого свойства в группах, с одной стороны, и в подгруппах, в совокупности «самостоятельных» членов группы, с другой.

1. Установление меры сходства между адаптирующим свойством разных типов групп осуществлялось посредством сравнения средних значений с помощью t-критерия Стьюдента. Средние значения и стандартные отклонения по открытости для каждого типа групп представлены в табл. 27.

Таблица 27

Открытость малых групп

Тип групп	**Числовые характеристики**	
	сред.значен.	**станд.откл.**
Первое исследование		
Школа –10 кл.	3.37	20.26
Школа –11 кл.	-7.52	11.44
Школа -10,11	0.78	18.89
Техникум	1.7	22.45
ВУЗ	15.03	13.26
Фирма	17.92	15.9
Повторное исследование		
Школа –10 кл.	-3.08	22.76
Техникум	-2.43	16.7
ВУЗ	18.93	13.96

Сравнение средних значений результатов, полученных в первом исследовании, показало статистически значимое различие между адаптирующим свойством: школьных 11-х классов и студенческих групп вузов (t=3.37, p<0.01), групп фирм (t=2.67, p<0.05), школьных 10–11-х классов вместе взятых и студенческих групп (t=2.44, p<0.05). Содержательный взгляд на открытость позволил обнаружить их гуманистическую направленность в студенческих ($\bar{x}$=15.03) и трудовых ($\bar{x}$=17.92) группах и некоторую тенденцию к антигуманности в школьных 11-х классах ($\bar{x}$=-7.52). Получается, что близкие показатели по данному свойству имеют школьные классы и группы, с одной стороны, студенческие группы и отделы фирм, с другой стороны.

По характеру межгруппового сходства в рамках каждого типа групп можно сказать, что менее всего отличаются между собой школьные 11-е классы (σ=11.4), студенческие (σ=13.2) и трудовые (σ=15.9) группы. То есть внутри данных типов конкретные группы являются более похожими по адаптирующей способности, хотя разброс групповых показателей является не таким уж и малым. Большее различие наблюдается по школьным 10-м классам (σ=20.2) и группам техникумов (σ=22.4).

В повторном исследовании выявлено статистически значимое различие между открытостью школьных классов и студенческих групп (t=2.4 при p<0.05), группами техникумов и студенческими группами (t=2.6 при p<0.05). Первый результат идентичен тому, который был получен в 1-м исследовании. С содержательной стороны открытости надо отметить гуманистическую направленность студенческих групп ($\bar{x}$=18.9) и слабую тенденцию к антигуманности в школьных классах ($\bar{x}$=-3.08) и группах техникумов ($\bar{x}$=-2.43). Кроме того, школьные 10-е классы сильнее остальных типов групп различаются между собой по степени открытости группы (σ=22.76).

2. С позиции микрогрупповой концепции интерес представляют не столько адаптирующее свойство малой группы в целом, сколько данное свойство подгрупп и «самостоятельных» членов группы. Поэтому проделаем сравнительный анализ адаптирующего свойства малой группы, с одной стороны, и подгрупп, «самостоятельных» членов группы – с другой. В этом случае обратимся к Приложению №10, где по каждой экспериментальной группе указаны коэффициенты открытости K: группы в целом, неформальных подгрупп и совокупности «самостоятельных» членов. В приложении последовательность подгрупп представлена в случайном порядке. Надо сказать, что из анализа исключались те подгруппы, ни один член которых не давал ответов по соответствующей методике. Таких подгрупп практически не было. Тем не менее в некоторых группах число представленных в Приложении №10 микрогрупп может быть меньше, чем их реальное количество.

Как видно из приложения, в подавляющем большинстве малых групп неформальные подгруппы очень сильно различаются между собой по степени открытости, о чем свидетельствуют их конкретные показатели и стандартное отклонение по всем подгруппам каждой группы. Например, в группе «В33» стандартное отклонение микрогрупповых показателей составляет σ

=69.1, в группе «Т24» – σ=65.5, в группе «В36» –σ=54.6. Количество групп, в которых стандартное отклонение было бы меньше 10, крайне ничтожно – 6 из рассматриваемых 53 групп.

Кроме того, в одних и тех же группах открытость разных подгрупп имеет противоположную по содержанию направленность – от выраженной гуманности до антигуманности. Количество таких групп достаточно большое.

Далее, в приложении не сложно заметить, что в группах с антигуманным содержанием открытости в целом имеются подгруппы с выраженными гуманными нормами отношений к новичку, и наоборот. Например, в группе «В47» коэффициент открытости в целом составляет *К*=-22.6, а подгрупп – 8.3, -61.2, -12.5, 25, 10. В группе «Ш14» общегрупповой коэффициент открытости (*К*) равен 22.3, а микрогрупп – 39, -21.7, 25 и др.

Показатели адаптирующего свойства совокупности «самостоятельных» членов группы приближаются к показателю группы в целом.

Таким образом, необходимо рассматривать не столько адаптирующее свойство группы в целом, сколько неформальных подгрупп, так как они обладают различным адаптирующим свойством по отношению к новичку. Когда же показатели всех индивидов усредняются по группе в целом, то общегрупповой индекс дает лишь приближенное представления о том, как будет происходить адаптация новичка в группе.

ГЛАВА 14

МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В МАЛОЙ ГРУППЕ И НЕФОРМАЛЬНЫХ ПОДГРУППАХ

14.1. Стиль межличностных отношений

Исходя из микрогрупповой концепции, стиль межличностных отношений в малой группе необходимо рассматривать с учетом неформальных подгрупп и не включенных в них членов группы. То есть, внутри неформальных подгрупп сильнее проявляется позитивный и менее – негативный стиль отношений по сравнению с взаимоотношениями между представителями разных подгрупп, «самостоятельными» членами.

Стиль межличностных отношений человека с одногруппниками анализировался по результатам коэффициента *К2* «Методики диагностики стиля межличностных отношений и лидерства в малой группе и неформальных подгруппах».

Положительные значения *К2* свидетельствуют о гибком, компромиссном, справедливом стиле отношений, уравновешенности, общительности,

стремлении ужиться с другими, доброжелательности, внимательном отношении к людям, терпимости к мнениям других. В дальнейшем такой стиль отношений условно будет называться «положительным». Отрицательные значения свидетельствуют об агрессивном, негибком стиле отношений с людьми – такой человек откровенно говорит о недостатках других, может быть несдержанным, не любит, чтобы его контролировали или давали ему советы, прямолинейный, резковат в обхождении. Данный стиль межличностного поведения условно будет именоваться «отрицательным». Средние значения информируют о невыраженности стиля отношений, поэтому в дальнейшем такие средние показатели не будут приниматься во внимание.

Для проверки обозначенного положения коэффициент *К2* каждого члена группы рассчитывался отдельно по выборам-оценкам, полученным от членов подгруппы, если он был включен в какую-то из них и отдельно по выборам-оценкам, полученным от «самостоятельных» членов, если он относился к данной категории. Поэтому, в каждом случае не все выборы-оценки могли приниматься во внимание, так как представителей подгрупп могли выбирать и оценивать «самостоятельные» члены группы, и наоборот. Естественно, что для проверки предположения такие выборы необходимо было исключать.

Надо сказать, что в целях упрощения и большей наглядности анализа данных рассматривались стили отношений внутри подгрупп и между «самостоятельными» членами» группы, но не принимались во внимание стили отношений между представителями разных подгрупп. Возможно, это было ошибочное решение.

Обобщение результатов по двум структурным компонентам – подгруппам и «самостоятельным» членам группы – производилось на двух уровнях.

Во-первых, анализ результатов заключался в расчете среднего значения *К2* по каждой подгруппе и совокупности «самостоятельных» членов. Такое среднее значение, в зависимости от его показателя, относилось к положительному, отрицательному или невыраженному (в дальнейшем он исключался из анализа) стилю межличностных отношений. Затем в целом по всем группам находился отдельно процент подгрупп и совокупностей «самостоятельных» членов (их количество равно количеству групп), в которых наблюдался позитивный и негативный стиль отношений.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что положительный стиль межличностных отношений преобладает в 38% неформальных подгрупп и в 12% совокупностей «самостоятельных» членов. Отрицательный стиль не установлен ни в одном из этих двух структурных компонентов.

Надо сказать, что такой подход к обработке и анализу результатов значительно усредняет показатели. Наличие не только положительных, но и отрицательных значений коэффициентов *К2* усиливает тенденцию усреднения из-за «взаимоуничтожения» баллов при расчете средних значений. Из-за этого не было выявлено наличие отрицательных стилей отношений. Поэтому дополнительно использовался несколько иной способ обработки результатов.

Во-вторых, по каждой подгруппе и категории «самостоятельных» членов каждой группы индивидуальные показатели *К2* каждого члена относились к разряду положительного или отрицательного стиля межличностных отношений. Затем в целом по всем группам и по каждому типу групп (армейские и учебные) рассчитывался процент количества *К2* с высоким (положительный стиль) и низким (отрицательный стиль) значениями отдельно по подгруппам и по совокупности «самостоятельных» членов. Фактически такой процент отражает количество людей соответствующей категории. Результаты, полученные посредством такой процедуры представлены в табл. 28.

Таблица 28
Стиль межличностных отношений в структурных компонентах группы (процент количества *К2*)

Тип группы	**Характер стиля взаимоотношений**			
	Внутри подгрупп		**Среди «самост.»**	
	положит.	**отрицат.**	**положит.**	**отрицат.**
Армия	44	10	27	7
ВУЗ	49	3	37	13
ИТОГО	46.5	6.5	32	10

Если рассматривать данные по всем группам в целом, то положительный стиль межличностных отношений внутри неформальных подгрупп отмечается у 46.5% членов этих подгрупп, а среди «самостоятельных» членов – у 32% их представителей. Как видно, разница составляет 14.5%. Отрицательный стиль межличностного поведения в неформальных подгруппах проявился у 6.5% их представителей, а между не включенными в подгруппу людьми – у 10% таких членов группы. В данном случае разница не является существенной (всего 3.5%).

Если вычленить типы исследовавшихся групп и рассмотреть их по отдельности, то можно сказать, что в армейских подразделениях положительный стиль межличностного поведения внутри подгрупп (44% людей) встречается значительно чаще, чем среди «самостоятельных» членов (27%). В учебных группах наблюдается подобная закономерность, однако в них наблюдается положительный стиль отношений среди членов микрогрупп (49%) и «самостоятельных» членов (37% людей) наблюдается несколько чаще, чем в армейских подразделениях.

По отрицательному стилю межличностного поведения заметная разница между структурными компонентами обнаруживается в студенческих группах: 3% людей с таким стилем внутри подгрупп и 13% – среди «самостоятельных» членов.

Надо сказать, что количество групп – 11 армейских подразделений и 4 учебные группы – не настолько значительно, чтобы можно было делать обоснованное заключение, особенно применительно к учебному типу групп.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о тенденции преобладания положительного стиля межличностных отношений внутри не-

формальных подгрупп по сравнению с взаимоотношениями в среде «самостоятельных» членов, чего нельзя сказать об отрицательном стиле.

Для нас не является неожиданным то, что не получены контрастные результаты между стилем межличностного поведения внутри подгрупп и среди не включенных в них членов. Думаем, что стиль межличностных отношений не является абсолютно неизменной характеристикой, а может варьировать в зависимости от характера групповых процессов, взаимодействия группы с внешней социальной средой. Это предусматривается другими положениями микрогрупповой концепции, которые, к сожалению, не могут быть проверены в рамках данного эмпирического исследования.

14.2. Психологический статус и вклад личности

С позиции микрогрупповой концепции психологический статус в группе (высокий, средний, низкий) одного и того же человека в разных структурных компонентах группы будет различным. Члены подгрупп, имеющие один уровень какого-то психологического статуса в своей подгруппе, часто не имеют такого же его уровня в других подгруппах или среди «самостоятельных» членов группы. То же самое касается и не включенных в подгруппы членов.

Другое положение концепции заключается в том, что в случае взаимодействия индифферентного или интегративного содержания между подгруппами с одинаковым статусом лидерами группы чаще будут представители подгрупп, чем «самостоятельные» члены. В случае дезинтегративного взаимодействия между подгруппами с одинаковым статусом либо вообще не будет общегрупповых лидеров, либо среди таковых будет кто-то из «самостоятельных» членов.

В нашем исследовании рассматривались такие разновидности психологического статуса как, социометрический статус, лидерский статус (*К1*), а также вклад в групповую деятельность (*К3*). Для каждого члена группы эти параметры отдельно рассчитывались два раза: по оценкам всех выбравших его членов группы и по оценкам лишь представителей своей подгруппы, если он включен в подгруппу, или по оценкам всех «самостоятельных» членов, если он не включен ни в одну из подгрупп.

1. Рассмотрим первое из указанных положений концепции. Высокий социометрический статус человека в своей подгруппе определяется количеством выборов, полученных от других членов той же подгруппы. Например, межличностная сплоченность по взаимным выборам является очень высокой (от 0.8 до 1) в 79% неформальных подгрупп. Это значит, что в таком большом количестве подгрупп почти все члены имеют максимально возможный высокий статус (все выбирают друг друга), который зависит от численности подгруппы.

Исследование показало, что в преобладающем большинстве случаев члены одной подгруппы, имея в ней высокий социометрический статус, обла-

дали нулевым статусом в других подгруппах. То есть никто из членов других подгрупп не выбирал их в социометрическом опросе. В небольшом количестве случаев какие-то отдельные члены подгруппы были выбраны также отдельными членами других подгрупп, что, впрочем, еще не означает, что они имели высокий статус в этих других подгруппах. В совсем единичных случаях все члены какой-то подгруппы выбирали какого-то представителя другой подгруппы. Именно только в этих редких случаях можно говорить о высоком статусе представителя какой-то подгруппы в аутподгруппе.

Такие результаты не могут быть неожиданными, так как принадлежность к одной относительно замкнутой подгруппе автоматически означает непринадлежность к другим, что прямым образом сказывается на противоположности статуса человека в инподгруппе и аутподгруппе.

Что касается низкого или среднего социометрического статуса людей в своей подгруппе, то они абсолютно не могут иметь места в диаде и в значительной степени являются условными применительно к немногочисленным подгруппам, например, к триаде. Такие статусы в подавляющем большинстве случаев встречались в подгруппах со средней и средне-высокой сплоченностью (21% подгрупп). Это значит, что в этих подгруппах предпочтение в межличностных выборах отдается не всем без исключения членам группы, а одному-трем в зависимости от численности подгруппы. Отсюда происходит отсутствие максимально возможных статусов всех членов в многочисленных подгруппах. Если сравнивать статусы таких людей в своей подгруппе с их статусами в других подгруппах, то наше предположение имеет место и в этом случае, хотя не столь ярко как в ситуации с высоким социометрическим статусом.

В вопросе о лидерстве необходимо выяснить, насколько члены одних неформальных подгрупп оценивают кого-то из представителей других подгрупп как лидеров, с одной стороны, и насколько эти представители являются лидерами в своих подгруппах, с другой. В Приложении №11 (табл. 2) представлены результаты по данному вопросу, причем относительно каждой группы.

В 8 из 15 рассматривавшихся групп (в 53%) члены одних неформальных подгрупп не расценивают ни одного представителя других подгрупп в качестве лидера. Это значит, что понятие «общегрупповой лидер», проецируемое на представителя какой-то подгруппы, является условным. Анализ результатов этих восьми групп показал, что члены подгрупп, имеющие лидерский статус в своей подгруппе и даже по группе в целом (за счет «самостоятельных» членов), не имеют такого статуса в других подгруппах.

Если сопоставить результаты табл. 1 и 2 Приложения №11, то может возникнуть вопрос о том, как можно объяснить факт, когда в пяти из восьми таких групп есть общегрупповой лидер, а в некоторых случаях даже два, являющихся членами подгрупп. Ответ на этот вопрос заключается в том, что в данных группах член какой-то подгруппы занимает позицию общегруппового лидера с точки зрения членов своей микрогруппы и «самостоятельных» членов, но не воспринимается как лидер представителями других подгрупп.

Данный результат, с одной стороны, может свидетельствовать о достаточной замкнутости всех подгрупп относительно друг друга в данных группах, а возможно, и об их противостоянии. С другой стороны, на таких лидеров сильно ориентированы «самостоятельные» члены, составляющие по численности большой объем, что и обеспечивает им, т.е. некоторым представителям подгрупп, позицию лидерства в группе. Уместно напомнить, что по результатам первого исследования «самостоятельные» члены группы чаще ориентируются на представителей подгрупп, чем на таких же, как и они, не включенных в подгруппы членов: в 1.8 раз по идентификации, в 2.3 раза по согласованности действий и в 2.5 раза по референтности. Эти результаты указывают на то, что некоторые «самостоятельные» члены воспринимают и поддерживают кого-то из членов подгрупп в качестве общегрупповых лидеров.

Вместе с тем возникают другие вопросы: можно ли рассматривать такого человека как общегруппового лидера, которого поддерживают лишь члены своей подгруппы и значительная часть «самостоятельных» членов, но не признают как лидера члены других подгрупп? Можно ли рассматривать его подгруппу как лидирующую в группе? Сейчас сложно ответить на эти вопросы. Для этого надо иметь представление о дополнительных факторах, например, об активности подгрупп в группе, о содержании взаимодействия между подгруппами.

В тех группах, где члены одних подгрупп все же рассматривают представителей других подгрупп как лидеров, количество людей, сделавших выборы, оказывается незначительным: от 1 до 5 человек (исключение составляет одна группа – 12 человек), что составляет от 0.9% до 12% всех возможных выборов членов подгрупп. В этом случае хотелось бы обратить внимание на три важных момента, установленных по результатам исследования. Во-первых, в половине случаев члены других подгрупп, расценивающиеся как лидеры, в своих подгруппах являются лидерами, а в другой половине случаев не являются таковыми.

Во-вторых, только в 15% случаев представители другой подгруппы, расценивавшиеся как лидеры, являлись общегрупповыми лидерами.

В-третьих, если отдельный член подгруппы расценивает члена иной подгруппы как лидера, то это еще не значит, что он является таковым для других членов его подгруппы. Например, только в трех подгруппах (диадах), причем одной и той же группы, все члены одинаково расценивали одного и того же представителя другой подгруппы как лидера.

2. Рассмотрим второе положение концепции. К сожалению, в рамках данного исследования невозможно полностью проверить это положение, так как в исследовании не фиксировалось собственно взаимодействие между подгруппами.

В Приложении № 11 (табл.1) по каждой группе указано количество представителей подгрупп и «самостоятельных» членов, которые имеют высокий социометрический статус, лидерский статус, вносят больший вклад в групповую деятельность.

Как видно, в разных группах по совокупности представителей подгрупп и «самостоятельных» членов варьирует количество людей, которые являются «звездами» (от 2 до 8 человек), лидерами (от 0 до 4 человек), вносят больший вклад (от 0 до 4 человек).

По количеству групп и количеству людей результаты свидетельствуют, хотя не столь очевидно, о некотором преобладании членов подгрупп над «самостоятельными» членами по лидерству и вкладу в групповую деятельность. Хотя надо сказать, что в разных группах картина несколько различна. Надо также отметить, что данные показатели не отражают в полной мере соотношения ведущих позиций членов двух рассматриваемых структурных составляющих, так как не учитывается их численный состав. Например, в первой группе всего две подгруппы, включающие лишь 16% членов группы. В то же время два их представителя являются общегрупповыми лидерами, тогда как таковым является только один человек из категории «самостоятельных» членов, к которой относится 84% членов группы.

Поэтому дополнительно рассчитывался процент людей, имеющих тот или иной высокий психологический статус, по отношению к количеству представителей той структурной категории, к которой относятся и они. Данные результаты по всем рассматривавшимся группам представлены в табл. 29.

Таблица 29
Позиции представителей структурных компонентов малой группе
(в % количества людей)

Позиции личности в группе	**Структурные компоненты**	
	Члены подгрупп	«Самостоятельные» члены
Соц. «звезда»	23	16
Лидерство	10	4.5
Вклад в группу	12	4

С точки зрения численности структурных компонентов количество членов подгрупп (10%), являющихся лидерами группы, в 2.2. раза превышает количество «самостоятельных» членов (4.5%) с таким статусом. То же самое можно сказать относительно вклада, по которому разрыв выглядит несколько большим, а именно в 3 раза. То есть 12% представителей подгрупп и всего лишь 4% «самостоятельных» членов вносят значительный вклад в деятельность группы. По социометрическому статусу различие есть, но не столь существенное – 23% членов подгрупп и 16% не включенных в них людей являются социометрическими «звездами» по группе в целом.

Дополнительно надо отметить, два обстоятельства. Во-первых, в 50% случаев у высокостатусных в группе представителей подгрупп одновременно совпадает позиция лидерства и вклада, т.е. они одновременно являются лидерами группы и делают значительный вклад в групповую деятельность. (Социометрический статус не принимался во внимание, так как он не настолько важен с точки зрения функционирования группы.) Среди

«самостоятельных» членов группы совпадение этих двух психологических статусов является меньшим – в 28% случаев. Во-вторых, во всех случаях, за исключением одного, установлено, что члены подгрупп, которые занимают лидерскую позицию в группе, являются и лидерами своих подгрупп.

Таким образом, можно заключить, что член подгруппы, обладающий каким-либо уровнем того или иного психологического статуса в своей подгруппе, чаще не имеет такого же его уровня в других подгруппах. Наиболее наглядно это проявляется в дихотомии высокий-низкий социометрический статус, лидер-не лидер. Такое общее положение вещей определяется тем, что принадлежность к одной относительно замкнутой, автономной подгруппе закономерно предполагает не принадлежность к другим, что прямым образом сказывается на противоположности статуса человека в инподгруппе и аутподгруппе.

Тот или иной высокий психологический статус в группе имеют как некоторые представители подгрупп, так и «самостоятельные» члены (в разных группах по-разному), причем есть тенденция в количественном преобладании первых по сравнению со вторыми.

Количество представителей подгрупп, у которых одновременно совпадают позиции лидерства в группе и высокого вклада в нее, в два раза больше, чем «самостоятельных» членов с совпадающими этими позициями.

ГЛАВА 15

ИНТЕГРАЦИЯ И ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ В ДИНАМИКЕ НЕФОРМАЛЬНЫХ ПОДГРУПП

Динамика малой группы представляет собой обширную и сложную область, а потому в дальнейшем планируется посвятить ей самостоятельное исследование, в том числе с позиции микрогрупповой концепции. Эта концепция описывает ключевые моменты динамики группы – противоречие как движущую силу и процессы интеграции-дезинтеграции как механизм динамики. Мы сейчас не можем эмпирически проверить все положения концепции по этим аспектам динамики и ограничимся только некоторым минимумом, который касается общего представления об интеграции и дезинтеграции как процессов динамики. Это относится к распаду (дезинтеграция) одних и образованию (интеграция) других подгрупп, что характеризует динамику группы в целом, к зависимости устойчивости (интеграция-дезинтеграция) подгрупп от их численного состава, объединительных мотивов и интегративных феноменов.

Определение динамики неформальных подгрупп в малых группах осуществлялось на основе определения количества сохранившихся и распавших-

ся подгрупп от первого к повторному исследованию. Подгруппа считалась сохранившейся, если состав ее членов изменился не более чем на 25-40%. Однако для подгрупп с разным исходным численным составом определялся свой конкретный пограничный показатель, который не должен был превышать для диад – 0% изменений в составе, триад – 33% (1 чел.), N=4 – 25% (1 чел.), N=5 – 40% (2 чел.), N=6 – 33% (2 чел.), N=7 – 40% (3 чел.), N=8 – 38% (3 чел.), N=9 – 33% (3 чел.). В противном случае подгруппа рассматривалась как распавшаяся.

1. Социально-психологическая структура рассматривалась в двух плоскостях: количество подгрупп в малых группах и численность людей в подгруппах. Оценка динамики каждой из этих структурных составляющих группы в целом производилась на основе корреляционного анализа результатов первого и повторного исследований по каждой группе в отдельности. Следовательно, в качестве элементов коррелируемых рядов выступали в одном случае – количество подгрупп разного численного состава (в процентах), а в другом – количество людей в подгруппах разного численного состава и количество «самостоятельных» членов (как один элемент). Число элементов в ряду не превышало десяти. В дальнейшем по каждой из двух структурных составляющих подсчитывался процент групп, в которых произошли существенные изменения (отсутствие статистически достоверных коэффициентов ранговой корреляции показателей двух исследований). Полученные данные представлены в табл. 30.

Таблица 30
Динамика подгрупп в учебных группах
(% малых групп)

Аспекты динамики	**Количество групп**
по количеству подгрупп с разным составом	35
по количеству людей в подгруппах с разным составом	45

Если рассматривать динамику структуры малых групп с точки зрения количества подгрупп различной численности (диады, триады и т.д.), то в целом можно отметить 35% групп от общей их численности, в которых произошло существенное изменение подгрупп.

Если анализировать динамику структуры малых групп с позиции количества людей, включенных в подгруппы разной численности (диады, триады и т.д.) и вообще не включенных в них («самостоятельные» члены), то в целом можно наблюдать 45% групп с существенным изменением данной структурной составляющей. Следовательно, динамика этой структуры (по количеству групп) более выражена по сравнению с предыдущей.

Как видно, динамика обеих структурных составляющих имеет похожую закономерность, но с иными показателями. Это наводит на мысль о том,

что они взаимосвязаны между собой. Дополнительный анализ результатов показал, что в этом есть значительная доля истины, а именно, в 70% групп существенное изменение одной структурной составляющей сопряжено с таким же изменением другой. Это свидетельствует о том, что изменение количества членов группы, включенных в подгруппы разной численности, сопровождается изменением, хотя и не во всех случаях, количества в группе подгрупп с различным численным составом.

Напомним, что отмеченные тенденции динамики социально-психологической структуры по совокупности всех групп и по разным типам групп выявлены на основе корреляционного анализа. Однако они дают огрубленное представление, тем более что количество элементов в ряду ограничено – всего 10, а в конкретных группах одновременно несколько элементов оказывались равными нулю, так как отсутствовали подгруппы с соответствующим численным составом. Поэтому по данным результатам невозможно предельно конкретно анализировать динамику социально-психологической структуры группы, но можно констатировать наличие заметной динамики в значительном числе малых групп.

2. Дополнительная информация о динамике малых групп с точки зрения динамики подгрупп была получена на основе подсчета количества групп (в %) в зависимости от численности распавшихся и сохранившихся в них подгрупп. Для этого, с одной стороны, сравнивались результаты первого и повторного исследований по каждой группе, а с другой стороны, осуществлялась градация уровней динамики. Эта градация заключается в выделение четырех интервалов по количеству распавшихся и новых подгрупп (в % к общему количеству подгрупп в группе). Естественно, чем больше в малой группе распадается и вновь образовывается подгрупп, тем сильнее выражена ее динамика.

Таблица 31

Динамика малой группы по распавшимся и новым подгруппам (в % количества групп)

Распавш. подгруппы	**Новые подгруппы**			
	0-25%	***26-50%***	***51-75%***	***76-100%***
0-25%	7	9.5	2	--
26-50%	10.5	22.5	8	2.5
51-75%	--	3	20	5
76-100%	--	--	--	10

Как видно из табл. 31, некоторые группы существенно отличаются межу собой по уровню их динамики. Есть группы, в которых динамика выражена очень слабо – 7% групп, где количество как распавшихся, так и новых подгрупп составило 0-25%, но в тоже время имеются группы с ярко выраженной динамикой – 10% групп, в которых количество как распавшихся, так и новых подгрупп составило 76-100%. (0% означает, что не возникла или не

распалась ни одна подгруппа, а 100% – распались все подгруппы и одновременно образовались новые подгруппы.)

Если условно за исходную точку существенной динамики малой группы принять 51% распавшихся и новых подгрупп и объединить два количественных интервала (51-75% и 76%-100 %), то можно заметить, что такой уровень динамики наблюдается в 38% малых групп. Этот показатель совпадает с выше описанным показателем (35% групп, в которых произошло существенное изменение подгрупп), но полученным по другому аспекту анализа результатов.

3) Рассмотрим вопрос о динамике неформальных подгрупп в зависимости от их численного состава (табл. 32).

Таблица 32
Численный состав и динамика подгрупп
(в процентном выражении)

Содержание динамики подгрупп	**Численный состав подгрупп**							
	2	3	4	5	6	7	8	9
сохранившиеся подгр.	34	53	27	33	50	-	-	-
распавшиеся подгр.	66	47	73	67	50	100	100	100

Исключим из анализа подгруппы численностью N=6 и более человек, так как их количество во всей выборке малых групп является незначительным, о чем говорилось в первой главе данной части книги, а следовательно, данные по ним являются малоинформативными и ненадежными.

Среди оставшихся подгрупп можно выделить те, которые относительно сильнее подвержены распаду – подгруппы из четырех (73% всех таких подгрупп), пяти (67%) и двух (66%) человек. Триады, по сравнению с этими подгруппами, являются более устойчивыми – 47% распавшихся подгрупп.

Если обратиться к сохранившимся подгруппам в процессе функционирования групп, то их можно разделить на те, чей состав: а) абсолютно не изменился; б) остался прежним, но в них оказались включенными новые члены группы; в) незначительно уменьшился, не вызвав распада подгруппы. Данные по таким разновидностям сохранившихся, т.е. устойчивых подгрупп, с учетом их численного состава отражены в табл. 33. Из анализа исключены подгруппы с численностью N=6 и более человек.

Таблица 33
Вариабельность устойчивых подгрупп в процессе функционирования группы
(в % подгрупп)

Численность подгрупп	**Содержание вариабельности**		
	идентичный состав	увеличив. состав	уменьшив. состав
диады	31	69	--
триады	40	46	14
N=4 и 5	20	30	50

Сохранившиеся диады сложно сравнивать с более многочисленными подгруппами, так как они не предполагают уменьшения состава, что означа-

ло бы фактически их распад. Отсюда получается значительно большее количество увеличившихся диад (69%) по сравнению с иными по численности подгруппами (46% и 30%).

Получается, что триады являются наиболее стабильными с точки зрения сохранения своего состава, чем более многочисленные подгруппы. Это выражается в большем количестве абсолютно идентичных (сохранившихся) подгрупп (40% триад против 20% более многочисленных подгрупп) и в большей численности увеличившихся подгрупп (46% против 30%). Кстати говоря, количество триад с идентичным составом превышает такую же категорию диад (31%). Эти показатели дополнительно подтверждают большую устойчивость триад по сравнению с неформальными подгруппами иного численного состава.

4. Рассмотрим не только сохранившиеся и распавшиеся, но и подгруппы, вновь образовавшиеся в процессе формирования группы, причем в отдельности по малым группам разного типа. Результаты такой динамики приведены в табл. 34.

Таблица 34

Динамика подгрупп в процессе функционирования группы

(в % подгрупп)

Тип учебных групп	Динамика подгрупп		Динамика подгрупп	
	сохранивш. подгруппы	распавш. подгруппы	сохранивш. подгруппы	новые подгруппы
школ. классы	62	38	51	49
группы техн.	11	89	10	90
группы ВУЗа	28	72	26	74
Итого	34	66	29	71

В первой и второй колонках табл. 34 представлено количество подгрупп, сформировавшихся в начале функционирования учебных групп, часть из которых к концу учебного года сохранилась, а другая – распалась. В третьей и четвертой колонках указано количество подгрупп, зафиксированных к концу учебного года, среди которых сохранившиеся и вновь образовавшиеся. Очевидно, что количество распавшихся и новых подгрупп является различным, поэтому для точного обозначения тенденции динамики расчет процента подгрупп производился отдельно для первой и второй колонок, отдельно – для третьей и четвертой. Отсюда и разный процент сохранившихся подгрупп, представленный в первой и третьей колонках.

Изменение микрогрупповой структуры выявилось во всех малых группах. Как видно в табл. 34, это проявилось в количестве сохранившихся (34%) и распавшихся (66%), сохранившихся (29%) и вновь сформировавшихся (11%) подгрупп. В большинстве обследованных групп наблюдалось сохранение одних подгрупп, распад других и образование новых. Если быть более точным, то надо отметить, что среди всех рассмотренных малых групп (N=24) не оказалось ни одной, в которой сохранились бы абсолютно все изначально возникшие подгруппы, выявлено

пять групп («Т22», «Т27», «Т29», «В37», «В38»), в которых не сохранилось ни одной изначально возникшей подгруппы, и одна группа («Ш8»), в которой не возникла ни одна новая подгруппа.

Среди трех типов учебных групп самыми динамичными с точки зрения распада и возникновения новых неформальных подгрупп являются группы техникумов (89% распавшихся и 90% новых подгрупп), а гораздо менее изменчивыми – школьные классы (38% распавшихся и 49% новых подгрупп). Студенческие группы по данным параметрам ближе находятся к группам техникумов. То, что школьные классы (рассматривались 10-е классы) менее динамичны, является вполне понятным, так как, несмотря на то, что они были переформированы на базе 9-х классов, их состав в значительной степени был прежним. Группы учащихся техникумов и студентов первого года обучения являются абсолютно новыми по своему составу, что и определило их большую динамику.

5. Динамика неформальных подгрупп может зависеть не только от их формальных характеристик, например, численного состава, но и от содержательных, среди которых, конечно же, надо выделить интегративные: плотность и ценностно-ориентационное единство как разновидности сплоченности, идентификация, согласованность действий и референтность. Поэтому рассмотрим данные параметры в сохранившихся и распавшихся подгруппах в процессе жизнедеятельности малой группы. Идентификация, согласованность, референтность рассматривались только по выборам внутри подгрупп. Обобщенные результаты, представленные в табл. 35, выстроены таким образом, чтобы можно было оценить количество (в процентах) распавшихся и сохранившихся микрогрупп в зависимости от уровня проявления их интегративных характеристик. Этот уровень – высокий, средний, низкий – оценивался на основе составленных нормативных данных ($\bar{x}$ и σ) для каждой характеристики в отдельности. Из анализа были исключены результаты по среднему уровню проявления, потому что они относятся к так называемой «зоне нормы» и, следовательно, не являются информативными для оценки зависимости устойчивости подгрупп от их параметров и поэтому лишь загромождали бы таблицу.

Таблица 35

Социально-психологические характеристики и динамика подгрупп (в % подгрупп)

Характеристики	**Уровень проявления характеристик**			
	сохранив. подгр.		распавш. подгр.	
	высок.	низк.	высок.	низк.
плотность	44	16	14	43
ЦОЕ	26	16	9	28
идентификация	46	11	24	18
совместимость	47	9	25	23
референтность	30	18	17	23

Если параллельно рассматривать сохранившиеся и распавшиеся подгруппы, то из всех интегративных характеристик плотность подгрупп наиболее отчетливо определяет их динамику. В устойчивых подгруппах она с момента их возникновения является высокой в 44% и низкой – в 16% подгрупп. В неустойчивых, т.е. распавшихся подгруппах наблюдается прямо противоположное соотношение показателей – 14% подгрупп с изначально высокой и 43% – низкой плотностью. К этому следует добавить, что по количеству сохранившихся подгрупп существенное увеличение плотности (45% подгрупп) от первого ко второму исследованию, т.е. не менее чем на одно стандартное отклонение, в два раза превышает ее снижение (23% подгрупп).

Такая же закономерность в соотношении устойчивых и неустойчивых подгрупп, но с меньшими показателями, наблюдается по ЦОЕ. Конкретно, в сохранившихся подгруппах оно исходно имело высокие значения в 26% и низкие – в 16% подгрупп. В распавшихся подгруппах проявилось противоположное соотношение результатов – 9% подгрупп с высокой и 28% – с низкой плотностью.

Влияние трех оставшихся характеристик на устойчивость микрогрупп наиболее отчетливо проявляется по количеству сохранившихся подгрупп и практически нивелировано по распавшимся подгруппам. В свою очередь, среди них наиболее заметная тенденция, практически такая же, как и по плотности, проявляется в идентификации и согласованности действий внутри подгрупп. В сохранившихся подгруппах изначально высокий показатель по идентификации характерен для 46% и низкий – для 11% подгрупп, а высокий процент выборов членов своих подгрупп по согласованности действий исходно был присущ 47% и низкий – 9% подгрупп. По референтности можно отметить подобную тенденцию, но менее выраженного характера. Такие данные, связанные с меньшей ролью референтности в устойчивости подгрупп, созвучны ранее описанным результатам, свидетельствующим о меньшем проявлении внутри подгрупп референтности по сравнению с идентификацией и согласованностью действий.

6) Последний вопрос, который надо рассмотреть в данной главе, связан с определением влияния мотивов объединения людей в неформальные подгруппы на динамику подгрупп.

Если подойти к этому вопросу с формальной точки зрения, то можно, например, рассчитать процент сохранившихся и распавшихся подгрупп по пяти доминирующим мотивам включения в подгруппы, которые одинаковы для 70–100% их членов. В данном случае было установлено 66% сохранившихся и 36% распавшихся, т.е. почти в два раза меньше, подгрупп с такой высокой степенью сходства по всем пяти мотивам. Однако данный подход не является точным, так как есть подгруппы, в которых можно выделить лишь один-два мотива, являющихся общими для 70–100% их членов. Среди них имеются и сохранившиеся, и распавшиеся подгруппы. Такие случаи не являются артефактом, так как, и об этом уже говорилось, люди могут объединяться в подгруппу на основании одного-единственного общего для всех мотива.

Если рассмотреть данный вопрос с содержательной точки зрения, то тогда надо вычленить те мотивы, которые являются специфическими для устойчивых и неустойчивых подгрупп, т.е. существенно отличающиеся по степени представленности в подгруппах. Для этого обратимся к Приложению № 3, где по каждому мотиву указан процент подгрупп, большинство членов которых (75–100%) указали на соответствующий мотив.

В первую очередь надо указать на такие специфические мотивы, как «личные проблемы» и «знакомство родителей». В распавшихся микрогруппах (соответственно 35% и 2% подгрупп) они выражены значительно слабее, чем в сохранившихся (соответственно 64% и 17%). Далее можно отметить «учебу», «давнее знакомство», «будущую учебу или профессию», «отдых».

Однако более точный анализ влияния мотивов на динамику подгрупп затруднен в силу жесткой стандартизации перечня мотивов и их обобщенной формулировки, что не позволяет улавливать тонкости мотивации.

В завершение данной главы надо отметить, что неформальные подгруппы представляют собой динамические образования.

В процессе функционирования любой малой группы наблюдается сохранение одних, распад других и появление новых подгрупп. Даже в более чем половине из всех выделенных устойчивых подгрупп наблюдается вариабельность их состава.

Динамика неформальных подгрупп зависит от их численного состава, опыта функционирования, интегративных характеристик и мотивов объединения. Наиболее устойчивыми являются триады. Менее подвержены изменениям подгруппы тех малых групп, члены которых достаточно давно знают друг друга (например, старшие классы школ). Все интегративные характеристики подгрупп оказывают влияние на их устойчивость, но мера этого влияния различна. Наиболее сильно оно проявляется по параметру плотности, а также, очевидно, по идентификации и согласованности действий. Степень сходства и содержание мотивов объединения в подгруппы тоже может предопределять их устойчивость и динамику.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно по-разному подводить итог написанному, в зависимости от того, на что автору хотелось бы прежде всего обратить внимание читателя. К примеру, автор может ограничиться формальным обобщением сказанного или концентрированным выражением своих мыслей или может выделить лишь все те ценные и выигрышные идеи, которые были заложены им в книге. Такие позиции вполне понятны и необходимы, однако они не позволяют в полной мере широко взглянуть в будущее и четко обозначить перспективы в развитии предлагаемых идей. Поэтому мы будем придерживаться следующей линии: сначала кратко выделим уже сделаное в разработке микрогрупповой концепции, а затем обратимся к вопросу ее дальнейшей проработки, наметив своего рода актуальные направления последующих исследований.

С позиции концепции обозначены ключевые понятия в области малой группы, в основных чертах намечены механизмы образования подгрупп, обозначены разновидности, функции подгрупп по отношению к ее членам и малой группе в целом.

В психологии малой группы традиционно рассматриваются социально-психологические связи «личность-личность», «группа-личность», «общество-группа-личность». Микрогрупповая концепция позволила ввести в оборот и анализировать другие типы связей: «подгруппа-личность», «подгруппа-подгруппа», «группа-подгруппа-личность», «общество-подгруппа-личность», «общество-группа-подгруппа».

Обозначены традиционный и предлагаемый в концепции подходы к изучению таких хорошо известных социально-психологических феноменов, как сплоченность, совместимость и сработанность, идентификация, референтность, стиль межличностных отношений, межличностная конфликтность, социометрический статус, лидерство и руководство в группе, социальное влияние, адаптация личности. Данные феномены кажутся настолько исследованы, что ничего существенно нового их дальнейшее изучение не может принести. Об этом свидетельствует заметный спад интереса (по количеству публикаций) к их изучению. Однако предлагаемые в микрогрупповой концепции позиции по анализу этих феноменов позволят выйти на иной уровень их изучения, взглянуть на них под совершенно иным углом зрения.

Микрогрупповая концепция не ограничивается лишь объяснением внутригрупповой активности вне связи с социальным контекстом, что характерно для ряда теорий. В ней намечены возможные закономерности протекания интегративных и дезинтегративных процессов, проявления феноменов группы в целом и неформальных подгрупп в отдельности в зависимости от условий функционирования группы, ее взаимодействия с внешней средой (интенсивность-изолированность, эффективность-неэффективность).

Микрогрупповая концепция в ряде случаев позволяет более адекватно, по сравнению с существующими теориями, понять внешнюю активность всей группы и поведение конкретного человека за пределами группы, если использовать неформальную подгруппу как предмет анализа.

В основных чертах изучены ключевые вопросы, касающиеся динамики малой группы: причины (противоречия) и механизм (процессы интеграции и дезинтеграции) динамики.

Выделены и изучены различные типы противоречий малой группы как причин ее динамики. Причем эти противоречия рассматриваются не с позиции группы в целом, что традиционно делается и часто приводит к теоретическим и практическим ошибкам, а в срезе неформальных подгрупп и не включенных в них членов.

Обозначена необходимость различать интеграцию и дезинтеграцию как процессы и как состояния группы, понятия «дифференциация» и «дезинтеграция». Обращено внимание на самую непосредственную связь между противоречиями и процессами интеграции-дезинтеграции, на то, что они не могут быть оторваны от противоречий и друг от друга, разведены в пространстве и времени. Это значит, что они одновременны, протекают параллельно, а не только последовательно чередуются, как это принято считать. Подчеркивается то, что интеграция и дезинтеграция являются предельно исходными процессами в социальной среде и составляют остов различных по своему содержанию форм, феноменов взаимодействия и самопроявления индивидов в малой группе. В исследовании, что также является новым, предлагается рассматривать действие этих процессов в нескольких взаимосвязанных и взаимовлияющих пластах: личность-подгруппа-группа-внешняя среда, а кроме того выделяется ряд закономерностей проявления этих процессов.

Выделены тенденции развития зарубежной и отечественной социальной психологии малых групп на современном этапе, проанализирована мера изученности неформальных подгрупп не только на теоретическом, но и на теоретико-эмпирическом, прикладном уровнях.

Проведен сопоставительный анализ микрогрупповой концепции с рядом уже имеющихся теорий малой группы, который позволил найти точки их соприкосновения и отличительные особенности, в целом говорить о том, что предлагаемая концепция имеет свою самостоятельную плоскость анализа.

Проведено эмпирическое исследование, в котором изучена представленность неформальных подгрупп в малых группах разного типа, проверен ряд положений микрогрупповой концепции и установлены дополнительные, конкретизирующие эти положения факты.

С завершением написания этой книги не заканчивается разработка микрогрупповой концепции. Требуется приложить еще немало усилий для того, что бы проверить и уточнить некоторые обозначенные, может быть, сформулировать новые положения этой концепции. Можно выделить несколько крупных направлений проведения дальнейших исследований.

Необходимо выявить детали психологического механизма образования неформальных подгрупп, касающиеся мотивации, сравнения, категоризации и идентификации.

Следует тщательно изучить функции той или иной разновидности неформальных подгрупп по отношению к малой группе: функцию стабилизации внутригрупповой активности, функцию ключевого звена групповой дея-

тельности, функцию организация и координация активности группы, функцию включения нового члена в группу, нормативную функцию. Это имеет принципиально важное значения для прогноза и оптимизации эффективности групповой деятельности. Эта задача должна решаться параллельно с анализом взаимодействия между подгруппами в группе.

Требуется определить закономерности влияния той или иной разновидности неформальной подгруппы на своих членов и группу в целом. При этом необходимо обратить внимание на глубину и устойчивость влияния, причем не только в рамках малой группы, но и в более широком социальном контексте.

Фундаментальное значение имеет анализ особенностей связи «личность-подгруппа-группа-общество» в зависимости от содержания взаимодействия малой группы с внешней средой, условий ее жизнедеятельности. Самое элементарное, на что следует обратить внимание, касается интенсивности и содержания взаимодействия группы с более широким социальным контекстом, с которым она непосредственно соприкасается. Необходимо проверить высказанные положения о влиянии этого взаимодействия на особенности взаимоотношений (по уровню, стилю, содержанию) между подгруппами, подгруппами и «самостоятельными» членами и, как следствие, на особенности сплоченности, идентификации, референтности, социального влияния внутри подгрупп и группы в целом.

Следует изучить не только межличностную идентификацию и референтность членов подгруппы, что уже было сделано в рамках данного исследования, но и микрогрупповую идентификацию и референтность, т.е. по отношению к подгруппе в целом.

Требуется уточнить особенности сработанности членов подгруппы в зависимости от уровня (психофизиологический, психологический, социально-психологический), по отношению к которому она рассматривается, а также изучить особенности сработанности между неформальными подгруппами в малой группе.

Не проверенными остаются некоторые частные положения относительно психологического статуса членов группы. Это касается эффективности деятельности и психического самочувствия лидера в зависимости от его принадлежности к определенному структурному компоненту группы, вопроса о лидерстве не отдельного человека, а неформальной подгруппы.

В области динамики малой группы имеются предварительные исследования отдельно по причинам (социально-психологические типы противоречий) и механизму (процессы интеграции и дезинтеграции) изменения группы и ее структурных компонентов.

Однако в дальнейшем требуется уточнить вклад каждого типа и композиции типов противоречий в динамику группы, проявление некоторых закономерностей протекания процессов интеграции и дезинтеграции, более глубоко изучить интеграцию и дезинтеграцию внутри неформальных подгрупп, между неформальными подгруппами, неформальными подгруппами и «само-

стоятельными» членами, между группой и внешней средой, причем в динамической взаимосвязи друг с другом. Важно изучить причины и механизм динамики группы не по отдельности друг от друга, а проанализировать процессы интеграции и дезинтеграции в связи с противоречиями малой группы, что со временем позволит нарабатывать эффективные процедуры прогнозирования и воздействия на динамику малой группы. Так же необходимо в целом конкретизировать роль неформальных подгрупп в динамике малой группы.

Интерес представляет выявление возможности применения концепции к анализу еще не рассматривавшихся в ней групповых процессов и явлений, например таких, как принятие решения, поляризация.

В целом же надо сказать, что намеченная программа исследований по выделенным направлениям в русле микрогрупповой концепции представляется достаточно обширной, не считая более частных вопросов.

Для проверки ряда положений и решения конкретных задач потребуется использование уже не столько опросных методов, сколько специально спланированных экспериментов, которые должны проводиться на естественных группах и подгруппах с использованием не искусственных, а максимально приближенных к реальной жизни задач.

Предлагаемая микрогрупповая концепция дает широкий простор для дальнейших исследований малой группы, и хочется надеяться, что она вызовет интерес и отклик у специалистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев В.С. Взаимоотношения групп с неравным социальным статусом и психологические последствия несправедливости // Психологический журнал. 1990. № 4. С. 12-19.

2. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: МГУ, 1990.

3. Агошкова Е.Б., Ахлибинский Б.В. Эволюция понятия системы // Вопросы философии. 1998. № 7. С. 170-178.

4. Акопов А.Ю. Информационное взаимодействие живых систем со средой (эволюционный аспект) // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1981. М.: Наука, 1981. С.182-192.

5. Алифанов С.А. Основные направления анализа лидерства // Вопросы психологии. 1991. № 3. С. 90-98.

6. Андреева Г.М. Основные направления воздействия общения на совместную деятельность // Общение и оптимизация совместной деятельности. М.:МГУ, 1987. С. 6-20.

7. Андреева Г.М. Социальная психология: Учебник. М.: Аспект Пресс, 2002.

8. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н. Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы. М.: Аспект Пресс, 2001.

9. Андреева Г.М., Шевелева А.Ю. К дискуссии о проблеме группы в социальной психологии // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1998. № 1. С. 41-52.

10. Андреева О.И., Сатикова С.В. Влияние конфликтов справедливости на эффективность деятельности персонала // Ежегодник Российского психологического общества: Материалы 3-го Всероссийского съезда психологов. Т.1. СПб: СпбГУ, 2003. С. 148-152.

11. Антипина Г.С. Изучение малых групп в социологии и социальной психологии. Л., 1967.

12. Антони К., Бунгард В. Саморегулирующиеся рабочие группы: их организация и опыт деятельности // Иностранная психология. 1994. № 1 (3). С. 29-34.

13. Анцыферова Л.И. Методологические принципы и проблемы психологии // Психологический журнал. 1982. № 2. С. 3-17.

14. Аршинов В.И. Синергетика // Новая философская энциклопедия. В 4-х т. Т. 3. М.: Мысль, 2001. С.545-546.

15. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Когнитивные основания синергетики // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М.: Прогресс, 2002. С. 65-108.

16. Аршинов В.И., Войцехович В.Э. Синергетическое знание: между сетью и принципами // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. М.: Прогресс, 2000. С. 107-120.

17. Афонина А., Ефимова Н.В., Макаренко И.А. Неуставные взаимоотношения военнослужащих по призыву как объект психодиагностики // Ежегодник Российского психологического общества: Материалы 3-го Всероссийского съезда психологов. Т.1. СПб: СпбГУ, 2003. С. 237-241.

18. Ашин Г.К., Понеделков А.В, Игнатов В.Г., Старостин А.М. Основы политической элитологии: Учебное пособие. М.: ПРИОР, 1999.

19. Багрецов С.А., Львов В.М., Наумов В.В., Оганян К.М. Диагностика социально-психологических характеристик малых групп с высоким статусом. СПб.: СПбУ МВД, 1999.

20. Батищев Г.С. К вопросу об условиях познания диалектического противоречия // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 167-173.

21. Батищев Г.С. Категория противоречия как мировоззренческая функция // Диалектическое противоречие. М.: Политиздат, 1979. С. 39-58.

22. Башкатов И.П. Психология асоциально-криминальных групп подростков и мо-

лодежи. М.: МПСИ, 2002.

23. Бейкер К. Теория семейных систем М. Боуена // Вопросы психологии. 1991. № 6. С. 155-164.

24. Белоусова А.К. Самоорганизация совместной мыслительной деятельности. Ростов н/Д: РГПУ, 2002.

25. Беннис У., Шепард Г. Теория группового развития // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. М.: МГУ, 1984. С. 142-161.

26. Березовин Н.А., Коломинский Я.Л. Учитель и детский коллектив. Минск, 1975.

27. Берталанфи Л. История и статус общей теории систем // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1973. М.: Наука, 1973. С. 20-37.

28. Библер В.С. Понятие как элементарная форма движения науки // Анализ развивающегося понятия. М.: Наука, 1967. С. 18-98.

29. Библер В.С. Что есть философия // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 159-183.

30. Блауберг И.В., Юдин Б.Г. Понятие целостности и его роль в научном познании. М.: Наука, 1972.

31. Блауберг И.В., Юдин Э.Г., Садовский В.Н. Системный подход // Новая философская энциклопедия. В 4-х т. Т. 3. М.: Мысль, 2001. С. 559-560.

32. Богданов В.А. Графы групповых отношений и метод измерения сплоченности малых групп (постановка вопроса) // Психология личности и малых групп. Л.: ЛГУ, 1977. С. 64-67.

33. Богданова Д.Я. Социально-психологическая характеристика спортивного коллектива. Л.: ГИФК, 1977.

34. Бойко В.В., Ковалев А.Г., Панферов В.Н. Социально-психологический климат коллектива и личность. М.: Мысль, 1983.

35. Бранский В.П., Ильин В.В. Принцип развития. Онтологический аспект диалектики // Материалистическая диалектика / Под общ. ред. Ф.В. Константинова, В.Г. Марахова. В 5-ти т. Т.1. М.: Мысль, 1981. С. 30-49.

36. Бранский В.П., Пожарский С.Д. Синергетический историзм как новая философия истории Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. М.: Прогресс, 2003. С. 36-49.

37. Брушлинский А.В. Один из вариантов системного подхода в психологии мышления // Принципы системности в психологических исследованиях. М.: Наука, 1990. С. 97-103.

38. Будасси С.А. Об одном способе измерения плотности группы // К вопросу о диагностике личности в группе. М., 1973.

39. Будилова Е.А. Социально-психологические проблемы в русской науке. М., 1983.

40. Бэрон Р., Керр Н., Миллер Н. Социальная психология группы: процессы, решения, действия. СПб.: Питер, 2003.

41. Вайсман Р.С. Связь межличностных отношений с групповой эффективностью деятельности // Вопросы психологии. 1977. № 4. С. 64-73.

42. Василькова В.В. Синергетика и архетипические коды социальной самоорганизации // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М.: Прогресс, 2002. С. 247-262.

43. Васильченко Г.С., Решетняк Ю.А. Опыт исследования межличностных отношений у сексологических больных // Проблемы современной сексопатологии. М., 1972. Т.65. С. 161-174.

44. Вересова Н., Хаккарайнен П. Предпосылки возникновения коллективной деятельности у старших дошкольников // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 37-46.

45. Волков И.П. Межличностный контакт как психологическая основа групповобразования // Вопросы психологии познания людьми друг друга и общения. Краснодар: КГУ, 1978.

46. Вяккерев Ф.Ф. Предметное противоречие и его теоретический «образ» // Диалектическое противоречие. М.: Политиздат, 1979. С. 59-77.

47. Гвишиани Д.М. Диалектика развивающихся систем, развитие и управление // Системные аспекты концепции развития. Сб. тр. Вып. 4. М.: ВНИИСИ, 1985. С. 5-14.

48. Гвишиани Д.М. Школа «социальных систем» и принципы системного подхода // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1998. Ч. 2. М.: Эдиториал, 2000. С. 7-22.

49. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: В 3-х т. Т.3.- М.: Мысль, 1977.

50. Гибш Г., Форверг М. Введение в марксистскую социальную психологию. М.: Прогресс, 1972.

51. Гительмахер Р.Б. Социально-психологические особенности отношения исполнителей к руководителю // Вопросы психологии. 1991. № 4. С. 144-151.

52. Голубева В.Н. Социально-психологическая характеристика студенческой группы как коллектива.//Социально-психологические проблемы личности и коллектива школьников и студентов. Сб. научных трудов № 45. Ярославль. 1976. С. 121-126.

53. Горбатенко А.С. Малые группы как объект социальной психологии // Международный симпозиум «Социальная психология – XXI век» Т.1. Ярославль, 1999. С. 137-139.

54. Горбатенко А.С. Методика определения структуры малой группы с помощью формализованного анализа межличностных выборов // Вопросы психологии. 1984. № 4. С. 112-118.

55. Горбатенко А.С. Общая и прикладная психология / Под ред. А.В. Сидоренкова. Ростов н/Д: Феникс, 2002.

56. Горбатенко А.С. Социально-психологические детерминанты включения нового индивида в группу // Вопросы психологии. 1982. № 3. С. 99-104.

57. Горбатенко А.С. Стандартизированное психологическое оценивание руководителя // Социально-психологические методы практической работы в коллективе: диагностика и воздействие. М., 1984. С. 108-115.

58. Горбатенко А.С. Шкала открытости малых групп. Методические указания. Ростов н/Д: РГУ, 1996.

59. Горбатенко А.С., Горбатенко Т.М. Структура межличностных отношений в старших классах: методика и результаты исследования. Ростов н/Д: РГПУ, 1996.

60. Горбатенко А.С., Сидоренков А.В. Мотивы объединения членов малых групп // Международный симпозиум «Социальная психология - XXI век» Т.1. Ярославль, 1999. С. 139-141.

61. Горбатенко А.С., Сидоренков А.В. Психологический механизм динамики малой группы // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион, 2000. № 4. С. 55-59.

62. Горбатенко А.С., Сидоренков А.В. Структурно-функциональный подход к изучению малых групп // Ежегодник Российского психологического общества. Материалы Всероссийского съезда психологов. В 8 т. Т.2. СПб.: СПГУ, 2003. С. 396-399.

63. Горбатенко Т.М. Межличностные отношения и профессиональные намерения старшеклассников // Вопросы психологии. 1988. № 2. С. 138-142.

64. Гришина Н.В. Психология конфликта. Спб: Питер, 2000.

65. Гулевич О.А., Онучин А.Н. Изучение эффектов межгруппового восприятия // Вопросы психологии. 2002. № 3. С. 132-145.

66. Давтян Н.А. Принципы моделирования развивающихся систем // Системные аспекты концепции развития. Сб. тр. Вып. 4. М.: ВНИИСИ, 1985. С. 76-83.

67. Данилин К.Е., Хараш А.У. Диада или триада? // Социально-психологические проблемы руководства и управления коллективами. М., 1974.

68. Делокаров К.Х. Синергетика и познание социальных трансформаций // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. М.: Прогресс, 2003. С. 18-35.

69. Дольник В.А. Непослушное дитя биосферы. М.: Педагогика-Пресс, 1994.

70. Донцов А.И. О понятии «группа» в социальной психологии // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1997. №4. С. 17-25.

71. Донцов А.И. Проблемы групповой сплоченности. М.: МГУ, 1979.

72. Донцов А.И. Психология коллектива: Учебное пособие. М.: МГУ, 1984.

73. Донцов А.И., Дубовская Е.М., Улановская И.М. Разработка критериев анализа совместной деятельности // Вопросы психологии. 1998. № 2. С. 61-71.

74. Донцов А.И., Токарева М.Ю. Социальный контекст как фактор взаимодействия меньшинства и большинства // Вопросы психологии. 1998. № 3. С. 115-123.

75. Дружинин Д.Л., Ванярхо В.Г. Синергетика и методология системных исследований // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1988. М.: Наука, 1988. С. 283-302.

76. Дубов И.Г. Эффекты индивидуально-специфического влияния личности педагога на учащихся // Вопросы психологии. 1990. №5. С.56-65.

77. Егоров В.С. Постнеклассическая наука и современное миропонимание // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. М.: Прогресс, 2003. С. 72-85.

78. Елисеева И.И., Рукавишников В.О. Группировка, корреляция, распознавание образов. М., 1977.

79. Емельянов Ю.В. Заметки о Бухарине: Революция. История. Личность. М.: Мол. Гвардия, 1989.

80. Журавлев А.Л. Принципы системного подхода в исследовании психологии трудового коллектива // Принципы системности в психологических исследованиях. М.: Наука, 1990. С. 114-131.

81. Журавлев А.Л. Роль системного подхода в исследовании психологии трудового коллектива // Психологический журнал. 1988. № 6. С. 53-64.

82. Журавлев А.Л. Социальная психология личности и малых групп: некоторые итоги исследования // Психологический журнал. 1993. № 4. С. 4-15.

83. Журавлев А.Г., Позняков В.П. Динамика межгрупповых отношений в условиях изменения форм собственности // Психологический журнал. 1992. № 4. С. 24-32.

84. Журавлев А.Л., Фролова Н.П. Управленческое взаимодействие в бригадах с разным типом совместной деятельности // Социально-психологические проблемы бригадной формы организации труда. М.: Наука, 1987. С. 140-151.

85. Захарова Ю.Б. О моделях психологической защиты на уровне межгруппового взаимодействия // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1991. № 3. С. 11-17.

86. Игнатов В.Г., Деркач А.А., Понеделков В.В. и др. Профессионализм административно-политических элит. Ростов н/Д: СГАКС, 2002.

87. Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. М.: МГУ, 1991.

88. Ильин О.А. Надежность деятельности спортивных групп в юношеском спорте // Психологические факторы надежности деятельности спортсмена. Вып.1 / Под ред. Н.А. Худодова. М., 1977.

89. Исследование проблем молодежи в ГДР / Под ред. В.А.Северцева. М.: Прогресс, 1976.

90. Каган М.С. Синергетическая парадигма – диалектика общего и особенного в методологии познания разных сфер бытия // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М.: Прогресс, 2002. С. 28-50.

91. Кацура А.В. Научное познание и системные закономерности // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1985. М.: Наука, 1986. С.305-323.

92. Кедров Б.М. Характер изменения объема и содержания развивающихся понятий// Анализ развивающегося понятия /Под общ. ред. Б.М. Кедрова. М.: Наука, 1967. С.306-435.

93. Келли Г., Тибо Д. Межличностные отношения. Теория взаимозависимости // Современная зарубежная социальная психология. Тексты / Под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской М.: МГУ, 1984. С. 61-81.

94. Киричук А.В. Опыт социально-психологического изучения положения ребенка в системе коллективных отношений // Ребенок в системе общения в классном коллективе. М., 1972.

95. Киричук А.В. Положение детей в системе общения в классном коллективе // Проблемы общения и воспитание. Ч. 2. Тарту, 1974.

96. Киричук А.В. Структура и динамика взаимоотношений в коллективе // Коллектив, личность ребенка, внутриколлективные отношения. Материалы 1 Всесоюзных педагогических чтений и симпозиума по проблеме формирования личности ребенка в коллективе. М., 1970. С. 137-148.

97. Кирпичник А.Г. Исследование динамики коллективообразования в юношеских группах. Автореф…канд. психолог. наук. М., 1980.

98. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб.: Алетейя, 2002.

99. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетическое расширение антропного принципа // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. М.: Прогресс, 2000. С. 81-106.

100. Козырев Г.И. Введение в конфликтологию. М.: ВЛАДОС, 2001.

101. Коломейцев Ю.А. Взаимоотношения в спортивной команде. М.: ФиС, 1984.

102. Коломинский Я.Л. Дифференциация социальной психологии и проблемы воспитания // Вопросы психологии. 1983. № 2. С. 60-67.

103. Коломинский Я.Л. Психология взаимоотношений в малых группах: Учебное пособие. Минск: ТетраСистемс, 2000.

104. Коломинский Я.Л. Психология личных взаимоотношений в детском коллективе (очерк социальной психологии школьного класса). Минск: Народная Асвета, 1969.

105. Кон И.С. Дружба: этико-психологический очерк. М.: Политиздат, 1989.

106. Кондратьев М.Ю. Особенности межличностных отношений в профессионально специализированных интернатах // Вопросы психологии. 1995. № 6. С. 33-42.

107. Костинская А.Г. Феномен идентичности как структурирующий фактор // Мир психологии. 2003. № 1. С. 186-198.

108. Кретти Б.Д. Психология в современном спорте. М.: ФиС, 1978.

109. Кричевский Р.Л. Проблема сплоченности малых групп в зарубежной социальной психологии // Вопросы психологии. 1973. № 3.

110. Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. О функции и механизме идентификации во внутригрупповом межличностном общении // Психология межличностного познания. М.: Педагогика, 1982. С. 92-122.

111. Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. Социальная психология малой группы. М.: Аспект Пресс, 2001.

112. Кричевский Р.Л., Рыжак М.М. Психология руководства и лидерства в спортивном коллективе. М., 1985.

113. Кузнецова Г.И. К вопросу об особенностях развития социальной активности современного подростка // Психологические условия и механизмы воспитания подростков. Сб. научн. трудов. М., 1983. С. 25-37.

114. Лебедев В.И. Личность в экстремальных условиях. М.: Политиздат, 1989.

115. Левин К. Теория поля в социальных науках. Спб: «Сенсор», 2000.

116. Линчевский Э.Э. Психологический климат туристской группы. М.: ФиС, 1981.

117. Лишин О.В., Краснoплахтова Л.И. Полнота сформированности ведущей деятельности в подростковом периоде развития и задача реабилитации отклоняющегося поведения подростков // Психологические проблемы выявления и коррекции отклоняющегося поведения школьников: Сб. научн. трудов. М., 1990. С. 36-42.

118. Ломов Б.Ф. О системной детерминации психических явлений и поведения // Принципы системности в психологических исследованиях. М.: Наука, 1990. С. 10-18.

119. Лоренц К. Агрессия (так называемое зло). М.: Прогресс, Универс, 1997.

120. Лутошкин А.Н. Эмоциональные потенциалы коллектива. М.: Педагогика, 1988.

121. Лутошкин А.Н., Чернышев А.Н., Шанин Е.А., Полонский И.С. Комплексное экспериментальное исследование контактных студенческих групп // Социально-психологические вопросы общественной активности школьников и студентов. Уч. зап. Т.88. Курск, 1971. С. 40.

122. Майнцер К. Сложность и самоорганизация. Возникновение новой науки и культуры на рубеже века // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. М.: Прогресс, 2000. С. 56-79.

123. Макаренко А.С. Педагогические сочинения. В 8-ми т. Т.4. М.: Педагогика, 1983. С. 252.

124. Маслова Н.Ф. Исследование малых групп в организованном коллективе подростков. Автореферат …кандидата психологических наук. М., 1969.

125. Материалистическая диалектика / Под общ. ред. Ф.В. Константинова, В.Г. Марахова. В 5-ти т. Т.1. М.: Мысль, 1981.

126. Методы социальной психологии / Под ред. Е.С. Кузьмина, В.В. Семенова. Л.: ЛГУ, 1977.

127. Михайлов Н., Земляной С. «Ультиматум» демократизму // Переписка на исторические темы. М.: Политиздат, 1989. С. 29-46.

128. Млечин Л.М. Кремль. Президенты России. Стратегия власти от Б.Н. Ельцина до В.В. Путина М.: Центрполиграф, 2002.

129. Морено Я.Л. Социометрия: экспериментальный метод и наука об обществе. М.: Акад.проект, 2001.

130. Московичи С. Общество и теория в социальной психологии // Современная зарубежная социальная психология. Тексты / Под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. М.: МГУ, 1984. С. 208-228.

131. Московичи С., Мюньи Г., Перес Х. Влияние меньшинства // Иностранная психология. 1994. № 2 (4). С. 18-24.

132. Мудрик А.В. К изучению устойчивости выбора друзей // Общение как предмет теоретических и прикладных исследований. Л., 1973.

133. Мудрик А.В. К изучению устойчивости предпочтений школьников // Проблемы общения и воспитание. Т.2. Тарту, 1973.

134. Немов Н.С. Сверхнормативная деятельность как выражение активной социальной позиции коллектива и личности // Вопросы психологии. 1985. № 4. С. 93-101.

135. Немов Р.С., Синягин Ю.В. Мотивация достижения, уровень притязания и эффективность групповой деятельности // Психологический журнал. 1987. № 1. С. 46-54.

136. Оберемко О.А. Опыт антомимического анализа стратегий конструирования социальной идентичности // Ежегодник Российского психологического общества: Материалы 3-го Всероссийского съезда психологов. Т.6. СПб: СпбГУ, 2003. С. 129-133.

137. Обозов Н.Н. Межличностные отношения. Л.: ЛГУ, 1979.

138. Обозов Н.Н., Полуэктова Н.И., Балабова С.Л. Индивидуально-личностные характеристики и их связь с особенностями конвергенции мнений в группе // Психология личности и малых групп. Л.: ЛГУ, 1977. С. 58-64.

139. Общая психология. Учебник / Под ред. А.В. Петровского. М.: Просвещение, 1986. С. 140.

140. Общение детей в детском саду / Под ред. Т.А. Репиной, Р.Б. Стеркиной. М.: Педагогика, 1990.

141. Оруджев З.М. Формально-логическое и диалектическое противоречия. Различие структур // Диалектическое противоречие. М.: Политиздат, 1979. С. 78-95.

142. Паниотто В.И. Структура межличностных отношений. Киев, 1975.

143. Параносич В., Лазаревич Л. Психодинамика спортивной группы. М.: ФиС, 1977.

144. Парохин В.И. Социально-психологическое исследование личности и группы в условиях отрыва от адаптивной среды. Автореф…канд. психолог. наук. Л. 1973.

145. Петровский А.В. «Решетка противостояния позиции» как принцип диагностики уровня развития межличностных отношений // Вопросы психологии. 1985. № 2. С. 32-38.

146. Петровский А.В., Шпалинский В.В. Социальная психология коллектива. Учебное пособие. М.: Просвещение, 1978.

147. Пирожков В.Ф. Криминальная психология. Психология подростковой преступности. Кн.1-я. М.: Ось-89, 1998.

148. Пирожков В.Ф. Криминальная психология. Подросток в условияъх социальной изоляции. Кн.2-я. М.: Ось-89, 1998.

149. Пихоя Р.Г. Советский союз: история власти. 1945-1991. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000.

150. Платонов Ю.П. Психология коллективной деятельности. Л.: ЛГУ, 1990.

151. Платонов К.К. О системе психологии. М., 1972.

152. Платонов К.К., Ильин О.А. К проблеме оптимизации психологической структуры спортивного коллектива // Психологические факторы надежности деятельности спортсмена. Вып.1. М., 1977. С. 71-75.

153. Понеделков А.В. Политическая элита: генезис и проблемы ее становления в России. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 1995.

154. Поппер К. Что такое диалектика // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 118-138.

155. Порус В.Н. Диалектическое противоречие и принцип отражения // Диалектическое противоречие. М.: Политиздат, 1979. С. 156-179.

156. Поспехов И.М. Психологическая характеристика избирательных (личных) отношений между детьми в коллективе. Автореферат …кандидата психологических наук. М., 1973.

157. Правоторов Г.В. Зоопсихология. Учебное пособие. Новосибирск: ЮКЭА, 2001.

158. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986.

159. Психологическая теория коллектива / Под ред. А.В. Петровского. М.: Педагогика, 1979.

160. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990. С.140.

161. Психология развивающейся личности / Под ред. А.В. Петровского. М.: Педагогика, 1987. С.38-76.

162. Ритцер Д. Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002.

163. Рубцов В.В. Совместная учебная деятельность в контексте проблемы соотношения социальных взаимодействий и обучения // Вопросы психологии. 1998. № 5. С. 49-59.

164. Сабелли Г., Карлсон-Сабелли Л. Социодинамика: применение процессуальных методов в социальных науках // Синергетика и психология. Тексты. Вып. 2. М.: Янус-К, 2000. С. 233-269.

165. Садовский В.Н. Карл Поппер, Гегелевская диалектика и формальная логика // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 139-147.

166. Садовский В.Н. Проблемы общей теории систем как метатеории // Системные исследования, Ежегодник 1973. М.: Наука, 1973. С. 127-146.

167. Садовский В.Н. Система // Новая философская энциклопедия. В 4-х т. Т. 3. М.: Мысль, 2001. С. 552-553.

168. Сарджвеладзе Н.И. Изучение некоторых процессов в группе методом фиксированной установки // Вопросы психологии. 1987. №1. С.148-153.

169. Селиванов В.И. Студенческие коллективы // Коллектив и личность /Под ред. Е.В.Шороховой. М.: Наука, 1975. С. 155-164.

170. Сетров М.И. Основные принципы и аспекты организации систем // Принципы организации систем и их методологическое значение / Под ред. М.И. Сетрова. Киев, Одесса: Высша школа, 1988. С. 6-25.

171. Сетров М.И. Цель, функция и организованность биологических и социально-экономических систем // Принципы организации систем и их методологическое значение / Под ред. М.И. Сетрова. Киев, Одесса: Высша школа, 1988. С. 78-90.

172. Сидоренков А.В. Активность в реализации ценностей как фактор развития группы // Актуальные проблемы социальной психологии. Кострома: КГПИ, 1992. С. 123-124.

173. Сидоренков А.В. Движущие причины и механизм динамики малой группы // Ежегодник Российского психологического общества. Материалы Всероссийского съезда психологов. В 8 т. Т.7. СПб.: СПГУ, 2003. С. 176-179.

174. Сидоренков А.В. Механизм изменения личности и малой группы // Психологический вестник. Вып.3. Ростов н/Д: РГУ, 1998. С. 91-94.

175. Сидоренков А.В. Направления психолого-педагогического воздействия на учебные группы // Вопросы психологии. 1998. № 4. С. 21-29.

176. Сидоренков А.В. Психологические противоречия в малой группе // Вопросы психологии. 2003. № 1. С. 41-50.

177. Синягин Ю.В. Динамика процесса коллективообразования // Вопросы психологии. № 1992. № 1-2. С. 111-117.

178. Синягин Ю.В. Способ выявления оценочных суждений членов группы // Вопросы психологии. 1985. № 6. С. 139-145.

179. Смирнов Г.А. Основы формальной теории целостности (часть первая) // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1979. М.: Наука, 1980. С. 91-127.

180. Смирнов Г.А. Основы формальной теории целостности (часть третья) // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1983. М.: Наука, 1983. С. 125-145.

181. Смирнов Г.А. Понятие целостности и принципы построения систем знания // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1997. М.: Эдиториал УРСС, 1997. С. 180-202.

182. Смирнова Е.О., Утробина В.Г. Развитие отношения к сверстнику в дошкольном возрасте // Вопросы психологии. 1996. № 3. С. 5-14.

183. Сорокин А.А. О понятии противоречия в диалектике // Диалектическое противоречие. М.: Политиздат, 1979. С. 96-121.

184. Соснин В.А. Автономные рабочие группы: теория и практика метода в исследованиях западной организационной психологии // Психологический журнал. 1990. № 6. С. 28-37.

185. Спиркин А.Г. Противоречие // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 545-546.

186. Степин В.С. Смена типов научной рациональности // Синергетика и психология. Тексты. Вып. 1. М.: МГСУ «Союз», 1997. С. 108-122.

187. Сушков И.Р. Социально-психологическая теория Д.Тернера // Психологический журнал. 1993. № 3. С. 115-125.

188. Терехин В.А. Проблемы методов аппаратурного исследования совместной деятельности // Совместная деятельность: методология, теория, практика. М.: Наука, 1988. С. 193-206.

189. Тернер Д. Социальное влияние. СПб.: Питер, 2003.

190. Тернер Д., Оукс П., Хэслем С., Дэвид В. Социальная идентичность, самокатегоризация и группа // Иностранная психологии. 1993. № 1. С. 8-17.

191. Титов С.А. Взаимоотношение целого и частей в живых системах // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1991. М.: Наука, 1991. С. 71-90.

192. Токарева М.Ю., Донцов А.И. Меньшинство как источник социального влияния // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 50-62.

193. Толочек В.А. Стили профессиональной деятельности в условиях взаимодействия субъектов // Психологический журнал. 2000. № 3. С. 96-103.

194. Трофимова И.Н. Моделирование социального поведения // Синергетика и психология. Тексты. Вып.2. М.: ЯНУС-К, 2000. С. 133-142.

195. Тэджфел Г. Эксперименты в вакууме // Современная зарубежная социальная психология. Тексты / Под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. М.: МГУ, 1984. С. 229-243.

196. Уемов А.И. Методы построения и развития общей теории систем // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1973. М.: Наука, 1973. С. 147-157.

197. Уманский Л.И. Индикаторы уровня социально-психологической зрелости первичного коллектива // Социально-психологические проблемы личности и коллектива. Ярославль: ЯГПИ, 1977. С. 5-19.

198. Уманский Л.И. К проблеме психологической оценки «коллективной деятельности» и структуры контактной группы как коллектива // Социально-психологические аспекты общественной активности школьников и студентов. Ярославль: ЯГПИ, 1975.

199. Уманский Л.И. Методы экспериментального исследования социально-психологических феноменов // Методология и методы социальной психологии. М.: Наука, 1977. С. 54-71.

200. Уманский Л.И. Психология организаторской деятельности школьников. М.: Просвещение, 1980.

201. Уманский Л.И. и др. Критерии диагностики общественной активности группы как коллектива // Социально-психологические вопросы общественной активности школьников и студентов. Курск: КГПИ, 1971.

202. Фельдштейн Д.И. Психология развития личности в онтогенезе. М.: Педагогика, 1989.

203. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: ИПТ, 2002.

204. Фролов С.С. Социология: учебник. 2-е изд. М.: Логос, 1997. С. 193-237.

205. Хакен Г. Можем ли мы применять синергетику в науках о человек? // Синергетика и психология. Тексты. Вып. 2. М.: Янус-К, 2000. С. 11-25.

206. Хакен Г. Основные понятия синергетики // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. М.: Прогресс, 2000. С. 28-55.

207. Хакен Г. Синергетика и некоторые ее применения в психологии // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М.: Прогресс, 2002. С. 296-306.

208. Ханин Ю.Л. Психология общения в спорте. М.: ФиС, 1980.

209. Харре Р. Вторая когнитивная революция // Психологический журнал. 1996. №2. С.3-15.

210. Харшиладзе М.И. Влияние межличностных отношений на эффективность совместной мыслительной деятельности // Вопросы психологии. 1990. №5. С. 144-149.

211. Холл А.Д, Фейджин Р.Е. Определение понятия системы // Исследования по общей теории систем. М., 1969. С.252-282.

212. Цехновичер В.М. Способ измерения показателя ценностно-ориентационного единства малой группы // Вопросы психологии. 1984. № 2. С. 130-132.

213. Цискаридзе М.А. Влияние установки на проявления конформности индивида в подставной группе // Вопросы психологии. 1988. № 4. С. 143-149.

214. Цукерман Г.А. Предметность совместной учебной деятельности // Вопросы психологии. 1990. №1. С.41 –49.

215. Челноков В.М. К операционализации понятия целостности // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1985. М.: Наука, 1986. С. 103-112.

216. Чернавский Д.С. О методологических аспектах синергетики // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М.: Прогресс, 2002. С. 51-56.

217. Чернышев А.С. Дифференциация социальной среды и личностное развитие молодежи // Ежегодник Российского психологического общества: Материалы 3-го Всероссийского съезда психологов. Т.8. СПб: СпбГУ, 2003. С. 272-276.

218. Чернышев А.С. Социально-психологические основы организованности первичного коллектива (на материале исследования молодежных групп и коллективов). Автореферат …доктора психологических наук. М., 1980.

219. Чернышев А.С., Гребеньков Н.Н. Психологические аспекты дезорганизации в деятельности групп школьников и студентов // Социально-психологические аспекты организации и самоорганизации первичного коллектива. Курск: КГПИ, 1980. С. 108-116.

220. Чернышев А.С., Клименко В.В. Психологические аспекты включенности личности в организацию коллектива и его самоуправляемость // Социально-психологические аспекты организации и самоорганизации первичного коллектива. Курск: КГПИ, 1980. С. 16-29.

221. Чернышев А.С., Крикунов А.С. Социально-психологические основы организованности коллектива. Воронеж: ВГУ, 1991.

222. Чернышев А.С., Сурьянинова Т.И. Генезис группового субъекта деятельности // Психологический журнал. 1990. № 2. С. 7-15.

223. Шакуров Р.Х. Функционально-деятельностный подход к исследованию руководства трудовым коллективом // Психологический журнал. 1985. №6. С. 82-89.

224. Шапиро С.И. Об одной математической модели малой группы // Социально-психологические вопросы общественной активности школьников и студентов. Курск, 1971.

225. Шацкий С.Т. Грядущая школа // Педагогические сочинения. В 4 т. Т.2. М.: Просвещение, 1965. С. 73-79.

226. Швырев В.С. Как нам относиться к диалектике // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 152-158.

227. Шевандрин Н.И. Определение единства ценностных ориентаций и уровня развития группы выборочным методом // Вопросы психологии. 1989. № 3. С. 142-150.

228. Шевандрин Н.И. Принцип «решетки противостояния позиций» в диагностике межличностных отношений // Вопросы психологии. 1992. № 1-2. С. 117-124.

229. Шептулин А.П. Диалектический метод познания. М.: Политиздат, 1983. С. 193-215.

230. Шеклтон В. Психология лидерства в бизнесе. М.: Питер, 2003.

231. Шефер Б., Бернд. Ш. Социальная идентичность и групповое сознание как медиаторы межгруппового поведения // Иностранная психология. 1993. № 1. С. 74-83.

232. Широкова И.А. Устойчивость общения пар студентов в связи с некоторыми индивидуально-личностными особенностями // Общение как предмет теоретических и прикладных исследований. Л., 1973.

233. Шиханцов Г.Г. Юридическая психология. М.: Зерцало-М, 2002.

234. Шихирев П.Н. Современная социальная психология. М.: ИП РАН, КСП+, 2000.

235. Шпалинский В.В. Экспериментально-психологическое исследование плотности малых групп // Новые исследования в психологии. Вып.1. М., 1973.

236. Щедровицкий Г.П. Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1981. М.: Наука, 1981. С. 193-227.

237. Щедровицкий Г.П. Проблемы построения системной теории сложного «популятивного» объекта // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1975. М.: Наука, 1976. С. 172-214.

238. Ээбик П. Некоторые проблемы и особенности подгруппы // Материалы Вильнюсской конференции психологов Прибалтики. Вильнюс, 1972. С. 39.

239. Юдин Б. Г. Системные представления в функциональном подходе // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1973. М.: Наука, 1973. С. 108-126.

240. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1978.

241. Яблонский А.Н. Методологические вопросы анализа сложных систем // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1981. М.: Наука, 1984. С. 52-65.

242. Allport F.H. Social psychology. Boston: Houghton-Mifflin, 1924.

243. Bion W.R. Experiences in groups. New York: Basic Books, 1961.

244. Borden M.H. & Levinger G. Interpersonal transformations in intimate relationships // Advances in personal relationships / Eds. W.H.Jones & D.Perlman. London: Jess. King. Publ., 1991. pp. 35-56.

245. Breikwell G. Integrating Paradigms, Metodological Implications // Approaches to Socisl Representations. Oxford, 1997.

246. Brunner E., Tschacher W. Distanzregulierung und Gruppenstruktur beim Prozeß der Gruppenentwicklung. Theoretische Grundlagen und methodische Überlegungen // Zeitschrift für Socialpsychologie. 1991. 22. N 2. pp. 87-101.

247. Cota A.A., Longman R.S., Evans C.R., Dion K.L., Kilik L. Using and misusing factor analysis to explore group cohesion // Journal Clinical Psychology. 1995. 51. N 2. pp. 308-316.

248. Cranach M. Toward a theory of the acting group // Understanding group behavior. Small group processes and interpersonal relations / Eds. E.H. Witte & J. Davis. Vol. 2. pp. 147-187.

249. Fisch R., Daniel H. D. & Beck D.. Kleingruppenforschung - Forschungsschwerpunkte und Forschungstrends // Gruppendynamik. 1991. 22. N 3. pp. 237-261.

250. Fengler J. Sozialogische und Sozialpsychologische Gruppenmodelle // Modelle der Gruppe in Psychotherapie und pszchosozialer Arbeit / Hrsg. Petzold H. & Fruhmann R. Paderborn: Junfer., 1986. pp. 33-108.

251. Kahn C. Group disjunction // Psychoanalysis and Psychotherapy. 1991. 9. N 2. pp. 151-161.

252. McGrath J. E. Groups: Interaction and performance. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1984.

253. Moreland R. L., Hogg M. A. & Hains S.C. Back to the future: Social psychological research on groups // Journal of Experimental Social Psychology. 1994. 30. pp. 527-555.

254. Parks R.M. & Eggert L.L. The role of social context in the dynamics of personal relationships // Advances in personal relationships /Eds. W.H.Jones & D.Perlman. London: Jess. King. Publ., 1991. pp. 1-34.

255. Pühl H. Die Bedeutung der Gruppe für die Entwicklung des Menschen // Gruppendynamik. 1992. 23. N 2. pp. 181-190.

256. Remer R. Strong sociometry: a definition // Journal of Group Psychotherapy, Psychodrama & Sociometry. 1995. N 2. pp. 69-74.

257. Roach J., Billman D. Issues in the multiply representation of social groups // Bulletin of the Psychonomic Society. 1993. 31. N 5.

258. Clark R.D. Minority influence: The role of the rate of majiority defection and persuasive arguments // Europen Journal of Social Psychology. 1998. 28. N 5. pp. 787-796.

259. Sader M. Anmerkungen zum Stand der Kleingruppenforschung // Gruppendynamik. 1991. 21. N 3. pp. 263-278.

260. School W. Gruppenarbeit: Die Kluft zwischen sozialpsychologisher Theoriebildung und organisationspsychologisher Anwendung // Gruppendynamic. 1997. 28. N 4. pp. 381-403.

261. Shaw, M.E. Group dynamics: The psychology of small group behavior. New York: McGraw-Hill, 1971.

262. Simpson J. A. & Wood W. Where ist the group in social psychology? An historical overview // Group process and productivity /Eds.Worchel, W. Wood & J. A. Simpson. Newbury Park, CA: Sage. 1992. pp. 1-10.

263. Steiner I. D. Whatever happened to the group in social psychology? // Journal of Experimental Social Psychology. 1974. 10. pp. 94-108.

264. Steiner I. D. Group process and productivity. New York: Academic Press, 1972.

265. Steiner I. D Paradigms and groups // Advances in Experimental Social Psychology /Ed. L. Berkowitz. New York:Academic Press, 1986. 19. pp. 251-289.

266. Stephenson G.M. Intergroupbargaining and negotiation // Intergroup behavior/ Eds. J.Turner, H.Giles. Oxford, 1984.

267. Tejfel H., Turner J. An integrative theory of intergroupe conflict // The Social Psychology of Intergroupe Relations / Eds. W.Austin, S.Worchel. Monterey, CA: Brooks,1979. pp. 1-43.

268. Tejfel H., Turner J. The social identity theory of intergroupe behaviour // Psychology of intergroupe relations / Eds. S.Worchel, W.Austin. Chicago: Nelson-Hall, 1986. pp. 7-24.

269. Tuckman B.W. Developmental sequences in small groups // Psychological Bulletin. 1965. 63. pp. 384-399.

270. Turner J., Hogg M., Oakes P., Reicher S., Wetherell M. Rediscovering the social group: A self-categorization theory. Oxford: Basil Blackwell, 1987.

271. Witte E.H., Lecher S. Sozialpsychologische Kleingruppenforschung und betriebliche Gruppenarbeit: Zum Verhältnis von Theorie und Praxis // Gruppendynamic. 1997. 28. N 4. pp. 351-363.

272. Ulich E. Arbeitspsychologie (3., überarb. und erw. Aufl.). Zürich/Stuttgart: vdf Hochschulverlag/Schäffer-Poeschel, 1994.

273. Yoshida F., Kubota K. // Shinrigaku kenkyu – Japanes Journal of Psychology. 1994. N 5. pp. 346-354.

274. Zani B. Lo studio delle Relazioni tra gruppi: «Dopo» e «Oltre» la tearia di Tajfel // G. Ital. Psychol. 1992. N 3. pp. 357-386.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

Таблица 1

Тип (10-е кл. школы) и социально-психологическая структура группы

Социально-психологическая структура										
Численный состав подгрупп	2	3	4	5	6	7	8	9	10	«0»
Количество подгрупп в группах (%)	39 40	34.1 26.7	7.5 13.3	15.8 15.5	1.2 0	1.2 4.5	1.2 0	--	--	--
Количество подгрупп в группах ($\bar{x}$)	2 2	1.75 1.3	0.37 0.66	0.81 0.77	0.06 0	0.06 0.22	0.06 0	--	--	--
Численность людей включенных в подгруппы (%)	14.9 15.7	19.6 15.7	5.5 10.5	15.2 15	1.4 0	1.8 6.3	1.8 0	--	--	39.8 36.7

Примечание: а) цифра над чертой – показатель по 1-му исследованию, а под чертой – по повторному исследованию; б) «0» – члены группы, не включенные в подгруппы.

Таблица 2

Тип (11-е кл. школы) и социально-психологическая структура группы

Социально-психологическая структура										
Численный состав подгрупп	2	3	4	5	6	7	8	9	10	«0»
Количество подгрупп в группах (%)	25	25	12.5	31.2	--	6.3	--	--	--	--
Количество подгрупп в группах ($\bar{x}$)	0.8	0.8	0.4	1	--	0.2	--	--	--	--
Численность людей включенных в подгруппы (%)	8.7	10.2	7.2	22.5	--	6.4	--	--	--	45

Таблица 3

Тип (техникум) и социально-психологическая структура группы

Социально-психологическая структура										
Численный состав подгрупп	2	3	4	5	6	7	8	9	10	«0»
Количество подгрупп в группах (%)	60 33.3	21.5 33.3	4.6 29.2	7 4.2	4.6 0	2.3 0	--	--	--	--
Количество подгрупп в группах ($\bar{x}$)	2.6 1.66	0.9 1.33	0.2 1.16	0.3 0.16	0.2 0	0.1 0	--	--	--	--
Численность людей включенных в подгруппы (%)	21.6 10.9	11.4 16.4	3.4 19.3	6.3 3.4	5 0	2.9 0	--	--	--	49.4 50

Примечание: а) цифра над чертой – показатель по 1-му исследованию, а под чертой – по повторному исследованию; б) «0» – члены группы, не включенные в подгруппы.

Таблица 4

Тип (ВУЗ) и социально-психологическая структура группы

Социально-психологическая структура										
Численный состав подгрупп	2	3	4	5	6	7	8	9	10	«0»
Количество подгрупп в группах (%)	40.4 44.3	25.2 39.3	14.6 8.3	15.8 6.5	3 1.6	--	--	1 0	--	--
Количество подгрупп в группах ($\bar{x}$)	1.9 2.2	1.14 1.7	0.6 0.5	0.9 0.4	0.21 0.05	--	--	0.02 0	--	--
Численность людей включенных в подгруппы (%)	12.7 17	12.5 20	9.1 6.8	17.4 7.2	5.2 1	--	--	1 0	--	42.1 48

Таблица 5

Тип (армейские подразделения) и социально-психологическая структура группы

Социально-психологическая структура										
Численный состав подгрупп	2	3	4	5	6	7	8	9	10	«0»
Количество подгрупп в группах (%)	45	34	16	5	--	--	--	--	--	--
Количество подгрупп в группах ($\bar{x}$)	1.54	1.18	0.54	0.18	--	--	--	--	--	--
Численность людей включенных в подгруппы (%)	12.3	15.2	8.7	3.6	--	--	--	--	--	60.2

Таблица 6

Тип (фирма) и социально-психологическая структура группы

Социально-психологическая структура										
Численный состав подгрупп	2	3	4	5	6	7	8	9	10	«0»
Количество подгрупп в группах (%)	22	56	--	22	--	--	--	--	--	--
Количество подгрупп в группах ($\bar{x}$)	0.67	1.67	--	0.67	--	--	--	--	--	--
Численность людей включенных в подгруппы (%)	11.5	42	--	27	--	--	--	--	--	19.5

ПРИЛОЖЕНИЕ №2

Таблица 1
Параметры малой группы
и количественные характеристики неформальных подгрупп

Тип групп	Объем выборки	Числовые характеристики	
		Сред.значен.	Станд.откл.
		1-е исследование	
Школа-10,11(1)	21	0.49	0.08
Школа-10,11(2)	21	0.36	0.05
Школа-11,11(3)	21	25.8	4.9
Школа-10,11(4)	21	5	2.1
Школа-10,11(5)	21	34	28
Школа-10,11(6)	21	61.6	10.6
Техникум(1)	11	0.31	0.19
Техникум(2)	11	0.38	0.16
Техникум(3)	11	21.55	9.63
Техникум(4)	11	4.2	2
Техникум(5)	11	55.7	22.1
Техникум(6)	11	47.7	20.3
ВУЗ(1)	14	0.48	0.1
ВУЗ(2)	14	0.36	0.06
ВУЗ(3)	14	28.6	5.1
ВУЗ(4)	14	5.6	1.9
ВУЗ(5)	14	42.5	19.1
ВУЗ(6)	14	62	12.5
Армия(1)	11	0.43	0.18
Армия(3)	11	25.1	7.4
Армия(4)	11	3.45	1.2
Армия(5)	11	42.5	21.1
Армия(6)	11	43.85	20.7
		2-е исследование	
Школа-10,11(1)	10	0.5	0.06
Школа-10,11(2)	10	0.36	0.06
Школа-11,11(3)	10	25.4	5.9
Школа-10,11(4)	10	5.6	1.7
Школа-10,11(5)	10	42.7	26.6
Школа-10,11(6)	10	67.1	7.4
Техникум(1)	6	0.37	0.17
Техникум(2)	6	0.33	0.09
Техникум(3)	6	24.2	4.2
Техникум(4)	6	4.3	1.6
Техникум(5)	6	32.2	26.4
Техникум(6)	6	52.5	10.3
ВУЗ(1)	8	0.44	0.06
ВУЗ(2)	8	0.33	0.1
ВУЗ(3)	8	27.4	4.2
ВУЗ(4)	8	5.4	1.9
ВУЗ(5)	8	48.9	18.7
ВУЗ(6)	8	53.9	11.3

Примечание: *1 – эмоциональная сплоченность, 2 - ценностно-ориентационное единство, 3 – численность группы, 4 – количество подгрупп, 5 - количество диад(%), 6 – количество людей в подгруппах(%).*

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3

Таблица 1

Мотивы объединения и динамика неформальных подгрупп
(в % проявления мотивов)

Мотивы объединения членов подгрупп		**Динамика подгрупп**	
№	**Содержание мотива**	**Сохранивш. подгруппы**	**Распавшиеся подгруппы**
1	Спорт	17	19
2	Музыка	36	27
3	Учеба	78	66
4	Компьютеры	8	3
5	Книги	22	16
6	Знакомство родителей	17	2
7	Личные проблемы	64	35
8	Автомобили	6	6
9	Курение, спиртные напитки	6	10
10	Парапсихология, магия…	6	0
11	Национальные традиции	0	0
12	Общие знакомые	39	32
13	Домашние животные	6	5
14	Давнее знакомство	22	11
15	Будущая учеба или профессия	28	37
16	Кино или видеофильмы	6	2
17	Отдых	39	47
18	Соседство	8	16
19	Материальный достаток и …	3	0
20	Обсуждение знакомых и …	14	11
21	Наркотики	0	0
22	Модные вещи и одежды	6	5
23	Выяснение отношений с …	6	2
24	Поиск смысла жизни	3	3
25	Раскованный образ жизни	3	3
26	Шутки над другими	11	8
27	Коллекционирование	0	0
28	Зарабатывание денег, работа	0	0
29	Наука	0	0
30	Здоровье	0	2
31	Религия	0	0
32	Политика	0	0
33	Семейные проблемы	3	2

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4

Таблица 1

Мотивы объединения членов неформальных подгрупп разной численности
(в % проявления мотивов по всем подгруппам первого и повторного исследования)

Мотивы объединения членов подгрупп		**Численный состав подгрупп**	
№	Содержание мотива	**диады**	**N=3 и более**
1	Спорт	5.3	3.5
2	Музыка	5.8	7.8
3	Учеба	17.2	18.6
4	Компьютеры	0.8	1.5
5	Книги	4.2	3.8
6	Знакомство родителей	1.6	1.8
7	Личные проблемы	12.7	13.2
8	Автомобили	1.6	1.5
9	Курение, спиртные напитки	3.4	2.5
10	Парапсихология, магия…	1.1	0
11	Национальные традиции	0	0
12	Общие знакомые	8.8	7.8
13	Домашние животные	0.8	0.7
14	Давнее знакомство	5	3.5
15	Будущая учеба или профессия	5.2	8.1
16	Кино или видеофильмы	1.6	1.8
17	Отдых	12.7	11.8
18	Соседство	3.8	1.8
19	Материальный достаток и …	0.4	0
20	Обсуждение знакомых и …	1.6	3.8
21	Наркотики	0	0
22	Модные вещи и одежды	1.6	1
23	Выяснение отношений с …	0.4	0.7
24	Поиск смысла жизни	0.4	0.7
25	Раскованный образ жизни	0.8	0.2
26	Шутки над другими	1.9	2.3
27	Коллекционирование	0	0
28	Зарабатывание денег, работа	0	0.2
29	Наука	0	0.5
30	Здоровье	0.4	0.2
31	Религия	0	0.2
32	Политика	0	0
33	Семейные проблемы	0.8	0.5

ПРИЛОЖЕНИЕ №5

Таблица 1

Сплоченность (по межличностным выборам) группы и ее структурных компонентов (данные по 1-му исследованию)

Тип и № группы	**Сплоченн. группы**	**Подгруппы и их сплоченность**										**«Самостоят.»**
		1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**	σ	
Ш1	0.19	0.5	1	1	1	1	-	-	-	-	0.15	0.33
Ш2	0.14	0.8	1	1	0.67	1	0.67	-	-	-	0.16	0.11
Ш3	0.11	1	1	1	1	1	1	-	-	-	0	0.04
Ш4	0.13	0.9	0.6	1	1	1	-	-	-	-	0.14	0.12
Ш5	0.16	1	1	1	0.67	1	1	0.67	-	-	0.16	0.13
Ш6	0.22	0.8	0.8	0.67	-	-	-	-	-	-	0.11	0.33
Ш7	0.19	1	1	0.33	-	-	-	-	-	-	0.39	0.08
Ш8	0.19	1	1	1	1	-	-	-	-	-	0	0.17
Ш9	0.12	1	1	1	0.5	1	1	-	-	-	0.2	0.1
Ш10	0.12	1	0.9	1	1	-	-	-	-	-	0.05	0.1
Ш11	0.2	0.9	1	1	-	-	-	-	-	-	0.06	0.14
Ш12	0.1	0.83	1	1	1	1	1	1	1	1	0.05	0
Ш13	0.16	0.8	1	1	1	1	1	1	-	-	0.08	0.14
Ш14	0.15	0.7	1	1	1	1	0.67	1	-	-	0.15	0.06
Ш15	0.25	0.95	1	1	-	-	-	-	-	-	0.03	0.14
Ш16	0.23	0.9	1	1	-	-	-	-	-	-	0.06	0
Ш17	0.29	1	1	-	-	-	-	-	-	-	0	0
Ш18	0.18	1	1	1	1	-	-	-	-	-	0	0.13
Ш19	0.12	0.9	0.67	0.67	-	-	-	-	-	-	0.13	0
Ш20	0.18	1	0.7	1	-	-	-	-	-	-	0.17	0.07
Ш21	0.22	1	1	1	1	-	-	-	-	-	0	0
Т22	0.16	1	0.33	1	-	-	-	-	-	-	0.39	0
Т23	0.18	0.73	1	1	1	1	-	-	-	-	0.12	0.29
Т24	0.16	0.8	1	1	-	-	-	-	-	-	0.12	0.13
Т25	0.22	0.33	1	-	-	-	-	-	-	-	0.47	0.27
Т26	0.1	1	0.5	1	1	-	-	-	-	-	0.25	0.13
Т27	0.04	0.5	1	0.33	0.5	0.5	1	1	-	-	0.3	0.04
Т28	0.08	0.6	1	1	1	-	-	-	-	-	0.2	0.06
Т29	0.03	1	1	1	0.5	0.5	1	-	-	-	0.55	0.02
Т30	0.15	0.7	1	0.67	1	1	1	-	-	-	0.16	0.09
Т31	0.1	0.33	0.5	0.5	-	-	-	-	-	-	0.19	0
В32	0.11	0.8	1	1	1	1	0.33	-	-	-	0.4	0
В33	0.13	0.5	1	0.67	1	-	-	-	-	-	0.25	0.21
В34	0.1	0.33	0.83	1	1	1	1	1	1	1	0.22	0.07
В35	0.09	0.67	1	1	1	-	-	-	-	-	0.16	0.07
В36	0.12	1	1	1	0.67	1	1	1	1	-	0.12	0.13
В37	0.12	0.83	0.7	0.83	1	-	-	-	-	-	0.12	0.04
В38	0.16	0.33	1	1	-	-	-	-	-	-	0.39	0.16
В39	0.14	0.83	1	0.67	1	1	-	-	-	-	0.16	0.07
В40	0.13	1	1	1	1	1	-	-	-	-	0	0
В41	0.13	0.53	1	0.93	1	-	-	-	-	-	0.23	0.14
В42	0.13	1	0.9	1	1	1	1	-	-	-	0.04	0.09
В43	0.12	0.7	1	1	1	1	-	-	-	-	0.13	0
В44	0.19	0.9	1	1	1	1	-	-	-	-	0.04	0.17
В45	0.15	1	0.7	1	0.63	-	-	-	-	-	0.2	0.07
В46	0.16	1	0.83	1	1	1	-	-	-	-	0.08	0.1
В47	0.11	1	1	0.67	1	1	-	-	-	-	0.15	0.04
В48	0.08	0.83	1	1	0.33	-	-	-	-	-	0.32	0.03
В49	0.07	0.6	1	1	1	1	1	-	-	-	0.16	0
В50	0.3	1	0.67	-	-	-	-	-	-	-	0.23	0.33
Ф51	0.21	0.5	0.67	-	-	-	-	-	-	-	0.12	0.17
Ф52	0.33	0.7	1	0.67	-	-	-	-	-	-	0.18	0
Ф53	0.23	1	1	1	1	-	-	-	-	-	0	0
А54	0.12	1	1	-	-	-	-	-	-	-	0	0.13
А55	0.13	1	1	0.67	-	-	-	-	-	-	0.19	0.11
А56	0.07	0.83	1	1	-	-	-	-	-	-	0.15	0.1
А57	0.23	0.7	1	1	-	-	-	-	-	-	0.17	0.2
А58	0.14	1	1	0.67	0.67	-	-	-	-	-	0.17	0.11
А59	0.11	1	1	0.83	1	1	-	-	-	-	0.08	0.11
А60	0.08	1	1	-	-	-	-	-	-	-	0	0.05
А61	0.07	1	1	1	1	1	-	-	-	-	0	0.04
А62	0.04	1	0.33	0.5	0.5	1	-	-	-	-	0.3	0.13
А63	0.14	1	0.33	-	-	-	-	-	-	-	0.47	0.02
А64	0.18	1	1	1	1	-	-	-	-	-	0	0

Таблица 2

Ценностно-ориентационное единство группы и ее структурных компонентов (данные по 1-му исследованию)

Тип и № группы	ЦОЕ групп-ы	Подгруппы и их ЦОЕ										«Самостоят.»
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	σ	
Ш1	0.4	0.34	0.93	0.55	0.67	0.74	-	-	-	-	0.22	0.35
Ш2	0.34	0.46	0.68	0.6	0.34	0.44	0.25	-	-	-	0.16	0.33
Ш3	0.29	0.67	0.52	0.91	0.56	0.36	1	-	-	-	0.24	0.3
Ш4	0.3	0.43	0.42	0.7	0.5	0.75	-	-	-	-	0.15	0.25
Ш5	0.34	0.47	0.32	0.5	0.46	0.4	0.7	0.22	-	-	0.15	0.42
Ш6	0.36	0.41	0.55	0.43	-	-	-	-	-	-	0.08	0.28
Ш7	0.35	0.38	0.48	0.41	-	-	-	-	-	-	0.05	0.37
Ш8	0.31	0.43	0.45	-	0.73	-	-	-	-	-	0.17	0.33
Ш9	0.33	0.58	0.31	0.4	0.41	0.58	0.24	-	-	-	0.14	0.36
Ш10	0.28	0.63	0.23	0.63	0.4	-	-	-	-	-	0.19	0.29
Ш11	0.36	0.57	0.52	0.44	-	-	-	-	-	-	0.07	0.39
Ш12	0.34	0.41	0.17	1	0.43	0.71	0.36	0.67	0.38	0.48	0.24	0.27
Ш13	0.34	0.29	1	0.73	0.61	0.78	0.28	0.4	-	-	0.27	0.28
Ш14	0.41	0.6	0.4	1	0.96	0.44	0.47	0.75	-	-	0.25	0.35
Ш15	0.38	0.63	0.39	0.35	-	-	-	-	-	-	0.15	0.29
Ш16	0.39	0.48	0.54	0.33	-	-	-	-	-	-	0.11	0.35
Ш17	0.33	0.56	0.44	-	-	-	-	-	-	-	0.08	0.22
Ш18	0.47	0.74	-	0.78	0.82	-	-	-	-	-	0.04	0.51
Ш19	0.35	0.44	0.49	0.37	-	-	-	-	-	-	0.06	0.3
Ш20	0.37	0.73	0.51	0.8	-	-	-	-	-	-	0.15	0.19
Ш21	0.44	0.61	0.59	0.64	0.33	-	-	-	-	-	0.14	0.5
Т22	0.53	0.57	0.48	0.62	-	-	-	-	-	-	0.07	0.55
Т23	0.46	0.55	0.38	0.7	0.4	0.27	-	-	-	-	0.17	0.4
Т24	0.56	0.55	0.93	0.65	-	-	-	-	-	-	0.2	0.59
Т25	0.51	0.57	0.73	-	-	-	-	-	-	-	0.11	0.46
Т26	0.55	0.59	0.61	0.65	0.63	-	-	-	-	-	0.03	0.47
Т27	0.38	0.28	0.57	0.29	0.57	0.6	0.27	0.7	-	-	0.18	0.37
Т28	0.33	0.43	0.4	0.5	0.48	-	-	-	-	-	0.05	0.31
Т29	0.3	-	0.2	0.33	0.67	0.2	0.63	-	-	-	0.27	0.31
Т30	0.26	0.35	0.85	0.2	0.33	0.67	0.2	-	-	-	0.28	0.22
Т31	0.33	0.28	0.88	0.32	-	-	-	-	-	-	0.34	0.37
В32	0.34	0.47	0.4	0.29	0.52	0.8	0.67	-	-	-	0.18	0.27
В33	0.37	0.29	0.89	0.35	0.75	-	-	-	-	-	0.3	0.29
В34	0.25	0.21	0.28	0.83	0.6	0.1	-	0.61	0.56	0.57	0.21	0.1
В35	0.31	-	0.4	0.67	1	-	-	-	-	-	0.36	0.33
В36	0.37	0.74	-	0.65	0.27	0.17	0.33	0.62	0.48	-	0.23	0.44
В37	0.37	0.51	0.4	0.53	0.27	-	-	-	-	-	0.12	0.35
В38	0.37	0.43	0.46	0.71	-	-	-	-	-	-	0.15	0.36
В39	0.4	0.52	1	0.48	0.29	0.67	-	-	-	-	0.27	0.33
В40	0.34	0.71	0.38	0.57	0.4	0.59	-	-	-	-	0.14	0.26
В41	0.36	0.36	0.6	0.28	0.89	-	-	-	-	-	0.27	0.32
В42	0.33	0.5	0.38	0.43	0.37	0.38	0.22	-	-	-	0.09	0.32
В43	0.36	0.39	0.25	0.63	0.47	0.38	-	-	-	-	0.14	0.26
В44	0.47	0.59	0.37	0.89	0.35	0.25	-	-	-	-	0.26	0.44
В45	0.46	0.72	0.53	0.67	0.67	-	-	-	-	-	0.08	0.43
В46	0.38	0.55	0.62	0.46	0.67	0.29	-	-	-	-	0.15	0.28
В47	0.38	0.32	0.73	0.46	-	0.71	-	-	-	-	0.3	0.35
В48	0.43	0.36	0.45	0.53	0.57	-	-	-	-	-	0.09	0.37
В49	0.45	0.71	0.5	0.8	1	0.5	0.5	0.71	1	-	0.21	0.4
В50	0.54	0.56	0.54	0.8	-	-	-	-	-	-	0.14	0.52
Ф51	0.48	0.45	0.59	-	-	-	-	-	-	-	0.1	0.42
Ф52	0.47	0.52	0.49	0.39	-	-	-	-	-	-	0.07	0.5
Ф53	0.35	0.73	0.41	0.22	0.63	-	-	-	-	-	0.23	0.22

ПРИЛОЖЕНИЕ №6

Таблица 1

Идентификация и социально-психологическая структура группы по 1-му исследованию (% выбора членов группы)

Тип и № групп	**Члены подгрупп**			**«Самостоятельные» члены группы**	
	с представителями своей подгруппы	с представителями других подгрупп	с «самостоятельными» членами группы	с представителями подгрупп	с «самостоятельными» членами
Ш1	48	41.3	10.7	60	40
Ш2	60.1	32.1	7.8	25	75
Ш3	51.7	20	28.3	50	50
Ш4	47.3	5.5	47.2	47	53
Ш5	69.4	16.2	14.4	64.3	35.7
Ш6	61.7	26.7	11.6	100	0
Ш7	70.3	0	29.7	68.7	31.3
Ш8	75	16.7	8.3	66.7	33.3
Ш9	41.7	25	33.3	50	50
Ш10	81.2	0	18.7	65.2	34.8
Ш11	67	22.2	10.8	44.4	55.6
Ш12	55.6	39	5.4	100	0
Ш13	72	9.5	18.5	73.3	26.7
Ш14	73.6	3.3	23.1	50	50
Ш15	56.7	0	43.3	75	25
Ш16	77.1	0	22.9	88.9	11.1
Ш17	66.7	0	33.3	63.6	36.4
Ш18	22.9	12.5	64.6	37.5	62.5
Ш19	78.5	6.2	15.3	100	0
Ш20	76.2	16.7	7.1	100	0
Ш21	41.7	25	33.3	100	0
Т22	73.8	21.4	4.8	50	50
Т23	31.2	65	3.8	40	60
Т24	100	0	0	61.5	38.5
Т25	50	0	50	100	0
Т26	94.5	0	5.5	60	40
В32	68.4	23.3	8.3	100	0
В33	65.7	20	14.3	33.3	66.7
В34	82	2.8	15.2	83.3	16.7
В35	72.5	0	27.5	27.3	72.7
В36	33.3	16.7	50	40	60
В37	62.5	28.6	8.9	75	25
В38	16.7	66.7	16.6	10	90
В39	80	13.3	6.7	66.7	33.3
В40	54.2	37.5	8.3	100	0
В41	84.5	6.3	9.2	71.4	28.6
В42	64.2	10	25.8	60	40
В43	52.7	34.5	12.8	100	0
В44	46.3	42.6	11.1	100	0
В45	77	0	23	75	25
В46	76.8	13.4	9.8	40	60
В47	70.8	12.5	16.7	0	100
В48	78.6	7.1	14.3	77.8	22.2
В49	90	0	10	0	0
В50	100	0	0	100	0
Ф51	75	8.3	16.7	50	50
Ф52	66.1	33.9	0	100	0
Ф53	66.7	16.7	16.6	100	0

Таблица 2

Идентификация и социально-психологическая структура группы по 2-му исследованию (% выбора членов группы)

Тип и № групп-пы	**Члены подгрупп**			**«Самостоятельные» члены группы**	
	с представителями своей подгруппы	с представителями других подгрупп	с «самостоятельными» членами группы	с представителями подгрупп	с «самостоятельными» членами
Ш2	62.5	27.1	10.4	63.6	36.4
Ш3	82.2	12.2	5.6	55	45
Ш6	55.1	20.5	24.4	85.7	14.3
Ш7	91.7	0	8.3	71.4	28.6
Ш8	90.7	1.8	7.5	90	10
Ш13	57.5	19.4	23.1	50	50
Ш15	53.3	6.7	40	57.1	42.9
Ш16	87.5	12.5	0	75	25
Ш17	58.3	12.5	29.2	100	0
Т22	16.7	16.7	66.6	57.1	42.9
В37	100	0	0	57.1	42.9
В38	50	33.3	16.7	25	75
В39	87.5	4.2	8.3	0	100
В40	30	55	15	60	40
В41	27.3	46	26.7	65.4	34.6
В43	63.3	31.1	5.6	66.7	33.3
В44	83.3	0	16.7	71.4	28.6
В45	34.8	3.7	61.5	80	20
В46	45	10	45	75	25
В47	75	0	25	22.2	77.8
В48	60	5	35	53.8	46.2
В49	97.1	0	2.9	77.8	22.2
В50	100	0	0	100	0

ПРИЛОЖЕНИЕ №7

Таблица 1

Согласованность и социально-психологическая структура группы по 1-му исследованию (% выбора членов группы)

Тип и № группы	**Члены подгрупп**			**«Самостоятельные» члены группы**	
	с представителями своей подгруппы	с представителями других подгрупп	с «самостоятельными» членами группы	с представителями подгрупп	с «самостоятельными» Членами
Ш1	37.8	40.6	21.6	41.7	58.3
Ш2	41.4	37.5	21.1	66.7	33.3
Ш3	40	39.5	20.5	81.2	18.8
Ш4	76	0	24	66.7	33.3
Ш5	60.2	20.8	19	70.8	29.2
Ш6	67.1	19.5	13.4	100	0
Ш7	51.4	0	48.6	73.3	26.7
Ш8	87.5	0	12.5	75	25
Ш9	44.6	17.7	37.7	52.6	47.4
Ш10	58.6	0	41.4	52	48
Ш11	69	5.6	25.4	58.8	41.2
Ш12	56.5	34.7	8.8	83.3	16.7
Ш13	70.3	11.1	18.6	94.7	5.3
Ш14	79.4	4.8	15.8	86.7	13.3
Ш15	64.5	0	35.5	90	10
Ш16	68.4	19	12.6	75	25
Ш17	79.8	0	20.2	76.9	23.1
Ш18	41.7	16.7	41.6	36.8	63.2
Ш19	57.5	12.5	30	100	0
Ш20	74.4	13.1	12.5	100	0
Ш21	70.4	18.5	11.1	0	0
Т22	49.1	37	13.9	66.7	33.3
Т23	32.1	54.9	13	53.8	46.2
Т24	76.2	4.8	19	37.5	62.5
Т25	100	0	0	71.4	28.6
Т26	91.7	0	8.3	50	50
В32	72.7	20.7	6.6	100	0
В33	25	37.5	37.5	62.5	37.5
В34	65.5	12	22.5	85.7	14.3
В35	58.3	0	41.7	53.8	46.2
В36	52.7	7.9	39.4	60.9	39.1
В37	51	19	30	73.7	26.3
В38	58.3	29.2	12.5	18.7	81.3
В39	77.8	5.6	16.6	50	50
В40	75.6	8.3	16.1	66.7	33.3
В41	85.4	2	12.6	80	20
В42	77.7	5.4	16.9	46.7	53.3
В43	48	34.3	17.7	100	0
В44	52	34.6	13.4	100	0
В45	81.4	0	16.6	90.9	9.1
В46	72.5	12.5	15	58.3	41.7
В47	53.8	32.6	13.6	42.8	57.2
В48	81.3	0	18.7	64.3	35.7
В49	86.1	5.6	8.3	100	0
В50	77.5	0	22.5	50	50
Ф51	81.2	0	18.8	62.5	37.5
Ф52	83.7	16.3	0	100	0
Ф53	75	16.7	8.3	100	0

Таблица 2

Совместимость и социально-психологическая структура группы по 2-му исследованию (% выбора членов группы)

Тип и № группы	**Члены подгрупп**			**«Самостоятельные» члены группы**	
	с представителями своей подгруппы	с представителями других подгрупп	с «самостоятельными» членами группы	с представителями подгрупп	с «самостоятельными» членами
Ш2	43.9	45.7	10.4	75	25
Ш3	69.5	14.7	15.8	67.9	32.1
Ш6	52.8	38.9	8.3	77.8	22.2
Ш7	85.8	3	11.2	76.9	23.1
Ш8	55	37.2	7.8	90.9	9.1
Ш13	45.1	9.1	45.8	66.7	33.3
Ш15	68.3	6.7	25	62.5	37.5
Ш16	87.5	12.5	0	100	0
Ш17	52.5	17.5	30	66.7	33.3
Т22	50	8.3	41.7	55.5	44.5
В37	75.8	9.2	15	50	50
В38	80	0	20	76.9	23.1
В39	88.8	0	11.2	20	80
В40	62.4	23.3	14.3	100	0
В41	60	21.9	18.1	69.6	30.4
В43	65.3	34.7	0	85.7	14.3
В44	75	0	25	58.3	41.7
В45	36.1	0	63.9	50	50
В46	46.2	12.5	41.2	66.7	33.3
В47	83.3	0	16.7	26.7	73.3
В48	81.3	3.1	15.6	37.5	62.5
В49	95	0	5	87.5	12.5
В50	75	0	25	100	0

ПРИЛОЖЕНИЕ №8

Таблица 1

Референтность и социально-психологическая структура группы по 1-му исследованию (% выбора членов группы)

Тип и № группы	**Члены подгрупп**			**«Самостоятельные» члены группы**	
	с представителями своей подгруппы	с представителями других подгрупп	с «самостоятельными» членами группы	с представителями подгрупп	с «самостоятельными» членами
Ш1	36	47.7	16.3	70.6	29.4
Ш2	42	40.2	25.8	80	20
Ш3	31.8	26.4	41.72	78.6	21.4
Ш4	56.6	3.4	40	70.6	29.4
Ш5	31.6	37.2	31.2	75	25
Ш6	62.8	24.6	12.6	100	0
Ш7	56.2	6.2	39.6	55	45
Ш8	42.2	46.7	11.1	100	0
Ш9	41	27.3	31.7	62.5	37.5
Ш10	63.9	0	36.1	63.1	36.9
Ш11	64	11.2	24.8	57.9	42.1
Ш12	38.8	46.4	14.8	100	0
Ш13	44.2	37.6	18.1	89	11
Ш14	40.8	27.5	31.7	68.6	31.4
Ш15	57.4	18.5	24.1	69.5	30.5
Ш16	46.5	24.6	28.9	61.1	38.9
Ш17	69.2	4.3	26.5	30.8	69.2
Ш18	23.8	9.4	66.8	100	0
Ш19	65.6	14.6	19.8	100	0
Ш20	78.2	15.6	6.2	100	0
Ш21	53.3	40.6	6.1	0	0
Т22	45	44.2	10.8	66.7	33.3
Т23	26.7	55.5	16.8	33.3	66.7
Т24	42.9	14.3	42.8	50	50
Т25	66.7	0	33.3	83.3	16.7
Т26	43.3	43.3	13.4	66.7	33.3
В32	53.7	39.6	6.7	100	0
В33	27.4	52.1	20.5	75	25
В34	24.4	25.6	50	54.5	45.5
В35	40.8	0	59.2	30.6	69.4
В36	19	33	48	58.3	41.7
В37	42.9	25.4	31.7	78.2	21.8
В38	29.2	48.6	22.2	36.4	63.6
В39	42	42	16	90.9	9.1
В40	45.6	33	21.4	53.3	46.7
В41	81.4	7.1	11.5	66.7	33.3
В42	62.1	4	33.9	65	35
В43	31.9	55.7	12.4	95.2	4.8
В44	47.8	45.5	6.7	90.9	9.1
В45	74.2	0	25.8	75	25
В46	62	13.6	24.4	75.8	24.2
В47	39.2	17.9	42.9	41.7	58.3
В48	43.2	28.6	28.2	77.8	22.2
В49	72	20	8	100	0
В50	74.3	7.7	22	80	20
Ф51	63.3	23.3	13.4	70	30
Ф52	52.5	38.3	9.2	100	0
Ф53	60	17.6	22.4	85.7	14.3

Таблица 2

Референтность и социально-психологическая структура группы по 2-му исследованию (% выбора членов группы)

Тип и № группы	**Члены подгрупп**			**«Самостоятельные» члены группы**	
	с представителями своей подгруппы	с представителями других подгрупп	с «самостоятельными» членами группы	с представителями подгрупп	с «самостоятельными» членами
Ш2	30.3	61.3	8.4	88.2	11.8
Ш3	47	29.1	23.9	47.4	52.6
Ш6	37.4	28.8	33.8	66.7	33.3
Ш7	74.4	14.4	11.2	72.2	27.8
Ш8	44.4	48.9	6.7	66.7	33.3
Ш13	34.7	32.6	32.7	60	40
Ш15	44.4	27.6	28	76.9	23.1
Ш16	70.4	29.6	0	91.7	8.3
Ш17	53	33.3	13.7	100	0
Т22	41.7	13.9	44.4	63.6	36.4
В37	68.5	11.7	19.8	52.9	47.1
В38	62.5	12.5	25	70	30
В39	70.7	0	29.3	15	85
В40	59.4	25.6	15	50	50
В41	48.4	18.5	33.1	72.4	27.6
В43	35.4	46.5	18.1	91.7	8.3
В44	35.8	9.2	55	44.4	55.6
В45	54	2.2	43.8	56	44
В46	16.3	17.7	66	57.1	42.9
В47	5.5	0	94.5	4.5	95.5
В48	67.5	3.3	29.2	15.4	84.6
В49	59.3	29.5	11.2	100	0
В50	68.9	11.1	20	100	0

ПРИЛОЖЕНИЕ №9

Таблица 1

Межличностная конфликтность и социально-психологическая структура группы по 1-му исследованию (% выбора членов группы)

Тип и № группы	**Члены подгрупп**			**«Самостоятельные» члены группы**	
	с представителями своей подгруппы	с представителями других подгрупп	с «самостоятельными» членами группы	с представителями подгрупп	с «самостоятельными» членами
Ш1	0	62.8	37.2	50	50
Ш2	0	67.6	32.4	71.4	28.6
Ш3	0	30.5	69.5	35.3	64.7
Ш4	5.9	61	33.1	47.6	52.4
Ш5	1.8	64.5	33.7	76.5	23.5
Ш6	0	7.4	92.6	20	80
Ш7	0	57.5	42.5	57.1	42.9
Ш8	0	20.8	79.2	71.4	28.6
Ш9	0	16.7	83.3	62.5	37.5
Ш10	0	45.9	54.1	63.2	36.8
Ш11	0	5.6	94.4	14.3	85.7
Ш12	0	73	27	77.8	22.2
Ш13	5.5	83.4	11.1	80	20
Ш14	0	31	69	55.6	44.5
Ш15	0	0	100	50	50
Ш16	0	91.7	8.3	40	60
Ш17	50	7.1	42.9	11.1	88.9
Ш18	0	12.5	87.5	20	80
Ш19	0	50	50	66.7	33.3
Ш20	0	67.1	32.9	66.7	33.3
Ш21	0	95	5	50	50
Т22	0	50	50	100	0
Т23	0	44.4	55.6	100	0
Т24	0	38.9	61.1	0	100
Т25	0	0	100	14.3	85.7
Т26	0	27.5	72.5	20	80
В32	6.6	30	63.4	0	0
В33	0	100	0	0	100
В34	0	90	10	100	0
В35	0	0	100	0	100
В36	0	73.3	26.7	60	40
В37	0	0	0	0	0
В38	0	0	100	100	0
В39	0	50	50	0	100
В40	0	66.7	33.3	0	0
В41	0	33.3	66.7	0	0
В42	25	50	25	100	0
В43	0	33.3	66.7	66.7	33.3
В44	0	100	0	0	0
В45	22.2	33.3	44.5	50	50
В46	0	0	100	100	0
В47	0	7.7	92.3	100	0
В48	0	58.3	41.7	60	40
В49	0	0	100	0	100
В50	0	0	100	0	100
Ф51	0	33.3	66.7	75	25
Ф52	0	50	50	100	0
Ф53	0	82.5	17.5	100	0

Таблица 2

Межличностная конфликтность и социально-психологическая структура группы по 2-му исследованию (% выбора членов группы)

Тип и № группы	**Члены подгрупп**			**«Самостоятельные» члены группы**	
	с представителями своей подгруппы	с представителями других подгрупп	с «самостоятельными» членами группы	с представителями подгрупп	с «самостоятельными» членами
Ш2	20	25	55	58.8	41.2
Ш3	0	47.9	52.1	47.4	52.6
Ш6	0	3.3	96.7	66.7	33.3
Ш7	2.5	42.9	54.6	37.5	62.5
Ш8	3.7	28.9	67.4	60	40
Ш13	0	38.3	61.7	66.7	33.3
Ш15	0	85.7	14.3	83.3	16.7
Ш16	0	100	0	0	0
Ш17	0	50	50	85.7	14.3
Т22	0	0	100	22.2	77.8
В37	0	50	50	50	50
В38	11.1	61.1	27.8	0	100
В39	0	8.3	91.7	12.5	87.5
В40	0	25	75	60	40
В41	0	37.5	62.5	71.4	28.6
В43	0	66.7	33.3	100	0
В44	0	100	0	33.3	66.7
В45	0	0	100	10	90
В46	0	0	100	66.7	33.3
В47	0	11.1	88.9	52.6	47.4
В48	0	27.8	72.2	28.6	71.4
В49	0	0	0	0	0
В50	0	0	100	0	0

ПРИЛОЖЕНИЕ №10

Таблица 1

Открытость (K) группы и ее структурных компонентов (данные по 1-му исследованию)

Тип и № группы	**Откр ы-тость груп-пы**	**Подгруппы и их открытость**										**«Са мо-сто-ят.»**
		1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**	σ	
Ш1	16.2	23	5	16.7	0	30	-	-	-	-	12.4	15.8
Ш2	-12.5	-15	-66	-20	3.3	15	-6.7	-	-	-	28	5
Ш3	-13.1	13.3	-36.7	-55	25	25	-30	-	-	-	35	-11
Ш4	-32.8	-72	-3	-85	5	-30	-	-	-	-	40.3	-27.7
Ш5	26.4	28.3	20	25	3.7	17.5	65	20	-	-	19	32.5
Ш6	-5.9	-10	-22	10	-	-	-	-	-	-	16.2	6.7
Ш7	7.1	-5	-28.3	20	-	-	-	-	-	-	24.1	22.8
Ш8	-10	-58.3	-16.7	25	15	-	-	-	-	-	37.5	1.2
Ш9	26.5	56.2	15	12.5	6.2	53.3	30	-	-	-	21.5	22.3
Ш10	-39.1	-68	-35	-5	-42.5	-	-	-	-	-	25.9	-36.9
Ш11	9.7	10	22.5	-15	-	-	-	-	-	-	19.1	16.4
Ш12	11.2	23.7	25	5	-5	17.5	25	-25	30	41.7	19.2	-18
Ш13	18.6	20	40	5	-3.3	15	3.3	32.5	-	-	15.9	29.4
Ш14	22.3	39	-21.7	25	45	15	8.3	10	-	-	22.2	31.1
Ш15	20.4	18.6	35	18.3	-	-	-	-	-	-	9.5	17.8
Ш16	8.8	39.3	2	-6.7	-	-	-	-	-	-	24.4	-4.5
Ш17	-7.8	-18.7	-9.2	-	-	-	-	-	-	-	6.7	0.8
Ш18	-7	20	50	-67.5	10	-	-	-	-	-	49.8	-11.4
Ш19	5	-7	8.3	13.3	-	-	-	-	-	-	10.6	-1.7
Ш20	-1.9	39	11	-35	-	-	-	-	-	-	37.3	-35.8
Ш21	-25.8	-8	-33.7	-30	-43.3	-	-	-	-	-	14.9	-60
Т22	40.3	73.7	21.7	27.5	-	-	-	-	-	-	28.5	17.5
Т23	6.6	20	-42.5	7.5	-30	0	-	-	-	-	26.2	19.3
Т24	-42.9	-72	-75	40	-	-	-	-	-	-	65.5	-38.5
Т25	-24.1	-55	5	-	-	-	-	-	-	-	42.4	-18.3
Т26	-1.4	51.2	-1.25	12.5	-10	-	-	-	-	-	27	-38.3
Т27	15.4	-13.3	52.5	31.7	0	20	25	-47.5	-	-	33	24.5
Т28	6.8	-9	-15	-10	2.5	-	-	-	-	-	7.4	16.5
Т29	0.4	-7.5	0	35	10	20	5	-	-	-	15.2	-5.5
Т30	2.4	-4	22.5	8.3	15	10	20	-	-	-	9.5	-9
Т31	13.5	23.3	35	15	-	-	-	-	-	-	10	-3.3
В32	2.4	51	-2.5	0	8.3	-25	-70	-	-	-	39.9	-13.3
В33	18.5	15	-100	40	50	-	-	-	-	-	69.1	30
В34	-2.7	-10	-11.2	23.3	0	10	22.5	-36.7	-70	-12.5	29.5	20.8
В35	25.8	0	48.3	-20	32.5	-	-	-	-	-	30.9	32.2
В36	-4	18.3	-2.5	-21.7	-30	-10	7.5	12.5	-15	-	54.6	-6
В37	19.6	-12.5	34	43.7	32.5	-	-	-	-	-	25.1	13
В38	22.2	53.3	45	62.5	-	-	-	-	-	-	8.7	2.3
В39	10.4	43.7	-15	15	15	10	-	-	-	-	20.8	-2
В40	8.1	-5	-12.5	5	45	11.7	-	-	-	-	22.2	8.6
В41	5.5	5.5	-38	-0.8	55	-	-	-	-	-	38.2	27.1
В42	6.4	10.8	-21	10	-8.3	1.7	-15	-	-	-	13.2	24.5
В43	31.9	39	60	60	16.7	27.5	-	-	-	-	19.3	15.8
В44	27.2	24	38.3	67.5	2.5	-2.5	-	-	-	-	28.5	36.2
В45	39	55	44	7.5	20	-	-	-	-	-	21.7	36.5
В46	19.6	-32.5	27.5	-5	55	33.3	-	-	-	-	34.4	26.1
В47	-22.6	8.3	-61.2	-12.5	25	10	-	-	-	-	33.6	-40
В48	12.6	20	13.3	10	-45	-	-	-	-	-	30	26.7
В49	26.7	25	20	-10	62.5	2.5	47.5	-	-	-	27	47.5
В50	31.4	45	29.2	-	-	-	-	-	-	-	11.2	33.3
Ф51	2.9	28	-35	-	-	-	-	-	-	-	44.5	0
Ф52	34.6	38	38.3	30	-	-	-	-	-	-	4.7	20
Ф53	16.2	25	10	12.5	0	-	-	-	-	-	10.3	32.5

ПРИЛОЖЕНИЕ №11

Таблица 1

Позиции представителей структурных компонентов в малой группе (количество людей)

№ и тип групп	Члены микрогрупп			«Самостоят.» члены		
	З	Л	В	З	Л	В
А1	2	2	0	5	1	1
А2	1	1	0	5	1	2
А3	0	0	1	7	2	1
А4	3	3	2	1	1	1
А5	6	1	0	2	0	0
А6	2	0	0	4	0	0
А7	2	0	3	2	1	1
А8	4	2	4	0	1	0
А9	0	0	0	2	2	2
А10	1	2	1	4	1	0
А11	4	1	0	1	0	0
В12	6	3	3	1	0	0
В13	5	1	2	2	0	1
В14	0	0	2	3	1	1
Ш15	2	1	2	2	0	0

Примечание: З - социометрическая «звезда», Л – лидерство, В – высокий вклад в групповую деятельность.

Таблица 2

Позиция лидерства членов одних подгрупп для членов других подгрупп (количество выборов-оценок и % к теоретически возможному)

№ и тип групп	Количество подгрупп в группе	Восприятие члена другой подгруппы как лидера	
		лидер в своей подгр.	не лидер в своей подгр.
А1	3	0	0
А2	3	1 (2.7%)	0
А3	4	0	0
А4	2	0	0
А5	5	2 (3%)	3 (3.4%)
А6	5	0	2 (0.9%)
А7	2	0	0
А8	5	0	0
А9	4	0	0
А10	3	2 (8%)	1 (4%)
А11	2	0	0
В12	7	7 (2.3%)	5 (2%)
В13	7	2 (0.6%)	1 (0.3%)
В14	6	0	0
Ш15	6	0	1 (0.4%)

ПРИЛОЖЕНИЕ №12

Название группы_____дата_____

Ф.И.О._____

Опросник 1

1. Выберите из Вашей группы тех людей, с которыми Вы чаще всего общаетесь, поддерживаете наиболее тесные отношения и укажите их фамилии:

1._____6._____
2._____7._____
3._____8._____
4._____9._____
5._____10._____

2. Выберите из Вашей группы тех людей, с которыми у Вас сложились наиболее напряженные отношения и укажите их фамилии

1._____6._____
2._____7._____
3._____8._____
4._____9._____
5._____10._____

3. Выберите из Вашей группы тех людей, мнение которых по важным вопросам Вам было бы интересно знать и укажите их фамилии

1._____6._____
2._____7._____
3._____8._____
4._____9._____
5._____10._____

4. Выберите из Вашей группы тех людей, с которыми у Вас имеется наибольшее сходство по внешнему виду, интересам, характеру или поведению

1._____6._____
2._____7._____
3._____8._____
4._____9._____
5._____10._____

5. Выберите из Вашей группы тех людей, с которыми Вы стараетесь согласовывать свои действия

1._____6._____
2._____7._____
3._____8._____
4._____9._____
5._____10._____

Опросник 2

“Человеку, приходящему в новую для него группу (бригаду, команду) сначала трудно освоиться с незнакомой для него обстановкой и людьми.

Как отнесутся к новому человеку, пришедшему в группу, “старые” члены группы?

Прочитайте внимательно каждое из приведенных ниже утверждений. Если это утверждение верно, то зачеркните его номер.”

1. Относятся безразлично
2. Окажут ему дружескую помощь
3. Отнесутся к новичку настороженно, с недоверием
4. Требуют с новичка меньше, чем с остальных, пока он ни освоится
5. Заставляют выполнять свои обязанности
6. В личное время избегают новичка
7. Относятся к новичку так же, как друг к другу
8. Не отказались бы работать совместно с новичком
9. Подшучивают над новичком, даже если он обижается
10. Относятся с доверием и симпатией
11. Считают, что у новичка меньше прав, чем у остальных
12. Ощущают моральную ответственность за судьбу новичка
13. Считают, что лучше не подшучивать над новичком
14. Относятся с пренебрежением, высокомерно
15. Делают замечания только тогда, когда действительно есть повод
16. Заставляют выполнять свои прихоти
17. На работе ругают новичка по всякому пустяку
18. В свободное время расскажут новичку о порядках в группе
19. Не обращают внимания на работу новичка
20. К мнению новичка не прислушиваются, даже если он прав
21. Стараются быстрее обучить его работе
22. Перекладывают на новичка свою вину
23. Обеспечат новичку условия для нормальной работы
24. Избегают работать совместно с новичком

Опросник 3

“Причины, по которым люди поддерживают отношения друг с другом, могут быть самыми различными: общие интересы, виды деятельности, особенности проведения отдыха или другие.

Выберите причины, объединяющие Вас с теми людьми, с которыми Вы чаще всего общаетесь в группе, и зачеркните их номера.”

1. Спорт
2. Музыка
3. Учеба
4. Компьютеры
5. Книги
6. Знакомство родителей
7. Личные проблемы
8. Автомобили
9. Курение, спиртные напитки
10. Парапсихология, магия, оккультизм
11. Национальные традиции
12. Общие знакомые
13. Домашние животные
14. Давнее знакомство
15. Будущая учеба или профессия
16. Кино или видеофильмы
17. Отдых (вечеринка, дискотека, кафе и т.д.)
18. Соседство
19. Материальный достаток или положение родителей
20. Обсуждение знакомых и прошедших событий
21. Наркотики
22. Модные вещи и одежды
23. Выяснение отношений с “чужаками”
24. Поиск смысла жизни
25. Раскованный образ жизни
26. Шутки над другими
27. Коллекционирование
28. Зарабатывание денег, работа
29. Наука
30. Здоровье
31. Религия

32. Политика
33. Семейные проблемы

Опросная сетка

Фамилия И.О._____
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18
19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36

Фамилия И.О._____
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18
19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36
Фамилия И.О._____
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18
19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36
Фамилия И.О._____
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18
19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36
Фамилия И.О._____
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18
19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36
Фамилия И.О._____
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18
19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36
Фамилия И.О._____
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18
19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36
Фамилия И.О._____
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18
19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36
Фамилия И.О._____
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18
19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36
Фамилия И.О._____
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18
19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36

Опросник

1. Умеет настоять на своем
2. Любит давать советы
3. Обладает талантом руководителя
4. Откровенно говорит о недостатках людей

ПРИЛОЖЕНИЕ №13

5. Не любит, чтобы ему советовали
6. Может быть несдержанным, крутым в обхождении
7. Всесторонне оценивает ситуацию и состояние дел
8. Умеет быстро принимать правильные решения
9. К его мнению прислушиваются
10. Способен быть критичным к себе
11. Скромный, легко смущается
12. При решении различных вопросов часто прибегает к помощи других
13. Справедливо относится к людям
14. Вежлив в обхождении, уравновешен
15. Общительный, стремится ужиться с людьми
16. Может все хорошо сделать, но не может объяснить - как
17. Само собой получается, что он включен во многие конфликты
18. Ему можно кое-чему поучиться
19. Деловитый, инициативный, напористый
20. Независимый, самостоятельный в суждениях и поступках
21. Умеет распоряжаться, приказывать
22. Умеет сказать правду в глаза
23. Не любит, чтобы его контролировали
24. Открытый, прямолинейный, резковат в обхождении
25. Действительно много знает и умеет
26. Стремится предотвращать конфликты в группе
27. Способен коротко и убедительно излагать свои мысли
28. Способен признать свою неправоту
29. Охотно, точно и быстро исполняет поручения
30. Уступчивый, покладистый, охотно принимает советы
31. Культурный, тактичный, доброжелательный
32. Дает возможность людям высказать своё мнение
33. Уважительно, внимательно относится к людям
34. При обсуждении важных проблем любит пошутить

35. В сложной ситуации выжидает, не принимая решения
36. При оценке ситуации увлекается одной из сторон проблемы

Научное издание

Сидоренков Андрей Владимирович

Неформальные подгруппы в малой группе

Технический редактор Т.И. Кохановская

Тираж 500 экз.

Издательство Актуальные проблемы современной науки
Северо-Кавказский научный центр высшей школы
344006, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 140